

АНАТОЛИЙ Р У Д О Й

НЕБОЛЕНИЕ

УДК 159.923.31:613
ББК 88.3+51.204.0
Р 83

РУДОЙ А. И.

Р 83 НЕБОЛЕНИЕ. – А. И. Рудой. – К.: Освита України, 2011. – 328 с.
ISBN 978-966-188-251-4

Плоть людская непригодна для отображения среды в тех размерах, которые потребны умнеющему существу. Под напором новых требований она стала слабеть и разрушаться, погружая землю в муки боления. Наступило отрицание самих себя, т.к. средствами уничтожения владеют немощные особи, неспособные понимать свои поступки. Мировоззрение землян не соответствует новым познавательным задачам. Если взгляд на мир не изменить, то ... цивилизация станет бывшей, а планета потухшей.

Книга посвящена сознанию как причине сущего. Показано, что человек есть этапный вариант представления сознания на междумерном отрезке развития. Как и все другие особи, он состоит из нематериальной части, каковой является сознание, и вещественной, образующей тело. Между ними сложные и даже драматические отношения ввиду их противоречивости. Если конфликт тела и сознания примирить не удастся, люди не состоятся. Выход из тупика очевиден: следует изменить мировоззрение живущих.

В работе изложена суть выживательного подхода к бытию, показано значение тела как инструмента познания, его подчинённость сознанию, а также его роль как средства наказания за отклонение от начертанного пути развития, и как атрибута единения плотного и эфирного миров. Даны рекомендации по уклонению от болезней, указаны пути достижения неболения и рассмотрена цель: осознание себя! Это позволит человечеству с допустимыми муками одолеть рисковый участок роста в облике людском.

УДК 159.923.31:613
ББК 88.3+51.204.0

на русском языке

Любое, даже частичное использование материала, – только с письменного разрешения автора.
СВИДЕТЕЛЬСТВО № 37319 от 12.03.2011
СВИДЕТЕЛЬСТВО № 38251 от 04.05.2011

ISBN 978-966-188-251-4

© А. И. Рудой 2011

Р у д о й Анатолий Иванович

Родился 15 апреля 1939 г. Русский. Огонь. Овен. Кот. Клён. Рубин. Марс. Железо. Алая роза. Рост 175 см, вес 75 кг. Женат. С семилетним сельским образованием поступил в 1953 г. в Шосткинский химико-технологический техникум. Работал мастером цеха станочной и литейной обработки металлов. Четыре года служил на крейсере и эсминце. Правый загребной призовой и аварийной шлюпок. Чемпион Черноморского флота по шлюпочным гонкам и рукопашному бою 1960 г. Старшина первой статьи. Участник дальних морских походов. С корабля поступил в Киевский политехнический институт.

В 1967 г. окончил его с отличием по специальности информационно-измерительная техника. Работал на стройках Якутии, в Тюменских топях, на целине и в тундре. Занимался научными исследованиями в области создания технических и медицинских прецизионных диагностических и лечебных систем, а так же решением мировоззренческих задач. 81 печатная работа, пять монографий, 50 авторских свидетельств, 19 патентов Украины. Изобретатель СССР. Доктор технических наук. Капитан запаса.

К а р л а ш о в а Ирина Владимировна

Помощник и жена. Родилась в Москве 6 октября 1945 г. Русская. Воздух. Весы. Петух. Опол. Медь. Рябина. Голубой. Ирис. После средней школы и Астраханского музыкального училища (по классу фортепиано) окончила в 1971 г. историко-теоретический факультет Киевской консерватории. Музыковед Киевской филармонии. Энциклопедически образована. Имеет обострённое чувство русского языка. Прирождённый критик. Конструктивно разрешает конфликты. Аналитический склад ума. Разрабатывала тему НЕБОЛЕНИЕ.

ОКО ЗА ОКО, ЗУБ ЗА ЗУБ

Это основная нравственная категория людей. Зародившись в глубокой древности, она эпоха за эпохой, постепенно укрепляясь и расширяясь, полностью заполонила человека, сформировав его мировоззрение и культуру. К концу старой эры это положение уже не отображалось в сознании живущих, поскольку превратилось в фон бытия. Логически продлевая всечеловеческую устремлённость к убийству себе подобных на прошедшие две тысячи лет, приходим к выводу о невозможности достижения даже такого состояния землян, какое есть на сегодняшний день. Переломным моментом для людей стала новая фундаментальная установка Иисуса Христа

НЕ УБИЙ (ЕГО)

Этот призыв потряс современников невозможностью осуществления и неприемлемостью новых взаимоотношений. Оцепенение рассудка оказалось таким опасным, что люди в затемнении своём убили учившего не убивать. Однако концепция миролюбия оказалась настолько сильной, что она дополнительно к своей силе, будучи освящённой муками автора, стала спасительной и позволила продлить существование людей на очередные две тысячи лет. Но теперь им грозит беда от обвального саморазрушения. Их снова надо спасать, уже каждого от самого себя. Поэтому в третьем тысячелетии лозунгом бытия должна стать нерушимая заповедь

НЕ УБИЙ СЕБЯ

Безусловно, Иисус Христос знал о двух несчастьях, грозящих человечеству гибелью: от убийства другого и от убийства себя. Но одновременно устранить оба наваждения землянам не под силу. Потому Он избрал меру отношений, позволяющую людям выжить вообще. Лишь оставшись на планете как вид, можно уразуметь вторую линию угрозы – от деградации телесной, интеллектуальной и психической. Люди! Сердцем примите: *не убий себя!*

**Не всё таким является, каким кажется
Не всё увиденное становится осознанным
Многое со своею данностью кроется за обманчивой явностью**

СВОЁ ТЕЛО

Позвольте, уважаемый Читатель, попросить Вас выпрямиться во весь рост, оторвать одну ногу от пола и согнуть её в колене. Изменилось что-либо в Вашем мироощущении? Пожалуй, ничего. Вы по-прежнему владеете интеллектом, присущим Вам до рокового подъёма конечности, так же ориентируетесь в обстановке и считаете себя полностью живым. Но ... оставаясь в такой позе, попробуйте соответствовать самому себе. Почти сразу же выяснится, что без усилия или даже насилия отработанную ритмику бытия не восстановить. А ведь нарушена всего-то одна функция тела: способность одолевать расстояние привычным образом. И это при том, что остальные человеческие качества: отображение среды, психика, разумность – словом сознание, остались теми же.

Теперь давайте поднимем обе ноги. Чтобы это стало возможно, придётся сесть. Перемещаться в пространстве придётся уже с помощью вспомогательных средств, которые не принадлежат телу, но способны в чём-то его заменить. Значит, если убрать от тела всю нижнюю часть, то, пренебрегая пока травмирующими моментами, можно утверждать, что человек, как носитель индивидуального сознания, останется человеком³⁷.

Далее, свою систему питания заменим искусственной, точно так же поступим с органами дыхания, кровообращения, рецепторами и так до того состояния, когда останется только мозг. Конечно, сегодня проделать такие изменения возможно лишь частично, но в принципе они осуществимы. И если мозг в новом оформлении сможет получить потребные питающие вещества, то его сознание будет способно отображать внешний мир так же, как и раньше³⁶. Человек всё ещё является человеком несмотря на отсутствие тела. Но отличия всё-таки есть и они велики.

Самое важное из них состоит в невозможности воздействовать на среду обитания в той мере, в которой это необходимо по условиям существования сознания. Воздействовать просто нечем, ибо нет исполнительных органов. Тело в данном случае выступает инструментом, позволяющим нематериальному сознанию оказывать влияние на вещественное окружение. Если приложенные заменители тела окажутся способными выполнять преобразующие функции мозга, то возникнет новый тип разумного существа, освобождённого от тягот содержания биологического питателя и движителя. Такой разум характерен для пришельцев, обогнавших нас в освоении трёхмерного мира. Люди же смогут освободиться от биологического тела в лучшем случае через много тысяч лет.

При разрушении мозга теряется связь сознания с материальным миром. Оно покидает прежнее обиталище и уходит на бестелесный виток развития до следующего воплощения. Этим событием заканчивается существование такого объекта, как человек³².

В данной работе термином *человек* обозначено неделимое, самодостаточное существо, в котором *одновременно* содержатся сознание, мозг и тело. Сознание – это особо структурированная часть пространства, смыслом бытия которого является подготовка себя же для решения задач по обеспечению устойчивости мира семи координат под названием септон. Оно под воздействием независящих от него причин зарождается в области нулевой мерности, и сам факт зарождения налагает на него свойства неуничтожимости, невозможности его уменьшения путём попятного движения, недопустимости скачкообразного роста и необходимости последовательного прохождения различных вселенных, мерность которых меняется от нулевой до шестой включительно. На такое восхождение затрачиваются миллиарды земных лет, поэтому сознание с людской точки зрения является бессмертным.

За свою длинную историю роста оно сменит огромное число тел. Сначала эти тела мало отличались от нематериального пространства и функционально были весьма просты. Затем, по мере освоения очередных миров, тела усложнялись в таком направлении, чтобы они соответствовали познавательным потребностям сознания. Тело не имеет самостоятельного значения, оно порождается сознанием и применяется им как приспособление, как инструмент, как исполнительный орган для осуществления собственных замыслов. Человеческий вариант сознания – это всего лишь одна

из бесчисленных точек на линии развития разумной сущности. Пока же сам человек, в силу особенностей своего ума, такую закономерность не воспринимает и убеждён в обратном: сознание проистекает из мозга, оно там зарождается, формируется и в виде готового продукта поступает в пользование человеку. Если бы так было в действительности, то при разрушении мозга уничтожалось бы и сознание. Тогда каждый живой объект вынужден был бы начинаться с нуля. Но в таком случае теряется смысл воспроизводства живого от живого, без которого невозможно закрепление полезных навыков и, следовательно, развитие. Имеющиеся формы появлялись бы ниоткуда, представляли бы собой застывшие образцы и никуда бы не стремились. Жизнь остановилась бы, а это равноценно её отсутствию. Поскольку она всё-таки есть, приходится признать, что смерть мозга не есть потеря опыта. Это окончание одного этапа развития сознания и начало следующего. Человеку важно это не только знать, но и понимать, ибо однажды свершённое остаётся свершённым навсегда, навечно. Никакие поступки не подлежат прощению, отмене или амнистии. Они через тяготы, насилия и муки формируют характер и судьбу, а в итоге – сознательную сущность, т.е. объект, имеющий то сознание, которое сам для себя приобрёл в течение прошлых воплощений и которое наполнит его личностным содержанием на всём пути последующего роста.

Мозг! Поскольку сознание имеет невещественную природу, а его инструмент-тело состоит из материальных элементов, то между этими двумя различными субстанциями обязан быть посредник. Именно таковым и является мозг. Это материальный дублёр бестелесного сознания. Любые побудительные мотивы сознания сначала отображаются в мозгу и затем в виде материальных сигналов управления распространяются по организму.

Тело! Временный попутчик сознания. Оно имеется только у существ, мерность которых меньше трёх. К ним относятся живые объекты нулевого, линейного, плоскостного и кубического пространств. Среди людей есть представители каждого из них, но основная масса так называемого цивилизованного населения принадлежит к начальному трёхмерью. Это значит, что человеческое сословие по своему мировосприятию лишь чуть-чуть отошло от двухкоординатного мышления и по своей сути остаётся плоскостным. Но мышление характеризует сознание. Потому-то его земной уровень не трёхмерный, а лишь незначительно превышает

двумерный. Особенность данного этапа состоит в неспособности разума осознать самого себя, ибо малому уму не дано понять свою малость. Всё, к чему он прикоснётся, что вздумает создать и сотворить, будет исходить из источника, не познавшего себя, а потому созданное обязательно повернётся против создателя. Примером такой ситуации является быстрое разрушение человеческого тела. Планета наполняется больными людьми, неспособными отвечать за свои поступки. Несмотря на огромное количество рекомендаций по выходу из кризиса, обстановка только ухудшается: учителя из той же популяции. Настала пора посмотреть с других позиций бытия на сознание, мозг и тело.

Сложные отношения сознания и его тела изложены в работе *миры* ³², поэтому здесь отметим только основные положения.

Сознание является основной компонентой человека. Именно оно чувствует, радуется и страдает. Это оно изучает, стремится и создаёт. До тех пор, пока сознание считает некое материальное тело своим и пользуется им для воздействия на среду обитания, то это тело имеет статус человека и люди воспринимают его живым. Как только тело перестанет соответствовать познавательным задачам, сознание оставляет непотребный ему инструмент и переходит к бестелесному этапу развития. Люди в такой момент видят лишь покинутое тело, которое называют мёртвым. Сознание ещё долгое время находится в ранее обжитом пространстве, наблюдает и осознаёт процедуру прощания с ним и досадует, что почести воздаются телу, а не ему, присутствующему здесь же.

Сознание входит в наш мир в процедуре рождения. Оно само формирует для себя тело из эмбриона, зачатого родителями. И в дальнейшем тело всегда будет зеркалом сознания. Это принципиальное обстоятельство. Земная культура, игнорируя сознание, нацелена исключительно на тело. В религии вечные муки и вечное блаженство возможны лишь при сохранении тела, в фольклоре зло облачается в уродливые формы, в искусстве добряки и злодеи разнятся прежде всего внешне, а затем поступками, но особенно гротескно телесность проступает в лекарском деле. Бесчисленны воздействия на тело. Отчасти это оправдано: за инструментом нужен уход. Однако, если бы сознание способно было выполнять свои организующие функции, не было бы надобности устраивать чародейства над всё дряхлеющим телом. Даже естествознание и

то занято исключительно телом и выводит из него психические и вообще мотивационные действия живого объекта.

При росте эмбриона опережающее развитие получает мозг. Как только оплодотворённая клетка произведёт потребное количество биомассы, первым шагом в её структуризации является обособление инициативных клеток и превращение их в нейронное скопление, которое постепенно усложняясь, превращается в мозг. По мере образования в нём законченных структур, вслед за ними сразу же начинают формироваться соответствующие части тела. Это важная закономерность. Она показывает особую организующую роль мозга в построении плоти и его первичность по отношению к телу. Если в мозгу вдруг окажется отсутствующая структура, ответственная, например, за рост конечностей или какого-то из внутренних органов, то у рождённого не будет доставать именно этих частей. Если же произойдёт удвоение мозговых участков, появятся парные органы: две головы, лишние ноги и т.п. При недоразвитии мозга оказывается ущербным и тело.

Получается, что у живого существа не может быть недостающего или избыточного мозга. Его должно быть ровно столько, сколько требуется для управления подведомственным телом. Каждый элемент мозга посредством канала связи соотносится со своим органом. Точно так же орган через тот же канал содиняется с управляющим мозгом. Образуется двусторонняя связь мозга и тела. Этой зависимости подчиняется любая клетка или орган, или система. И пока связи не нарушены, организм здоров. Стоит только какой-то из них, пусть даже самой малой, распасться, начинается дисбаланс, приводящий к отмиранию покинутых структур. Участок тела гибнет потому, что без управления не может функционировать, канал связи отмирает при ослаблении обменных процессов, а мозг сникает от невостребованности. Если одна ветвь организма не работает, то снижается его жизнестойкость. Но ещё бóльший вред приносит некротическое разложение, отравляя уже ослабленное тело. А если таких ветвей много? Тогда человек погружается в непрерывную болезнь.

И в этот момент в обиход врывается удивительное понятие: *лечение*. Врачебное толкование данного термина сводится к фразе: восстановление здоровья²³. Далее поясняется, что здоровье — это состояние, противоположное болезни. Всё! Люди до сих пор не могут подняться до уровня осознания фундаментальнейших

категорий своего бытия. Вместо знаний человеческая культура предлагает словесные танцы. Ведь давно нужно было заметить, что как только возникает потребность лечиться, вылечиться уже невозможно никогда. И если по отношению к кому-то было применено такое оскорбительное слово *лечение*, то ему уже до конца жизни не быть здоровым, ибо на планете пока отсутствует даже приблизительное понимание значимости здоровья, его антипода — болезни и связующего их лечения. Тысячелетиями всё сложнее, таинственнее и хитрее становятся воздействия на больного человека. В наше время стороннее вмешательство превратилось в прибыльный ритуал и доведено до абсурда. Каким же должен быть ступор в общественной психике, чтобы при отсутствии надёжного диагностирования свести в канонические таблицы лекарские приёмы, лихо названные методиками. Стремление одной пилюлей одолеть тысячи разновидностей насморка уничтожает саму идею помощи, а помощника превращает в зомбированную куклу.

Какая трогательная картина: на кровати распластался беспомощный, недееспособный больной, самонадеянно назвавший себя человеком да ещё разумным, а возле него разыгрывает жалостливую сцену визита белохалатное существо, изогнувшееся в участливой позе. А что ему остаётся? Ведь у него нет ничего, чтобы фактически соответствовать лекарскому назначению. И не только у него — всё земное сообщество не имело, не имеет и не стремится иметь понимание того, что же всё-таки происходит с распластанным сапиенсом? А то, что людское племя считает достижением, является, в основном, словесной эквилибристикой, ибо как иначе объяснить ситуацию, когда из ста рождённых, только двоих можно отнести к *условно здоровым*.

Если чуть усердизнить критерии здоровья, то здоровых не окажется вообще. Чего же стоит культура этой цивилизации, если организованный ею рожательный поток поставляет популяции ущербных особей? Именно такие особи уничтожили леса, загрязнили землю, воздух и моря. Это они стреляют, убивают, воюют, строят Чернобыли и меняют климат ... Это они наставили ложную культуру на путь самоотрицания.

Справедливо поступает общество, снимая ответственность за лечебные действия с беспомощного врача. И действительно, что можно потребовать от постороннего свидетеля, если сам заболевший ничего не предпринимает для собственного укрепления.

Более того, повсюду признано, что больной *не виноват* в своей болезни. Придуманы оправдательные мотивы, извиняющие любую немощь и придающие ей статус нечаянного эпизода или рокового невезения. Всё, что угодно, только бы представить хворь как нечто плохое, приставшее к хорошему человеку. Больной и болезнь оказываются разными объектами. А раз так, то каждому своё: невиноватая жертва исключается из процедуры лечения, а наглая болезнь передаётся в ведение постороннего лица. Чтобы узаконить такую нелепость, в обиход запущены острастки: самолечение, отсебятина, нарушение режима, слушание ... На все лады авторитеты разного калибра вызывают, грозят, предупреждают: ни в коем случае, боже упаси, остерегайтесь, не вздумайте сами, не рискуйте, посоветуйтесь, спросите, соблюдайте назначение, не меняйте рецептуру, опасно ... Этим жертва полностью оглушается и окончательно обездвиживается. Её судьба целиком переходит в равнодушные руки. Можно ли придумать бóльшую карикатуру на спасение: кто жизненно заинтересован, тот отстранён, а кто приближен – не заинтересован.

Итог такой несуразности виден повсюду. Вся планета лечится. На персонал, материалы, лекарства, инструменты, аппаратуру, принадлежности, оборудование ... уходит около трети мировых ресурсов. И не о бюджетах речь: беднеет Земля. А что взамен? Человек, лечась и разрушаясь, уже прошёл черту обратимости.

Что же делать? Прежде всего с больных следует снять ореол невиновности и внедрить в сознание людей фактический статус больного: *виновен*. Он действительно виновен, ибо не дал себе труда разобраться в своей анатомии и физиологии, не узнал состав, принцип действия и особенности плоти, не определил полезное и вредное, не научился слушать своё тело, видеть своё тело, нюхать своё тело, не научил его работать и отдыхать, и не сделал ещё многое другое, что определяет истинную культуру человека.

Если бы больной овладел самой важной профессией, которую можно вообразить: научиться бесконфликтно пребывать в теле и умело пользоваться личным телом, *он не был бы больным*. Болезнь свидетельствует о *низкой образованности заболевшего* и неспособности ладить с собой, и что, по сути, он сам себе враг.

Тогда нелепым выглядит его упование на помощь кого бы то ни было. С какой стати кто-то для него сделает то, что он не захотел для себя? Даже большая награда третьим лицам не повысит

их заинтересованность в излечении кормильца. Далее. Важно понять: человек не является целостным существом. Он состоит из трёх частей: сознания, мозга и тела. Эти части неравнозначны, но обязательно должны быть объединены между собой, и только тогда образуют собой объект под названием человек. Исключение любой из них связано с окончанием земного пути, что люди воспринимают, как смерть конкретной личности, хотя это всего лишь изменение формы бытия умершего существа. Ушедшее с Земли сознание в процессе становления уже прошло пространство нулевой мерности, затем линейный и плоскостной миры и какую-то часть трёхмерья. За длинную историю роста оно побывало в бесчисленных телах и, как только тело переставало соответствовать возросшим запросам сознания, оно покидалось сознанием, обрекая тем самым оставленную плоть на распыление в той среде, из которой она возникла. Так, шагая по мирам, сознание поднялось в своём развитии до сообразительности, характерной для человека. И поскольку оно входило в материальный мир на Земле, очередным телом для него стало человеческое тело. На другой планете то же сознание облачилось бы в иную форму, т. к. в той среде понадобился бы более практичный местный инструмент.

Следующее воплощение возможно и на Земле, однако, новое тело, ввиду существования запрета на скачкообразное изменение сознания³², обязательно будет не похожим на прежнее и подбирается согласно условию соответствия: какое сознание – такое тело.

Если сознание имеет изъяны, они полностью отобразятся в теле, и тогда лечение тела не приведёт к успеху. Воздействовать надо на сознание: напрямую или окольно через тело, но на сознание. Это и будет овладением самой важной профессией: научиться пребывать в теле и умело пользоваться личным телом.

Тогда врач и прочие стражи болезни превратятся из непрекаемых диктаторов в достойных собеседников с правом совещательного голоса. И уж если конфликт со средой решается только через болезнь, пострадавший обязан приобрести знания, которые дадут возможность обоснованно определить пригодность для своего восстановления того или иного средства, в том числе и врача. Иначе при отсутствии единства в понимании сути триумvirата: мозг, сознание, тело, доверившийся человек окажется заложником лихих экспериментаторов. Они испробуют одно, второе ... Не поможет – применят ещё что-либо, и так, пока жив пациент.

И поделом ему: он беспечно сам себя покинул прежде. Триединство человека предопределяет невозможность выделения какой-то части его как предпочтительной. Что бы с ним ни произошло, происшедшее является следствием изменения всей троицы. Отсюда вытекает и требование восстановления потерянного качества: восстанавливать необходимо и части, и единство.

Такой подход известен, как системный. Однако общеупотребительный термин *системный* относится к взаимной обусловленности материальных структур⁸. Если же охватываются явления нематериальные, например, мышление, эмоции, предчувствия и др., то они считаются порождёнными всё теми же вещественными органами. Человек в его классическом системном представлении считается цельным, т.е. состоящим исключительно из вещества. Его психическая компонента проистекает также из вещества, она живёт и умирает вместе с ним. Получается, что человек – это разовый атрибут Природы, создаваемый ею для кратковременного применения. Но очевидные изменчивость, рост и оразумление противоречат казалось бы естественному выводу. Приходится признать, что определение системности относится к телу. Тогда системность – это одна из подчинённых составляющих единства.

Принятие *виновности* больного в своей хвори соотносится с тем, что сама хворь является преступлением. И совершает его заблуждающийся. Но только ли он? Его ведь окружил и повязал социум. Может ли в здравии пребывать общество, если не один, не несколько, а все его члены больны? Ситуация, когда слепые поводыри ведут слепое стадо⁵, в истории неизменно повторяется. Путь такого шествия короток. Земляне свыклись со своим преступным статусом и образовали социум самопоедающей биомассы. Образумить её? Вряд ли. Но пытаться надо!

Если каждый человек примет на себя вину за свою немощь, осознает первичность собственного сознания в той телесной форме, в которую он облёкся в данном воплощении, и подчинит себе мозг и тело, приводя тем самым в единство свои части, он станет на границу раздела здорового и больного состояния. Это уже весьма сильное достижение. Однако оно неустойчиво и может накрениться в сторону недуга. Конечно, человек обвинит себя в недомогании, своим сознанием просмотрит события и примет меры к установлению равновесия. Но какими будут эти меры? Всё накопленное нашей цивилизацией не годится, поскольку оно

уже привело людей к деградации. А где взять другое? Именно этому другому и посвящено настоящее изложение. В коротком названии оно звучит так: *принцип неболения*. Он предопределяет настолько далёкий отход от границы между болезнью и здоровьем, чтобы о болении не могло быть и речи. Состояние триумвирата всегда должно находиться в области здоровья. Для уяснения принципа и тем более для его применения необходимо сбросить с себя упрощенческие постулаты современной лжекультуры. Кому это не удастся, тот пойдёт со всеми.

Даже при том, что человек нарёк себя разумным, понадобились тысячелетия для приблизительного освоения собственной плоти. Попытки проникнуть глубже, успеха не принесли. И даже наоборот: лавина пугающих хворей будто нарочно давит землян, чтобы подсказать меры и предупредить о тупиковости выбранного пути познания. Люди вдоволь наигрались материей. Получили примитивизм, повсеместную злобность и разрушение планеты. Возможно, пусть не у всех, но хотя бы у кого-то, достанет силы усомниться в догматическом окружении и попробовать взглянуть на нас, на жизнь, на наши мысли *вольными глазами*.

ОСОЗНАНИЕ СЕБЯ

Предположим, что возникла необходимость изваять тело. Работу начнём с определения оболочки, которая выделит из окружающего пространства какую-то его часть для размещения в ней будущего тела. Какой же должна быть такая оболочка?

На рис.1 указаны возможные профили. Все они разные, хотя чувствуется, что относятся к человеческому типу. Если бы эти контуры удалось заполнить совершенно одинаковыми внутренностями, получившиеся люди были бы одинаковыми? Нет! Ибо изначально равные содержания, оказавшись в отличающихся формах, изменят своё качество так, чтобы соответствовать новому месту. Значит, по внешнему виду не только можно, но и

нужно судить о сути объекта. Кто задаёт эту суть? Обратим внимание на первую фразу раздела: возникла необходимость ... Может ли у неодушевлённого предмета возникнуть что-либо, в том числе и необходимость? Нет.

А вдруг эта необходимость приходит из-за пределов тела? Тоже нет, поскольку внешняя среда отношения к ваятелю пока не имеет. Тогда, возможно, необходимость истекает из того материала, который сокрыт внутри оболочки? Опять нет. Там, кроме равнодушных молекул, растворов, твёрдого, жидкого и другого вещества, ничего более не содержится. Оно тленно и распыляется, не оставив следа. Если там что-то умело хотеть и могло настаивать, то куда оно делось? Это не важно. Важно, что оно было, ибо ставило задачу о необходимости, и коль затем среди плоти его не оказалось, значит, оно ей не принадлежало. Это есть самостоятельная величина, называемая *сознанием*. Всё написанное здесь исходит из сознания автора, который посредством своего инструмента-тела переводит возникшую в нём необходимость изложения гипотезы в виде набора букв русского алфавита. Так же у читателя возникла необходимость ознакомиться с текстом, и его сознание преобразует печатные символы с помощью своих материальных глаз и других частей тела в понятные образы.

И вообще, любые мотивы, приписываемые составному объекту под названием человек, исходят из одной его конкретной части – сознания. Другие компоненты человека – мозг и тело – призваны проявлять эти мотивы в материальной среде. Поскольку глубинный смысл сознания состоит в безостановочном развитии, инициативе и движении³², т.е. в непрерывном изменении, то вслед за этим изменением обязана принимать разный вид и его форма. В бесконечном ряду уже освоенных и отброшенных форм настал, наконец, черёд пребывания в человеческом теле. Это значит, что сознание достигло такого уровня, или имеет такую размерность, или особенность, что обязано для своего дальнейшего совершенствования использовать не какой угодно инструмент, а именно тело с определёнными пропорциями, рис. 2.

Каждое сознание имеет тело, которому соответствует. Такое условие следует из того, что сознание строит тело само для себя на протяжении всего времени, пока пребывает в статусе человека: от момента оплодотворения и до смерти. Если оно станет ниже или выше запросов сознания, то ввиду запрета на скачкообразный

прирост³², конфликт завершается заменой тела на потребное. Получается, что тело обязано подстраиваться под растущее сознание непрерывно. Однако это не всегда возможно. В силу своей материальности оно склонно к усталости, загрязнению, поломкам, износу и всему тому, что связано с неизбежным старением, поэтому наступает пора, когда утрачивается способность к изменению. Между сознанием и телом возникает разрыв. Тело препятствует росту, а потому сознание, как полноправный господин в доме, построенном в форме человека, покидает непригодное жилище.

Этот момент особо драматичен. Сознание потому и представляет собой исключительное явление, что обладает способностью предвидеть события. Значит, оно обязано принять меры к устранению изнашиваемости тела, как материального объекта. Хотя бы до тех пор, пока будет выполнена программа данного воплощения. Но ничего защищающего себя оно не предпринимает.

Кажущееся противоречие скрыто в понимании сути людского сознания, особенность которого состоит в неспособности осмыслить самого себя. Это ни хорошо, ни плохо. Это естественная черта разума на данном этапе развития. Только малый ум в гордыне своей возносясь, представляет себя венцом разума. И потому он считает собственное сознание наивысшим из его возможных проявлений и что ему по силам любое познание вплоть до первопричины. Оно выступает идеализированным всезнанием и даже ратует за неизбежность такого всезнания.

Так же высоко мнит о себе медуза, дерево, бобёр, гиббон, вирус и все остальное живое. Каждый из них идеально самодостаточен в разумении самих себя и своего окружения. Но людям-то известно, на какой стадии развития они находятся. Это разумы, весьма отличающиеся между собой. Когда-то они преодолеют огромные временные расстояния и дорастут до уровня человека, как это сделали те, которые уже считают себя людьми. Разум изменяется непрерывно и без скачков от почти нулевого размера до огромного семимерного значения³². Люди находятся в начальной области трёхмерного пространства и им присущи те особенности, которые характерны для этой области. Развиваясь, они всё больше станут постигать трёхмерье и вслед за постижением будут менять своё тело. И так до его полного устранения³². Как только сознание обратит познавательный интерес на себя, оно примется решительно переделывать тело под свои нужды. Новое тело рас-

ширит исследовательские возможности, что вызовет ускоренный рост сознания, и такой лавинообразный всеобуч приведёт к коренной перестройке собственной сути. Сознание при полном освоении кубического мира вовсе откажется от материального тела³². Это значит, что оно перестанет воплощаться в мирах, где основу формы составляет вещество. Для него прекратятся рождения и смерти, как вынуждающие причины движения. Сознаниям, находящимся в ранге человека, до тех высот ещё долго идти.

А пока они находятся в положении, когда сама мысль о составности человека вызывает головокружение и дурноту. Хотя намёк на это в земной культуре есть: дух, душа и тело. Однако ни один из этих терминов за долгую людскую историю так и не был определён. В сказаниях и поверьях они, если и объединяются, то в хрупкую конструкцию, которая после смерти распадается навсегда. Дух уносится к вечным радостям или мукам, а душа и тело превращаются в прах. Они приходят ниоткуда, уходят в никуда, бытуют вне пространства и времени. Между ними вражда и стремление к первенству. Троичность широко представлена в различных религиях, например, триликость Бога (Шива, Христос), путь благочестия через согрешение, покаяние и прощение, деление мирян на верящих, заблудших и отступников, наличие обителей: рай, чистилище и пекло ... В философии: духовное, душевное и телесное. В науке – созерцание, анализ, синтез.

Троичные образы, наработанные людьми, являются застывшими формами, поскольку ни один из участников троичности не представляет конкретного объекта или определённого действия. Они составляют размытое нечто, удобное для всякого, кому формальная риторика и фразоплетение заменяют содержание.

Составность человека не есть троичность, ибо между частями нет равноправия. Более того, существует диктат одной составляющей – сознания – по отношению к остальным. Эта повелевающая сторона не относится ни к разовым, ни к повторяющимся стихиям. Она, однажды возникнув, упорно проходит пространства от нулевой по шестую мерности³², на что расходуется время, неохватное рассудком. Другие части человека – мозг и тело – имеют статус обменного инструмента, потому выполняют подчинённую, обслуживающую функцию. Составность важна лишь для данного проявления, т. к. при нарушении компоновки начинается очередное воплощение сущности. Трудно представить, что видимый

образ человека является таковым только для человека. Стоит лишь незначительно изменить восприимчивую способность наблюдателя, как привычный лик станет неузнаваемым. Напрягая воображение, можно всё же приблизиться к пониманию того, как всё-таки посторонние отображают меня. Безусловно, они находятся в более выгодной ситуации по сравнению со мной, поскольку объект, т.е. Я, целиком располагается в их поле зрения и Я попадает в привычную внешнюю среду, для анализа которой психика смотрящего подготовлена длительным воспитанием.

А как самому посмотреть на себя? Где начинаюсь я? Настала пора, кроме внешнего пространства, выделить ещё и внутреннее. По сути, оно известно давно. Однако мое внутреннее пространство в той мере, которая известна давно, известно не мне. Им занимаются другие. Это педагоги, врачи, учёные, знахари, культовые служители, преступники, насильники ... Для них принадлежность моего тела лично мне ничего не значит. Как хозяин тела, в силу своей неосведомлённости, я отстранён от воздействия на него. Чужой учитель лучше знает, чему следует учить, безразличный лекарь пропишет на авось, для аналитика я – объект, ясновидец видит своё, священник – своё ... Получается, что огромная череда спецов должна знать меня лучше, чем я сам себя? Но с какой стати? И возможно ли такое в принципе?

Планета, населённая больными людьми, защищается от безумного жильца эпидемиями, наводнениями и смерчами. Значит, устоявшаяся технология бытия недопустима. Она уже создала популяцию с возрастающей ущербностью. Пока ещё не потеряны все шансы на жизнь, нужно задействовать последний резерв: обратить внимание человека на самого себя, внедрить в его обиходную культуру ответственность за собственное здоровье и ощущение постыдности боления, изгнать из его жизненного пространства живущих за его счёт посредников и самому формировать это пространство *в направлении достижения состояния неболения*.

На рис. 2 показано внутреннее пространство человека. Пренебрегая излучением, будем считать границей раздела сред наружный слой кожи. От неё вовне – чужое, от неё внутрь – своё. Принятое деление условно, ибо внешняя среда проникает во внутреннюю, а внутренняя влияет на внешнюю. Их взаимосвязь составляет основу жизни и она в принципе неразделима. Однако живое останется живым, пока у живущего достаёт сил для управления

обеими стихиями. И поскольку суть воздействия на среду определяется сознанием и подчинённым телом, остановимся на особенностях понимания тела и отображения его в самом себе. Для этого начнём заполнять внутренний объём типовыми органами.

Так, на рис. 3 показано состояние, когда внесены лишь кости головы. Читатель в этот момент должен представить собственную форму и в ней только что размещённый череп. Слово *представить* обозначает мысленно сосредоточиться на обсуждаемом предмете и ощутить его габариты, конфигурацию, прилегание к структурам, не являющимися самим предметом, т.е. очертить его контуры по отношению к самому себе и соседям. В результате такой работы будут получены чувственные отклики в виде спокойного тепла, тихого покалывания, приятного утяжеления, лёгкого шевеления, осторожного дрожания и других легко узнаваемых ощущений. Их появление отметит, что удалось, наконец, ранее скрытый орган, самовольно пребывающий где-то в телесных закромах, сделать своим, понимаемым и осознаваемым. Глубинная суть достигнутого заключена в восстановлении затихших связей от сознания к мозгу, а от него к подконтрольному элементу, т. е. сознание ↔ мозг ↔ орган. Причём, связь эта двусторонняя: от сознания через мозг к органу и от органа через мозг к сознанию.

При её наличии мозг и орган не могут иметь самостоятельной линии поведения: они вынуждены подчиняться диктату сознания. И коль обнаружится изъян, расценённый как болезнь, устранять его теми приёмами, которые используются при технологии лечения не только бессмысленно, но и опасно. Бессмысленно, ибо причина недуга кроется в нематериальном сознании, и если воздействия на тело нечаянно приведут к облегчению страданий, это не значит, что состояние больного изменилось в направлении выздоровления: зачинщик ведь не обезврежен. Необходимо догадаться и понять: не возникнет заражения, не вскочит чирей, не будет воспаления, язвы, рака, простатита, пневмонии, гриппа, отложения солей и других нескончаемых хворей, если прежде они не укоренятся в сознании. Опасно, т.к. вводится лекарство. На его обезвреживание тратятся и без того малые силы больного. Людям, измученным тысячетней пыткой болезнями и бесполезным лечением, трудно поверить, понять и принять, что обрести здоровье путём пассивного воздействия на плоть не удастся. Ещё труднее ожидать его с той стороны, с которой человек не общается никогда: со стороны соз-

нения. Сколько помнит себя род людской, всегда талант и труд врачей был направлен на тело. Через снадобья, природу, быт, веру и всякое другое полезное старались подправить ослабший стан в надежде, что, окрепнув, он породит сильный дух и снабдит им человека. Вековые поиски вкусной таблетки потерпели крах. Население планеты не имеет в себе силы признать ущербной и недопустимой к дальнейшему применению укоренившуюся концепцию врачевания. Нужен новый взгляд. И если для его становления потребуется ломка привычного, на неё следует пойти, ибо в противном случае разрушится разум.

На вход в недужье, на преодоление недееспособного отрезка жизни, на выход из болезни и на устранение тягостных последствий расходуется огромная энергия. Парадоксальная нелепость, ускользающая от людей: тяжёлую работу приходится выполнять тогда, когда человек ослаблен и подавлен хворью. А что больной делал до хвори? Почему не осознал очевидную закономерность: пока здоров, следует нагрузить себя малым упреждающим трудом, который для сильного тела окажется в радость и предотвратит необходимость извиваться под гнётом навалившихся бед.

Таким *малым упреждающим трудом* является освоение излагаемого здесь принципа достижения состояния неболения. Сам по себе у человека он не появится. Ведь *впервые нужно понять удивительную новость: у меня есть сознание*. Более того, это сознание и есть я сам. После констатации поразительного факта, высказанного вроде бы для посторонних, осознать, что откровение адресовано не кому-то, а лично себе. Это и будет осознание самого себя. Не сразу всего себя, сколько бы его ни было. Прозрение поначалу чуть заискрится. Затем понадобится время, чтобы усвоить новизну знакомства с собой, что равносильно некоторому повышению самоосознания. Возросший ум увидит больше и станет ещё осознаннее и так ... предела росту нет.

Осознающее себя сознание на Земле пока отсутствует. С его появлением исчезнут войны, болезни, злобность и примитивизм. И только тогда разум сможет избавиться от титула *малый*³². Но чтобы дойти до той голубой мечты, стремиться к ней надо сейчас. Осознанность, как обобщающее понятие, приложима к любому познавательному запросу человека, однако, здесь остановимся лишь на познании своего тела. Осознать любую часть плоти, значит получить от неё отклик. Обычно это даётся путём преодоления

сопротивления исследуемого участка. Многие поколения людей закрепили за плотью право навязывать всему организму, а через него и сознанию, собственные желания. И всякий элемент тела отчаянно отстаивает это своё право.

Например, у одного из учеников лопатка и ключица восстали против принуждения их подчиняться мысленным приказаниям. Каждый раз при сосредоточении внимания на них выступал пот, подступала рвота и накатывало желание упасть. Продолжалось такое в течении нескольких месяцев. Настойчивость сознания отражалась упорством тела. Затянувшаяся вражда закончилась неожиданно. В трудной борьбе наступил перелом: резко до нестерпимости возросла боль. Казалось, что дальнейшая мысленная работа с лопаткой вызовет шок. Сознание готово было сдаться. Прежнее сознание так и поступило бы. Но то, которое решило подчинить себе плоть, не только не отступило, а даже наоборот: намерилось увеличить усилия. Необходимо особо подчеркнуть последние три слова: *намерилось увеличить усилия*. Достаточно было этому намерению укрепиться в сознании, как боль отступила вся и сразу. Не только шок не произошёл, но наступил покой. А восставшие части стали послушными и отрабатывали малейшее движение мысли. Раньше незаметные и принадлежащие самим себе лопатка и ключица вошли в число собственных и к тому же управляемых органов.

Так было обнаружено особое свойство боли, которое можно выразить призывом: идти на боль! Изначальная суть боли заключается в предупреждении сознания о неблагополучии в телесном хозяйстве. Оказывается, как только она убедится, что сообщение принято, считает свою работу законченной и самоустраниется. Но перед исчезновением проводит внушительную проверку понятливости сознания. Вот пример: тонкий гвоздь, бугристый от ржавчины и затвердевшей грязи, пробил босую ступню насквозь. Конечно, он тут же был выдернут. Однако из отверстия кровь не полилась. Её не было вовсе и даже выдавливание не помогло. Рваные мышцы закрыли рану. К этому моменту боль разлилась по ступне и казалась нестерпимой. Стандартное лечение состоит в рассечении стопы и вырезании повреждённых тканей, в многократной промывке и принятии мер по исключению операционных осложнений. И всё это на фоне сомнительного результата, поскольку возможно общее заражение крови. Вместо всего этого

раненый постарался мысленно увидеть проколотое пространство внутри ступни. Сильная боль мешала сосредоточению. Хотелось что-то немедленно сделать для облегчения. Но человек овладел собой и смог-таки зрительно представить поражённое поле. В этот момент он был в полуобморочном состоянии от нестерпимой боли. Она не просто бушевала, она рвалась к самому острому пределу, заполняя всё вокруг. Обычно такое состояние заканчивается шоком. В данном же случае удалось направить сознание на саму боль, пойти на неё, как на конкретный материальный объект. От этого она и вовсе взвилась, но внезапно сразу исчезла. Наступил мягкий покой, и только чувствовалось теплое шевеление в области ранения, будто там кто-то осторожно наводил порядок. И действительно, через несколько дней рана зажила без осложнений.

На этом примере можно проследить различия в подходах к одному и тому же факту. При материальном воздействии на тело: резать, промывать, зашивать, бинтовать ..., излечение возможно, но достигается оно длинным рядом процедур, каждая из которых вносит различные риски, отчего итог вмешательства становится неопределённым. Он и не может быть другим, поскольку основу лечения составляют стандартные отношения между химическими ингредиентами. Случайные реагенты вступают в соединения в телесном растворе мало предсказуемым образом. У них нет вынужденного движения, поскольку они оторваны от организующей силы – сознания. Сама по себе, даже с учётом системных защитников тела, местная правка неспособна полностью восстановить повреждённый участок. Тогда одно отклонение тянет за собой другое и так образуется цепь под названием *лечение*. Однажды войдя в него, выйти уже невозможно. Разве только свыкнуться.

Если же к телу отнестись, как к своему владению, то с каждым его элементом можно установить мысленную связь. Именно она вынуждает материальные процессы протекать в том русле, которое потребно сознанию. А ему необходим здоровый инструмент. Эта необходимость вытекает из сути, из содержания, из индивидуальности, а точнее: из мерности³² данного конкретного сознания, как развивающейся сущности. И поскольку все сознания, сколько бы их ни было в септоне³², разнятся между собой по условиям личностного восхождения, понятие здорового тела у всех у них разное. А какое оно именно, ведомо исключительно ему, сознанию, ибо тело сотворено лично им в длительной процедуре

воплощения. Безусловно, у существ примерно одинаковой мерности идентичными окажутся и тела. Тогда и восстанавливать следует похожими приёмами, как это и принято в современной медицине. Однако при этом вносится непрогнозируемый риск, в результате чего лечение часто превращается в убийство. У людей до сих пор отсутствует представление о сути своих биологических тканей. Хаотическое нагромождение химической, физической и другой конкретики не раскрывает организующие принципы движения живой материи. А без них упование на целительские возможности такой технологии, как лечение, является истерикой малого ума, неспособного справиться с собственной безграмотностью.

Что же остаётся? Лечение достигло такого уровня нелепости, при котором превращается в антилечение, в отравление: явление перешло в свою противоположность и само отрицает себя. Слепая покорность порочной идее ведёт к отрицанию жизни.

Настала пора стать составным человеком. Становление начинается с непреложного условия: сознание должно найти в себе силы выделиться из совокупной конструкции, какой является человек, осознать самого себя и фактически взять на себя организующую деятельность по отношению к себе, мозгу и телу. Момент, когда сознание только *согласится* с требованием последнего предложения, будет началом движения в область неболения.

Если в теле обнаружатся любые отклонения, намекающие на болезнь, мысленной проверки их состояния будет достаточно для восстановления физиологической функции, даже при отсутствии исчерпывающих знаний о самой функции, поскольку эти знания содержатся в мозгу. Победа в схватке сознания с ключицей ознаменовалась установлением связи участка мозга, ответственного за ключицу, непосредственно с ключицей. В эмбриональном и детском возрасте такая связь формировалась, укреплялась и действовала. Однако с годами она ослабевала, всё больше превращая органы в автономные. В этом случае мозговая конструкция отрицает за ненадобностью, а телесная — превращается в нечто чужое, враждебное и непредсказуемое. По своей прихоти оно может вздумать вдруг безостановочно делиться и наращивать массу, подружиться с вирусом или бактерией, перестать питаться и умереть. Люди такие выходки называют болезнями, винят досаждающие части и в стремлении облегчить боли лечатся, лечатся, и снова лечатся ... Но при чём здесь ложно обвинённые органы, если

виноват он сам, т.е. его сознание. И лечить надо не то, что видно и болит, а то, что внешне скрыто и непонимаемо. Другими словами: необходимо умнеть, укрепляться разумом и расти сознанием.

Описанный случай с лопаткой и ключицей – универсальный. Аналогичное противостояние возникает и при освоении любого элемента тела, различаясь лишь длительностью конфликта и остротой ощущений. Косвенно по их накалу можно судить о включённости органа в собственное содержание, т.е. о его здоровье. Если подчинение прошло сравнительно легко, значит связь с мозгом и системами организма устойчива, а сам орган соответствует назначению. Чем слабее такая связь, тем большее сопротивление окажет очередной отделенец, и тем податливее он болезням.

Но стычки со своим телом, даже собранные воедино, составят малую долю недужных состояний. И суть их особая: каждая победа приводит к большему здоровью, чем было прежде. Лишь покорение всех органов обозначает приобретение вами тела. Оно становится *вашим*. Ваш дом, ваш автомобиль, ваша одежда, ваше тело. Эти и многие другие объекты не есть Вы. Они всего лишь в пользовании у вас. И это понятно. Вот только трудно согласиться с мыслью, что тело и шкаф по отношению к сознанию являются инструментами, хотя воспринимаются весьма неодинаково.

И опять соприкасаемся с размытостью земной культуры. Всё от кожи вовне с большей или меньшей отчётливостью воспринимается. А то, что располагается от кожи внутрь себя и составляет собственное внутреннее пространство, кажется не существующим, потому что, дескать, оно заполнено мной же: цельным и сплошным, не только неотделимым от меня, но являющимся мной самим по условию наличия меня в образе человека.

Такое понимание типично для не осознавшего самого себя разума. Оно полностью вытекает из мировоззрения лечения: кто-то исправит тело, значит восстановит и меня без моего участия. При этом считается, что тела у всех, если не совсем одинаковые, то почти одинаковые и влиять на них можно однотипно, ну а если результат трагичный ... у каждого врача своё кладбище.

Итак! Во внутреннее пространство человека внесены кости головы. Читатель смотрит на рис. 3 и видит затенённую фигурку, в верхней части которой нарисован череп. Обычно такого созерцания с лихвой достаточно для уяснения материала. Да, действительно, в исходное пустое поле, показанное на рис. 2, добавлен

какой-то участок, пусть даже похожий на череп. Не бог весть какая трудность для усвоения. Что дальше? Тянем время! Именно так будет рассуждать всякий, не согласившийся всерьёз воспринять собственное внутреннее пространство как своё владение. Ведь он видит, что рис. 3 принадлежит внешнему пространству и потому является всего лишь демонстрационным плакатом, помогающим осуществить процедуру: узнать, знать, понять, усвоить, научиться. Этим этапом в земной культуре заканчивается познавательный интерес. Дальнейшее применение усвоенного по отношению к усвоившему обязательно будет происходить извне. Так, врач свои знания направит на пациента, инженер – на материальную конструкцию, политик – на общество, охотник – на жертву ... Не дорос ещё человек до самостоятельного анализа истоков и мотивов своих поступков. Если бы такой анализ был, то воин назвал бы себя убийцей, правитель – только местом красен, учёный – новатором дозволенного, философ – собирателем пушистых фраз ...

Игнорирование внутреннего пространства человека в период накопления объектов, которые больные изготовители не в состоянии осмыслить, ведёт в небытие. Всех.

Рис. 3 нужен для того, чтобы легче было представить собственное содержание. Это значит, что необходимо, рассмотрев рисунок, перейти к действиям, не характерным для людской культуры, а именно – увидеть мысленным взором означенный фрагмент в *собственном теле* с такой же ясностью и полными подробностями, будто разглядывание направлено на посторонний предмет. С первой попытки сделать это не удаётся. Так и должно быть.

Эпоха освоения плоти только начинается. Ориентиром, спутником и помощником в изучении себя являются *ощущения*. Они весьма разнообразны, но всегда самостоятельно узнаваемы даже при первом их появлении. Вообразите, что в голове расположен череп и мысленно постарайтесь его ощупать. Если при этом не возникнет никакого отклика, потрогайте голову руками, надавите чем-то твёрдым или острым, помассируйте, словом, так или иначе обратите свое внимание на свой же орган. Полное отсутствие контакта свидетельствуют о его покинутости. Мозгом, а значит и сознанием, т.е. Вами, он не управляется, предоставлен самому себе, развивается по своей прихоти и может поступать, как заблагорассудится. Но что бы он ни предпринял, оно будет подталкивать организм к заболеванию. Произойдёт это раньше или позже,

но обязательно. Человек начнёт восстанавливать лечением то, что сам же своим неведением отторг от себя. Неконтактных органов у современных людей большинство, если не все. Поэтому-то до невообразимой нелепости доведены бесполезные лекарские танцы с удручающим исходом. Как правило, осознаётся не сразу весь орган, а только какая-то случайная и малая часть. Важно к такому событию отнестись, как к выдающемуся. Следует отметить его в сознании, постараться конкретизировать приблизительное понимание: что именно воспринимается, где оно находится, каков оттенок ощущений, устойчивы они или мерцающие, и наконец, насколько обширен пойманный участок.

Обследование границ – это ключ к познанию тела. Если сознание способно заметить различия типа: моё – чужое, чувствуемое – не чувствуемое, освоенное – не освоенное, и умеет соотносить с каждым фрагментом определённые ощущения, значит оно уже вошло в область неболения. Пусть только чуть-чуть, а дальше пролегают дикие места, но начало положено. Найденный метод работы над собой будет непрерывно меняться, ибо новые органы потребуют особого к себе отношения, однако, это развитие естественное, к личностным конфликтам не приводит, и даже наоборот: освоение увлекает, добавляет уверенности и оздоравливает.

После того, как читатель сам расположил в своём внутреннем пространстве собственный череп, осознал полученное событие путём обследования занятого участка и почувствовал от него отклик в виде сигнального ощущения, добавим ему кости рук, рис. 4. С ними необходимо начать работу, как с незнакомым объектом. Для этого следует использовать рисунок с целью настройки сознания на строение предмета. Нужно не только увидеть, но и понять, что внесённый фрагмент отходит от верхней части тела и спускается вниз вдоль туловища, что содержит суставы: плечевой, локтевой и кистевой, между которыми располагаются неодинаковые кости, и что они жёсткие, что способны изменять положение, вращаясь в суставах. Дальше можно отметить форму и количество костей и всё остальное, что покажется интересным.

Проделанной работы достаточно для человека современного, грамотного. Он многое узнал и даже понял. Он готов применить свои знания, но ... только во внешнем пространстве. Он станет советовать, требовать, лечить, направлять ... и всячески воздействовать на всё, что есть не он: такова особенность людей.

Нужно же настроить самого себя. Не кому-то рассказать, а самому найти в себе отмеченные части. Сразу выяснится, что сделать это сходу непросто. Несмотря на ясность в сознании, тело не откликается и не реагирует на мысленный посыл. Значит, руки не являются своими, ибо отсутствует связь сознания с мозгом, а через него с телом. Нарушено единство органа. Он не управляется сознанием и не поставляет ему информацию о своём состоянии. Предоставленный самому себе, он волен считать себя важнее организма и может вздумать, что растёт самостоятельно ...

Некоторое время функциональное единство, обеспечивающее деятельность конечности, хранится в сознании. Но эта сохранность является совокупным усилием множества покинутых структур, потому уязвима в силу случайной включённости элементов. Потому болезни рук и ног – дело обычное. Лечение и особенно самолечение связано с обращением к своему сознанию и, если при этом устанавливается связь с мозгом и телом, восстановление здоровья проходит скорее и полнее. При равнодушном отношении или при переложении усилий на посторонних, сознание мало проникается происходящим, оно не мобилизует мозг, а тому нет причин влиять на тело. Этим выносятся приговор. Заброшенная плоть будет терзаться этими посторонними, пока ...

Образ очередного фрагмента, изображённого на рисунке, нужно разыскать внутри себя. Для этого используются те же приёмы вживания в себя, что были описаны при рассмотрении черепа. И в дальнейшем суть поиска соответствия зрительного впечатления и собственной натуры будет содержать описанные этапы. Но даже они, по мере приобретения навыков, станут меняться.

Постепенно, помимо объёмных чёткоограниченных органов, в сознании будут всплывать мягкие переходы типа пузырчатых, жировых или слизистых прослоек, затем начнут отображаться вязкие и жидкие включения. И так всё более полное освоение своего тела позволит, наконец, увидеть то, что людям обычно видеть не свойственно: продолжение тканей за пределы объёмного мира. Даже первый проблеск такого видения заметно преобразит человека. Он начнёт догадываться о сложности картины бытия и малости того места, на котором находится сейчас. Дальнейшая работа над своим сознанием, т.е. над собой, уже в этом воплощении позволит заглянуть в пространство следующей мерности. То, что кажется настоящим, оттуда видится совсем иначе: это вразумляет.

Точно так же, как над освоением костей головы и рук, следует потрудиться над изучением грудной клетки, таза и ног. Помощь нам окажут рис. 5, рис. 6, рис. 7. Как только *з а п о ю т* ступня, голень и бедро, можно принимать поздравления: Вы приобрели скелет. У Вас теперь есть *ваши* скелет. Не вообще какой-то набор костей, живущих по своим случайным понятиям, а тот остов, которому Вы позволили обитать в своём теле. Термин *позволили* обозначает, что установлена обоюдная связь сознания с каждым фрагментом освоенного объекта. При наличии этой связи сознание, то есть Вы, в любой момент можете проверить состояние укрощённой структуры. Если она вздумает склониться в сторону болезни самовольно, при мысленном обращении к ней идущий от мозга корректирующий поток, исправит положение. Сразу возникает конфликт между болезненным и управляющим процессами, что ощущается, как обострение боли. Однако боль и болезнь – весьма трусливые стихии. Поддавшихся они тиранят до уничтожения. Но стоит им дать отпор, для проверки смельчака они вздымаются на предельную высоту, стремясь оглушить и подавить непокорного. Нужно знать, что на той высоте они долго держаться не в состоянии. Чуть возникнув и видя настойчивость оппонента, они исчезают. Это происходит так неожиданно и полно, что наступает растерянность. Вслед за ней ощущается внутренняя восстанавливающая активность, сопровождаемая благостью и покоем. Поражение тела устраняется без лечения.

Однако прочитанное ещё не значит усвоенное. При встрече с болезнью и болью важно найти в себе смелость опознать участников – Вы, боль, болезнь – вспомнить их свойства, пойти на боль и сыграть свою роль в сражении убеждённо, т.е. осознанно.

Если правильно организованный мыслительный посыл имеет такую восстановительную силу, то ему по плечу и вовсе переиначить конструкцию и функцию органа, системы или тела в целом. Но изменение вещественной части обозначает развитие той Сущности, которая воплотилась в земном ареале на данном отрезке времени в форме человека. Переделывать себя способно только познающее себя. Такие существа не унижаются до лечения.

Итак, собственным трудом Вы изменили себя. Освоенные части тела обычно просыпаются, оживают и наполняются мягким теплом. Внутри них что-то струится, чувствуется перемещение вещества, ткани начинают слегка вибрировать, излучать спокойное

торжество и ведут себя, как существа, наконец-то получившие волю. Уже только это может служить наградой. Но впечатления на этом не кончаются. Вскоре приходит понимание того, что усилия по осознанию себя приводят к заметной перемене собственной сути. Появляется очевидное подтверждение своей власти над плотью. Стоило приложить усилия, и до того незнакомое нечто, вечно грозящее досадить болезнью, оказалось приручённым. Оно получило самостоятельный статус и установило с организмом обменные отношения. При мысленном обращении к органу, который стал своим, сразу получается отклик, подтверждающий наличие двусторонней связи. И если в нём нет отклонений от здорового состояния, отношения, или вернее диалог сознания с частью тела, протекает спокойно на языке приятных ощущений.

Если же в органе не то, чтобы имеются, а только намечаются вредные изменения, в сознании отображается картина беспокойства. Поначалу она размыта. Орган сигнализирует этим, что с ним не всё благополучно. Так оно и должно быть, ибо сам по себе орган не содержит в себе структур, стоящих на страже неболенья. У него, правда, есть некоторая защита со стороны организменных систем: иммунной, эндокринной ..., однако, их охранная функция при наличии общего болезнетворного фактора часто оказывается недостаточной. Тогда покинутый орган вынужден самостоятельно бороться с недугом, не имея на то потребных сил, а потому исход борьбы не может быть победным. Появляется болезнь, вынуждающая человека лечиться. В данном случае возникает также беспокойство, но значимость его другая: это брошенная плоть атакой боли пытается пробиться к *вялому* сознанию с требованием помощи. Но сознание, даже пробудившись, не сможет послать к месту конфликта восстанавливающий поток из-за отсутствия мыслительной связи с ним. Такую связь следует готовить загодя. Тогда удастся получить не болевое, а просмотровое беспокойство, что предпочтительнее, ибо одновременно с осмотром укрепляется связь сознания с телом и тем самым готовится канал для передачи управляющих воздействий. Болезни ещё нет, она только зарождается, и с нею справиться легче. Более того, справиться без вхождения в процедуру лечения только лишь путём осознанного подсоединения элемента тела к участку мозга, связанному с данным элементом. Часто размытое беспокойство сменяется резкой болью. Это вступает в действие сопротивление органа по-

пытке лишить его прежней бесконтрольной самостоятельности. Если при этом сосредоточить внимание на боли, она тут же уйдёт. Тогда можно неторопливо обследовать обострённое поле, удерживая в сознании откликающиеся места до тех пор, пока в каждом из них в отдельности, а потом и во всём органе в целом не наступит ощущение чистоты. Иногда, особенно в период освоения технологии неболения, для достижения эффекта изгнания непри-
вычных ощущений потребуется несколько сеансов. Однако их количество и длительность будут уменьшаться по мере приобретения опыта. При достаточных навыках просмотр тела будет проходить за несколько секунд, а его восстановление в зависимости от объёма поражения – за минуты или реже – за часы.

Например, болезнь поджелудочной железы – панкреатит – сопровождается трудно переносимой болью. Непрерывно нарастая, она вызывает шок. Складывается патовая ситуация. Шоковое состояние может вызвать смерть больного в связи с нарушением кровотока и нервной регуляции, а если его вывести из шока, он снова потеряет сознание от боли и вернётся к тому же шоку. Медицина весь свой вековой опыт вложила в фразу: этиология недостаточно выяснена. Если имеется явная причина транса: стресс, ожог, травма, ... врач направляет усилия на её устранение и на обработку ран. А если очевидности нет? Ведь похожие боли могут вызвать поражённые почки, жёлчный пузырь, желудок, печень, и другие органы. Тогда – на усмотрение врача. Но усмотрению неоткуда взяться, если этиология не ясна. Налицо обычное распределение немощи. Лекарь без знаний и покинувший себя больной образовали порочный круг невежества. Беспомощный спасатель и якобы невиноватый пациент разыграют пьесу под названием *лечение*. Зависимость одного и кормление другого обеспечены.

Тот же панкреатит в мировоззрении неболения невозможен, ибо человек, в планомерном подчинении себе собственного тела заранее установил устойчивую связь сознания, мозга и железы. Его железа уже не является покинутой. Она не автономна и не может действовать по своей прихоти. Она находится под постоянным надзором сознания. И оно, это сознание, способно уловить даже самое малое ощущение несоответствия. Что делать после обнаружения подозрительного места, известно. Нужно в своём сознании восстановить образ ощущаемого участка, причём не книжный, не абстрактный и не тот, который где-то пребывает во

внешнем пространстве. Это должна быть *мысленная копия своего органа*, именно того, который находится в освоенном теле, т.е. *в вашем внутреннем пространстве*. Если не удаётся охватить всё сигнализирующее место целиком, важно привязаться к тому, что уже доступно. Затем, постепенно расширяя контур, очертить размеры и характер подозреваемого поля в сознании. Уже на данном этапе мысленного осмотра прямо-таки физически воспринимается бурление восстановительного потока, притупляются боли и наступает облегчение. Сознание отслеживает картину полного перераспределения ощущений и позволяет в дальнейшем свести их к приятным, а это свидетельствует об устранении угрозы.

Некоторые пытались сделать так, как изложено выше, но не смогли получить ожидаемых эффектов. Анализ неудач показал, что *пытающиеся только пытались*. В их личностном содержании отсутствовала необходимая убеждённость в безоговорочном подчинении органа именно тому, кто пытался. Это всё та же мечта о вкусной таблетке. Дескать, если есть помогающий рецепт вроде принципа неболения, так пусть помогает. Пусть лечит меня без моего участия и даже вопреки желанию, ибо вредных привычек менять не стану. Такой человек истинной своей сутью остался и во внешнем пространстве, и в области боления-лечения. И пока он находится там, описанное здесь – не для него. Следует погрузиться сознанием в собственное внутреннее пространство и навести порядок в своём организме. Дармового здоровья не бывает.

Зарабатывание начинается с настойчивой потребности не болеть, с недопустимости пребывания в состоянии лечения и с осознания своей вины за свою же немощь. Затем, шаг за шагом, надо усвоить процесс постепенного заполнения внутреннего пространства элементами тела и установления *поющей* связи с каждым из них, и проделать всё то, что будет изложено далее. Поющая связь, как собирательная характеристика надёжно воспринимаемого и управляемого отклика, несёт торжествующее ощущение свободы. Достижение такого состояния – поэтапный процесс.

Первый успех при мысленном ощупывании органа состоит в получении слабого, лёгкого и едва распознаваемого контакта. Несмотря на неясность, он тем не менее воодушевляет и поначалу кажется большим достижением. Разные люди проходят этот этап за разное время. Иногда он длится месяцами. Многое зависит от целеустремлённости и осознанности действий по освоению тела.

Первое знакомство с органом наиболее трудоёмко, т.к. направлено на восстановление ослабленных связей или, при их атрофии, на создание новых. Важно подчеркнуть, что термином *связь* здесь обозначено мысленное соединение сознания, мозга и тела во взаимно ощущаемую единую конструкцию без выделения конкретных носителей этого соединения. В число носителей могут входить нервы, сосуды, ткани и другие материальные образования, однако дело не только в них. Существует более важный нематериальный атрибут связи, людям пока что неизвестный. Именно он работает там, где вещественные проводники отсутствуют, а именно – во взаимоотношениях бестелесного сознания и плотного тела. Суть концепции неболения как раз и состоит в освоении этого до сих пор неиспользуемого явления.

Дальнейшая работа над органом позволит затем получать всё более конкретные впечатления, среди которых выделяются особые эпизоды, когда ясность возрастает внезапно, почти скачком, будто к прошлому знанию вдруг подключается дополнительная картина, существенно проясняющая представления о казалось бы уже хорошо знакомом объекте. Каждый такой скачок венчает очередной этап кропотливого изучения себя, и *без настойчивого труда он не возникнет*. Далее будет показано, что ближайшая ступень самопознания ознаменуется способностью созерцать своё внутреннее пространство в мельчайших деталях, без затенения органов, с возможностью осмотра каждого из них и всех вместе с трёх сторон одновременно. Тогда поющим станет всё тело. Человек же переместит своё бытие в область неболения.

После размещения костей и придания им статуса *своего скелета* следует продолжить собственное комплектование и расположить в себе полагающиеся человеку мягкие органы. Для примера на рис. 8, рис. 9, рис. 10 показаны моменты знакомства с мозгом, сердцем и печенью. С каждым из них проводится отдельная работа, целью которой является поэтапное установление поющей связи. Такая же работа выполняется по отношению ко всем остальным элементам тела. Знание анатомии при этом не мешает, ибо зрительное представление, массаж, шевеление мышцами, надавливание, а также ощупывание их и другие приёмы привязки сознания к объекту, способствуют сосредоточению внимания на органе и облегчают установление связи с ним. Затем, после первичного накопления впечатлений, надобность в этих механических

подсказках отпадёт. Со временем практикующий научится всё то же самое выполнять только за счёт мысленного контакта с любой частью тела. Тогда внутри себя он сможет увидеть то, чего анатомия не раскрывает: рыхление костей, тромбирование сосудов, ослабление кровотока, некротические образования, вязкую лимфу, ослабленную или отсутствующую иннервацию, излишние жировые отложения, шлакование кишечника, скопление слизи, сморщенные структуры, деформацию органов и многих других предвестников болезней, ожидающих случая вспыхнуть.

Некоторые из отклонений можно обнаружить инструментальными методами, однако, несмотря на изощённость, они лишь косвенно отобразят патологический процесс без обозначения причин возникновения, тенденций развития и состояния сопутствующих систем. И поскольку к любой из бесчисленных болезней приложима защитная сентенция: *этиология неясна*, дальнейшее использование приборных данных – это экспериментальный произвол равнодушных функционеров лечения. Лечение, в котором лечащийся отстраняется от работы, жизненно важной именно для него. При этом он безрассудно передаёт своё тело в чужие руки без права как-либо спросить с посторонних о его использовании. Если даже удастся получить его обратно, то придётся долго восстанавливаться, удаляя из него всё, внесённое чужими ради любопытства: поможет – не поможет.

Сам факт того, что человек не принимает мер по исключению попадания в самую унижительную ситуацию лечения, обозначает неотвратимость такого попадания. И тогда он сам определяет собственный статус: *не имеющий сознания и живущий телом*. В этом определении нет иносказания. Его следует воспринимать как естественное отображение того, что есть. Человек находится на таком уровне своего развития, когда не возникла ещё потребность в переосмыслении собственной сути. Познание мира и себя направлено у него на события, непосредственно примыкающие к нему самому, имеющие конкретное очертание и одобренное большинством поведение. Возможно, в будущих воплощениях ...

Осознание себя изгоняет из косной персоны иждивенческое упование на возможность получения излечения со стороны. Осознавший понимает, что в глубины, где творится его здоровье, нет доступа никому, кроме него самого. И если он по немыслию своему не сотворит себе же здоровья, то здоровья не будет никогда.

ЕДИНСТВО СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ

Процедура осознания себя, изложенная в предыдущем разделе, состояла в заполнении внутреннего пространства всё новыми элементами до тех пор, пока тело начнёт ощущаться как своё. И чтобы они оказались внесёнными тому, кто их вносил, пришлось выполнить немалую мыслительную работу. Но кто её выполнял? Обычно ответ даётся сразу: человек. Ну кто в этом усомнится?

Стоит только произнести привычное звуко сочетание: человек, как собеседники сразу проникаются уверенностью, что знают, о чём идёт речь. Сразу всплывает образ: плотное тело, с чёткими очертаниями, сплошное, способное влиять на своё окружение, ну, в общем, всем понятный материальный объект. Считается, что побудительные мотивы его поступков исходят из той же очевидной твёрдой плоти. Если захотелось создать, разрушить, произнести, написать, поднять, убежать ..., то замысел и исполнение желания находятся в цельной конструкции, именно в той, которая видится глазами и воспринимается рассудком.

Это представление является базисным для земной культуры. На нём держатся естествознание, искусство, наука и всевозможные оттенки лекарского дела. Если, например, удалось убрать воспаление гортани, остановить изъязвление желудка, срастить кости, удалить аппендикс, полипы, опухоль, кисту, нарыв ... и этим уменьшить страдания больного, то каждому ясно: оказана помощь человеку, легче стало человеку, лечили и всё же вылечили человека. Тогда почему язва и нарыв появляются вновь, воспалительные, вирусные, микробные, грибковые и многие другие нашествия не прекращаются, за инфарктом идёт новый инфаркт, за инсультом — очередной инсульт нарастающей тяжести ... ?

В обществе нет интересанта, которому был бы выгоден объективный ответ на поставленный вопрос. Рать целителей составляет больше половины населения планеты и не может лишиться больных по условию кормления. Сами же больные до такого вопроса не дорасли, т.к. имеют оскорбительно низкий понятийный статус. И не дорастут, ибо не способны заметить происшедшую подмену: превращение лечебных технологий в убойные. Тысячелетняя деградация вида показала невозможность существования той

популяции, охранительная концепция которой основана на идеологии лечения. Для выживания необходимо освоить новый, иной принцип бытия, исключаящий болезнь, как явление, а вместе с ней и лечение, как трагичное порождение незрелого ума.

Новизна начинается с уяснения того, что видимый образ – лишь необходимая часть человека. Это материальная компонента, дающая возможность другой тоже необходимой части – нематериальному сознанию – проявить себя в земном ареале. Для того, чтобы проявление соответствовало познавательным целям сознания, оно само готовит себе потребный инструмент, называемый телом. И поэтому всегда соблюдается условие: какое сознание – такое тело. При нарушении равновесия между сознанием и телом возникает конфликт, называемый болезнью.

Принятый вариант борьбы с хворями состоит в воздействии на пассивную телесную составляющую, которая может поставлять впечатления сознанию, но не обладает способностью изменять его. И если в сознании сложится некоторый образ органа, в теле вырастет материальная структура, которая отобразит сложившийся образ. Дальнейшая работа в составе тела покажет, насколько он оказался удачным. Если получившееся не отвечает потребному, возникает болезнь, и виновником её является сознание. До тех пор, пока оно не отобразит в себе уточнённый образ органа и не пошлёт исправляющий поток, будет прогрессировать конфликт несоответствия, поддерживающий болезнь.

Несмотря на эту очевидность, лечебные усилия, тем не менее, направляются на известную невинную структуру, не содержащую в себе механизмов для самостоятельного совершенствования. А коль их нет, то и подстроиться под потребности сознания она не может. Предельное, на что она способна в таком случае – это приблизиться к заданному образу. Но как это сделать? Хорошо, если имеется полноценная связь органа с сознанием. Тогда по ней распространятся болевые ощущения и уведомят сознание о неблагополучии. Но оно... станет бороться с посланником – болью, вместо того, чтобы устранить несоответствие органа его назначению. Другие отношения невозможны, поскольку в сознании эти другие отношения не содержатся. Они туда не вложены. Сознание находится на таком уровне развития, что не возникла ещё надобность в восприятии себя. Как правило, не только нет полноценной связи, её нет никакой. Тогда орган случайно формирует себя сам,

имеет случайное строение, выполняет случайную функцию, подвержен случайному влиянию соседей, случайно отзывается на изменения в организме и, конечно же, случайно реагирует на любые лекарства. Отсюда следует нереальность сведения всех лечебных приёмов в законные методики, поскольку становится вынужденным экспериментирование при подборе лекарственных средств относительно каждого больного и каждой болезни персонально. Подход: попробуем ещё вот это ... закрепляет за медициной статус преступной отрасли. Она уже породила то, что раньше казалось невозможным: фармацевтические заболевания, препаратную несовместимость, дозирочную аллергию, лечебную интоксикацию, барьерную атрофию, наследственное закрепление патологий, невежество, шарлатанство и многое другое, исходящее из стремления на авось *неизвестным* подействовать на *второстепенное*.

В противовес этому следует понять возможность и необходимость обращения к *известному*, чтобы с его помощью влиять на *основное*. Таким известным является наше собственное сознание, ставшее сутью человека. Именно оно делает человека человеком. Без него даже при сохранении остальных частей – мозга и тела – человек невозможен. Стоит только сознанию покинуть как угодно развитый мозг или богатырски сложенное тело, как тут же материальное великолепие прекращает бытие. Тело и мозг должны были бы дорожить тем временем проявления, когда они сторонней силой оказались собранными в полезную конструкцию, в результате чего получили возможность действовать целесообразно. Когда они, лишившись сознания, смогли бы продолжить свою осмысленную поступь, то представляли бы собой прослойку упрощённых живых существ или оживлённую косность.

Но ничего такого нет. Запас живучести покинутых частей отсутствует вовсе, ибо они начинают распадаться немедленно вслед за ушедшим сознанием. Значит, они не имеют живого и сами себя сохранить не могут. Хуже того, у них отсутствует возможность даже отдалённо понять собственную значимость. Тело не знает о том, что оно является телом и кому-то нужно. Оно также не знает, *каким оно должно быть* и что для него хорошо, а что – плохо. Плоть поступает так, как и должен вести себя пассивный материальный объект: подействует сила – отработает в соответствии с равнодушными физико-химическими законами, не подействует – продолжатся случайные внутренние шевеления. Лечебное усилие

является именно таким внешним толчком, запускающим какие-то химические реакции, ещё более случайным образом по сравнению с тем, как они протекали бы в лабораторной пробирке. И такая нелепость возведена в лекарственный культ, положена в основу целительства и поставлена на страже устойчивости вида.

Единственный выход из тупика состоит в обращении к той составляющей человека, которая определяет его суть: к сознанию. Только ему под силу уберечь тело от разложения, направить изменения его структуры в потребном направлении и подтвердить статус пока ещё нужного биологического инструмента. И если сознание сможет считать данный инструмент своим, человек будет иметь привычный земной образ. Стоит только сознанию отказаться от тела, человек исчезнет и появится труп.

Однако тонкость заключается в том, что сознание само по себе является растущей стихией, и в своём росте может находиться на некой определённой отметке. Возьмём, например, акулу, коралл, инфузорию, осьминога, лошадь и человека. Каждый из них в собственном мнении считает себя венцом совершенства, образованным, знающим мир и чтящим местные традиции, но никто из них не в состоянии осознать самого себя. Моллюск проживает полноценную моллюсковую жизнь, он даже может достичь вершин осьминожьего интеллекта, быть дальновидным и очень талантливым, но все эти отличия будут находиться на моллюсковом уровне. Его ума хватит для того, чтобы понять амёбу, но того же ума недостаточно для обзора организмов, сложность которых начинается с его личного тела и структурно уходит вверх. И ни при каких условиях моллюск не осознает себя, потому что его развитие не дошло ещё до требуемого уровня.

Точно так же лошадь или примат смогут понять тех, кто менее развит, чем они, но себя и человека им не постичь. Чтобы у них появилась возможность взглянуть на себя, должна сначала возникнуть необходимость в этом, что связано с развитием сознания и переходом на следующую эволюционную ступеньку.

Похожа ситуация и с человеком. Поскольку люди значительно различаются между собой уровнем развития, окружающий мир и себя в особенности, они воспринимают весьма неодинаково. Среди них есть те, кто ни при каких условиях не в состоянии себя осознать, поэтому технология неболения для них окажется недоступной. Тем, кто хотя бы в малой мере способны проникнуть в

свой внутренний мир, придётся больше поработать над собой, и при упорстве и настойчивости они одолеют науку. Для лиц с развитым мышлением освоение принципа не составит труда.

Первичное проникновение в излагаемый материал должно начинаться с оценки себя как мыслящего существа. Для этого необходимо представить своё сознание самостоятельным объектом. Попытаться разыскать его в теле, постепенно перемещая его по всему внутреннему пространству. При этом следует вообразить, как отразилось бы на мировосприятии различие в положении той части, которая составляет человеческую суть. Постепенно выяснится, что в теле повсюду происходит что-то своё, любое место занято, там кипит работа, и невозможно добавить нечто извне: ощущается эффект неприятия. Помаявшись в поиске пристанища, приходит, наконец, понимание того, что в твёрдой плоти вообще нет места для нематериального сознания. Ищущий вынужден в таком случае разместить его ... где-то за пределами тела: возле или вокруг головы, туловища или даже рядом с собой.

Сразу же душу отравит сомнение и отчаяние: как это может быть, чтобы я оказался не у себя, не в своём теле, где всегда был я, как можно смириться с таким раздвоением, и как себя вести в дальнейшем, и как совместить себя со своим же сознанием? Это первое испытание на прочность и зрелость ума. После вполне объяснимой растерянности, вызванной извечным пренебрежением людьми к разуму, необходимо перейти к спокойному размышлению. Прежде всего следует представить форму нематериального объекта, его наполненность своим содержанием, его подвижность, твёрдость, мягкость, прозрачность и прочие другие особенности. Скорее всего из такого представления ничего окончательно не прояснится, ибо нет в земной культуре даже намёка на существование нематериальных структур, разве только культовых.

Однако полной ясности и не требуется. Она будет всплывать постепенно, со временем приобретая личностные очертания. А пока сам факт поиска свидетельствует о наличии искомого. Пусть трудно воспринимаемое нами сознание присутствует внутри, возле или вокруг, но обязательно присутствует. Затем по мере его использования для ремонта, доделки и переделки тела оно станет привычным, потом понятным, и через какое-то время наступит убеждённость, что разыскиваемое сознание – это и есть Вы. Но вы были и раньше. Тогда в чём же отличие? Прежде существующей

единицей считалось нечто монолитное, плотное с одинаковыми свойствами по всем направлениям. И если выделялись конкретные органы для выполнения организменных функций, то несмотря на разное строение, назначение и уязвимость, мировоззренческий и вытекающий из него лекарский подход для всех элементов тела был одинаков. Любые нарушения плоти расценивались как такие, которые возникли в самой плоти. Конечно же сразу подозревали системы: вегетативную, эндокринную, иммунную, нервную ..., но поскольку влиять на них не научились, врачебное внимание снова переключалось на органы: начиналась эпопея лечения. При этом сознание вовсе не принималось во внимание, его как бы не существовало, значит, оно не только не обвинялось в болезни, но его даже жалели: вот, дескать, страдает по вине бессовестного органа. И чтобы наказать нахала, наваливались на него со всем пылом ненаказуемого экспериментирования.

В противоположность этому так называемому современному подходу практикующий, осознав себя и выделив своё сознание из материальной человеческой формы, прикоснулся к пониманию собственной сути. В случае хвори он уже не станет винить орган, систему или организм. Он обратится к себе же, почувствует свою вину за потакание болезни и задействует ранее наработанное умение воздействовать сознанием на вредоносный очаг.

Это событие ознаменует принципиальное изменение статуса человека: он оставит идеологию боления-лечения и перейдёт в область неболения. Новое пространство свои возможности само не раскроет. Их также придётся постигать, но это постижение поведёт адепта не от болезни к болезни, а от здоровья к большему здоровью. Отныне он с жалостью и состраданием будет смотреть на болящих мучеников. Помочь им трудно, ибо впервые придётся над искоренением недуга *работать самому*, а не наёмным слугам, как прежде. Познание себя как мыслящего существа как раз и проясняется готовностью к такой работе.

Начало освоения собственной сути было положено при размещении своих органов в своём внутреннем пространстве. Тогда образ элемента тела составлялся при взгляде на рисунок, после чего, включив воображение, необходимо было ощутить этот элемент внутри себя и осознать его настолько, чтобы получить от него отклик. Созерцание, воображение, осознание – это мыслительные процессы, выполняемые сознанием. Оно инициатор, исполнитель

и получатель результата. Без его стараний не было бы образа, значит, нечего вносить, располагать и ощущать. Но с другой стороны, благодаря усилию сознания человек стал иначе воспринимать себя. А ведь при этом не совершалась никакая материальная работа. Обошлись без тренажёров, уколов, лекарств и особого питания. Вещество, т.е. тело, оказалось изменённым без материального толчка. Вместо формулы: материей по материи, был задействован другой девиз: *сознанием по сознанию и материи*.

Созидательная сила неощутимого сознания стала очевидной лишь потому, что между ним и вещественным мозгом стараниями самого сознания была установлена ранее бездействующая связь, находившаяся в спящем, почти атрофированном состоянии.

Отсюда начинается укоряющий вопрос к людям: как могло случиться такое, чтобы бесчисленные мудрецы, изводившие себя в трудах по указанию пути и спасению людей, по одариванию их сакральными истинами и магическими предсказаниями, по врачеванию и целительству, чтобы сонмы тщасихся облегчить страдания человека прошли мимо очевиднейшей закономерности: *сознанием по материи*. Как сказочное видение можно представить лик Земли, населённой разумом, осознающей свою разумность и живущей силой своего ума. Была бы планета – сад, без войн, болезней, убожества. То, что есть на самом деле, свидетельствует против людей и относит их к существам с ограниченным, малым умом. Изложенное здесь даёт повод задуматься над этим.

Для наглядности на рис. 20 изображено существующее соотношение между частями человека. Что хоть как-то известно людям, показано с правой стороны этого рисунка в виде тела – это разгуляй поле медицины. Стражи боления-лечения весь пыл целительства вкладывают в этот объект только потому, что способны видеть лишь материальными глазами. И пока визуальное восприятие мира будет единственным средством познания, нет надежды на освоение огромного пласта неизвестного, условно обозначенного затенённой областью. А затенить пришлось сознание и мозг.

Главная компонента человека, составляющая его суть – сознание – самым носителем сознания во внимание не принимается. Это причина, из-за которой человек до сих пор не осознал самого себя. При изобретённых средствах разрушения отсутствие самоосознания является приговором. Возможно, прочитав, подумав ... Между сознанием и мозгом выделена область нематериальных

связей. Ветвь 1 обозначает движение иницирующих потоков, а ветвь 3 – ощущений. Поскольку разум, по мнению людей, исходит из целостного тела, персональные обращения к сознанию, как к самостоятельному объекту, почти не посылаются. Поэтому ветви, т.е. связи, выглядят слабыми, вялыми ...

Тусклые побуждения поступают в мозг и вызывают в нём какие-то перестроения. Какие именно, не знает никто. Но, судя по нарастающей злобности землян, материальным продолжением инициатив сознания является хроническая агрессия. Ветвь 2 иллюстрирует всплеск пиковых сигналов даже на незначительный побудительный мотив. Этот всплеск будоражит тело и вынуждает его действовать вне контроля собственного сознания. Отсутствие осознанности поступков усложняет формирование реакций, которые часто становятся противоречивыми (ветвь 4), а потому их обработка в мозгу направляет тело на ложный путь. Как говорят: хотел одно, вышло другое, думал так, получилось этак. Оторванность тела от остальных людских составляющих обрекает его на неизлечимую болезненность, поэтому данный этап самоосвоения назовём этапом боления-лечения. Он характерен для первого, самого *примитивного* прикосновения разума к самому себе.

Поскольку следование идее лечения ведёт к упадку и деградации, людям для выживания необходимо перейти ко второму этапу самоосознания. Его суть иллюстрируется рисунками 2 ÷ 10 и заключается в поочерёдном внесении элементов тела в своё внутреннее пространство с последующим созданием мысленного образа такой отчётливости, чтобы получить надёжные ощущения действительного присутствия нового фрагмента.

Так были размещены некоторые мягкие органы и кости рук головы, таза, ног. Сама процедура освоения и сам мыслительный процесс не зависели от того, какой именно объект осваивался. В каждом случае сформированный зрительный образ переносился внутрь и там конкретизировался. Как только работа с потребной деталью заканчивалась, кончался и весь мыслительный настрой на эту деталь, внимание к ней ослабевало, и о ней забывали до следующего очередного обращения. Освободившееся внимание сосредоточивалось на следующем фрагменте, вживание в который не отличалось от ранее проделанной процедуры. Отсюда становится очевидным, что для освоения себя используется один и тот же участок сознания. И сколь бы необычными не казались

отношения с очередным элементом, мыслительный потенциал всё равно будет соответствовать малой части, а не большому целому. Это значит, что на обслуживание всей умности человека, какой бы великой она ни казалась, расходуется лишь крохотная доля потенциального разума сущности. На рис. 21 она представлена кружочком 5, выделенным из совокупного сознания. Сейчас не под силу определить, какие количественные пропорции устанавливаются между полным и задействованным сознаниями, однако, судя по единичным взлётам людской одарённости, можно предположить, что для земной жизни и личностного наполнения из имеющихся закровов отводится всего-то малая малость.

Всвязи с этим работает не полный объём мозга, а лишь его отдельные участки, рис. 21,6. Остальные мозговые обширности оторваны от надзора сознания, потому предоставлены самим себе и, если поддерживают действия тела, то вяло, расходуя на это потенциал незрелых структур, сформированных в период роста организма. Отсюда исходит порочность идеи лечения.

Тело оказалось таким, каким стало в итоге, при его лепке всей массой эмбрионального, послеродового и растущего мозга. При этом каждой единице мозга в обязательном порядке должна соответствовать определённая единица тела. И пока такое соотношение действительно выдерживается, получается так называемая здоровая структура. Однако по мере становления организма активная часть мозга уменьшается вслед за уменьшением задействованной части сознания. Сразу возникает неразрешимая проблема разумного управления телом при посредстве малой, случайной и вялой части, в то время, как объект управления имеет такую сложность, с которой может справиться только *весь* мозг.

Разрешение данного конфликта в рамках принятой концепции бытия невозможно. Вслед за дряхлеющим телом будет снижаться доля активного мозга, что повлечёт *одряхление дряхлого*. Долго тянуться это не сможет. Ныне живущие уже наблюдают казалось бы невозможную картину: до десяти процентов мужчин не имеют семени вообще, примерно 15 % оставшихся – носят в себе неполноценное семя, около 85 % – не могут удовлетворить женщину, почти у 100 % – объём эякулята в течении всего ста лет снизился чуть-ли не в 10 раз, сперма чаще напоминает жидкую водицу, пригодную лишь для кое-какой закладки тела и начального роста, но не пригодную для наполнения его силой, необходи-

мой для такой трудной работы, как жить. Ещё более удручающий перечень можно привести относительно здоровья женщин.

Но, кроме мужчин и женщин, в людской популяции никого более нет. И если они погружаются в немощь, значит с планеты уходит разум. Тогда был ли он вообще на ней? Возможно ли то, что представлено наблюдаемым вариантом, уподобить разуму? Наверное можно, при условии, что будет найдена мера недопустимого, популяция сумеет осознать себя и успеет развернуться ...

Поочерёдный осмотр тела с помощью случайно вспыхнувшей порции сознания имеет явные преимущества по сравнению с прежним отношением к плоти, когда она воспринималась, как сама суть человека. При обследовании обнаруживаются очаги с изменённым состоянием, откликающиеся на мысленное обращение к ним пока ещё щадящим болезненным ощущением. Сразу становится ясно: это место скорого заболевания и нудного лечения, что не приемлемо для осознающего себя. И чтобы не быть униженным хворью, фактический властелин тела начинает борьбу с посягателем. Для этого он сосредоточивает своё сознание на сигналищем месте, воссоздаёт мысленную копию подозрительного поля и, подавляя болевой протест захватчика, направляет в оккупированную область восстанавливающий поток, содержащий собственное понимание физиологического покоя своего же органа.

Такому пониманию, вроде бы неоткуда взяться, однако, при включённой связи: сознание – мозг – тело, спасаемый участок начинает подсказывать, что ему нужно, перераспределением затихающей боли. Она, перемещаясь по толще органа, увлекает за собой сознание и задерживает его до тех пор, пока в данном месте не установится умиротворение. Вскоре предупреждающая болезненность сменяется спокойной благодатью.

На выполнение описанного уходит столько времени, сколько требуется для чтения написанного. Болезнь уничтожается без лечения, без участия посторонних, без отравляющих лекарств и без оскорбительной немощи. Столько преимуществ получаем даже при частичном использовании личных возможностей.

Однако эти преимущества наблюдаются только в освоенных структурах: только в понятой части сознания, только в активной части мозга, только в проверенной части плоти. А что происходит в неохваченных закоулках? Там царит болезнь, ибо отсутствует организующая сила сознания. Оттуда грозят набеги хвори.

Потому вариант последовательного просмотра тела занимает промежуточное положение между режимом боления и режимом неболения. Для определённости назовём его этапом боления-неболения. На Земле пока нет людей, взошедших на эту ступень. Кроме думающих подвижников, изучающих и творящих себя.

Дальнейшее познание своей сути связано с уменьшением и даже искоренением бесконтрольной массы тела, где прячется недуг. Казалось бы, этого можно достичь путём наращивания числа просмотренных элементов. Однако такой количественный рост не меняет принципа освоения себя, ибо новые фрагменты станут постигаться теми же усталыми малыми долями мозга. Остальная мощь сознания в рамках принципа последовательного овладения телом остаётся недоступной, и потому неспособной проявиться в данном воплощении. А раз так, она становится заинтересованной в ускоренном прохождении земного пути и возвращении через процедуру смерти к другим реалиям. Практически её интерес выглядит непрерывным шествием болезней, в борьбе с которыми истощается целительный потенциал перегруженной части сознания. Тогда наступает ... предсмертная агония.

Полное устранение оплота боления связано с освоением неизвестного доселе воззрения. Его суть заключается в приобретении способности ощутить *всё своё сознание сразу*, целиком и одновременно, а также в умении подчинять сознанию *весь* мозг и через него *всё* тело. Этим устанавливается фактическая и предельно используемая связь сознания с мозгом и телом, при которой каждому элементу одного участника обязательно соответствуют относящиеся к нему элементы двух других соучастников. Тогда в конструкции, называемой человеком, соберётся ровно столько наполняющих его деталей, сколько востребуется сознанием по уровню его собственного развития. В человеке не будет лишних и недостающих звеньев, а те, которые необходимы, окажутся объединёнными в единую сущностную систему.

Подробнее данную позицию рассмотрим на примере. Снова обратимся к рис. 2, где изображено внутреннее пространство человека. Начнём, как и прежде, заполнять его типовыми элементами тела. Внесём сначала кости головы и приложим мысленные усилия для достижения уверенности, что внедрённый фрагмент ощущается как свой, т.е. принадлежащий не кому-то, расположенный не где-то и действующий не как-то, а именно так, как тре-

буется тому, кто вносил. В результате проделанной работы устанавливается поющая связь сознания и конкретного органа.

В этом случае уже освоенный участок при последовательном заполнении тела покидался сознанием. Всякое общение с ним прекращалось и он волен был жить по своему усмотрению, вплоть до следующей встречи. Сознание принималось за очередной фрагмент, и так до полного охвата всего, что удавалось обнаружить.

И сколько бы ни было таких фрагментов, все они анализируются одним и тем же участком мозга. Это ситуация вынужденная, поскольку по-другому поступать мозг ещё не приучен. Ко времени овзросления у него исчезла способность управлять каждой единицей тела предназначенной именно для неё единицей мозга. Потому всё, к чему сознание проявит интерес, будет воспринято посредством его малой части, случайно оказавшейся активной. Её стойкости хватает не надолго: уже с младости досаждают болезни. Их наличие должно было бы нацелить людей на поиск причин возникновения, и тогда они, если бы обладали вольным умом, непременно дошли бы до уяснения истоков самого феномена тела и до роли сознания в структуре человека. Вместо этого укоренился цеховой подход с бессмысленным терзанием беспомощной плоти. Это действо называли неосознанным словом: лечение. Оно породило клан лекарей и лечащихся, составляющих вместе порочную массу, лишённую сознания. Ведь ясно: чтобы не лечиться, нужно не болеть. Однако для раскрытия смысла последней фразы необходимо иметь свободный ум.

Вслед за освоением черепа во внутреннее пространство вносятся кости рук. В этот момент начинается иное отношение к сознанию. Если раньше оно *освобождалось* от прежнего предмета анализа и наваливалось на очередной объект всей крохотной мощью своей, то теперь такое освобождение *недопустимо*. Это значит, что восприняв кости головы как свои, и получив от них подтверждающий отклик, сознание должно сохранить в себе ощущение прежнего органа в полной силе, и в таком нагруженном состоянии перейти к освоению следующего органа.

Такое мыслительное упражнение не свойственно людям. Известны случаи удержания *в голове* нескольких вещей или событий, но всё, что удерживалось, находилось во внешнем пространстве и принадлежало миру *не я*. Здесь же нужно обычные глаза заменить мысленным проникновением и не столько узреть, сколько

понять, ощутить нечто конкретное, скрытое в глубинах личного тела. Первые попытки получить хороший отклик сразу от прежнего и очередного элементов покажут, что новое без усилий не даётся. Трудно привязать внимание к двум объектам сразу. Оно так и норовит соскользнуть на освоенный участок, оттуда улизнуть в область будничных интересов, по пути отвлекаясь и подсовывая для размышлений дежурную тему. Спohватившись, приходится приступать к той же работе сначала, уже в осложнённой обстановке: плоть, защищая свободу, окутывает сознание отвращением к жизни, тошнотой и болью. Атака бывает настолько сильной, что выступает пот, трясёт озноб, тело исходит рвотой и потоком слюны, желудок изводится резами и горло содрогается позывами удушья, туманятся глаза, наступает слабость ...

Но что произошло? Откуда столько неприятия? Ведь не было насилия, отравления, ранения. Всего-то и дела: мысленно взглянул на свой же орган. И тому не по нраву. Сам взвился и всколыхнул в протесте весь организм. Во имя чего? Почему?

Такое резкое проявление агрессии стоит выше простого сопротивления инертной массы. Это реакция выведенного из равновесия животного. Действительно, в книге *миры*³² показано, что тело сущности имеет мерность на единицу меньшую, чем мерность сознания данной сущности. Применительно к человеку это обозначает неравенство составляющих его частей: трёхмерным у него является только один орган – мозг. Всё остальное тело двумерное, т.е. менее развитое, и по отношению к окружающей среде – сознанию и мозгу – сродни уровню примата.

Потому воюют не эфемерные, не выдуманные стихии, а конкретные субъекты, и доля объекта, в котором они столкнулись, будет весьма различной в зависимости от того, кто победит.

В эпоху боления-лечения внутренний примат набрал сокрушающую силу. Тысячелетнее господство превратило его в полноправного хозяина того, что называется человеком. И поскольку владыка примитивен, всё, чем он правит, будет ещё примитивнее. Печальна участь людей, неосознавших себя. Земляне жили и живут телесностью, но впредь ей кориться – значит не быть.

Хотя и непривычно, однако, как и прежде, следует пойти на боль. Она тут же обрушит на смельчака всё, на что способна, стремясь оглушить и подавить. Но если её выходы отслеживаются сознанием, боль сникает. Сначала через десятки минут, потом

через минуты, а в дальнейшем окажется достаточным краткого мысленного приказа. Вслед за этим приходит удовлетворение. Оно знаменует появление существа, начинающего творить себя.

Праздником для настойчивого станет освоение первой пары внесённых органов. Кажется, понята самая суть и дальше простирается формальная работа. Лучше сразу же отказаться от такого обмана, ибо разочарованные ломаются быстрее. Трудности будут нарастать с каждым присоединённым элементом. Уже потом, когда внутренний мир вспыхнет и озарится сознанием, пройденное покажется таким простым и даже забавным. А пока ...

Ситуация освоения двух фрагментов тела показана на рис. 13. Поющая связь устанавливается с каждым элементом по отдельности, и в дальнейшем должна сохранять индивидуальную окраску. Это значит, что ощущения костей головы необходимо получить именно от костей головы, ощущения рук – только от рук, ощущения туловища – персонально от туловища и т.д. Поначалу могут появиться затруднения в определении соответствия органа и отклика, спровоцированные кознями бунтующего тела. Плоть победить окончательно весьма непросто. На каждом шагу она будет навязывать сознанию отвлекающие картины и, по мере наступления на неё, приёмы отвлечения станут всё изощрённее.

Так, при начальной работе с очередной частью тела, когда восприятие ещё не сложилось, внезапно возникнет тёплое течение, похожее на подлинный отклик. Если поверить телу и принять этот сигнал, то в сознании, а соответственно и в мозгу сформируются структуры, не имеющие телесного представительства. И тогда усилия по овладению данной областью направятся в другое место, где они принесут вред. Потому принесут вред, что нарушится линия воздействия: именно этот участок сознания творит конкретно этот фрагмент мозга, а он уже наращивает для себя сгусток материи. Каким окажется этот сгусток, зависит от сознания. Сложится в нём, например, случайный образ сердца или почек, или любого другого органа, таким он и вырастет, а уже выросший станет своей структурой отслеживать изменения сознания.

В эпоху боления-лечения сознание под тяжестью жизненной нагрузки сникает и увядает. Вслед за ним слабеет и тело. И никакие лекарские потуги не оживят то, что живым не было никогда. Тело – лишь ведомый инструмент. Правит им сознание, потому для достижения лечебного эффекта обращаться нужно к нему,

к сознанию. Но ... если опираться на сознание, то процедура лечения становится не нужной, ибо сознание поведёт человеческую сущность в область неболения. Лечение превратится в страшное, но победимое зло. Истинное поле брани внутри человека.

Итак! Распознав и устранив протесты плоти, творец своего человеческого достоинства обретает самое главное: умение делать себя таким, *каким намерен быть*. Освоив один орган, он перейдёт ко второму, третьему и ко всем остальным, которые сможет обнаружить в густо населённом внутреннем пространстве. Путь познания условно отображён на рисунках от рис. 14 по рис. 19. Важно при этом придерживаться правила: данному элементу в обязательном порядке должна соответствовать индивидуальная окраска отклика, причём, отклики от различных элементов, сколько бы их ни было, не должны усредняться, смешиваться или же объединяться в пучок: важно, чтобы все они виделись *сразу и одновременно*, несмотря на отвлекающие козни примата.

Тогда каждая порция плоти подсоединится к ответственной за неё порции мозга, а та в свою очередь взращивается конкретной порцией сознания. Или наоборот: определённая доля сознания формирует для своих потребностей особую мозговую структуру и вынуждает её ваять нужный материальный объект. Количество сознания при такой организации станет равным-эквивалентным количеству мозга и равным-эквивалентным количеству плоти. Ни одна часть человека не сможет иметь недостающего или лишнего содержания. Болеть, стареть и умирать нёчему!

Наступит эпоха неболения. Люди тогда станут другими. С новыми культурой, житейскими ценностями и стремлениями. Нас они воспримут, как неандертальцев. Но без нас не появятся они, как и мы невозможны без древних. Развитие – это ещё и понимание своего места в беспредельности разума.

Единство сознания, мозга и тела наглядно представлено на рис. 22. Окрепшее сознание неисчислимыми лучами, кажущимися слитыми в единый поток, освещает деятельный мозг, который властно управляет материальным телом. При достижении такого состояния поющим оказывается весь человек, ибо все его составные части согласованно работают друг на друга. В соответствии со своими познавательными запросами сознание собственными усилиями создало материальное приложение к себе, а практическое использование приложения поставило сознанию то, на что

оно и рассчитывало. Антагонистические конфликты в полученной согласованности исключаются и остаются лишь трудности выбора оптимального движения. Тогда открывается возможность в течении одного воплощения исчерпать задачу освоения начального трёхмерья и больше не возвращаться в суровые условия Земли. Для стороннего наблюдателя поющее тело сохраняет привычный вид. Для самого себя оно становится просматриваемым насквозь. Видны крупные и мелкие органы, длинные и короткие тяжи, мягкие и твёрдые образования, жидкие, вязкие и густые среды, всё, что есть в теле, будто само стремится показать себя во всех своих пропорциях, связях и, кажется, даже в привязанностях к соседям. Телесное величие слегка пульсирует, чувствуется его погружение во что-то важное, значительное и неизвестное. Сознание равномерно распределено по всему телу и снаружи тела, поэтому воспринимает происходящее со всех сторон без теней и затемнений, одновременно и в развитии. Мягким светом, льющимся со всех сторон, выделяются области разного соответствия своему назначению. Сильно отклонившиеся прямо-таки напирают на сознание, стремясь обратить на себя внимание. Если же таких нет, внутреннее *пространство озаряется сиянием торжества*.

Всё, показанное на рис. 22 правее сознания, является его личным инструментом. Он воспроизводится каждый раз заново в очередном воплощении для выполнения сущностного роста. Это обменная часть, которая придаёт бестелесному сознанию в земных условиях статус человека. Есть инструмент – есть и человек. Нет инструмента – нет и человека. Сознание же в этих превращениях остаётся прежним. Если по вине тела оно не сможет выполнить своё задание, ему придётся претерпеть в будущем много кругов трудного земного становления. И поделом ему, т.к. тело *не может иметь вины*. Оно будет таким, каким вылепит его сам страдалец. И если человек страдает, то на данном этапе развития нет других возможностей обратить его внимание на самого себя и на его деяния. Ему уготованы страдания нарастающей силы до тех пор, пока, учась по крохам в непрерывной цепи мучений, он сможет накопить понимание себя, достаточное для избавления себя же от образумливающего давления. Так что освоение неболения – это не только устранение страданий сейчас. Это вклад в теперешнюю и будущую судьбу и в познание смысла бытия. Каждый творит себя сам. При участии других, но не другими.

С О О Т В Е Т С Т В И Е

На рис. 23 показаны уровни соответствия тела требованиям сознания. Всего их три: боления-лечения, боления-неболения и неболения. Людям известен только первый из них. Он начинается в глубине прошлых эпох и тянется до сих пор, отслеживая становление человека. Раньше недолетевший камень, неосиленная работа или не поднятый валун показывали изменение собственных сил и сразу определяли виновного. Конечно же, это был сам ослабший. Неблагополучие крылось в нём, и для благополучия надо было воздействовать на него: на целого, конкретного и сплошного. Под стать этому выбирались и средства воздействия: холод, тепло, стихии, обряды ... такие же очевидные, непонятные и большие.

Все эти действия вытекали из сознания и они не могли быть теми, которые по своему замыслу стояли бы ниже или выше того, на что сознание было способно. Ведь сначала нужно вообразить топор или пещеру, стрелу, западню, и лишь потом возможно их материальное воплощение. Представление колеса даёт шанс его появлению. Особенность всего, что осознавалось в прошлом, осознаётся сейчас и будет ещё долго осознаваться впредь, состоит в принадлежности объектов интереса к внешнему пространству человека. С самого первого проблеска мысли внимание мыслителя устремилось вовне. К нашему времени сторонний взгляд на человека достиг абсурда. Люди в своём самоощущении всё ещё плотные и сплошные, как и многие века назад. И каждый люд готов заниматься другим таким же людем только потому, что этот другой понятен: он снаружи. И тот другой примет участие в первом опять же по той причине, что предмет находится в поле обзора материальных глаз, т.е. в привычном внешнем поле.

Но никому из живущих пока не по силам преодолеть барьер отчуждённости от самого себя. Почему бы не заглянуть внутрь и спросить: „А что это внутри меня? Почему оно именно такое? Да и вообще, чьё оно и кому принадлежит? Неужели мне? ”

Если да, то что это значит? Может то, что почки и я – одно и то же? Тогда им должно быть по уму абстрагирование, поэтизирование, увлечённость. В какой-то мере органам, возможно, присущ полёт фантазии, но не настолько же, чтобы стать вровень с

личностью. Да и вообще, откуда взялось всё то, что размещено в теле? Ведь не мог всё это сделать я? Тогда кто? И зачем?

Сколько эпох, столько ответов. Было случайное, персональное и повсеместное творение, было идущее ниоткуда и уходящее куда-то саморазвитие, была одномоментная лепка чуда природы. И во всех вариантах поселенец Земли представлялся плотным, сплошным, удивлённым своим появлением и даже вовсе к нему непричастным. Что, дескать, поделаешь, если вынудили жить. Такое отношение к себе наблюдается и сейчас. Стоило только обнаружить органы, как тут же стали искать жизненное начало поочерёдно в каждом из них. Не нашли. Открыли кровь, лимфу, нервы, системы, барьеры, мозг ... и там нет. Узнали клетку, её деловитые органеллы и добрались до самых глубин – ДНК, но найти повинного в том, что живём, так и не удалось³².

И не удастся, ибо поиск ведётся там, где разыскиваемого нет! Идея, что разум проистекает, исходит и всплывает из тела, изжила себя и давно стала очевидным воззренческим тупиком. Точно таким же тупиком, как и основанная на ней нелепость под названием лечение. Вековые попытки создать жизненно устойчивое существо путём воздействия на плоть, привели к обратному эффекту: существо оказалось деградантом³³. Трагизм случившегося состоит в неспособности больных понять то, что они больны. Их сознанию нужен проясняющий толчок, и если удастся привести сникающий разум к уяснению необходимости осознания самого себя, то после настойчивой работы появится надежда на возрождение.

Люди, чтящие законы сохранения массы, энергии, импульса, напрочь лишены способности применить проверенные знания к самим себе. Ясно же: для создания разума кратковременного использования всего на одну земную жизнь, необходима бесконечно большая энергия, что неподъёмно даже Богу. Где-то в глубинах непознанного зачем-то должна возникнуть потребность в особой форме движения, которую сами движущиеся воспринимают как жизнь, затем надо придать направленность движению, обеспечить стимулами роста и снабдить оценочными вехами, предусмотреть выгоду и круговорот движущейся стихии для придания устойчивости миру. И всё это за несколько десятков лет? Даже при отсутствии окончательных знаний о смысле жизни, те знания, которыми уже располагают люди, вынуждают их признать составность собственного естества. Этот факт засвидетельствует

возросшее качество и зрелость земного разума, уже способного выделить и уяснить части, ранее принадлежащие якобы сплошному объекту – человеку, и начать отсчёт нового мировоззрения.

А если бы такое предложение сделать мартышке? Возьми-ка ты, милашка, да и разберись, что делаешь ты, а что твоё тело. Был бы эффект? Наверное, да: бананом в лоб. Тогда попробуем побеседовать на эту тему с шумерийцем, вавилонянином, скифом, эллином и даже с аристократом романовской поры. Скорее всего вопрошавшего обойдут стороной, как человека не в себе. А что скажет о составности наш весьма образованный современник?

Ответ на последний вопрос читатель должен сам пропустить через всю глубину себя: современник отнесётся к составности человека *согласно уровню развития своего личного сознания*. Другого не дано. Никакие доводы и разъяснительные усилия не помогут убедить Цезаря в том, чему нет опоры в его сущности, к чему не подготовлена психика и до чего не дошло развитие. Цезарь, прочитав о влиянии мыслительной силы на собственное тело, воспримет изложенное в лучшем случае, как попытку отвлечь от насущных дел. Ведь ясно же: если болит, значит нужно сделать так, чтобы не болело, и разговорами здесь не поможешь, надо действовать. Уверенному в себе и знающему, *что есть правильно*, пока ещё не дано уяснить, что действовать и поступать следует до боления, тогда само боление не наступит и не нужно будет так действовать, как только и умеет всезнающий правильный.

Постижению доступно лишь то, что соотносится с мировоззрением. Кухарке, пока она кухарка, понятна лишь кухня.

На рис. 24 показано влияние сознания на тело. По вертикальной оси отложено состояние телесных частей, а по горизонтальной – время. В получившейся координатной плоскости выделена область сознания и порождаемая им область тела. Каждая из них состоит из трёх линий, отображающих этапы становления людского отношения к собственному мироощущению. Линии 1с, 1т характеризуют изменение сознания и тела на этапе боления-лечения, 2с, 2т – на этапе боления-неболения, 3с, 3т – на этапе неболения.

Сознание в момент оплодотворения входит в материальный мир. Слившиеся клетки родителей образуют зиготу, являющуюся начальным телом воплощающейся сущности. И как только слияние произошло, рассуждать о здоровье потомка *поздно*: его здоровье уже определено родительским репродуктивным материалом.

В дальнейшем свою жизненную поступь потомок будет выстраивать, опираясь на заложенное качество. Если он станет слабеть при неумелом обращении с телом, то отсчётом хорошего самочувствия окажется то, что развернулось бы к этому времени из родительского вклада при условии бережного отношения к нему. Если же удастся укрепиться статью, то опять же по отношению к возможному состоянию. Отсюда вытекает, что именно это возможное состояние и есть мера здорового тела. Сама мера формируется на дозародышевом этапе, т.е. при жизни родителей. Существо, вступающее в жизнь, снабжается ими некоторой порцией силы, потребной для такой тяжёлой работы, как жить. И потом, живя, приданое богатство можно приумножить или извести.

Люди на этапе боления-лечения игнорируют воспроизводящую значимость дозародышевого периода развития человека с задиристым вызовом обречённых. Даже исполненный трудностями зародышевый путь от оплодотворения до рождения считают важным, но не определяющим. Сложилось мнение, что воспитанием можно исправить и даже вовсе устранить недостатки, внесённые в новый организм по вине родительского семени или внутриутробного развития. Это заблуждение приводит к тому, что общество раньше наполнялось, а теперь переполняется ущербными особями, неспособными отвечать за свои поступки.

Обозначим сознание воплощающейся сущности в точке оплодотворения через U_{1C} . Наличие сознания в момент зачатия – не воспринимаемый факт в рамках земной культуры. Считается, что слияние сперматозоида и яйцеклетки происходит исключительно под влиянием их собственных внутренних побудительных сил. Однако, как показано в работе *миры*³², это вовсе не так. Весь сценарий выбора партнёров для репродуктивного совокупления, его подготовка и осуществление, а также встреча зачинающих клеток происходит при организующей работе того пока бестелесного сознания, которому пришла пора обрести плотное тело.

Пониманию землян доступен лишь малый эпизод этого сценария, разыгрываемый в материальной части пространства. Всё богатство их эмоций, связанных с любовью, продолжением рода и семьёй – это следствие всё той же целенаправленной работы сознания, готовящего для себя условия вхождения в мир вещества. Цель вхождения – приобретение очередной порции опыта, позволяющего сознанию несколько возрасти и превысить отметку U_{1C} .

Эта цель – есть единственный аргумент, оправдывающий земную жизнь. Если развитие сознания, принявшего вид человека, способствует повышению U_{1c} , тело, посредством которого достигается рост, поддерживается в так называемом живом состоянии.

Его суть состоит в том, что тело на протяжении всей жизни управляется начальным сознанием U_{1c} и дальнейший рост U_{1c} для совершенствования формы не используется. Лепка тела на этапах оплодотворения, эмбрионального, детского, юношеского, взрослого и старческого периодов развития, происходит под воздействием одной и той же организующей силы – сознания с уровнем U_{1c} . Здесь скрыто неразрешимое противоречие: непрерывная добавка качества сознания должна обеспечиваться застывшей телесной конструкцией. Застывшей потому, что возрастные изменения тела не являются самостоятельными, т.е. такими, которые порождаются самим же телом. Эти изменения наступают как следствие приспособления формы к потребностям сознания.

При младости неспешность становления происходит всвязи с неспособностью материальных физико-химических процессов вооссоздать требуемое за более короткий срок. В зрелом возрасте компановка тела останавливается на том пределе, который ещё доступен тем же физико-химическим процессам. Если бы удалось в нашем кубическом мире хотя бы на малую долю изменить привычную физику явлений, тело без всякого понукания принялось бы дорабатывать себя в направлении большего соответствия всё тому же сознанию с размером U_{1c} . Одному и тому же сознанию, входящему в материю в разных мирах, обязательно будут соответствовать особые формы, определяемые местными условиями. В старости изнашивание организменной конструкции меняет свойства телесной пробирки, затрудняя протекание всё тех же физико-химических реакций, вследствие чего нарушается соответствие тела уровню собственного начального сознания U_{1c} .

Описанная закономерность отображена на рис. 24 линией 1_c . Она начинается с отметки U_{1c} и до начала зрелости стремительно нарастает, демонстрируя этим значительное добавление опыта во время становления личности. Нарастание продолжается и на этапе зрелости, однако, с заметно меньшей скоростью. Старение чаще всего сопровождается потреблением своего же опыта, поэтому рост кривой, если и есть, то малоощутимый. Линия 1_c отображает сознание, которое приходит на Землю с размером U_{1c} , а уходит

возросшим до урона $U_{1\text{Свых}}$. Ради прироста $\Delta U = U_{1\text{С}} - U_{1\text{Свых}}$ сознание посещало мир людей. Значение ΔU полностью характеризует человека. В силу запрета на попятное движение, ΔU не может быть меньше нуля. Если $\Delta U = 0$, прожитая жизнь выглядит зряшной: потерь не было лишь потому, что они недопустимы по условию развития миров³², но не было и приобретений, несмотря на муки воплощения. Это сознание вынуждено снова возвращаться в неосвоенную ситуацию, по-прежнему страдать, много рождаться и умирать, и так до тех пор, пока трудный участок не окажется освоенным. При $\Delta U > 0$ цель воплощения достигнута: получен положительный прирост опыта. Велик он или мал – это вопрос скорости оразумления, и он важен для определения судьбы сознания на земном и бестелесном этапах развития.

При $\Delta U \approx 0$, т.е. в случае, когда прирост опыта лишь незначительно отличается от нуля, имеем людской вариант самовосприятия. Практически этот вариант обозначает, что самовосприятие отсутствует. А то, что присутствует, нельзя назвать воспринятым, поскольку относится к несуществующему объекту: цельному, плотному и сплошному, внутри которого якобы созревает разум.

Такой упрощённый подход ведёт к отстранению человека от самого себя. Носитель сознания оказывается неспособным понять собственную значимость. Или иначе: он не достиг ещё того уровня зрелости, когда сознание использует себя же для саморазвития. Но если саморазвития нет, тогда оно не имеет других действенных инструментов познания, кроме личного тела.

И снова наблюдаем конфликт. Сознанию необходимо для роста качественное тело, а тело может быть только таким, каким его сформирует сознание. Практическое разрешение противоречия сводится к созданию плотного тела. В момент зачатия оно начинает свой путь под действием сознания с размером $U_{1\text{С}}$ и, когда к зрелости тело достигает соответствия $U_{1\text{С}}$, его дальнейшее совершенствование прекращается. Инструмент воздействия на материальную среду каким получится к этому сроку, таким и останется на всём земном пути. Улучшиться он не сможет, ибо нет вынуждающих причин. Он будет только ухудшаться всвязи с изнашиваемостью, как всякая твёрдая конструкция.

Случай $\Delta U \approx 0$ отображает теперешнее бытие человека. Тело, оторванное от сознания, предоставлено самому себе. И поскольку его поддерживает воплощающееся сознание $U_{1\text{С}}$, какое-то время

оно будет поставщиком впечатлений о среде. Но постепенно его возможности как познавательного приспособления станут снижаться, что равноценно торможению развития сознания. И наконец, наступит период, когда тело окажется не в состоянии поставлять новые впечатления в нужном объёме. Тогда сознание прекратит свой рост. Поскольку остановка недопустима³², телесная форма заменяется на бестелесную через явление смерти.

Это и есть ситуация боления-лечения, при которой однажды изготовленное тело вбирает все творящие потенции сознания в себя и становится инструментом с конкретными свойствами, пре-
взойти которые не сможет никогда. Только это состояние тела и можно назвать *здоровым*. На рис. 24 ему соответствует линия 1т. Она начинается в точке зачатия и интенсивно растёт в период становления. При достижении зрелости линия застывает на какой-то случайной отметке T_1 . С переходом к старению этот уровень снижается до нуля: наступает смерть *тела*. Сознание же покидает вещественный мир с возросшим значением $U_{1C_{вых}}$.

Сравнивая ход линий 1с, 1т, видим их взаимную интегрально-дифференциальную зависимость³⁰. Это значит, что при линейном росте сознания тело окажется в состоянии константы, т.е. примет вид застывшей структуры, рассмотренной выше. Или наоборот: застывшее тело способно обеспечить только медленный линейный подъём сознания, но большего от него добиться не удастся. Получается, что сознание может развиваться без дополнительной доработки тела. Но такое развитие отличается особой неустойчивостью всвязи с отсутствием соответствия между добавленной порцией сознания и бесконтрольно действующим телом. Что и наблюдается в режиме боления-лечения.

Из покинутого тела выжимается всё возможное, и оно будет входить в состав человека, пока сможет приносить пользу сознанию. Даже при таком интересе сознание расходует лишь малую долю самого себя на создание тела. Поэтому тело, отображая вещественный мир, загружает не всю бестелесную сущность³², а только какую-то её часть. Суть излагаемых далее воззрений боления-неболения и неболения состоит в обретении способности к использованию в земной жизни именно незадействованных творческих потенций невидимой составляющей человека³². Методика такой выработки способностей описана на примере размещения во внутреннем пространстве своих органов согласно рис. 1 ÷ 19.

В желании сделать своё тело своим, заложено стремление ход линий 1с, 1т изменить за счёт изменения застывшего состояния тела и побуждения его к развитию. Сделать это можно при обращении сознания к самому себе, утверждая себя в качестве носителя творческого начала. Систематическая работа над собой будет сопровождаться ростом сознания значительно более интенсивным, чем линейное, например, степенным.

Тогда при малом показателе степени, на уровне квадратичной зависимости, получим промежуточный режим: боления-неболения – линии 2с, 2т. Если же степень роста сознания превзойдёт кубическую, наступит эпоха неболения – линии 3с, 3т. Общая закономерность такова: тело есть производная³⁰ от сознания. Если сознание U растёт по закону $U(N) = KU^N$, где N – показатель роста, K – размерный коэффициент, то на формирование тела будет задействована только его часть, равная $dU/dN = NU^{N-1}$, где d – символ дифференцирования. В свою очередь, эта часть в силу многочисленных мешающих причин создаст материальное тело не в точном соответствии с собой, а с отклонениями, тяжесть которых определяется структурой сознания.

Составность живого наблюдается не только на земном плане. Она прослеживается и дальше в той области, куда уходит нематериальное продолжение объекта под названием человек.

Итак, сознание, истинные размеры которого на этапе боления-лечения неизвестны, выделяет из себя какую-то малую часть и поручает ей изготовление тела. И если бы выделенцу удалось без помех создать тело, то получившийся образец полностью соответствовал бы познавательным потребностям скрытой от человека развивающейся сущности. Обозначим его возможности через T_1 . Однако на пути воплощения так много помех, что часто из-за них приход в материальный мир становится невозможным вообще. Потому фактическое тело всегда слабее исходного замысла – $T_{1ф}$. На рис. 24 эта ситуация отражена затенённой площадью, расположенной ниже линии 1т. Поскольку ум человека пока не может понять суть линии 1т, то в силу незнания данной закономерности, ему остаётся только принять состояние, отмеченное линией 1тф, за так называемую реальность и термин *здоровье* отнести именно к этой реальности. В связи с неосвоенностью собственного творческого потенциала по отношению к самому себе, уже при рождении теряется телесная прочность $\Delta T = T_1 - T_{1ф}$.

Эти потери принципиально не устранимы в рамках установившейся концепции боления-лечения. Более того, значение ΔT от века к веку возрастает, отслеживая одряхление людей. В последние десятилетия прочность тела снизилась настолько, что оказалась пройденной черта обратимости. Только решительное прозрение может дать шанс на сохранение вида.

Мировоззренческая допустимость боления подавляет обе телесные составляющие: T_1 и связанную с ней — $T_{1ф}$. Пока болезнь будет позволена как явление, пока сознание будет оторвано от тела и пока человек не осознает свою виновность за пребывание в немощи, зачернённая площадь на рис. 24 будет уменьшаться. Совсем скоро она станет такой малой, что жизнь окажется невозможной. Остановить падение сможет только хозяин положения: само сознание или в земном варианте: человек. Именно он обязан осмыслить себя настолько, чтобы смочь пользоваться огромной силой, заключённой в творящей мощи сознания. Путь к этому пролегает через достижение состояния неболения. Человеку такое по статусу, по уму и по необходимости.

ФАКТИЧЕСКОЕ ТЕЛО

Когда-то найденный скелет натолкнул на мысль узнать по нему подробности проживания древнего существа. Для этого были задействованы исследовательские возможности общества на момент открытия, в результате чего совокупное знание получило некоторый прирост. Поумневшие искатели следующую находку изучили более тщательно и стали ещё умнее. Постепенно проследили историю появления жизни на планете вплоть до её горячего состояния. И нигде не было обнаружено следов творения, намёков на зарождение или на привнесение со стороны. Могучая мысль самых современных учёных оказалась недостаточно могучей: образованные земляне и по сей день не знают, откуда они взялись и кто подарил им всё остальное живое. По этому поводу даже и

приблизительных предположений нет. Но зато вскрыт конфликт между мерностью сознания и уровнем познавательной задачи. Только человек в его стремлении к преобразованиям способен на абсолютизацию своих мыслительных способностей. Собственные возможности кажутся безграничными в силу несовершенства его ума. Он отчаянно убеждён, что достаточно приложить себя к проблеме, как *имеющимся в наличии* рассудком можно раскрыть и даже исчерпать ранее непознанное.

Так человек энергично взялся за выяснение истоков живого и зашёл в тупик⁸. Он так же настойчиво колол, делил и обстреливал атомное ядро в надежде понять структуру материи, добрался до невероятных глубин и снова угодил в тупик²⁹. Познавая явления, он споткнулся о застывшую скорость света и опять воткнулся в тупик⁴⁷. Затем он взялся за освоение заземелья и дальше начальных шагов продвинуться не смог²⁰. То же наблюдается в космогонии в планетогенезе^{19,45}, в биологии³³, в растениеводстве и во многих других областях, где себя не понимающий человек пытается получить кардинальный результат.

Ему сопутствует успех до тех пор, пока мерность сознания³² его достаточна для решения задачи. Например, изучение органической жизни проводилось людьми, личностное развитие которых соответствовало периоду перехода планетарного сознания от плоскостного к объёмному мировосприятию. Им были доступны уже такие технологические приёмы поиска, как географическая привязка, раскопки, установление временны́х интервалов, трактовка находок под принятым углом зрения, систематизация образцов и многие иные этапы получения нового знания. Однако эти этапы вытекали из двумерного сознания тогдашних учёных, характеризовали породившее их двумерное сознание, были ориентированы на получение сведений, удовлетворяющих двумерное сознание и оно же, т.е. опять-таки двумерное сознание оценивало результативность всей процедуры познания. И пока субъект исследования, его инструментарий и ответ объекта находятся в пределах одной и той же мерности, наблюдается бесконфликтное наступление учёности на среду. Это время расцвета науки.

По мере проникновения в явление, привычные методы исследования приносят всё меньший результат, и так постепенно они входят в состояние отрицания самих себя. Дальнейшее их применение превратит познание в заблуждение. Наступает та ситуация

конфликта, определяющая невозможность использования прежних методов для получения новых знаний. Так было, например, с идеей дробления ядра посредством быстрых частиц. Всё более мощные ускорители разгоняли электроны до таких энергий, при которых встреча с мишенью сопровождалась вылетом роя осколков. И не было возможности определить, какие из них исконные, а какие возникли вследствие удара. Вместо сути процесса получили случайную картину, далёкую от истинной.

Достигнут порог, преодоление которого уже невозможно для прежних участников поиска. Их сознание, соответствовавшее прошлому этапу познания, оказывается недостаточным для освоения очередного отрезка. И нет другого пути разрешения конфликта, кроме изменения сознания поисковиков. Тогда вновь найденный взгляд позволит подготовить нужные инструменты, подходящую методологию и, что особо важно, – более правильное толкование результатов. И так до следующего упора.

А если порог не одолевает? Это бывает лишь при условии ослабления, упадка и вырождения общественной психики. Без устремления к новому цивилизация превращается в самопоедающую массу, и потому обречена. Именно это происходит сейчас на Земле. Уничтожено всё, чем кормились люди. Замены не только не найдено, но она и не ищется. Вместо освоения запорожья ведётся свара за остатки. На сознание землян опустился туман.

Отчаянным свидетельством того, что человечество воткнулось в очередной порог, является всеобщее боление. Давайте посмотрим на планету со стороны. Маленький шарик густо заселён копошащимися созданиями. Они рубят, дымят, добывают сверлят, воюют, излучают, взрывают, травят ... И наблюдающий спросит: „Да здоровы ли они?“ Трагичное зрелище: немошь добивает планету. Это из-за неё чахнут растения и животные, океаны, недра и горы, болеет всё, до чего дотянулись больные руки. В истории не было такого примера, чтобы все и сразу болели, чтобы болезнь превратилась в норму, чтобы невладеющие собой и не знающие себя вершили судьбу мира. Развитие зашло в тупик.

Никакие частичные меры, ретушь, подправка или местный ремонт не восстановят снижающих людей. Наступил конфликт между примитивным, или иначе плоскостным, сознанием землян и новой трёхмерной формой бытия. Сам по себе такой конфликт закономерен. Раньше или позже, он обязательно наступит, и это

ознаменует конец одного этапа развития и начало следующего. До этого уже были преодолены противоречия перехода из точечного мировосприятия в линейное и из линейного в плоскостное³². Но особенность прежних кризисов состояла в том, что у тогдашних существ отсутствовала возможность угрожать природе. Что бы они ни натворили, это не изменило бы окружающую среду.

Тот конфликт, с которым теперь столкнулись люди, принципиально отличается от преодоленных ранее: они уже в состоянии убить и себя, и планету. И произойдет это тем быстрее, чем болезненнее окажется их суть. Отсюда вытекает, что борьба с болезнью – это сражение за жизнь и противостояние уничтожению. На кон поставлено будущее. Для ныне живущих настала тестовая ситуация. Её одоление возможно только при условии ускоренного поумнения землян, связанного с осознанием себя как носителя развивающегося сознания. Важно понять необходимость изменения не инструментария, а собственного сознания. В свою очередь, у сознания нет другой возможности обеспечить личный рост, кроме настойчивой работы над самим собой в направлении осознания собственной значимости и сути.

Работа эта обязана начаться с приведения себя к мировоззрению неболения. В данном состоянии людей в качестве объекта приложения преобразующих усилий должно выступить человеческое тело. Борьба за его соответствие сознанию позволит укрепиться обоим: и сознанию, и телу. Ближайшая цель изложения состоит в рассмотрении пути воссоздания фактического тела. Наглядно этот путь представлен на рис. 25.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что на рисунке выделены три этапа становления сущности, следующие один за другим неразрывно. Речь идет именно о сущности, поскольку такая последовательность характерна для всего живого независимо от развития и видовой принадлежности. В дальнейшем только лишь для определённости будем рассуждать о человеке.

Первый этап относится к дозародышевому периоду формирования тела, второй – к эмбриональному и третий – к человеческому. Такая линия становления формы не воспринимается людьми и не одобряется. Они ведут себя так, как должны вести себя попавшие в тупиковую ситуацию: видят лишь то, что доступно материальным глазам и непосредственному наблюдению. Это типичное поведение плоскостных организмов. Они повторяют ошибки при

восприятию себя, допущенные при изучении строения материи, объектов антропологии, планетогенеза, и всего того, что излагает наука. Суть ошибок состоит в стремлении к наблюдательному постижению явлений даже в тех случаях, когда сложность предмета превышает мерность сознания исследователя.

Превращение эмбриона в ребёнка во время родов – факт бесспорный, поэтому он воспринимается как подлинный. Рост, взросление и увядание это тоже реальные события, в сознании ещё укладываемые, значит, и они считаются настоящими. Из этой очевидности образуется почти понятная человеческая фаза развития, на прохождение которой расходуется вся жизнь.

Но если задать вопрос: чья жизнь? Можно ответить: жизнь конкретного человека. Откуда же взялся данный конкретник? Ссылаясь на последний достоверный эпизод, скажем: он родился.

Несмотря на естественность, такое умозаключение несёт в себе фундаментальный смысл. Оно устанавливает этапность в развитии сущности. Раньше человека не было, а теперь вот есть, и с его появлением перестала жить такая структура, как эмбрион. Закончилась одна стадия развития и началась другая.

Если смотреть на безудержно растущую массу клеток, то можно ли опознать в ней совершенные формы человека? Телесными глазами – нет, мысленным проникновением – да. Материальная внешность воплощающегося сознания весьма сильно, до неузнаваемости и даже до непонимаемости изменяется при переходе от одного этапа к другому. И если в конце зародышевого пути плод уже как-то воссоздаёт внешние атрибуты человека, то в начале этого пути не только похожести нет, но неукротимая масса вызывает страх перед неведомой силой пенящейся плоти. Какой же вид должна принять форма сознания за пределами воочию зримых примеров? Каким бы ни был этот вид, он окажется тем, до понимания которого людское сознание ещё не доросло. Налицо познавательный тупик. Его одоление возможно лишь при переходе сознания в очередную более высокую мерность³².

Зародышевый этап начинается с оплодотворённой клетки – зиготы. Значит, следует признать, что зигота является самостоятельной формой представления живого вещества. Пусть это лишь молекулярная инструкция по изготовлению человека, но если в ней отображены полные свойства организма, она имеет такую же этапную значимость, как и эмбрион, ребёнок и человек. Только с

появлением этой клетки в виде законченного объекта становятся осуществимыми последующие этапы роста.

Но если признать зиготу в качестве равноправной вехи в ряду метаморфоз тела сущности, то нужно признать важными и те процессы, которые приводят к созданию зиготы. Иными словами: настала пора выделения в особую понятийную категорию начального периода становления человека, содержащего дозародышевую подготовку вхождения сознания в мир вещества: рис. 25.

В земной культуре складывалось отношение к этому периоду так, будто люди нарочно стремились подчеркнуть свою никчемность. Ещё за 1000 лет до новой эры имелись писанные требования по селекции животных и птиц. Пифагор⁵⁰, сравнивая эти материалы с людопроизводством, негодовал и свою досаду излил в словах: „... легкомысленно и непредусмотрительно поступает тот, кто, собираясь породить живое существо, не заботится с величайшей тщательностью о том, чтобы приход к жизни и бытию был самым радостным из событий, в то время, как любители собак со всей ответственностью заботятся о рождении щенков, чтобы они происходили от кого нужно и когда нужно и чтобы использовались какие нужно средства для рождения и воспитания собачьего потомства. Люди же о собственных порождениях не имеют никакого здравого попечения, порождают наобум и как попало, избегая всякого разумного метода, да и после рождения воспитывают с полным небрежением. А ведь это причина того, что множество людей дурны и порочны”. Обвинения Пифагора тысячами висят над человечеством, но сознание этого человечества ещё не набрало той силы, чтобы понять предостережение.

Римский поэт Квинт Гораций Флакк (65 – 8 гг. до н.э.) писал: „Что только ни испортило губительное время! Поколение отцов хуже, чем поколение дедов, родило нас, более негодных, чем отцы, а от нас родится ещё более порочное потомство”.

Если перерыть древние писания, может удастся добавить к этим сетованиям ещё две-три фразы и на том исчерпать вклад старины в понимание человека. Такой удручающий факт нужно поставить в укор людям, как виду. Ведь в то время уже в совершенстве была развита технология убивания, порабощения и разрушения. Какой невероятный мыслительный потенциал расходовался во вред популяции. Сколько творческих умов вращалось вхолостую в бесконечном плетении философических пузырей⁹.

Казалось бы, зуд познания прежде всего должен обратиться на постижение познающего, на уяснение собственной сути, на определение своего места в буйстве наблюдаемых явлений.

Но ничего такого не произошло. Безумные люди наслаждались войнами. Шеренгам убийц давались кичливые титулы: божественный, непревзойдённый, великий, властелин, царь царей, сиятельный, покоритель, отец народов ... Род людской до сих пор не ощутил стыда за потакание разгулу уничтожения. Значит, в основе своей за минувшие 2,5 тысячи лет он изменился мало.

В противовес необозримому чёрному списку, перечень подвижников, посвятивших себя изучению человека удручающе короткий. Как утверждается в книге¹², до Гиппократом человеком не интересовались вообще, ибо: „Гиппократ один, без предшественников, ничего не заимствуя от прошлых веков, как ничего не произведших, открывает разуму дорогу к истинной медицине”. Далее назовём римлянина Галена¹¹, австрийца Парацельса²⁸, бельгийца Везалия³⁹, англичанина Гарвея⁴⁸ и голландца Левенгука³⁸.

Этим почти исчерпывается список полководцев учёной рати. Они с риском для жизни, преследуемые обществом, в муках добывали знания для этого же общества. Какая несуразица: бандитам восхваление, спасителям гонения. Всё не так, как надо²⁷.

Левенгуком (1632 – 1723) заканчивается этап макроизучения человека. До 18 века он представлялся не только сплошным и плотным, но и запретным для проникновения в его суть. Считалось святотатством вторжение в совершенное творение. Потому тайно от карающих властей за десятки тысяч лет так называемый человек разумный только к 18 веку установил наличие в собственном теле основных органов и кое-как понял их назначение. Подумать только: всего 300 лет назад медик Гарвей (1578 – 1657), несмотря на угрозу быть сожжённым, поведал миру, что кровь имеет красный цвет, а не голубой, как считали ранее. За это он поплатился карьерой и здоровьем, но остался жив. История медицины изобилует примерами трагической борьбы знания с мракобесием. Как и прежде, так и в наше время мракобесие одерживает верх.

Задумаемся: за три века возможен ли переход общественного сознания от дремучего непонимания к полной ясности? Ответ категоричен: нет. Мало того, что окончательного просветления не существует вообще, оно отсутствует даже на том отрезке развития, на котором люди находятся в каждый данный момент. Уяснение

только этого положения избавило бы цивилизацию от многих бед, проистекающих от незрелого ума. Это означает, что и сегодня, и завтра, и впредь по мере углубления в среду видимое нами будет отражать только малую часть скрытого большого общего, ощущениям окажется доступен лишь фрагмент малой увиденной части, а понята рассудком и осознаной станет и вовсе крошечная пылинка мироздания. Такая закономерность одновременно с уничительной обречённостью содержит и организующий смысл. Она показывает каждому пытливому сиюминутность достижений, подвижную этапность результатов и необходимость расширения поля любознательности *за счёт роста познающего*.

В долевулканскую эпоху не имелось и намёков на составность разумной сущности в силу пренебрежительного человеческого отношения к самому себе. Человек и его тело воспринимались как одно и то же. Этапность развития, если и осознавалась, то исчерпывалась единственным событием: родами. До них была пугающая неизвестность, раскрывать которую и запрещалось, и считалось неприличным: дескать малому уму людскому негоже осквернять любопытством высочайшее подобие. Предшествовавшие родам события, имели мистическую трактовку. Очевидное завершение таинства беременности наступало по необъяснимым причинам: в ту пору ещё не знали о существовании сперматозоида и яйцеклетки. Влага, обильно текущая из мужчин в любовных утехах, воспринималась как досадная помеха. С ней мирились, поскольку считали её источником чувственного наслаждения.

– Вены и нервы идут в детородные части и вследствие трения их, нагревания и наполнения появляется как бы зуд. От него влага в теле согревается и разливается, приходит в волнение и пенится. Что самое сильное и густое, отделяется от пенящейся влаги и направляется к спинному мозгу, потом несётся к почкам, где примешивается кровь, и далее достигает члена и течёт не тем путём, где идёт моча, а у него есть другой путь, смежный с ним¹².

– Я утверждаю, что семя отделяется из всего тела: из твёрдых и мягких частей и из всеобщей влаги. Есть четыре вида этой влаги: кровь, желчь, вода и слизь. От них происходят болезни¹².

– Семя в матке перемешивается, т.к. женщина не остаётся в покое, сгущается и от теплоты тучнеет, затем принимает воздух, потому что находится в тёплом месте и потому, что мать дышит. На основании правильно выведенного умозаключения можно

думать, что когда семя нагреется и надуется воздухом, то у него образуется кожица, подобно тому, как на печёном хлебе¹².

Приведённые суждения принадлежат Гиппократу (460 – 356 гг. до н.э.). С высоты 21 века особо пикантной кажется фраза: на основании правильно выведенного умозаключения. Он ничуть не сомневался, что живёт в самое что ни на есть настоящее время, что познания людей достигли, если не зенита, то близки к нему, что дальнейшие эпохи, если добавят что-то к уже известному, то самую малость, ибо куда уже больше? С позиций окончательного учения он полемизирует с предшественниками и возражает им, что, дескать, человек не может состоять только из холодного или только из тёплого, так же, как из мягкого, твёрдого, сильного, слабого, сухого, влажного ... из земли, воды, воздуха ... или даже их попарного соединения. Правильным будет понимание человека, если, наконец, *все уразумеют*, что только хорошее смешение между частями даст здоровье. Да и то: летом годится одна пропорция, зимой – другая, для мужчин – третья, для девушек – четвёртая ... и чтобы всё подобное сочеталось с подобным.

Такое правильное умозаключение было закреплено Аристотелем (384 – 322 гг. до н.э.) в четырёх трактатах о животных⁴⁴. Он, почти современник Гиппократа, подтвердил взгляд на живые организмы, как на сочетание особых качеств вещества. Оставалось только определить сколько и чего содержится в каждом органе.

– Огонь тёпл и сух, воздух тёпл и влажен, земля холодна и суха, вода холодна и влажна. Ни одно из этих качеств не встречается в вещах в чистом виде: они перемешаны между собой⁹.

Отсюда вытекало: кровь, образованная от соединения воды и пневмы, наполняет мыслями сердце и от этого нагревается. Для предотвращения вспенивания она поступает в мозг, охлаждается там и возвращается к сердцу. Затем были такие же правильные умозаключения по поводу эпигенеза, преформации¹⁰, овизма^{сл}, анималькулизма^{сл}, креационизма⁴², эволюционизма¹⁴ и т.д.

Само по себе наличие выводов, венчающих некий исследовательский период, явление закономерное и даже обязательное. Но придание им статуса окончательной истины неизбежно приводит к познавательному застою и научным кризисам. Например: так было с уверенностью в плоском виде Земли, в твёрдых небесах, с признанием конечности скорости света, с абсолютизацией трёхмерности пространства, с упованием на материалистичность

природы, с убеждённостью во всеисилии людского разума и, наконец, с происхождением-проистеканием сознания из вещества.

Аристотелевская концепция живого продержалась вплоть до 1677 г. Две тысячи лет энергичные искатели очищали, сушили, смешивали, растирали, процеживали, кипятили, выпаривали ... А результат? Практически нулевой. Почему это стало возможным? Да потому, что естествознание в людской популяции – тема не интересная. Ею занимаются энтузиасты без должной поддержки общества и даже с риском гонений со стороны этого общества, ибо, помимо прямого уничтожения учёных, всегда была давящая цензура, сортирующая умы на подходящие и вредные.

Двадцать веков спала планета религиозным сном и в сонном состоянии всё пыталась совместить плотное с жидким в надежде раскрыть работу органов тела и тем самым избавить людей от болезней. Проходили столетия, несущие разочарования, пока, наконец, Левенгук³⁸ не додумался посмотреть через увеличительное стекло на живое вещество. Взору открылась невиданная картина. Оказалось, сплошные ткани состоят из мелких нитей. А те, в свою очередь, из ещё меньших частей и так до самой глубины, куда может заглянуть только изобретённый им же микроскоп. И нигде не просматривались сцепившиеся в объятиях земля с огнём или водой, или сильное с податливым. Открылось пространство живых структур, доступных только вооружённому глазу. Началась эпоха микроизучения окружающего мира, длящаяся до сих пор. Сразу же были открыты бактерии, эритроциты, капиллярное движение жидкости и ... сперматозоид. Так был найден виновник и носитель, вестник и зачинатель новой жизни. Рухнула неизвестность, мучившая людей от сотворения мира, по поводу того, откуда берутся дети, а заодно и прояснилось назначение того вещества, что льётся веками из мужчины в бесконечных интимах.

Однако понимание роли сперматозоида произошло не сразу. Антони ван Левенгук (1632 – 1723), будучи торговцем мануфактурой, занимался натуралистическими исследованиями на уровне светского увлечения. Для лучшего рассмотрения бабочек, пауков, жуков ... он непрерывно шлифовал и совершенствовал увеличительные стёкла, впервые применённые Галилеем (1610 г.) для изучения ранее невидимых объектов⁴⁶. Так постепенно настойчивым трудом удалось создать прибор, увеличивающий изображение предмета в 300 раз. Левенгук стал направлять свой инструмент

на всё, что попадалось под руку. И если бы его интерес в дальнейшем оказался направленным только на пестики-тычинки и другие привычные вещи того времени, то даже этого было бы достаточно для причисления его к ряду великих энтомологов³¹, но он сделал ещё и то, на что никто не решался: посмотреть на эякулят.

В ту пору человек уже в состоянии был заметить повторяющееся совпадение: женщина впадает в тяжесть тогда, когда мужчина отдаёт из себя. И если Гиппократ и Аристотель считали отданное запускающей силой, чем-то вроде отмашки, включателя, поощрения или повелевающей команды для женского организма, то к 17 веку, всего-то на 2000 лет отстоящему от тёмной древности, люди уже знали, что из мужчины испускается не что иное, как семя. Несмотря на захватывающую глубину этого познания, семя воспринималось одним целым: сколько бы и чего бы ни вышло из мужчины – всё это семя. Голубовато-белёсая липкая масса, от которой стыдливо отстранялись на любовном ложе и от которой веками защищались, предотвращая беременность, казалась досадно неисчерпаемой. И хотя её считали вестником сладострастия, говорить, писать о ней и тем более изучать её считалось неприличным. Дурным тоном было даже иносказание или намёк на нечто льющееся из повелителя жизни, каким слыл в ту пору мужчина³³.

У властелина семьи, общества, страны и семя обязано быть цельным, сильным, надёжным, словом, правильным. А если оно такое, как надо, то зачем осквернять его рассматриванием, выяснением чего-то, ведь так можно *докатиться и до изучения*, вроде того звездочёта Галилея, которого римская инквизиция...

Семя всем количеством изливалось в женщину и, каким бы оно ни было, считалось таким, каким и должно быть в представлении того времени: здоровым, сильным и пригодным для зачатия крепкого потомства. Ну, а если случится тяжёлая беременность, осложнённые роды или хилое дитя, то винили во всём женщину: это, дескать, она, получив надёжное начало, не удосужилась произвести на свет того, кого ждал человек, т.е. мужчина.

В такой обстановке абсолютизации семени, отстранённости от него и показного всезнайства нужно было найти в себе силы обратиться к нему, как к объекту познания. Для этого требовалось его как-то собрать, предварительно рассмотреть, выделить нужную порцию, разместить на предметном стекле микроскопа и ... взглянуть в окуляр. Мало того, что в силу обыденности взятого

вещества, проделанные операции кажутся излишними, так они являются ещё и стыдными: засмеют, дескать, греховность всё это ...

А взглянув, открыл эпоху. На иссиня-белом поле энергично извиваясь двигалось нечто незнакомое. Оно устремлялось против силы тяжести, навстречу потоку жидкости, реагировало на свет, холод и тепло. По людским понятиям оно было живым. И поскольку при том увеличении, которое оказалось доступным Левенгуку, только эти существа вели себя, как подобает живому, логично было предположить, что именно от них происходят дети. Название для незнакомца сложилось естественным образом: *spermatos* – семя, *zoon* – живое существо, *eidos* – вид, итого: *сперматозоид*

Учёный мир на это открытие отреагировал вяло. Пугало несметное число этих породителей детей, сильное различие в их подвижности, настырность в самоутверждении, и наконец, всё-таки не ясно в каком виде внутри этого ползутчика содержится то, что потом разовьётся в ребёнка. Одни предполагали наличие в нём, хотя и сильно уменьшенной, но всё же полной копии будущего организма, другие считали, что там заложена лишь шифровка, т.е. потенция развития, которая в последовательности зародышевых событий приведёт к формированию эмбриона, а затем и ребёнка. Эти и другие предположения порождались отсутствием ясности: а что же происходит с этим самым сперматозоидом в дальнейшем, после исхода из мужского организма и попадания в женский. Как вообще должно вести себя открытое вещество или существо, чтобы из него получился человек? Ведь уже стало очевидным: без сперматозоида беременность не наступает. Значит именно он управляет процессом рождения. Но как он это делает?

Почти 150 лет понадобилось для ответа на этот вопрос. В 1827г. русский учёный К. Бэр (1792 – 1876) открыл яйцеклетку. Женщина перестала быть сплошным плодородным массивом, в котором посеянное зерно всходит, вырастает и постепенно становится плодом. Раньше, хотя и понимали, что всё это происходит в матке, но в силу неясности тамошних процессов, считали её таким же органом, как почки, желудок, печень ... У них есть место в теле и с этого места они приносят организму конкретную пользу. Так и матка –местилище для произрастания мужского семени.

– Если матка холодная, плотная или влажная, то не зачинают в утробе, ибо семя гасится, но также не зачинают те, у которых матка сухая и горячая, ибо семя от недостатка пищи уничтожается.

При соразмерном же смешении свойств, имеют детей¹². Бэр показал, что ни женщина, ни тем более матка, не являются засеваемой нивой. Женщина – это равная сторона в только что открытом процессе оплодотворения. Она соучаствует в нём, предоставляя свой половой продукт – яйцеклетку, точно так же, как мужчина – сперматозоид. Оказалось: мужчина не является одаривателем или благословителем женщины на рождение. И семя у него не какое-то особо надёжное и правильное, а самое разное. Оно часто бывает даже плохим, и дети получаются слабыми, хотя бывает и хорошим, дающим крепких потомков. Более того, на силу детей влияет ещё и эта неожиданная и таинственная яйцеклетка.

На этот раз учёных охватил азарт искателей. Да овладеть бы этой неясностью! Сколько невиданного можно сотворить. Перво-наперво следует найти поганные клетки супругов и не допустить их слияния. Сразу будет устранена немалая часть больных по рождению. Затем из сильных клеток отобрать самые сильные и породить из них атлетов. Изменить людское племя, вывести новую расу, возродить библейских героев, победить зло на планете ...

Мечты озаряют творчество. Без них и доселе Земля держалась бы на слонах. Но грёзы, без усилий по их претворению в явь, напрасно туманят ум и приводят к трагедии или клоунаде.

Давайте взглянем на общество в период с 1677 по 1827 годы. В 1680 г. был изобретён паровой котёл. Это событие по своему величию не имеет равных в людской истории: впервые рукотворная машина извлекла скрытые силы вещества и обратила их на выполнение работы. Далее будут меняться исходные материалы, приёмы обработки и применение освобождённой энергии, но суть идеи останется прежней: малыми силами раскрыть большие. Общее число участников данного открытия: один французский физик – Д. Папен (1647 – 1714) и ещё около десятка помощников.

В 1803г. создан паровоз. Почти полтора столетия он определял и формировал лик цивилизации. Действующие лица: англичанин Р. Тревитик (1771 – 1833) и несколько энтузиастов. Все они бедствовали, изобретатель же разорился и умер в полной нищете.

В 1807г. построен первый пароход. Инициатор и платательщик американец Р. Фултон (1765 – 1815) и нанятые им рабочие.

К новинкам того периода относятся воздушный шар и аппараты тяжелее воздуха, рельсовый путь, паровой прокатный стан, подводная лодка, плавающая мина, микроскоп, телескоп, а также

очки, маятниковые часы и, наконец, открытие сперматозоида, бактерий, яйцеклетки и многих других объектов и устройств.

Если собрать вместе всех подвижников прогресса, большого скопления народа не получится: так, тысяча, может две. Если же придут и подсобные работники, толпа возрастет ещё на несколько тысяч. И всего-то? За полтора века? На всей Земле?

Совсем иная ситуация в военном ремесле. Начало 17 века отмечено массовыми крестьянскими войнами почти по всему миру. После них началась Семилетняя война Англии и Франции, потом Северные войны России, войны за независимость в Америке, войны на море, колониальные войны и многие другие. На рубеже 18 и 19 веков бушевала наполеоновская пошесть.

Население планеты в то время было примерно миллиард человек. Пусть только третья часть оказалась связанной с войной. Тогда это составит 333 млн. человек. А сколько ушло средств на их содержание, как оценить ущерб от повсеместного уничтожения производительных ресурсов и задержки развития?

Столь нелепая пропорция в 19 веке стала ещё нелепее, в 20 веке дошла до абсурда, а в начале 21 века сдвинула популяцию за пределы выживаемости. Если раньше разрушителей было в сотни раз больше создателей, то теперь уничтожителями оказались все, превратившись в злобную поедающе-отравляющую массу.

При явной деградации кто осмелится назвать людей здоровыми? Осмелится тот, кто сам находится внутри сникающего массива. Подавленный ум не свободен. Ему не по силам выделить себя из бесноватой среды, ужаснуться убойной лихостью малого разума и посвятить своё прозрение пробуждению людей. Более того, каждого, кто отважится держать собственный шаг, атакует рьяная немощь и редко, кому выпадает участь устоять под её напором. Людская история при стороннем рассмотрении – это трагическое шутовство. Короткое по времени, недопустимое по содержанию и невозможное для продолжения. Цивилизация вошла в кульминацию своего падения. Планета под названием Остров Пасхи погрузилась во мрак всеобщего боления. Осознание этого факта хотя бы кем-то, возможно, даст шанс ... Возможно ли?

Открытые сперматозоид и яйцеклетку обозвали супругами, перевели название на греческий язык и получили широко известный ныне термин: гаметы. Gamete – жена, gametes – муж. Польский учёный Э. Страсбургер (1844 – 1912) выяснил, что находясь

не только рядом, а даже вблизи, они прикладывают усилия для встречи и слияния. Причём, большая по размерам яйцеклетка, дородная и капризная, перемещаться не желает и лишь равнодушно химическими приманками привлекает к себе претендентов. Сперматозоид же наоборот: маленький, подвижный, напористый и целенаправленный, устремляется через многие препятствия к зовущей незнакомке, проникает в неё, и с момента объединения они оба перестают быть. Исчезают разрозненные вестники жизни, несущие в себе лишь возможность, потенцию порождения живого существа, какого-то из необозримого множества вероятных сочетаний половых продуктов. Момент слияния означат прекращение действия потенции, т.к. из многих выбраны конкретные экземпляры, создающие человека не вообще, а персонально: личность, особь, индивидуум. Этот же момент изменяет и смысл термина *оплодотворение*. Если раньше он обозначал посев, то теперь – слияние, совмещение, объединение. По-гречески *zygotos*. Потому первая клетка, с которой начинается человек, названа *зиготой*.

Пытливые умы вздохнули с облегчением: линия жизни раскрылась перед ними с полной ясностью. Ставшие всем известными сперматозоид и яйцеклетка в сговоре между собой образуют первую клетку организма с красивым названием: зигота, которая, делясь, наращивает живую массу, нехотя текущую сначала в бластомер, потом в бластулу, гастралу и, наконец, в эмбрион. Стоит ему подрасти, чуть потрудиться-родиться, и получится ребёнок.

Если что-то непонятно, все превращения можно поклеточно описать, отследить и уточнить и дойти-таки до родника жизни. Так и сделали. От первого мгновенья до последнего, от начальных двух клеток и далее, в прямом смысле поштучно, пронумеровали и поименовали уйму материала. Нашли много нужного и важного, но ничего, что вело бы к истокам, не оказалось.

Ах так? От нас не уйдёшь! Дорогу мы знаем! Тысячелетиями искали эликсир в сплошном человеке, медитируя, молясь, жертвуя, бесясь, поклоняясь, уединяясь, до исступления трудясь ... И всё зря. Ничего такого нельзя отнять от человека, что можно было бы взять в руки, повертеть-покрутить и с корыстью применить.

Коль в цельном нет, тогда разрежем-поделим. Началась эпоха запретно-тайного и сдвдливо-дерзкого раскрыя внутренностей. Поштучно и скопом, в шеренгу и внавал раскладывали они органы, ими дивились, пробовали на твёрдость, пузырьчатость, скользкость,

мягкость, пузырчатость-цветность, как соединены, соседствуют с кем и что будет, если нагреть, охладить, смешать с кислотой ... Несмотря на пытки ни один из них не выдал своего оживителя.

Тогда стали искать в толще, гуще, потрохах, в самой серёдке, во всех закромах упрямых органов. Это почти уже наше время – 18, 19, 20, 21 века. Что же изменилось по сравнению с неандертальской порой? Ничего! Как тогда, так и сейчас искатели только смотрят, изумляются и отображают лишь созерцанию доступные предметы, они устремлены всё туда же: из хвоста птицы жизни отщипнуть бы перо. И в прошлом, и теперь мышление поисковиков сконцентрировано и зациклено на плоти. Проходят века, голые глаза усиливаются разного вида вооружением, а суть смотрения как была архейской, такой и осталась.

Тело, тело, тело! Только тело! В нём сила и немощность, бессмертие и мрак, радость и горе. Я – хороший и правильный, лишь материя приносит муки ... Найти, кто меня портит, и негодяя извести, выявить живителя, взнуздать, оседлать, покорить.

Энтузиазм изверг водопад открытий. Неторопливым схолас-там их не охватить. И поскольку *ясность в науке недопустима*, ибо может сложиться впечатление о простоте учёных занятий и зряшности времяпровождения за казённый счёт, добытые знания стали одевать в униформу. Так, надёжно установленную наличность в виде сперематозоида и яйцеклетки упаковали в специально придуманную дисциплину – гаметологию, и чтобы не обидеть клетки-зачинатели, для каждой из них предусмотрели разделы спермогенеза и оогенеза. Что ещё надо для демонстрации учёности? Корифеи постарались вовсю и заслужили покой. Начался он практически со времени открытия яйцеклетки, т.е. с 1827 г. С тех пор прошло 180 лет. За это время перекроена планета, отгремели революции и войны, созданы убойные монстры, сменились правители и государства, *прокатились по академиям волны учёных*.

А в биологии? Колбочки, палочки, выросты, пузырьки, хвостики, трубочки, ямочки, ворсинки ... Иногда, вот дескать мы какие, появляются: дорсальные, вентральные, везикулярные, каудальные, ретикулярные, аборальные, а ведь это всё те же: спинные, верхние, брюшные, пузырьковые, хвостовые, пузырчатые.

Мировоззрение конкретики, созерцательного отображения и детализации: *что вижу, то и пою*, завело не только науку, а всё общество в тупик. Древние видели землю, огонь, воздх и воду, –

значит из них и состоит мир. Левенгук обнаружил нечто при 300-кратном увеличении – это и есть дно природы. Прильнувшие к микроскопу отодвинули дно на уровень клеток и органелл. Те же, кто добрался до электронного окуляра, отправили низ к атомам и ядрам, и так всё глубже до самого упора, пока материя не возмутилась и не стала отваживать взломщиков, выдавая им фальшивые, странные, очарованные и цветные частицы, пряча от Паули координату и импульс²⁹ и закрываясь квазиполем от грубого напора⁴.

Поклеточный охват плоти сразу принёс невероятное обилие познавательного материала. Медленный разум *подсматривающих* учёных до некоторых пор справлялся с навалом новизны, но уже к концу 19 века испытатели стали разбредаться по научному полю. Не под силу одному человеку держать в голове несметное количество ошеломляющих фактов. Начали зарождаться научные направления. Самое обобщающее из них называли морфологией, от греческого *morphe* – вид, форма. Затем она разделилась на анатомию, соматологию, эмбриологию, гистологию, цитологию, мерологию и многие другие. К середине 20 века каждая ветвь превратилась в научную империю, которую трудно охватить даже её приверженцам. Ещё труднее происходит постижение соседних империй. В начале 21 века можно утверждать: в теле человека отсутствуют неизвестные клетки. Поклеточный анализ завершён.

А какой итог? Отчаяние! Оно пришло примерно в семидесятые годы прошлого века. Именно в тот период разумность стала измеряться *койко-местами*. Боление веками тихо кралось, и наконец, закрепляя успехи науки, вдруг набросилось на умников и придавило каждого так, что без койкоместа уже не прожить. Поголовное боление привело к повальному лечению. Затем, завершая круг убожества, лечиться стали от лечения. Люди вступили в эпоху привычной безысходности. Однако наука как никогда сильна.

В наше время исчерпывается последний оплот надежд – внутреннее содержание клеток, начиная от органелл через молекулы к атомам, ядрам, частицам ... Вместо поклеточного поиска ведётся поорганелльный, поатомный, поядерный, почастичный ... Это действительно нужно, но как он соотносится с болением, деградацией и выживанием? Ведь в том, что уже известно, даже намёка нет на признаки источника жизни или хотя бы на ориентировку по достижению неболения. А не победим болезни, так какая-то очередная находка убьёт не только искателей, но и их потакателей.

Последнее суждение особо трудно для усвоения. Каждый, пребывающий внутри области боления, находится в подавленном состоянии и, будучи привычным, оно кажется нормальным. Такой ум воспринимает в мире только те события, которые соприкасаются с ним непосредственно. Их он учитывает и понимает. И поскольку он способен задействовать на мыслительный процесс лишь малую долю своего ресурса, охватить всю картину в целом ему не удаётся, рис. 20. Тогда из совокупности явлений сначала выбирается какое-то одно, потом второе, третье, следующее, и так далее до исчерпания всех факторов. Человек от такой работы быстро устаёт. Пока обдумывал текущее решение, уже забылось предыдущее. Вспомнил одно – ушло другое. Перед глазами и в мыслях густо встают обычные-привычные события, заслоняя собой даже ближайшую перспективу. Для осознания удалённых последствий недостаёт думательных сил.

А потому они относятся человеком к разряду надуманных, кажущихся или возможных только в будущем. В любом случае сегодня к обеду и даже через неделю лично ему, сомневающемуся, вроде бы ничего не грозит. Тогда незачем напрягаться и погружаться в трудности освоения, тем более, что понимание написанного здесь, приведёт к разрушению хотя и болезного, но уже обжитого мирка. Такое состояние проявляется, как нежелание углубляться в тему, поскольку для вникания всегда недостаёт собственных данных, а сторонние сведения вызывают недоверие или непонимание. В любом случае для принятия нового требуется выполнение необычной аналитической работы, с чем согласны не все.

Вот если бы читалось легко, понималось сразу и давалось само без усилий, этак *резвяся и играя*. Изложенное здесь не для таких. Им предстоит ещё долго рождаться, умирать и страдать, пока сознание разовьётся до потребности по-иному оценить мир и среду вокруг себя, пребывающую в плоскости боления-лечения.

Кроме того, тормозящими являются устойчивые понятийные формы с непререкаемым мыслительным кредо: *это знают все*. – Лактидур в 4 веке до н.э. смеялся до колик и слёз, представляя как люди ходят вниз головой и вверх ногами по круглой Земле¹⁹. – Новые планеты ... вызывают хохот даже у камней. Дело за малым: смастерить трубу, их порождающую, и ловить простаков⁴⁶. – Павел V недоволен: высказана глупейшая мысль, будто Земля движется сама по природе своей – кощунственная ересь⁴⁶, 1610 г.

Совершенно точно так же знают все, что материя первична, сознание вторично, что скорость света конечна, что уравнения Максвелла всеобщи, что мир трёхмерен, что человек происходит от сперматозоида и яйцеклетки, что эксперимент – критерий истины, что ДНК собирает тело для прорастания разума, что воспитание устранит пороки рождения, а хитро лечась будешь здоров, что наука благо ... *Думать иначе было бы абсурдом*: вековая и повседневная практика якобы тому порука.

И это при том, что вряд ли удастся найти истину, которая осталась неизменной хотя бы столетие. Даже простейшее 2×3 сходу нельзя сказать чему равно. Для этого надо уточнить суть всех символов, определить область их существования и правила преобразования, если это цифры, то – систему счисления, мерность пространства, однотипность происхождения ... Как же можно принимать что-то устоявшимся, если в окружении человека нет ни одной неизменной величины. Дрейфуют параметры всего, что связано с Землёй, Солнцем и звёздами. В постоянном движении находится познание и отношение к наблюдаемому миру. Регулярно и кардинально разворачивается восприятие человеком себя и среды. Допустимо ли при такой изменчивости на основании правильно выведенного умозаключения и убеждённости, что мы, вторя Гиппократу, живём в самое что ни есть настоящее время, отстаивать невозможность преодоления унижительно - тупикового состояния всеобщего боления? Можно ли согласиться с игнорированием значимости процессов до образования зиготы? Нет!

Как было отмечено ранее, настала пора выделить в особую понятийную категорию начальный период становления человека, содержащий дозародышевую подготовку вхождения сознания в мир вещества: рис. 25. В книге *миры*³² показано, что сознание – это структурированное пространство, предназначенное для отображения окружающей среды и для воздействия на среду.

Характер воздействия определяется пространством и проявляется в виде предначертанной, обязательной линии поведения, поиска и становления. Интрига бытия состоит в том, что данная линия неизвестна никому, в том числе и самому сознанию.

Зародившись в области нулевой мерности, сознание с целью познания и приобретения опыта поочерёдно проходит миры нулевой, первой, второй, третьей, четвёртой, пятой и шестой мерностей. Поскольку линия роста скрыта, сознание самостоятельно

вынуждено её находить. Процедура поиска – это личная инициатива идущего. И в этом заложено важнейшее противоречие развития. Суть его в том, что сознание представляет собой постепенно нарастающую величину, поэтому никогда не бывает состояния такого, чтобы можно было считать его окончательно развитым, полностью созревшим или познавшим весь мир. Отсюда следует: правильно выведенное умозаключение является правильным только лишь краткое мгновение бытия. И каким бы естественным, общепринятым, очевидным и окончательным оно ни казалось, сам факт наличия бесспорного суждения вынуждает усомниться в его полной истинности и тем более в исчерпанности.

Находясь в любой точке на линии своего восхождения, сознание всегда понимает меньше, чем предоставляет ему окружение его, что обязательно приводит к образованию широкой области неведения. Но именно в ней и располагаются события, по поводу которых необходимо принимать решения в процессе роста.

Если сознание, исходя из своей потребности, зрелости и качества, найдёт соответствующий предписанному пути движения вариант, его действия будут успешными, опыт получит прирост, а видимый мир расширится. В таком случае противоречия роста отсутствуют, страдания, боли и муки также отсутствуют, а между сознанием и формой нет конфликта. Всё это в целом воспринимается людьми, как образ здорового человека.

Если выбор оказался таким, который вынуждает сознание отклониться от уготованной стези, появятся подсказки, призванные насторожить сознание и дать ему возможность уменьшить отклонение своими поступками. При исправлении ошибок отхода сущность возвращается в своём бытии к варианту гармоничного развития. Но при возрастании отклонения на сознание обрушивается вынуждающее воздействие, проявляющееся в терзаниях психики и тела, в болезнях и в противостоянии внешней среды. В случае существенного отклонения от своего пути наступят непримиримые обострения, разрешением которых является смерть.

Тогда смерть становится мерилom ёмкости, дальновидности, предусмотрительности, опыта, зрелости и значимости индивида, как думают люди, и бестелесного сознания в твёрдой форме с названием человек, как есть на самом деле. Если кто-то умер, значит личные действия по неведению увели его недопустимо далеко от собственного обязательного пути. Дальнейшее его движение

в недопустимую сторону грозит задержкой или даже остановкой развития, что запрещено по общим условиям становления разума. Насилие, боление и старение являются косвенными признаками наличия недопустимых предпосылок бытия.

Сознание малой мерности, характерное для существ нулевого, линейного и плоскостного пространств, а также для живущих в начальном трёхмерье, например для людей, ещё не имеет в себе такого содержания, чтобы оно оказались способным наблюдать само себя, т. е. осознавать себя, ибо на этом этапе ещё не сложилось понимание иерархии координат и *равноправия* телесного и бестелесного путей оразумления³². Без самоосознания тайная цель собственного предназначения становится не только непонимаемой, но даже не предполагаемой. При отсутствии потребности в определении направления роста, жизненные действия оказываются случайными. Развитие превращается в хаотическое рыскание. И чем оно интенсивнее, тем слабее будет продвижение вперёд.

Как же заставить организм уменьшить метания и сориентировать свой интерес в нужном направлении? Природа из многих вариантов выбрала самый надёжный: смерть. Как только индивидум остановится в росте, теряется смысл пребывания в обжитом пространстве. Поскольку окружение меняется мало, а сущность меняться уже не может, разрешение противоречия кроется в замене и того, и другого. При этом сознание облачается в новую форму и уходит в сопряжённую область обитания. Если оно вошло в противоречие в материальном мире, будучи в плотном теле, то ускорение развития произойдёт в результате применения к нему универсальной процедуры преобразования под названием смерть, путём замены вещественной формы на невещественную, которую люди воспринимают как бестелесную.

Сознание, утратив инструмент воздействия на материю, вынуждено покинуть прежний плотный мир и приступить к освоению нематериальных форм. Каким бы ни был новый мир, законы развития останутся прежними. Это значит, что и там вынужденным будет движение в предначертанную сторону, также трудно понимаемую и определяемую. И там, как и здесь, поиск своего пути сопровождается суетностью, рысканием и ошибками, уводящими от нужного направления. Тогда при наличии помех раньше или позже, обязательно возникнут противоречия, разрешение которых окажется невозможным в пределах области их

возникновения. Для предотвращения задержки развития бестелесной сущности как крайняя мера наставления на собственный путь, к ней будет применена та же процедура выравнивания линии роста: смерть по-тамошнему и рождение по-нашему.

Получается симметричный маршрут. Каждое сознание попеременно обживает тот или этот свет. В силу запрета на уничтожение и на попятное движение, любой переход сознания из мира в мир сопровождается увеличением его разумности, которую можно выразить числом, равным его мерности. Именно в повышении мерности заключён смысл движения особой порции пространства, названной сознанием. В дальнейшем постепенно умнеющая порция используется, как инструмент обеспечения устойчивости миров³². Достижение устойчивости, цельности, а значит жизненности – это задача, на решение которой брошены все ресурсы любого объекта, ибо не организованное не в состоянии быть.

И поскольку сознание является единственной силой, творящей единство, для его становления принимаются меры, сопоставимые по грандиозности с фундаментальностью мироздания³².

Замена области роста материальной на нематериальную и обратно – только одна из таких мер, обусловленная пассивностью, инертностью, а в общем, *ленивостью* малого разума. По своей воле, самостоятельно и без принуждения обеспечить требуемую скорость восхождения он не способен, поэтому в качестве погонщиков к нему приставлены такие атрибуты пространства, как время, конфликт и смерть. Все они не имеют какого-то истинного, абсолютного или, как говорят учёные, объективного или реального значения. По отношению к разумному объекту они есть то, что вкладывается в них самим же объектом. Так, время и конфликт представляют собой переменные величины с мерностью, изменяющейся от нуля до шести. Или иначе: оразумляющаяся сущность из семимерного узора мира улавливает, выделяет, схватывает, словом, осознаёт лишь то, на что она способна. Люди, например, полностью воспринимают только две координаты пространства, а третью лишь частично, как отрезок, прилегающий к плоскости. И эти две координаты с небольшим довеском образуют для них объёмный мир со статусом Природы. Постепенно, познавая себя и среду, они всё отчётливее станут отображать третью координату в своём земном сознании и когда-то исчерпают её всю. Это будет обозначать полное освоение объёмного мира и начало перехода

в мир четырёх координат – кваром. Люди перестанут быть людьми. Они превратятся в существа, разумность которых будет выше теперешней в 10 раз. Они навсегда лишатся плотного тела, такого привычного сейчас, и потому избавятся от умирания. Где нет материи, там нет и той смерти, которую знают люди.

Смерть есть погонщик ленивого разума только в начальных мирах от нулевого по третий включительно. Её наличие возможно лишь там, где имеется сгустившаяся форма пространства – вещество. Более того, материя или плотная среда в отличие от неплотного пространства существует лишь потому, что данная форма пространства необходима для обеспечения роста сознания. И действительно, в первых четырёх мирах сознание, слабо воспринимающее время и конфликт, нуждается в безоговорочно-принудительном наставлении на уготованный путь, что и достигается за счёт изъятия его из среды, где он своими действиями создал неустранимый конфликт, в том числе в виде боления, неведения или старения. Потерявшему себя даётся *возможность*. Умность нового существа при переходе в кваром, окажется такой, что её невозможно вместить в твёрдую форму, потому кваромовцы от неё отказались. Одновременно с этим и материя становится излишней. В послекубических мирах нет вещества, знакомого людям.

Понимание и уяснение данного положения – особый переломный момент развития сознания. Если такое восприятие ещё не сложилось, значит, третья координата объёмного мира для ощущений пока недоступна, и развивающийся индивидуум представляет собой почти плоскостную особь. Он вряд ли найдёт в себе силы для овладения режимом неболения и для принятия тезиса, что становление разума происходит в основной своей части в нематериальной среде³². Однако нацеленность на такое освоение и работа над темой неизменно приведут к успеху, что обозначит развитие личности до того уровня, с которого доступно осознание себя. Это важное условие для уяснения принципа неболения.

Материальный же этап нельзя исключить. Его нужно только пройти. Не вообще как-либо одолеть, а так, как предназначено идущей персоне. Возможен разный темп прохождения. Разум, не осознавший себя, быстрее входит в противоречие со средой своего обитания независимо от того, материальная она или нет. Ему приходится чаще умирать-рождаться. И поскольку каждое начало содержит малопродуктивный период становления, наполненный

страданиями роста и мучительным поиском места приложения, общее продвижение за одно воплощение снижается. Тогда сознание для приобретения требуемого личного качества вынуждено чаще переходить из одной среды в другую.

Но в любом из воплощений имеется подготовительный этап, поэтому с учащением циклов возрастает общая длина пути пустой борьбы. Вместо роста и уверенного соответствования самому себе, образуется последовательность тягостных участков с большим напряжением и пустячным продвижением. Ныне живущим и не ведающим об изгибах собственной судьбы кажется, что стоит только пройти земную дорогу, как после смерти всё изменится. И непременно к лучшему. Исчезнет тяжесть в мыслях и теле, уйдут заботы и терзания, наступит покой и умиротворение. Но с какой стати? Куда должно деться всё вызванное к жизни, созданное и порождённое прижизненными земными действиями умершего?

Даже простейшие законы сохранения запрещают бесследное исчезновение накопленного потенциала. Если что-то появилось, оно обязательно станет влиять на источник своего возникновения, ибо всякое творение начинает творить своего творца. Это тем более очевидно, что умерший умирает только для людей, но не для себя. Сам он каким был, таким остаётся. Слова *сам он* обозначают сознание человека, которое дремлющий ум соотносит с видимой плотью. Тело остаётся в мире вещества, но сознание с тем же эмоциональным и мыслительным багажом покидает плотный мир. Оно уходит таким, каким удосужилось сформировать себя за время пребывания на Земле. И в новом мире у него не будет другой основы для проявления себя, кроме той, которая у него и есть, именно той, что им же сформирована в человеческом обличье. Справедлива и обратная зависимость: в мир людей при рождении приходит не стерильная душа, на которой воспитанием можно отобразить желаемый узор, а конкретное сознание, имеющее невообразимо длинный путь развития, своё предназначение, особые достоинства и недостатки, а также лично ему уготованная земная дорога. И в этом смысле он невольник, ибо вынужден идти по *не им* проложенному маршруту. Но в то же время идущий свободен, поскольку отсутствуют запреты на его выбор.

На рис. 25 воплощающееся сознание изображено как облако переменной плотности. Основная работа по воплощению сводится к определению, нахождению или подбору таких сущностей

с плотной формой, которые могут создать для воплощенца пригодное тело. Для этого бестелесник обзорекает участки пространства той же мерности, как и у него, и выискивает там разнополюх представителей с потребными репродуктивными данными.

Если областью поиска является Земля, то выбранными окажутся конкретные женщина и мужчина. Обратив внимание друг на друга, они решат, что между ними возникла любовь. Она, якобы, сама по себе вспыхнула в глубине естества, принадлежит всецело им, и они могут распоряжаться ею по своему разумению. Такое толкование следует признать правильным, но частичным, т.к. при материальной трактовке жизни ничего другого не остаётся.

При равноправии телесного и бестелесного этапов развития, любовь стоит рассматривать, как следствие или результат большой поисковой работы, выполненной воплощающейся сущностью. В силу запрета на незаработанный или же скачкообразный прирост знания, она вынуждена в безбрежном море возможностей искать тех, кто сможет создать тело согласно закону: какова сущность — таково и тело. При несоблюдении такого условия, любой незрелый ум мог бы прыгнуть в знатное тело и получить скачок развития, не соответствующий его трудам и назначению, что равносильно обострению конфликта со средой до уровня непримиримого с последующим уничтожением захватчика.

Невозможно представить невероятный объём того, что нужно проделать для успешной подготовки воплощения. Сознание, которому пришла пора покинуть тот мир, должно иметь способности, недоступные людям. Прежде всего оно обязано самостоятельно или с чьей-то помощью уяснить *самое правдивое* собственное содержание. Затем как-то представить предстоящее направление движения и сопоставить свои уже имеющиеся данные с теми, которые требуются. Сравнивая, важно определить чёрные периоды бестелесного пути, вынудившие уклониться от обязательной линии и породить неустранимые конфликты с той же средой. Далее нужно наметить вариант собственного роста, не содержащий прежних ошибок и вместе с тем позволяющий приобрести в материальном мире достаточный опыт для последующего развития в нематериальном виде. И, наконец, под этот вариант спроектировать *нечто* плотное, пригодное для осуществления замысла. В трёхмерном пространстве неисчислимы области, где возрастают самые разные сознания. В каждой из них имеются неповторимые

состояния вещества, определяющие местную природу. Всё в ней живущее, подчиняясь её законам, обязано иметь самобытный колорит. Воплощенцу приходится немало потрудиться, чтобы из всей многоликой наличности выбрать наиболее подходящую для превращения потребного *нечто* в конкретную плоть.

Сразу встают вопросы: как вложить в незрелый ум огромный массив сведений по объектам выбора, как облететь-посетить их, если расстояния между ними вселенского размера, как вообразить удивительные способности малого ума по самовосприятию себя в настоящем времени, в прошлом и будущем, что это за неведомая сила, позволяющая ему по воле своей манипулировать миром материальным и существами, его населяющими ...?

Пока нет никакой возможности проникнуть в удивительную сферу непознанного. Это удручающее состояние обрисовывает крошечность человеческого взгляда на бытие, его малое место и ещё меньшее значение в структуре миров. Однако всякое движение начинается с любопытства, и потому, что оно всё-таки есть, можно предположить, что есть также и шансы на рост.

Если окажется выбранным земной ареал, то потребное *нечто* примет форму, характерную для живого организма нашей планеты. Сознание медузы изваяет себе тело, воспринимаемое людьми, как медузу, сознание тополя примет вид известного дерева, сознание тигра обзаведётся телом тигра, а сознание человека позаботится о том, чтобы его инструмент воздействия на материю оказался таким, как надо ему: сознанию человека. Необходимо снова подчеркнуть принципиальную особенность: рождается не сознание в форме человека, а тело, именно тело в пропорциях человека. И эту форму определило для себя не идеализированное какое-то чистое и непорочное нечто, а наоборот – человечью внешность вынуждено принять то, что стало изгоем в прежнем краю, что там не смогло ужиться с принятыми порядками, значит его ума, т.е. развития, не хватило для понимания себя и своего места в той среде, и никакие предостережения не повлияли на выравнивание пути идущего по бестелесному миру. Как последний вариант защиты от собственной неосознанности и ленивости, существо, покинувшее себя, оказалось изгнанным из области, в которой остановилось его развитие. Шаг за шагом оно станет переделывать и приспособливать свою суть для проживания в условиях тягостного давления материи, плотного тела и жёсткого диктата

времени, конфликтов и пространства. И коль ему выпало быть на Земле, то это бытие должно внести в его структуру недостающее ранее знание, умение и способности. Достичь такой цели можно лишь с помощью приспособленного для этого инструмента в виде тела с привычной людям формой человека. Получается, что никто, кроме воплощающегося, не знает и *не может знать*, каким должно быть тело, удовлетворяющее потребностям конкретного сознания, приходящего в материю. Поэтому изготовлением тела каждый переселенец занимается сам лично для себя.

После того, как он оценит бестелесный путь, уяснит причины своей *высылки* за его пределы, наметит линию роста и определит особенности нужного посредника-тела, начинается тот длинный период ваяния этого тела, первым этапом которого является до-зародышевая подготовка репродуктивного материала. Прежде всего особым образом находятся подходящие мужчина и женщина с приемлемыми данными. Их сознания объединяются в единую творческую связь с воплощающимся сознанием, вроде того, как показано на рис. 25. В результате слияния трёх заинтересованных сознаний, между теми, что уже имеют тело, возникает взаимное влечение, получившее название *любовь*.

Важным эпизодом влечения станет близость. Люди уверены, что участвуют в ней только двое – он и она. В рамках земной культуры, ограниченной материальной созерцательностью, так оно и есть. Но если бы этим исчерпывалась действительность, всегда можно было бы просчитать, предвидеть и надёжно планировать лик и свойства потомков. Однако ничего похожего нет. Дети напоминают здоровых родителей разве что в мелочах. Основной же характер приходит как бы со стороны. Закономерности в становлении натуры и личности пока не найдены. Они не отыщутся и впредь, если не будет принято во внимание основное заинтересованное лицо, инициатор великого действия любви и продолжения рода – воплощающееся сознание. Именно оно есть третий участник близости. В свою очередь сама близость – это всего лишь завлекающий приём в процедуре изготовления плоти. Жители, имеющие тело, планируя себе ребёнка, дают переселенцу тело.

Вариант, когда соитие служит для извлечения эмоциональных выгод и не предполагает зачатие, есть обман природы. Он встречается лишь на коротком участке оразумления при переходе от плоскостного мышления к объёмному и является главнейшей

причиной гибели цивилизаций. Людская популяция переживает именно такой период. Обманщику природы места в будущем нет!

Кажется, что выборочные действия воплощающегося сознания совершают насилие над телесными существами, в том числе и над людьми. Возможен ли вариант прямого изготовления тела из подручного материала без привлечения посредников-родителей? Сознание – это творящая сила, призванная изменять не только себя, но и окружение. Тогда в чём же дело? Если решило жить на Земле, значит возьми, что имеется на ней, и сотвори, что надо, то ли в виде человека, то ли змия или что выдаст личная фантазия. Употребь по своему видению собственное творение-инструмент, обогатись тем, чего недоставало, поумней и отправляйся восвояси обновлённый-научённый в бестелесные края.

Так нет же! Не хочет или не может сознание шить себе одежду с нуля. Но очевиднее всего такое творчество ему не по силам. Ведь даже будучи в прежней хорошо организованной нематериальной среде, его содержание оказалось недостаточным для предотвращения местных конфликтов. Застывшее сознание уже вошло в предельные противоречия с той средой обитания и вступает в наш мир насильственно, ослабленным и *потерявшим* себя.

Можно ли такому переселенцу поручить прокладку маршрута? Малый ум остаётся малым везде, и сделанное им определяется малостью делателя. Для того ли дана возможность, чтобы развитие и вовсе остановилось? Скорее всего для предостережения застоя и для придания движению требуемого направления, входящему сознанию даётся некоторый трамплин, с которого он впрыгивает в мир вещества. Этим трамплином являются половые клетки родителей. Они-то как раз и устраняют необходимость ваяния тела с нуля и вынуждают оразумляющихся сущностей находиться в непрерывном само- и взаимоконтроле.

Если бы при становлении сознания не привлекался опыт предыдущих поколений и каждый изгнанник сам лепил бы себе тело, ненужной оказалась бы любовь, а значит вся атрибутика родительства и принцип накопления биомассы через живорождение. И тем более отпала бы надобность в колоссах, на которых держится материальный мир: в сперматозоиде и яйцеклетке. Кто отважится представить мироздание без них? Они настолько важны, что кажутся важнее человека, а их слияние – это событие, значительнее которого нет на всей Земле. Что бы ни происходило в людском и

природном пространстве, оно напрямую связано с совокупительной предрасположенностью живущих. Тогда слияние половых клеток – это фундаментальный процесс, имеющий в материальных причинно-следственных отношениях статус первичного. Всё то остальное, что последует за слиянием, носит вторичный характер, как проявление заложенных возможностей.

Живое вещество в состоянии быть только потому, что, кроме него, есть неживое вещество. Вместе они образуют равновесную систему, воспринимаемую людьми, как материальный мир. Но в силу невозможности существования уединённых объектов^{сл}, этот признанный факт наличия материального мира с неизбежностью вынуждает признать дополняющую форму бытия в виде мира нематериального. Равновесие, т.е. жизненность, мироздания достигается лишь при тесном взаимодополняющем влиянии обеих его составляющих: и материальной, и нематериальной.

А теперь давайте уберём половые клетки. Сразу же вместе с ними исчезнет и живая материя. Но без неё нельзя уравновесить остальное: мёртвое вещество, и оно, в связи с потерей устойчивости, превратится во что-то иное, невещественное. Семимерное здание нашего мира под названием соррос^{сл} примет совершенно другой вид, где не только человек, но даже и разум в его земном варианте окажется ненужным, излишним, т.е. отсутствующим³².

Каждый сперматозоид и каждая яйцеклетка держат на себе в прямом смысле не только земной, а весь материальный мир. Они же, и опять в прямом смысле, порождают человека и всё остальное живое. Поэтому их следует считать именно такой, яйцеклеточно-сперматозоидной формой представления человека. Выбрав мужчину и выбрав женщину, воплощенец тем самым уже определил свой будущий лик. А раз так, то не только ребёнок, эмбрион и зигота – этапы творения человека, но такой же важности этапом является и возвращение репродуктивного материала.

Если в громаде делящихся клеток вещественными глазами нельзя разглядеть контуры человека, то в пока ещё разрозненных гаметах зримо обнаружить его приметы и подавно не удастся. Но точно так же, как сами по себе клетки не в состоянии сложиться в эмбрион, так и многошаговые действия по выбору, влюблённости и близости сами по себе не выстроятся в такой ряд, который приведёт к конкретному оплодотворению. Можно ли представить себе тот ужас, когда всё несметное количество сперматозоидов и

яйцеклеток внезапно стали бы произвольным образом порождать плоть? Это был бы разгул штампования монстров, неспособных к развитию в силу отсутствия у них организующего сознания. Как произошло, например, с архозаврами и динозаврами.

И коль само по себе ничего не делается вдруг, то кто этим всем правит? Ранее было показано, что таким руководителем является воплощающееся сознание. Снова подчеркнём важнейшее положение: рассмотренные этапы роста, такие, как гаметный, зиготный, эмбриональный, младенческий и человеческий, относятся только к форме, к телу, к плоти. На всех этих этапах строится инструмент воздействия на материю. Строителем же является нематериальное сознание. Оно таковым, т.е. нематериальным, останется на всей земной дистанции. Отличие от прежнего бестелесного пути состоит в необходимости использования для исправления прошлых ошибок и дальнейшего роста такого хрупкого, сложного, твёрдого и неуклюжего приспособления, как человек.

Казалось бы, зачем готовить себе такую уязвимость? Можно же отобрать самые-самые материалы, принципы, действия и соорудить надёжное, гибкое, вечное. Можно! Но это не изменит ничего. Суть останется прежней, ибо всё равно получится плотная форма, которой будут присущи характерные недостатки твёрдых механизмов: зависимость от стороннего движителя, ограниченность возможностей, изнашиваемость, старение и функциональная преходящность. Но самое главное состоит в том, что на данном этапе оразумления не существует того, кто смог бы выполнить процедуру отбора самого-самого. Ведь отбирает такое же сознание, которое соответствует уровню людей, способных только на то, на что способны люди. И наблюдаемый в наше время человек есть результат постепенной лепки телесного образа вслед за медленным повышением расторопности сознания. У существ с менее развитым сознанием, например, плоскостным, форма весьма отличается от человеческой, ибо это, в основном, животные. При более развитом сознании тело и подавно выглядит иначе: пришельцы, прилётцы, инопланетяне. Так что человеческий облик – это творение сознания, которое на большее или лучшее не способно.

Так и быть должно. Форма и содержание обязаны соотноситься и в телесном и в бестелесном мирах. Как это выглядит в мире вещества, некоторая ясность есть³², а как там, предстоит узнать. Сейчас можно отметить лишь изменчивость нашего лика. Вслед

за изгибами сознания, станет принимать особые очертания и тело. При остановке развития, как наблюдается в нынешнее время, тело, будучи производным от константы, устремляется к нулю. И чем длиннее период застоя, тем слабее дряхлеющая плоть. Налицо типичная безысходность мировоззрения боления-лечения.

Выход из неё только один: обращение к самому себе, т.е. к своему сознанию. Даже рассуждение по поводу необходимости привлечения сознания – знаменательный факт, свидетельствующий о том, что сознание, т.е. Вы, в своём развитии достигло такого высокого уровня, который даёт возможность осмыслить положение. Это и есть момент роста. Понял, сделал, вник в результат, наметил следующий шаг, осуществил его, осмотрелся, и снова вперёд и т.д. пока станет очевидным путь движения. Затем уже сам путь подхватит настойчивого и будет вести его к цели.

А если этого не делать? Большой беды не будет. Хвори станут привычными, мир вокруг потускнеет, остановятся мысли и тело умрёт. Измученное сознание примет бестелесный вид. Оно вынуждено делать для себя очередной инструмент познания нового мира. Но, будучи разрушенным здесь, что оно сможет сотворить там? Сможет то, на что способно! На инструмент, переполненный недостатками, плохо приспособленный для решения тамошних задач, по-прежнему хрупкий и болезненный.

С таким неважным снаряжением оно быстро войдёт в противоречия с областью проживания, и его ... к нам. Хиляком был, хиляком жил, хиляком ушёл, хиляком пришёл. Какое тело он извывает здесь? То, на которое способен. Болезненное. Круг замкнулся. Не разрывая этот круг, растущая сущность, человеческий этап которой только и воспринимается людьми, станет длинными вселенскими эпохами тащить на себе груз своей никчемности, тысячелетиями мучась, терзаясь, страдая. Ну и что? Кому от этого плохо?

Никому. Сущность идёт самостоятельно выбранным путём. Она сама вправе выбирать средства продвижения, ибо в этом суть её свободы. И если избран рост через насилие и боль, нет нигде наставника, который мог бы указать другую линию. Сколько раз она ни рождалась бы и сколько бы ни умирала, каждое очередное воплощение с первого мгновенья до последнего будет насыщено тягостным и пустым преодолением. Чрезмерные усилия дадут мизерный рост. На кроху ума – бездна страданий. И продолжится так до тех пор, пока по каплям, по малым порциям не соберётся

воедино трудами накопленный опыт и образует такое сознание, которое окажется в состоянии, наконец, понять само себя. Но ... в каждом лихом воплощении растерзанная сущность имеет всё меньше способностей для обзаведения потребным телом. Поэтому в следующих циклах плоть становится уязвимее и слабее. К моменту осознания себя она приобретает и вовсе неказистый вид.

Налицо конфликт, грозящий уничтожением порядка. Ясно же, что сознание, будучи организующей силой, обязано иметь инструмент воздействия на среду. Однако по мере увеличения сознания, прочность тела как инструмента устремляется к малому значению. Плоть, постепенно разрушаясь, на каком-то этапе станет совсем непригодной для выполнения преобразующих задач. Вселенская трагедия: огромная творящая потенция не может сотворить саму себя. И если бы она действительно оказалась немощной, мира не существовало бы. Но коль он есть, то и выход есть.

Сознание употребило свою власть. Заметив, что развал формы наступает при прохождении трёхмерного пространства, и чем глубже проникновение в третью координату, тем менее пригодным становится тело, сознание решило от него отказаться. И действительно, прилетающие к нам являют форму трёхмерных существ, продвинувшихся дальше людей в освоении высоты. Тела у них мало. Его тем меньше, чем выше мерность их сознания³².

Из отказа от тела следует ненужность материи. Поэтому её влияние в объёмном мире постепенно слабеет и, по мере исчерпания высоты, материя исчезает вовсе. В мирах, следующих за кубическим, плотные формы отсутствуют. Вместе с ними из судеб умнеющих существ уходят рождения и смерти, а также необходимость выучным образом тащить на себе одежду из вещества.

Однако до такого облегчения ещё надо дожить. Необходимо самому сделать своё сознание способным полностью понимать высоту и воспринимать время как одно из расстояний четырёхмерного пространства. А это весьма длинная дорога, и на движение по ней потребуются великие усилия. Развитие – тяжкий процесс.

Но ещё тяжче переносится остановка роста. Даже при замедлении на ленивую сущность валится, помимо обычного давления конфликтов времени и материи, дополнительная лавина понукающих факторов в виде болезней, терзаний, насилия, потерь. И каждый решает сам, какую глыбу нести на своих плечах. То, что ныне есть, демонстрирует нам обречённость малого разума на выбор из

трудных путей развития самых гнетущих, нелепых, недопустимых и тупиковых. Люди предпочли превратить себя в гротескную массу, внутри и рядом с которой жизнь невозможна.

Итак, бестелесник-воплощенец сначала определяет свою значимость и маршрут роста. По результатам полученного, беглец ищет помощников, обитающих где-то в широких просторах и не подозревающих о своей причастности к проблемам сопряжённого мира. Поскольку вся нематериальная область заселена весьма густо, воплощенческих задач в ней великое множество. И всякий переселенец нуждается в товарищах. Это означает постоянную обзореваемость и анализируемость любого жильца планеты на пригодность его для совместного движения. Связь миров оказывается настолько тесной, что порознь они существовать не в состоянии. Люди отображают в сознании только короткий участок общих отношений – человеческий этап.

Как только обнаружатся подходящие персоны, индивидуальная деятельность воплощенца заканчивается и начинается общая работа по изготовлению тела. Далее последуют влюблённость, близость, зачатие, беременность, роды, жизнь и смерть. Так много этапов даже в их укрупнённом перечислении. И на всём протяжении вместе будут находиться три сознания, рис. 25. По земным понятиям два из них обретут статус родителей, а третье – ребёнка. В действительности же оба термина: родитель и ребёнок, не определены. Ими пользуются в некотором обобщённом смысле, ввиду отсутствия понимания сути такого явления, как сознание, и порождённой им так называемой жизни. Жизнь есть вторичный атрибут сознания. Всё, воспринимаемое самими живущими, как живое, это материальный отпечаток обособленной части нематериального пространства, способной накапливать опыт с целью применения его для обеспечения устойчивости мироздания. Эта обучающаяся порция пространства и есть сознание. Возникает оно в области нулевой мерности³² в виде персоналий, т.е. единично. Только в начальном, совсем малом состоянии разумности, оно есть личность, состоящая лишь из самой себя. Оразумление сопровождается потерей возникновенческой и приобретением составной индивидуальности. Происходит такой процесс за счёт поглощения менее мерных сознаний более мерным.

Например, трёхмерность человека задаётся единственной структурой, способной воспринимать объём – мозгом. Другие же

органы: сердце, почки, желудок ... уже двумерные; элементы этих органов относятся к одномерным, а они состоят из персоналий. Данная закономерность сохраняется и в более высоких мирах. Вся познавательная идея, вся технология накопления опыта под названием человек, явится в составе четырёхмерного существа в виде трёхмерного узла. У кваромовца ^{сл} четырёхмерен только его бестелесный мозг. Остальные структуры составлены из выходцев трёхмерных миров, общее число которых в септоне – 120. В свою очередь, кваромовец на правах органа войдёт в форму пентаровца, а он на том же основании – в состав сорросовца³².

Как солнечные лучи собираются линзой в точку, так и, идя своим путём, сознания объединяются в шестимерном мире в единую разумную сущность, смысл которой состоит в обеспечении целостности особого пространственного образования – септона³².

У человека уникальный статус. В развитии сознания это временный и краткий вариант его формы. Когда-то раньше сознание в восприятии самого себя выглядело иначе и ощущало себя чем-то таким, что не сохранилось в памяти настоящего проявления – человека. В будущем то же сознание перерастёт тесные рамки теперешнего образца и превратится в новое существо, также лишённое памяти о прошлом человечьем обличье. Вернее, весь накопленный опыт сосредоточится в части этого существа, выполняющей функции, аналогичные тем, которые свойственны отдельным органам трёхмерного тела. Что бы ни делал человек, наступит срок, и он перестанет им быть. У каждого длина пути и тяжесть труда по его одолению окажутся разными, поскольку превращение в вышемерное существо или даже в его организменную деталь возможно лишь при накоплении достаточного опыта.

И вообще, такие категории, как сознание, разум, разумность, ум, умность, талант, интеллект, способность, не имеют какого-либо устойчивого смысла или значения до тех пор, пока они не соотнесутся с опытом, знанием, умением, действием, движением. Гениальность, посредственность, тупость, глупость, так же, как и остальные признаки соответствия окружающей среде, свойственны *любому* уровню развития. Изобретатель в кругу бактерий так же горд собой и почитаем другими, как и новаторы амёбного населения, общества растений, животных и людей. Выделившаяся особь потому и оказалась заметной, что она лучше других применила *своё* сознание для отображения *своей* среды и для получения

на *своём* уровне новой порции опыта. Остальные жильцы, наблюдая ту же среду, восприняли её так, как каждому из них позволило личное сознание. Один и тот же объект при множественном рассмотрении видится на разную глубину и лишь с некоторых сторон, а потому его истинная суть всегда остаётся скрытой.

Стремление придать предмету хотя бы какую-то определённость приводит к эксперименту, составляющему основу науки. А сколько же есть наук? Человек очень твёрдо знает: только ему приличествуют некие действия, которые он сам поименовал для себя научными. Только он умышленно воспроизводит ситуацию по обнаружению дополнительных свойств вещи или явления. А как же плотина бобра, гнездо птицы, сети пауков, муравейники, термитники, раковины, панцири, подземные лабиринты, логова, норы, и многое другое, задуманное, построенное и усовершенствованное живыми существами? Чем крупнее учёный, тем быстрее он выдаст ответ: инстинкт, рефлекс, чутьё, отбор ...

Но почему бы у шумеров забавы ради не возникнуть инстинкту делания паровоза, самолёта, ракеты, лазера? Почему у Евклида не разыграл вдруг рефлекс сферической геометрии, а чутьё Эйнштейна не запретило ему уверовать в конечность скорости света? Почему при наличии отбора исчезают виды?

До всего надо дорасти! Только что рождённое сознание не умеет и не знает поначалу ничего. Общась со средой, оно малыми крохами накапливает опыт, который формирует привычки, навыки, манеры, взгляды ... Нечто, удовлетворяющее возникшим потребностям, закрепляется мотивационным поведением в виде типового ответа на повторяющееся воздействие. Люди называли такой ответ инстинктом. Негласно, с оттенком барской снисходительности, отнесли к нему, как к чему-то простому, очевидному, и почти вульгарному, считая, его кем-то выданным носителю этого самого инстинкта *даром*. Вот, дескать, жил просто так, страдал, и было плохо. Кто-то сжалился над ним и вбросил, втолкнул, без его усилий и просьб внедрил в него такого помощника и защитника, отвечающего, как надо на то, что не надо. Глухая змея слышит мышь? А что здесь странного? У неё инстинкт обнаружения! Олень чует корм под снегом? Инстинкт кормления! Кит чует китиху за сотни миль? Инстинкт продолжения рода! Живому хорошо живётся: на всё кем-то заготовлено правильное нечто. Однако древним понадобились сотни веков развития, пока их сознание не поднялось

до уровня понимания машин, Евклид изложил лишь то, на что способно было его сознание, и всем последователям умного грека предстояло две тысячи лет накапливать опыт для формирования новых научных рефлексов из области криволинейной планиметрии, Эйнштейн впитал прошлые представления, и его критерий относительности являл то достижение, которое соответствовало его сознанию и не более. Отбор: он определён лицами с сознанием конкретного уровня и всё, порождённое ими, будет нести на себе отпечаток этой ограниченности.

Так и инстинкты. Они *заработаны* каждым их владельцем *лично*, поскольку любая особь из любой популяции от зарождения до сорроса, независимо от того, находится она в виде персоналии или составной части многомерного существа, а также на телесном или бестелесном она этапе, обречена на самостоятельное одоление пути. У неё могут быть учителя, помощники и попутчики. Но она свободна в своих действиях, и потому ответственность за выбор и тяжесть последствий ложится именно на неё.

Отсюда вытекает: воплощающаяся сущность, имеющая свойственный ей уровень сознания, находит не каких-то случайных материализованных особей, например, в форме людей, а только тех, которые пригодны для изготовления тела с потребными ей данными. Это значит, что у четы обязано быть такое же сознание, как и у воплощенца, поскольку в своём росте материальная часть репродуктивных клеток подчиняется диктату мозга. Равность трёх сознаний является обязательным требованием, обеспечивающим плавное развитие без разрывов и скачков. Кратко это условие выражается формулой: каков сам – такое тебе.

Родители начинают, вынашивают и рожают ребёнка, и в этом их призвание. Они оказались достойными того, чтобы произвести именно такое дитя. Но, с другой стороны, они стали родителями конкретного ребёнка лишь потому, что *он понадобился бестелесному сознанию*, которому пришла пора войти в мир вещества. И в этом смысле ребёнок сам выбрал себе родителей. Будь воплощенец менее развит, он вынужден был бы подобрать других людей с несколько худшим семенным материалом, а если бы он достиг большего развития, то и родители выглядели бы иначе.

Пока на Земле такая связь не принимается: не пришла пора. Ребёнок видится людьми личностью, хотя и маленькой телесно, но той, в которую фактом рождения закладывается способность

к развитию. Причём, этого развития раньше, до оплодотворения, не было вовсе. Его не было и в момент образования зиготы, и при разгуле клеточного деления, и далее при бурном росте эмбриона. Но вдруг в каком-то месте лавины, словно по команде, пассивная масса встрепенулась. Это событие принято считать знаменательным. К нему приурочивается образование способной обучаться телесной структуры. Пока ещё никакой научённости нет, но она появится, поскольку есть склонность к учению.

Людьми такое воззрение рьяно атакуется. До и после рождения, в детском и в ином возрасте на пришедшее в плотный мир существо извергается поток насилия под видом воспитания. Из пришедшего готовится то, что нужно кому-то. Вроде с чистого листа, как из податливой глины, можно слепить потребный образ. Практика показывает, что стороннее вмешательство в характер приносит успех, если оно действует в направлении начертанной линии роста сущности, которая неизвестна никому и ищется растущим самостоятельно. Если же воспитание пойдёт вразрез с собственным назначением, развитие задержится или даже остановится, приведя к гибели личности. Поэтому, наряду с обычным принуждением к усвоению азов, нужно направлять начинающего телесника на осознание себя.

Новое свойство возникает в бурлящем клеточном напоре не только внезапно, но и самопроизвольно, как следствие количественных изменений материи. Современные мыслители рассуждают здраво: последующие клетки в генетическом плане ничем не отличаются от зиготы. Вот их уже аж 10 штук, а они ведут себя, как разрозненный субстрат, затем их стало 100 штук, 1000, 10 000 и т.д., а они всё ещё сами по себе особо, и объединяться во что-то цельное не желают. И только при каком-то очень большом их числе начинается общение с соседями, они как бы договариваются собраться в тесный клубок – бластомер. Это первый совместный поступок клеточной толпы. Отныне каждая клетка, оставаясь сама собой, в то же время сама собой уже не является.

В ней сохраняется прежняя сруктура ядра, цитоплазмы и мембраны, то же количество органелл, молекул и связей, но её внешние проявления таковы, будто клетку подменили. Она уже по-иному делится, имеет иной жизненный цикл, а главное – она стаёт озабоченной интересами новой общности. Откуда бы ему взяться, такому интересу? Если в этот момент кто-то замедлит с ответом,

от него отвернутся коллеги, как от дремучего невежды. Нужно выдать сразу и без паузы: а ДНК? Становится понятно: человек нашего круга, грамотный, современный. Представление о ДНК вытекает из теперешнего понимания живого. Если материален весь мир, то живые не могут быть какими-то другими. Они также вынуждены состоять из материи. А как иначе? Всё, где бы оно ни находилось и каким бы ни казалось, обязано произойти от материи, т.к. ничего иного попросту нет. И поскольку сознание, мышление, разум существуют, то откуда им взяться, как не из того, что только и есть, и, кроме него, ничего иного нет? Так *научно обоснованно* запускается в обиход лоскутная трактовка мира. Материальные клетки, множась числом, набираются вздыбленным количеством, которое скачком выдаёт из себя случайное качество, но не вспенивается, не взлетает, не взрывается, не расплавляется, не тиражируется, ... а неожиданно и не ясно почему порождает разум. К чему бы такой happy end?

Откуда и зачем берётся умная сила, собирающая атомы в молекулы, в клетки, в органы, в организмы, в сущности? Почему в одном случае она удовлетворяется вирусом, в другом – растением, в третьем – животным, в четвёртом – человеком, и что же она вообразит ещё? Одна ли это сила или всё с привычками живого выдуманно разными силами? И наконец, что это за творец, если так бездарно распоряжается своей продукцией? Столько труда вложить в изготовление разовой особи, зачем-то прогнать её кратким мигом по материи и уничтожить. Наповал! Тело – в прах. А, кроме тела, ничего и не было, т.к. всё, что было, исходило из тела, и с его прахованием рассыпались также и душа, и дух, и что там ещё произрастало во плоти? *Сила сильно силилась и создала пишик.* Какая научная демонстрация почитаемого закона сохранения!

Если даже принять, что материя, исхитрясь, может выдохнуть из себя нечто нематериальное, то куда оно девается со смертью тела? В мире людей его нет. Тогда оно или умерло, или перешло в иную область. Первый вариант приводит к явлению нелепой самоуничтожающейся бешеной энергии. а потому из людского обихода должен быть устранён. Остаётся второе решение.

Но, уходя куда-то, нематериальное нечто не может остаться там навсегда, ибо возникнет однонаправленное движение материи из её плотного вида, принятого людьми за *настоящую* материю, в неплотную субстанцию, т.е. в нематериальное что-то. В результате

такого *таяния*, материя уже давно исчезла бы вовсе. И тот факт, что она всё-таки есть, свидетельствует об отсутствии накопления нематериального. Значит, обеспечивается его циркуляция. Сколько вошло в материю нематериального, столько обязано из неё и выйти. Но с какой стати заходить? Просто так?

Ничего нигде не делается, если это не надо. Раз проникает одно в другое, то не проникать оно не может. Тогда такое проникновение обозначает взаимодействие. Материальный мир влияет на нематериальный и обратно. Так наблюдается на всём протяжении существования материи, т.е. до конца кубического пространства. Именно на этом отрезке пути требуется насилие над ленивым сознанием для принудительного подталкивания его в направлении роста. Толкачами же служат время, конфликт, материя. Совместно они создают условия развития, исключая попятное движение, отход от начертанной линии и остановку. Земное сознание ещё относится к категории ленивых, т.е. неосознающих самих себя и стремящихся к застою, поэтому понукающие толкачи действовать на него станут всё сильнее и при отсутствии выравнивания убьют его. Это будет переход людей к бестелесному этапу развития с осложнёнными правилами и страданиями. Покоя нет нигде.

Уже давно замечено, что простого тиражирования клеток не существует. Каждое новое поколение пополняется различными между собой экземплярами. Причём, инструментальными методами эту разницу уловить не удаётся. Она обнаруживается в перемещении, в перестроении, в изменении скорости роста, словом, в необъяснимом пока приобретении индивидуальных особенностей. В хорошо изученном механизме клеточного деления нет ни одной зацепки для объяснения стремления появившихся членов массива к самостоятельности. Из анализа ДНК и её репликационных процессов вытекает: дочерние клетки обязаны быть такими, как и родительские. При делении не вносится и не удаляется что-либо такое, что вынуждало бы потомков отличаться от предков. Все усилия по обнаружению материальной причины несоответствия *научных* воззрений и практики оказались напрасными. В отчаянии учёные обозвали данное явление дифференцированием, т.е. сортированием и успокоились, замороженные звучным титулом. Более того, латинское имя непонятого феномена затем само превратилось в непререкаемый объяснительный аргумент.

Почему образуются бластомер, бластула, гастрולה ...? Всвязи

с дифференциацией клеток! Что такое нейроны? Дифференцированные клетки. Какова мозговая ткань? Это совокупность дифференцированных клеток. Если ещё имеются неясности и сорвётся с языка опрометчивый вопрос, вопрошающий будет посрамлён, как не знающий того, что всё неизвестное сразу становится известным, если только его пояснить дифференциацией клеток.

Всвязи с тем, что нет и не предвидится объяснение сортировочной капризности нарастающего вещества, исследователи, потупя очи долу, обходят вызывающее явление учёным молчанием. Дескать, при накоплении достаточного количества материального субстрата из материальных генов исходят некие гипотетические сигналы управления, поклеточно распределяющие назначение каждой из них. И если не сегодня, так завтра, но ясность наступит.

Прошло полвека. Эту ясность так упорно искали, что стало очевидным: её не найдут никогда. В материальных преобразованиях клеточного массива отсутствуют даже намёки на причины разбредания клеток по функциональному полю. А раз нет, то и не надо. Факт специализации клеток приняли как аксиому и на несколько десятилетий забыли об упрямом явлении.

И получилось хорошо! Такая вся из себя материальная зигота внезапно, как от пинка в это место, истерично начинает делать себя же. Не таких же, а именно себя, поскольку предусматривает технология воспроизводства копирование, а не похожесть. В неоправданной спешке из мёртвых молекул такая же мёртвая ДНК собирает горы заготовок, этакое сырьё или кирпичи для до сих пор неизвестного сооружения. Неизвестного потому, что наделённая ложным могуществом ДНК, вовсе не содержит надёжных указаний по построению организма. Ей такое упущение можно бы и простить, если бы хоть чуточку приоткрыть самую тайную тайну современности: как *два мертвеца* – ДНК и молекулы – образуют нечто живое с пугающим названием – клетка? Этот оборотень из зазеркалья косной материи внезапно впрыгивает в жизнь.

И снова учёные рассуждают здраво! Усилиями ДНК и подсобных органелл синтезируется одна, вторая, третья ... белковые, то бишь молекулярные, структуры. Их уже много, а дышать не хотят, видимо, ещё не оживились. Наконец, работающая ДНК в кучу хлама бросает очередную молекулу и, о чудо, свалка ожила! В общей мембранной оболочке оказались две весьма живые клетки. Спасаясь от тесноты, начинают разделяться, а оторвавшись одна

от другой и будучи полнейшими копиями, немедленно что-то делают с собой для устранения обидной одинаковости и превращения в нечто им самим и никому другому неизвестное. Поатомное препарирование клеток показало: ни внутри их, ни снаружи материального оживителя нет. И тем более нет материального сортировщика, указующего, какой клетке во что превращаться.

Выходит, что количество само по себе перетекает в качество. Мёртвое незаметно превращается в живое. Наука ликует. Налицо явлено всесилие материи. Неприлично спрашивать, что же всё-таки произошло. В лучшем случае прозвучит ответ: „Таково свойство материальных преобразований”. И если нет желания нарваться на грубость, этим следует удовлетвориться, ибо земные знания дальше не идут. Разве можно знать то, что очами незримо?

То ли дело сперматозоид и яйцеклетка. Их можно увидеть, взять вруки повертеть-покрутить, значит, они настоящие. И зигота, и делёныши-клетки все подлинные. И бурлящая масса сначала бесформенная, затем всё больше схожая с видом рождённого и, наконец, являющаяся на свет в образе ребёнка, тоже истинные. Тогда весь путь прихода человека на Землю понятен. Стоит из-за некоторых неясностей сомневаться в достигнутом?

Допустим, что от людей ушло сомнение. Тогда станет невозможным появление Дарвина, Ньютона, Галилея, Декарта и других мыслителей, умом которых живёт цивилизация. Несуразно большая масса человекообразных опустится в развитии на уровень пещерного примата. Даже фантасты обходят эту страшную тему. Но, с другой стороны, вряд ли отыщется пример, когда не был бы осмеян сомневающийся, подвергнут насилию или уничтожен. В голой толпе каждый одетый считается ненормальным.

Конечно, нет сегодняшней потребности сомневаться в уже изученном. Однако всё найденное является таковым в силу того, что оно явилось результатом экспериментальных исследований. Принципиальный недостаток человеческого подхода к анализу природы состоит в созерцательном отображении несуществующей или скрытой действительности. И неважно вооружён смотрящий глаз или нет, даже при малом изменении его свойств воспринимаемая картина окажется иной. На сколько – это уже очередной вопрос. Но, судя по известным процессам, где при слабом приращении даже одного параметра свойства среды нарушаются обвалью, можно ожидать значительной корректировки взгляда на мир.

Таковы, например, туннельные, потенциальные, мембранные, барьерные, ядерные, коагуляционные, пандемические, гравитационные и другие эффекты. Они-то как раз и были обнаружены благодаря нетипичному рассмотрению тех объектов, которые с одобренных сторон охватывались принятым образом. Личностный подход и есть самый надёжный критерий растущего сознания.

А коль оно растёт, то действительность, которую *договорились* считать объективной и реальной, станет поворачиваться перед ним всё новыми гранями, и тогда несомненное сегодня окажется весьма сомнительным завтра. Факт наличия чего-то твёрдо установленного свидетельствует о крошечности понимания этого чего-то. Нет более обманчивого состояния, чем постоянство, ибо в заведомо разном имеется готовность к принятию переменчивости, а развенчание опоры может сгубить неподготовленный ум.

Похожа ситуация и с материальной интерпретацией детородного процесса. Можно с натяжкой согласиться, что линия: гаметы, зигота, бластула, гастрюла, эмбрион, ребёнок, прочерчивает путь вещества от небытия к разуму. Полное отсутствие понимания движущей силы этих преобразований, невозможность объяснить известными познавательными приёмами именно такую стадийность накопления плоти, явное нарушение проверенных законов сохранения, вынуждают отнести современные достижения к фрагментарным, т.е. к таким, которые поясняют весьма малую часть непонятого большого целого. И вообще, впредь на все времена сохранится такое же соотношение между узнанным и скрытым. Потому бахвальское: ... на основании правильно выведенного умозаключения¹²..., несёт в себе лишь сиюминутную ценность. В следующее мгновение только что отмеченная правильность уже устаревает. Если кто-то не отображает данное положение в своём сознании, это обозначает остановку его развития. Вслед за стопорением наступает боление, а оно ведёт к ускоренной смене формы бытия. Человек жив, пока растёт и стремится.

После открытия оплодотворённой клетки – зиготы – минуло сто лет. Вековое наблюдение за ней позволило уяснить малейшие шаги на пути превращения её в ребёнка. Сложилась устойчивая картина, прочно согласующаяся с экспериментальными данными. Другими словами: стали понятными все этапы преобразования вещества. Как рыбе вольготно в воде, так и материальным учёным комфортно в стане созерцания. Всё, воспринимаемое глазом, всё,

оказавшееся в зоне рассмотрения и согласившееся себя показать, было отмечено, поименовано, объяснено. И если некоторые, скорее всего надуманные штрихи, туманили идилию, так с нашим умением подглядывать мы враз ... Ну, может не сходу, так вскоре! Коль известен итог молекулярной гирлянды – клетка, так оживителя непременно выследим.

В этот момент должно появиться: и вдруг. Оно и появилось. В семидесятых годах прошлого столетия были замечены неприличные выходки некоторых клеток. Основная их масса подчинялась предписаниям учёных и дружно лепила будущего гения. Поскольку усилия исследователей были сосредоточены на толпе постепенно преобразующихся клеток, то они долгое время не замечали, что же творится за её пределами. А когда посмотрели, увидели пришельцев, тщательно маскирующих своё присутствие. Оказалось: на каждом этапе роста клеточной массы от неё без каких-либо видимых причин отделяются несколько клеток и, старательно обходя бурно делящуюся область, собираются вместе и располагаются вблизи растущего тела, не соприкасаясь с ним. Они не шевелятся, не питаются и не делятся. Затаившись, боятся себя обнаружить, защищаясь таким образом от агрессивного соседа, готового поглотить и утопить в своей потребности всё окрестное.

Телесные клетки при этом растут своим чередом, и вскоре им настает пора собраться в гастролу. Начинается формирование органов. Сначала образуется мозг, потом сосуды, сердце, нервы, другие части организма и, наконец, доходит черёд до половой сферы. В женском теле вырастают яичники, а в мужском – яички. Вместе они называются *гонады*, от греческого *gone* – порождать.

Ждущие в засаде клетки, не только не принимают участия в строительстве тела, но даже наоборот: умышленно устраниваются от него. Выжидают! И вооружаются! Их оружием является не используемый в телесном клеточном массиве метод передвижения по принципу амёбы. По всем повадкам видно, что в укрытии прячутся *чужаки*. Когда же они успели стать чужими, если вышли из своих? Ведь они возникли в результате деления, или развития, или размножения всё той же единственной зиготы? С какой стати её потомки устремляются в будущее разными потоками? Пока обнаружено только два русла, а сколько их вообще?

В одно из них вливается подавляющее большинство клеток, идущих хорошо изученным материальным путём ваяния тела.

Если предоставить им возможность самостоятельно делать своё дело и взрастить ребёнка, то выросший из него человек окажется *никаким*. Он будет бесплодным, генитально неразвитым, с евнуховидной телесной формой. Такие особи размножаться не могут и обречены на вымирание. Получившееся существо похоже на заготовку, которая не получила завершающей обработки.

Обнаружена коллизия развития, ставящая под сомнение само наличие жизни. Ведь люди считают и сперматозоид и яйцеклетку живыми, оплодотворённую клетку и продукты её деления тоже живыми, и тем более живыми являются ребёнок и взрослый. Тогда почему человек, произошедший из живых родительских клеток, не удовлетворяет основному критерию живого: производства себе подобных? На этот вопрос отвечать нет резона. Если не удовлетворяет, значит жизни нет и некому вопрошать. Родители сами по себе не в силах породить живое или продлить жизнь в потомках.

Во второе русло отводится малое число клеток. Все они имели общее происхождение с базовым клеточным массивом до исхода. Предположим далее, что и свойства их остались такими же, т.е. каждая из них дифференцировалась, сортировалась и развивалась так, как того и требуют управляющие воздействия, организующие рост эмбриона. Тогда их слияние с первым потоком ничего нового не внесёт, это будут всё те же телесные потомки зиготы и породят они всё ту же незаконченную заготовку.

В действительности, отделившиеся клетки ведут себя таким манером, которому нет ни равных, ни похожих примеров. Они по каким-то своим приметам, будучи полностью отделёнными от тела, безошибочно определяют законченность формирования гонад. Сразу же тайное прежде скопление взрывается движением. Проявляется исключительная индивидуальность действий. Каждая клетка, переливая свое тело в амёбной пластичности, самостоятельно выбирает место входа в эмбрион и бросается к нему прямо-таки сломя голову: кто напрямик, кто обходя препятствия, кто током попутных жидкостей сплавляя себя. При этом развивают невообразимую прыть: несколько сантиметров в сутки. Спрашивается, кто им дал пинок и откуда резвость при тощем питании?

Даже только отмеченные особенности вынуждают признать, что отделёныши весьма отличаются по нраву от породившей среды. Дальше они проявляют и вовсе осознанную дерзость. Понимая, что они захватчики и что на их уничтожение будут посланы

защитные силы растущего тела, они придумали удивительную тактическую уловку. В первые мгновения пребывания во враждебной массе, им пока не ясно, на какую приманку успешно проводится вербовка, подкуп, словом, привлечение местных для помощи пришлым. Пришельцы окружают себя плотным слоем местных клеток и становятся невидимыми для сторожевой иммунной системы нового организма. В таком виде они сравнительно безопасно добираются до *чужих* гонад и располагаются в них.

А добравшись, полностью перестраивают их работу на свой лад. Если у плода к этому времени сложился мужской тип развития, его половая система начинает производить сперматозоиды. При женском типе запускается процесс созревания яйцеклеток. Взрослея, вырастает человек, называемый людьми нормальным. Это значит, что он, помимо характерной внешности, обладает и другими признаками живого, в частности, – способностью к воспроизводству и к целесообразному поведению. Вместо сырой заготовки формируется полноценный экземпляр данного вида.

В чём же различие роста нежизненной и жизненной особей? Пока оно состоит лишь в наличии или отсутствии ранее отделившихся амёбовидных клеток. Если им удастся *правильно* распознать себя в скопище телесных соседей, если они сумеют выбраться из клокочущей массы, если их не растворят иммунные антитела по пути к месту сбора, если их не поглотит агрессивный эмбрион, если они в достаточном числе соберутся в оккупируемой гонаде, если сама гонада к этому времени созреет настолько, что окажется в состоянии изменить свою функцию согласно требованиям новых хозяев, если эмбрион сможет перестроить собственный рост в соответствии с формирующим воздействием гонад, если ...

Почти невозможно родиться нормальным. Даже малейшее преобразование вещества зависит от нескончаемого перечня ненадёжных событий. Сами по себе они не способны сложиться в конкретную последовательность и породить целесообразный организм. Для этого нужна осознанная направляющая сила, творящая не вообще ради отвлечённой идеи, а лично для себя.

Такой силой является воплощающееся сознание. Это очередной этап его деятельности по изготовлению тела. До него уже выполнены подведение итогов прошлой бестелесной жизни, формирование требований к будущей плоти, поиск существ с потребным репродуктивным материалом, организация приязни между ними,

близости и получения оплодотворённой клетки. Прodelана немалая работа по сведению трёх заинтересованных сознаний в единый творческий союз. Результат их трудов – создание зиготы. Она-то как раз и есть тот пьедестал, с которого новичок вступает в материю. Именно она несёт в себе ту равнодушную мёртвую фабрику с отлаженным оборудованием, которое самостоятельно само по себе может производить что угодно полезное или вредное и даже вовсе выйти из-под всякого контроля, что часто и наблюдается в режиме боления-лечения при уходе сознания из тела.

Данная фабрика – это материальный задел, который позволяет внедренцу начать свой путь в веществе *не с нуля*. И это честный подход, поскольку пришедшему даётся то, что он имеет в себе, что сам внёс в себя в процессе развития, т.е. некоторую постоянную компоненту его сущности. Если бы он имел меньший уровень зрелости, то фабрика была бы хуже и для запуска её в нужном направлении потребовались бы дополнительные усилия. При большей зрелости молекулярная база зиготы была бы мощнее. Это и есть истоки принципа воплощения: каков сам – такое тебе.

Однако фабрика фабрикой, а без управления пользы от неё никакой. Давайте вообразим человека: плотный, тяжёлый, большой и ... умный. Пусть ему нужно сделать биологическую клетку. Как он может в процессе делания приспособить такое качество своё, как плотный? А как использовать свойство быть большим или тяжёлым? Ответ категоричен: никак! Вся материальная окантовка человека в творческом порыве повлияет разве что на подсобный инструментарий, который опять-таки мало зависит от весогабаритных данных и других характеристик формы делателя.

Единственным употребимым параметром творца окажется ум, т.е. сознание. И как бы оно ни выглядело в бестелесном виде: по типу облака, густого пространства или мыслеформ, оно будет созидательной силой, для которой суть объекта заключается в его сложности и мерности, но не в протяжённости и вещественности. Потому для воплощенца приложение себя к оживлению одной клетки не отличается по значимости и производительным затратам от занятости по созданию многоклеточного организма.

Если для обеспечения нужных параметров воплощения до создания зиготы ещё была возможность замены одного из телесных партнёров или сразу обоих, то после её появления такой возможности уже нет. Замена оплодотворённой клетки обозначает то

же самое, что и замена тела человека на любом этапе земного пути – смерть. Поэтому сознание, получив в свое распоряжение материальный субстрат в виде молекулярной фабрики, организует со всей тщательностью её работу в направлении получения им же задуманной плоти. Но что она собой представляет?

В любом теле можно выделить некоторую типовую часть и персональную. К первой из них относится то, что образует форму особи, её органы и системы, а также их видовое наполнение вещественными структурами. Это универсальная компонента общённого существа под названием человек. У всех людей почти одинаково выполнены руки, ноги, голова, сердце, железы ... Эта стандартная начинка возвращается основным клеточным массивом и, если процесс роста не направлять, то получится ранее упомянутое существо, похожее на заготовку, не получившую завершающей обработки. И действительно, зачем терять хорошие решения? Ведь на их становление затрачен столь тяжкий труд и неисчислимые временá. Найденное однажды будет подгоняться впредь под потребности растущего сознания при сохранении пригодного прошлого багажа. Этим экономится творческая сила развития. А живущие имеют повод наполниться уверенностью, что в мироздании царит великая идея целесообразности, порождением которой являются и сами живущие. Имеешь то, что сам сотворил!

В сегодняшнем бытии людей именно типовая часть телесной опоры человека служит основой культуры вообще и медико-биологической в частности. Она служит подопытным объектом морфологии, эмбриологии, цитологии и других направлений созерцательного отображения строительной активности косного вещества в виде клетки или совокупности клеток – органов и организмов.

Персональная часть тела включает в себя то, что доводит до нормального вида типовую заготовку. Однако на стадии зиготы кто может знать суть этой нормальности за месяц, год и десятилетия вперёд? Ведь с невероятной упреждающей прозорливостью в будущий организм уже сейчас необходимо вложить расположенность к развитию исключительно в предначертанном русле.

Такие знания есть только у того, кто строит потребное тело для себя: у воплощающегося сознания. Это оно организует протекание безликих молекулярных процессов внутри косной клеточной материи, в том числе и с помощью авторитетной ДНК, по пути синтеза комплектующих органелл, белков и прочих соединений.

В безбрежье молекулярных просторов клетки имеются и включения типа ядрышка, хроматина и пока неразгаданного электронно-плотного материала, которые подобно выделёнышам эмбриона делают биологическую клетку нормальной. Без этих включений, всё ещё таинственных, клетка оказывается в состоянии незавершённой заготовки. Другими словами: мёртвая фабрика приобретает свойства живой структуры только при наличии управляющего воздействия персонифицирующегося сознания.

Это же воздействие наблюдается и при уводе малого числа клеток из растущего массива. Отобранные экземпляры перестраиваются путём внесения в их организацию изменений, которые соответствуют содержанию воплощающейся сущности. И уже эти изменённые клетки, захватывая гонады типовой заготовки, вынуждают их, а через них и всё тело, расти так, как надо пришлому, т.е. материализующемуся сознанию. Заготовка обретает видовую завершённость: сущностную, личностную и телесную. Она приобретает половую определённость, поэтому клетки-отделёныши называли первичными половыми клетками – ППК³².

Первичными потому, что они первыми отображают в своём содержании материальный слепок земного тела из его нематериального образа, которым обладает только хозяин тела – сознание, пожелавшее предстать в пропорциях человека. В силу исключительной миссии и потому особой трудности преобразования родительских клеток в воплощенческие, их не может быть много. Их даже мало и поэтому они используются в качестве настроечного агента. Перехитрив агрессивный эмбрион и захватив пульт управления растущей заготовки, они изменяют направление её развития согласно личностным потребностям воплощенца.

Это момент предельного, кульминационного напряжения. До перестройки гонад существовал эмбрион, составленный из родительских телесных клеток, и его рост направлялся родительским сознанием. Каким было сознание отца и матери, таким оказывался и зародыш. Их психическая и телесная суть перетекала в клеточный массив, формируя материальную заготовку человека. И если в этой сути имелись изъяны, они отражались в новой структуре. Однако наличие дефектов родительского содержания не порождает конфликта между партнёрами, ибо внедренец, подыскивая себе телесную пару, выбрал именно этого отца и эту мать с учётом их фактических свойств. Более того, наличие конкретного

фактажа является важнейшим условием соблюдения справедливого принципа перевоплощения: *каков сам – такое тебе*. И коль у родителей есть достоинства или недостатки, то такими же или похожими качествами уже обладает и внедренец. Он получает то, что содержит в себе, и до чего дорос в своём развитии. Ещё раз следует напомнить, что полученное им – это всего лишь типовая нежизнеспособная заготовка, предоставляемая воплощенцу материальным миром с целью экономии творческих сил: достроить почти готовое изделие проще, чем собрать его с нуля.

После перестройки гонад родительское тело перестаёт быть. Каждая его клетка и любые их совокупности наполнены прежним молекулярным багажом, но связи, взаимодействия и назначение уже другие. Их целевая функция определяется теперь истинным хозяином тела – входящим сознанием, материальным представителем которого являются первичные половые клетки. Вхожденец вложил свою творческую потенцию и своё видение собственного тела в агентов перестройки – ППК, и вменил им в обязанность переделку того, что есть, в то, что надо. Для этого ППК способствуют выработке вторичного репродуктивного материриала в виде семени, гормонов, катализаторов, ферментов, феромонов ... Однако точнее будет, если из последнего перечня выделить только *семя*, ибо всё остальное, несмотря на его организующую силу, воспроизводится семенем, зависит от него и направляется им. Сознание отображает свои познавательские побуждения в управляющем телом мозгу, для того, чтобы, воздействуя на материю, получить ответ на собственные запросы. Этот ответ обогащает бестелесную сущность новыми сведениями и одновременно с этим обогащением даст накопление земного опыта, сохраняемого в семени. Что бы ни вытворял человек, его поступки обязательно вызовут изменение материальной и нематериальной частей человеческой конструкции. Первая из них отложится в семени. В дальнейшем она послужит основой для создания очередной зиготы, из которой со временем разовьётся достойный пьедестал новому покорителю вещества, а вторая – даст прирост сознания, и оно получит то, ради чего и прибыло в материю.

На этапе *замены жизненности* эмбриона, определяемой родительским сознанием, на новую жизненность, вносимую в эмбрион воплощающимся сознанием, и всвязи с перестройкой его тела при такой замене становится очевидным, что родителям не

дано право произвести на свет своё *повторение*. Ребёнок не сможет оказаться слепком, отпечатком или копией матери и отца.

Предположим, что это не так, и потомок вобрал в себя только то, что имелось в родителях. Если взятое пришло в равных долях, т.е. сколько женского, столько и мужского, то быть потомку гермафродитом. Его дети тем более будут обоеполыми, значит непригодными к воспроизводству. Рождение прекратится, популяция исчезнет. При разных долях вид наполнится однополыми особями, неспособными размножаться, что также ведёт к гибели.

Получается, что удел родителей – это выделение косных веществ из окружающей среды, размещение их в определённом месте и придание им предварительной упорядоченности. Если бы работу всю выполняли только люди, в утробе складывалось бы неживое устройство, похожее на механическую игрушку с малым набором поведенческих релизов, т.е. умений и способностей.

Однако это не умаляет человека, а наоборот, возвеличивает их. Придавленные материальными рамками развития, они всё же смогли подняться до уровня более вольготно растущей бестелесной сущности и предоставить ей то, чего у неё нет и без чего её рост невозможен: типовую часть тела, которой пришелец станет пользоваться всю земную жизнь. Тогда из-за одинаковомности сознаний трёх участников процесса изготовления ребёнка, можно считать этого ребёнка собственным порождением его родителей. Но если учесть, что даже при равенстве этих сознаний каждому из них предопределена индивидуальная линия восхождения, у ребёнка окажется сознание, отличающееся по своей значимости от родительского. Оно будет принадлежать *другой*, близкой по духу и телу, сущности, перед которой простирается исключительно свой путь не только в человеческом обличье, а в любом, какой придётся принять на траектории роста. Поскольку рождение готовится, направляется и завершается во имя воплощающегося существа, которое само для себя готовит конкретные условия вхождения, в том числе и особенности ребёнка, то следует признать, что ведущим звеном в цепи так называемого воспроизводства является именно ребёнок, как отображение фундаментальных процессов, происходящих на стыке телесного и бестелесного миров. Потому воспитание обязано дать лишь типовую часть умения и пробудить способность к восприятию мира собственными силами. Всё остальное богатство характера предписано находить самостоятельно.

О Р Г А Н И З М

Тело не является безликой плотью, таким случайным порождением капризной игры слепых причин. Оно есть *фактическое* тело. Это значит, что оно представляет собой итог многожизненного собственного творчества, уходящего в неисчислимые прошлые воплощения. Каким себе его замыслил на каждом из посещений материи, таким оно и стало. Бывают даже вековые отсутствия замысливания, как, например, происходит в нашу эпоху боления-лечения. Небрежные к телу приводит его к разложению, а сущность – к смерти. Частичное пренебрежение даёт тот же результат, но в рассрочку. И если кто-то болен, то он, его окружение и ныне живущие основательно убеждены, что нелады возникли в теле. Но при подчинении плоти сознанию, тело является отображением *фактического состояния своего сознания* и невозможно потребовать от него чего-то, не обеспеченного сознанием. Фактическое тело может измениться лишь в малых пределах, свойственных косной материи, если действовать только на тело, как принято в лекарском деле. Победа над болением кроется в уяснении себя созидательной силой, творящей самого себя и собственную форму.

Всё существующее наделено сознанием. Чего-либо такого, возжелавшего обойтись без сознания, быть не может, и его нет. Но если что-то есть, то что обозначает это *есть*? Это значит наличие освоенных сознанием пределов. Если бы таких пределов не было, сознания могли бы шириться произвольно по всем направлениям, образуя наложения с усреднёнными характеристиками.

Все области мира лишились бы отличий. Мир превратился бы в застывший уединённый объект, устойчивое бытие которого невозможно. Стремление к бытию или иначе – страх смерти, побуждает каждое сознание значительную часть своих творческих потенций расходовать на обустройство себя в некоторых пространственных границах. То, что получается в результате, образует сущность, удостоенную восхождения по мирам. Ведущей стороной в паре сознание-форма является сознание. Получив право на самостоятельное и предначертанное воплощение, оно обрекло само себя на труд по изготовлению для себя же некоторого тела

с определёнными очертаниями. И это есть невероятно драматическое событие. Прежде всего следует проникнуться сочувствием к ваятелю-сознанию, поскольку его знаний-умений-навыков всегда недостаёт для надёжного выполнения такой созидательной работы, как устройство тела. Оно приступает к делу, опираясь на свой прошлый опыт, в то время, как продукция творчества обязана вписываться в потребности будущего. В мироздании способность преобразовывать недостаточный личный опыт в достаточный для решения задач бытия имеется только у старшего в септоне шестимерного мира. Остальным же созданиям такое качество не дано. Каждому из существующих в любом из миров от нулевого до начальных областей сорроса³² приходится вечно доказывать право быть собой в изнурительной борьбе со своим порождением – телом. Без него некомплектное сознание превращается в захватчика, агрессора и разрушителя с устремлённостью на кражу чужих тел. Такие формы возникают при нарушении установочных положений септона³². Они образуют прослойку изгоев мира, при борьбе с которыми расходуются значительные созидательные силы. Наличие изгоев указывает на несовершенство даже такой казалось бы отлаженной картины бытия, как мироздание. Значит, любой как угодно выверенный процесс обязательно породит непредвиденные продолжения, результаты, последствия. Если неожиданное имеет ту же или меньшую мерность, что и творящее сознание, то новое способствует развитию и подтверждает право особи оставаться в избранной форме. Так было, например, с обнаружением пенициллина, вакцинации, гибридизации. В случае превышения уровня новизны над понимаемым, она остаётся незамеченной или угрожающей, вроде клонирования, донорского осеменения или аппаратного выращивания плода. Неосознаваемая новизна ведёт к деградации с последующей заменой формы через смерть.

Сознание, творя себя, также включено в созидательный процесс, потому сотворённое им не может не иметь недостатков. Форма всегда отличается от её вида в исходном замысле. Если отличия велики, то особь гибнет при воплощении-рождении. Если при отклонении в пределах начертанной линии развития, персона всё же войдёт в плотный мир, то вынуждена будет дорабатывать тело весь земной путь до удовлетворения требованиям личного предназначения. В любом варианте сознание обречено на работу по строительству тела согласно пониманию личного назначения.

При его наличии сознание получает возможность выполнить главнейшую свою обязанность – следовать путём самостоятельного развития. Без него свой путь теряется. Указателей движения нет. Образуется мятущаяся стихия, переполненная болью. Страдания становятся побудителем к действию. Каждая сущность строит себе тела с зарожденческого нуля в виде непрерывной телесной последовательности в соответствии с особенностями очередного воплощения. В случае внезапной потери тела на любом этапе восхождения, воссоздать его в разовом порядке невозможно в связи с запретом на попятное движение. У бестелесного сознания имеется только один выход – кража чужого тела. Но даже если это удастся, сторонняя плоть от другой персоны не способна полностью вывести похитителя на ему уготованный путь оразумления. С великими муками и трудами, очень-очень долгое время придётся ему подгонять чужое под свои нужды. Поэтому заботу о теле всякая сущность воспринимает как первоочередную.

Категории формы-тела отводится роль основного проверочного теста на соответствие сознания своему назначению. Лишь оно – назначение – вкладывается в зарождающееся сознание в области нулевой мерности. Кроме назначения, новичку ничего иного не даётся. Всё остальное он обязан обрести самостоятельно, ориентируясь на одинаковые для всех законы, положения и иные вехи на пути оразумления. Всякий раз, как только личное развитие существа отклонится от ему уготованного пути, наступает момент возврата на личный путь, внешне воспринимаемый как смерть тела. Сознание при этом не меняется в размере. Оно переходит из плотной среды в мягкую или наоборот, но это перемещение сопряжено с особо изнурительной воплощенческой работой³². Потому любой объект отчаянно борется за сохранение наличной формы, стремясь отстрочить смертельный эпизод и тем самым отложить воплощенческие тяготы на будущее. Появляется надежда, что поумневшей персоне легче одолеть беду.

Форма выделяет в пространстве определённую область, которую данная особь считает своей. В ней она размещает тело, представляющее инструмент воздействия на среду. Но что обозначает такое понятие, как *среда*? Вообразим пространство, полностью колонизированное самыми разными сознаниями. Это значит, что любой даже и малый ранее свободный участок после заселения оказался кому-то принадлежащим. Если эти поселенцы не изменяют

захваченные зоны, то установить границы собственных владений не удастся всвязи с отсутствием различия между соседями. Тогда приходим к случаю произвольно ширящихся сознаний с образованием однородного объекта.

Но поскольку такой объект невозможен, нужно признать обязательным условием существования непременно изменение свойств пространства, освоенного данным сознанием. Нет нигде даже крохотного не заселённого, а значит и не изменённого закоулка. Пространство порождает сознание так же, как сознание определяет пространство. С одной стороны, такое утверждение подчёркивает разумность всего, что есть, а с другой – что разумность не является универсальной, типичной или одинаковой для всех и везде. Разумность – индивидуальный признак, характеризующий каждую единицу бытия таким образом, что если имеется где-то разумный объект, то нигде нет другого объекта с такими же данными. Совокупность разных объектов образует мироздание или мир. Часть мира, расположенная в области интересов сознания-персоны есть среда, отображаемая в ощущениях. Она наполнена сознаниями и формами. Тогда взаимодействие со средой – это связь *сознания* особи с сознаниями и формами объектов, принадлежащих миру, а так же связь *формы* особи с сознаниями и формами внешних объектов. Поскольку форма и сознание есть разные уровни преобразования-организации пространства, то среда представляет собой, в конечном итоге, структурированное пространство.

В силу общего источника происхождения любых объектов мира, между ними всегда присутствует взаимное влияние, так что выделить какой-то из них в качестве независимого, покоящегося или уединённого невозможно. Всё и все связаны со всем и всеми.

Люди пока такое положение не воспринимают. Они убеждены, что взаимодействовать могут только однородные величины. В частности, влиять на материю можно лишь материальной причиной, на нематериальное – нематериальной стихией. Перекрёстные связи – материя на сознание или сознания – на материю относятся к разряду аномалий, фокусов, мистики ... И если случится болезнь, ясное дело, нелады кроются в материи-теле, изгнать её – чем же ещё – привычным снадобьем. Здоровье – это крепкие органы, что-то засорилось-уплотнилось-лопнуло – вырезать-промыть-защитить, сломалось – винтами укрепить, диагностировать – значит, подключить к прибору-аппарату-установке ... Простецкое давление мате-

рии на материю. Сознание в лекарственных танцах не участвует. Более того, вся мощь о материализованного интеллекта нацелена на развенчание сознания, как мешающего свидетеля, и на окончательное устранение его от чародейства сторонних лиц.

Приведём аналогию. Пусть всадник мчится на лошади. Чтобы такое стало возможным, ездоку или другому человеку придётся приложить много стараний для подготовки такого средства перемещения, как лошадь. Но старания – это мыслительная и телесная работа, направленная на ... На что же она направлена? Ответ, вытекающий из людской культуры, укажет на саму лошадь, т.е. на тело, ибо его надо кормить, поить ... Разум животного при этом не только не учитывается, но даже не предполагается, что он вообще есть. Однако стоит только разуму-сознанию отделиться от тела, и вместо полезного инструмента получим обременительный труп.

Зачем же в принципе нужна лошадь? Если бы наездник сам по себе обладал способностью бегать подобным образом, надобность в стороннем двигателе отпала бы. Тогда лошадь можно рассматривать как дополнение, добавку, доработку человеческой плоти до того вида, который нужен сознанию человека. Имеющееся тело может перемещаться обычным образом, но этого оказалось мало. Сознанию нужна большая скорость, на которую тело не способно. Что делать? Изменить сознание? Безусловно! Но запрет на обратное развитие не позволяет ему уменьшиться и удовлетвориться обычными возможностями плоти. Ему разрешено только возрасти. И сознание возросло. Из долошадного состояния оно сначала поднялось до потребности освоения большей скорости, а затем и до практического осуществления этой потребности, приспособив для своих целей внешний объект. Затем последовала череда: паровоз, автомобиль, самолёт, ракета – такие же дополнители плоти до вида, удовлетворяющего сознание.

А почему бы не продолжить развитие тела вместо внешних устройств? Например, коль сознанию нужно быстро перемещать своё тело – значит следует его так изменить, чтобы оно соответствовало запросу, нужно ещё быстрее – внести очередные улучшения, и так под каждый посыл готовить приемлемый ответ. Можно же удлинить ноги или увеличить их количество, усовершенствовать прыжковое, катящееся или планирующее передвижение ...

Сознание так и поступает. Зародившись в пространстве нулевой мерности, оно тела не имело вовсе. Постепенно, долгими

эпохами, медленно, по крохам набирало опыт в извечной борьбе со средой, свидетельствуя о включении себя в самый важный мировой процесс – в процесс оразумления. При этом происходил рост сознания с одновременным ваянием формы, в которой расположено имеющее чёткое строение тело, называемое организмом. До некоторого уровня развития между формой-телом-организмом и сознанием устанавливаются диалектические отношения, при которых всякой потребности сознания отвечает возможность плоти. Это единство противоречий, когда возросшее сознание ещё в состоянии подогнать-приспособить своё материальное вместилище для решения задач роста в рамках текущего воплощения. Малые приращения сознания сопровождаются постепенным изменением тела. Так будет происходить до тех пор, пока мерность сознания и мерность тела будут находиться между собой в допустимом соподчинении, т.е. отличаться меньше, чем на единицу³². В этом случае сознание принимает облик особи, или иначе: обособленного, неделимого, самодостаточного существа, являющегося учётной-видимой персоной в каждом из миров.

В силу того, что сознание изменяется непрерывно без смертей, скачков и разрывов, а тело – только на одно-единственное воплощение, т.е. *прерывно*, между сознанием и телом навсегда устанавливаются непримеримые отношения. И пока тело способно соответствовать притязаниям сознания, оно будет использоваться как устройство-приспособление-инструмент для воздействия на среду обитания. Сознание считает его своим и совместно с ним образует отдельность или особь. Однако такое соответствие неустойчиво всвязи с тем, что скорость развития сознания превышает скорость изменения тела. Разная скорость роста приводит к тому, что наступает момент, когда тело при максимальных потугах к приспособлению не в состоянии обеспечить прирост сознания. Возникает необходимость заменить прежнее тело на очередное-новое. Люди воспринимают такую замену как смерть. Сознание при этом не изменяется. Оно уходит в область нематериального развития и будет находиться там до вхождения в ситуацию смерти уже там, что людьми видится, как рождение здесь.

При росте в пределах мировой координаты, определяющей уровень данного сознания, замена тела через смерть мало меняет облик существа. Так, населяющие окраинные области нулевого мира одноклеточные персоны: амёба, представляющая собой сгусток

молекул, обтянутых мембраной, перемещается путём растяжения мембраны и переливания в оттопыренную сторону своего содержимого, инфузория – тот же сгусток, уже с двигательными ресничками, и наконец, фораминифера – сгусток с явно выраженными выростами для перемещения. Постепенный рост сознания вызывает соответствующее приращения тела.

Однако в этой этапности наступает предел, когда возросшее сознание в принципе не может удовлетвориться не только прежним телом, но даже идеологией его построения. Возникает такая ситуация на междумерном этапе развития, когда прежняя координата заканчивается, а следующая только начинается. В области смены воспринимаемых координат происходит замена прежнего медленного времени на гораздо более стремительное новое время, изменяется отображение расстояния, понимание конфликтов, осознание себя и своего места на шкале оразумления. Перед взором междумерной персоны разворачивается незнакомый мир, для освоения которого потребны совсем иные приёмы-инструменты.

В семикоординатной конструкции септона междумерные области наблюдаются при переходе от нулевого мира к линейному, от линейного к плоскостному, от плоскостного к объёмному, от объёмного к кварковому, от кармового к пентарному и от пентарного к сорросовскому. Это участки фундаментальных преобразований внешнего вида сущности, то есть – особи. В силу того, что протяжённость миров постоянно убывает от невероятно растянутого начального мира до особо компактного шестикоординатного мира, внутри каждого из них расположены дополнительные зоны междумерья, в которых форма-тело персоны изменяется, хотя и значительно, но не кардинально.

Так, сущность вступает в цикл оразумления в виде обособленного пространства, мало отличающегося от фоновой среды, но уже наделённая судьбой. Развиваясь, она поочерёдно проходит стадию довирусных существ – довигов, отличающихся *домолекулярным* строением, затем стадию вирусов с начальной молекулярной организацией, после неё – стадию бактерий с закладкой первичных организменных свойств, и наконец, стадию клеток с развитой органной структурой. В линейном мире, заполненном, в основном, растениями, важные изменения формы и тела существ происходят при переходе от одноклеточных особей к многоклеточным, при дорастании красных водорослей до настоящих водорослей, а этих

последних – до высших растений. В населённом животными плоскостном мире, великое множество форм непохожих и разных, от простейших, губок, кишечечно-полостных ... до хордовых. Хордовые в свою очередь проходят стадии рыб, земноводных, пресмыкающихся, птиц и млекопитающих. Венцом изменённой формы становится человек. Так воспринимает себя сам человек.

Но тогда облик людей должен быть конечным, что равносильно остановке развития и превращения человека в уединённый объект, бытие которого невозможно. И поскольку он всё-таки есть, следует признать, что форма человека также являет собой промежуточную версию, подлежащую дальнейшему изменению, вплоть до полного исключения его материальной оболочки-тела.

Все дочеловеческие преобразования тела являют собой классическую диалектику отношений сознания и формы. Это значит, что всякое приращение сознания может быть обеспечено адекватным-приемлемым-потребным изменением формы. Соотносятся между собой две стороны одного субъекта без привлечения сторонних участников. Так происходит до тех пор, пока исчерпаются приспособительные возможности тела. В земном варианте развития живого такая ситуация наступила при переходе от плоскостного разума к объёмному, т.е. в плоско-объёмном междумерье.

В этот период сознание междумерных особей настолько далеко отошло от сознания наиболее развитых животных, что никакие приспособительные приёмы, направленные на подгонку их тел к нуждам возросшего сознания, не могли дать желаемых результатов. Налицо крушение технологической идеи, состоящей в познании мира при помощи такого неотъемлемого инструмента, как тело. Запас познавательных ресурсов тела, основанных на биологическом принципе действия, исчерпался на стыке второй и третьей мировых координат.

Казалось бы, творящая сила Природы должна устыдиться такого просчёта и срочно приняться за конструирование невиданного, особого, самого-самого нужного тела. Но не тут-то было! И не устыдилась, и не предложила нового. Вместо кардинального взгляда на вместилище разума, животный вариант формы-тела она доработала лишь частично. И всего-то дела: в мозг было внесено несколько дополнительных фрагментов. Конечно, это вызвало изменение очертаний и способностей тела, но принцип функционирования организма остался прежним – это пооперационное обеспечение деятельности. Если нужно перемещаться, есть органы для перемещения, если же

нужно цепляться, есть цепляющие органы, нужно видеть, слышать, осязать, обонять, питаться, размножаться ... для всего, что нужно, имеются соответствующие органы. Их обеспечение тоже выбрано из животных наработок – пищевой отдел, кровеносный, нервный, мышечный, рецепторный, скелетный, иммунный ...

Но именно такая компоновка и не устраивает человека. Она не устраивала уже прежнее – дочеловеческое – сознание, а теперь и подавно, поскольку к тому же недостаточному обустройству добавлена очередная порция сознания, характерная для междумерной персоны. Творящая сила отказалась от дальнейшего улучшения плоти, чем обрекла биологический носитель на недоверие.

Однако, если в течение вечности эта ситуация не преодолена, значит, в ней есть резон и оправдание. Суть отказа от кардинальной подгонки формы до её диалектического единства с междумерным сознанием кроется в *нестабильности биологических конструкций*. В потоке того сознания, к которому принадлежат и люди, особь, состоящая только из самой себя, возможна лишь в нулевом мире в момент зарождения. Затем, по мере развития и роста сознания, она вынуждена всё вновь и вновь изготавливать для себя очередное тело, которое становится структурно всё более сложным. Исходит усложнение из необходимости объединения нескольких особей в одну, сознание которой должно соответствовать мерности обитаемого пространства. Они, в силу неукоснительно соблюдаемого индивидуального пути развития, принимают в общей конструкции функции, вытекающие из их предназначения. Так они образуют организм. Компоновка всех частей организма порождает тело. Внешнее восприятие тела определяет форму. Форма вместе с относящимся к ней сознанием воспроизводят особь.

Возьмём, например, плоскостное существо. Из всей его двумерной сути людьми отображается лишь тело. В нём только мозг способен воспринимать двумерное содержание. Остальные органы являются одномерными личностями. Линейные участники в свою очередь состоят из великого множества точечных сущностей, включающих в свой состав массу персон из междумерных зон нулевого мира. Даже если учесть укрупнённых участников плоскостного тела на уровне основных органов, то их наберётся около 27, разновозрастных, но всё же индивидуальностей, населяющих одну, казалось бы, цельную животную особь³². В объёмной особи людского типа таких независимых составляющих 42, в кваромовце – их 60, в

пентаровце – 81, в особи начальных областей сорроса – 105. Люди с трудом воспринимают даже своё личное сознание. Они уверены, что вся их разумность, у кого сколько её есть, вытекает из массы собственного тела или в лучшем случае из мозга и что, кроме наблюдаемого объёма, в человеке ничего иного нет. И если даже себя, такого понятного и естественного, воспринимают, как нечто монолитное и материальное с не осознаваемым качеством вроде сознания, то предположить наличие похожего качества у разных частей тела людям пока не под силу. И опять же: это ни хорошо, ни плохо. Это признак или примета междумерного этапа развития, когда существа-люди ещё не доросли до осознания себя и до необходимости самостоятельно учиться самостоятельности. Пройдёт сотня-другая лет, и медленно растущие знания установят тот уровень мышления, с высоты которого сегодня не воспринимаемые положения станут не только понимаемыми, но даже очевидными.

Пусть в линейном мире, т.е. мире вытянутых форм, условно проживают две особи. Сам факт их наличия обозначает одоление непрерывных конфликтов, что даёт прибавку опыта бытия и как следствие – постепенное оразумление. До некоторых пор сознания особей возрастают в пределах, характерных для мира их обитания, т.е. их сознания остаются типичными для растительных форм. Так умнея, шаг за шагом продвигаются они по своему миру, постепенно меняя облик. И когда возмужают настолько, что перерастут уровень растений, но ещё не достигнут уровня животных, окажутся в линейно-плоскостном междумерье. К ним относятся, например, кораллы, полипы, медузы и сотни хищных растений. В этот период наблюдается интенсивная перестройка формы: и тела, и организма. Суть изменений – в установлении очередного соответствия возросшего и ставшего междумерным сознания с плотным вместилищем, с помощью которого обновлённое сознание намеревается воздействовать на среду обитания.

Предположим, что каждая условная особь вознамерилась личным старанием изготовить себе тело. Отправное положение – это незыблемый закон предначертанного развития. Но оно неизвестно никому, в том числе и самим изготовителям. Зато этот закон определяет обязательное различие особей между собой. Нет нигде равных, одинаковых или тождественных экземпляров. Каждый из живущих – это неповторяющаяся отдельность. Пусть старания энтузиастов увенчаются успехом. Тогда двоим персонам линейного

мира будут соответствовать две междумерные персоны. Этим бы утвердилась идея количественного накопления индивидуальностей, при которой всякое зарождѐнное существо превращается в конце пути развития само в себя, но уже шестимерное. Судя по невообразимо большим массивам земных малых организмов, уже являющихся весьма сложными, число зарождѐнных неохватно любым воображением. И если все они доразвиваются до соррорса³², что им делать дальше? Как их применить? Зачем они нужны?

Дарвиновская трактовка развития: из одной обезьяны — один человек, должна быть заменена формулой: обезьянья суть входит в состав человеческого естества. Если весь багаж интеллекта-формы конкретного животного принять за единицу сознания, то эта единица в людском воплощении обязательно найдѐт своё размещение, согласно личностной развитости и предназначению. И таких единиц будет много. Поскольку они разные всвязи с запретом на одинаковость, то в людском теле и сознании каждая бывшая животная суть займѐт только ей приличествующее место с выполнением отведѐнных лишь ей функций. Кто-то дорос до уровня сердца, кто-то другой — до уровня желудка, третий — до уровня печени ...

Конечно, возвращѐнным на видимой глазами упрощѐнной картине человеческого окружения, сразу понять такое весьма непросто. Однако для ума есть подсказка: превращение точечных объектов в вытянутые, или иначе — переход от клеточных к растительным формам. Внешний вид и жизненные проявления при этом изменяются до полной неузнаваемости и непонимаемости. Кто может заподозрить, например, в водорослях совокупность амѐб, инфузорий или фораминифер? Ещё разительней отличаются растения и животные. С каждой очередной освоенной пространственной координатой сознание рядится в совершенно новые формы, мало заботясь о мнении кого бы то ни было. Главное для него — соответствие тела условиям развития в той среде, в которую занесла его индивидуальная судьба. В противовес этому массовое порождение различностей-раздельностей, разумность которых не имеет ограничения сверху, грозит поглощением и уничтожением породителя с последующим выделением области, враждебной самой себе, соседям и остальному миру. Это разрушение бытия. Но поскольку мир всё же есть, следует признать, что рост сознания, или разумность существ, *имеет* ограничение по его допустимому уровню-размеру, т.е. умность не может превышать то значение, которое требуется

для устранения конкретного конфликта шестимерного мира – сорроса. Этот мир включает в себя полную мощь септона и его конфликты представляют собой разгул-мятеж весьма значительной части собственного естества. Для умирения стихии требуется мощь в точности равная самой стихии³². Такой отпор конфликту способно дать только существо, вобравшее в себя достижения роста всех персон, зарождённых в области нулевой мерности.

Потому сущность в царстве времени способна пребывать в виде отдельного экземпляра лишь краткий отрезок пути развития, именно тот, когда её плоть ещё пригодна для воздействия на среду обитания в русле притязаний сознания. Если сознанию понадобится то, чего тело обеспечить не может, через последовательность смертей-рождений оно будет поэтапно заменено на пригодное. При этом исходно зарождённые, слившись, образуют довиры, те в процессе роста дадут вирусы, они, объединяясь, создадут бактерии, совокупность бактерий породит клетки, клеточные организмы построят ещё более сложные многоклеточные тела, но так, что следующая композиция, оказавшись отдельностью-особью, вберёт в себя всё многообразие менее развитых существ, которые на данном этапе собственного развития особями быть не в состоянии. Это значит, что такая особь, как человек, будучи существом начального трёхмерья, имеет тело, мерность которого на единицу, т.е. на одну координату, меньше, чем мерность человеческого сознания. Или: людское тело слагается из животных тел.

Люди пока не имеют в себе силы осознать собственную составность, т.е. выделить из своей целостной конструкции сознание и ощутить его властелином и творцом личной телесной формы. Им ещё труднее представить сердце, почки, желудок, печень, сосуды, скелет и все остальные органы в качестве самостоятельных личностей, каждая из которых идёт своей дорогой оразумления в соответствии с назначенной судьбой. Неосознаваемое до сих пор противоречие: индивидуальность особи обеспечивается неохватно большим числом внутренних индивидуальностей, причём любая из них отличается от всех остальных. Единое – в разнообразии и персональное – в общем. Организм – это скопище малых драчливых умников. Драчливых потому, что каждому вменено в обязанность идти по жизни присущим только ему предначертанным путём.

Обилие таких разных и неповторимых путей исключает полное согласие. Но даже частичное или краткое согласие достигается

в результате борьбы. А где борьба, там насилие и стремление к лидерству. Организм любой особи являет собой внешнюю среду для всех частей тела. Познание этой среды, покорение и перестройка её на свой манер – есть смысл бытия плоти. Как же управлять ею безошибочно, если от этого зависит здоровье?

Управление плотью есть задача обеспечения устойчивости биологической конструкции. Трудность решения состоит в беспредельности количества объектов регулирования. Более того, все объекты имеют принципиально разное восприятие среды, поскольку само это восприятие является функцией сознания, или иначе, разумности, поштучно каждого элемента. У жильцов нулевого мира – довилов, вирусов, бактерий, клеток – время невероятно растянутое, медленное, тягучее. Они наблюдают мир в почти застывших формах на крохотных околосебяшных расстояниях, возрастая на местных конфликтах. Им недоступно наблюдение и тем более – понимание всего перелива форм и событий за пределами своего мира. Они неспособны предположить наличие чего бы то ни было иного, кроме них самих. Им недоступны такие понятия, как растение, животное или человек.

Есть только они, населяющие *придуманную* ими свою современность, с понятным только им куцем здравым смыслом. Тем не менее именно они задают тон бытия всему более развитому сообществу. Это они определяют свойства тканей, волокон, сосудов, органов и в конечном итоге всего, что есть. Это ради благополучия, хорошего чувствования и их здоровья трудятся системы регуляции, движения, гомеостаза, питания, дыхания, очищения ...

Не будь их – не станет материального развития. Но если они есть, то что дальше? Во имя чего, каким манером скопища клеток вдруг вздумали отказаться от своей вольницы, объединиться в отдельные органы с попутным вынужденным подчинением новым правилам жизни. Ведь ясно же, что орган – это не сумма клеток, но ясно и то, что без клеток сам орган не состоится. Среди наличных человеческих знаний данная коллизия не упоминается всвязи с отсутствием даже намёка на объяснение. Если же обстановка заставит зацепиться за данный феномен, то будут привлечены дежурные отговорки: таково свойство плоти, дифференциация биоструктур, организующее действие ДНК, возрастные изменения тела ... и прочие топтания мысли по материальным подмосткам.

Клетка – это существующий объект. Такого утверждения достаточно, чтобы признать составность её естества, т.е. наличие

её сознания и изготовленной данным сознанием формы. Значит, клетка подчиняется общим законам развития разума. То есть она персона, имеющая прошлую биографию, следствием которой является её настоящий вид. Этот вид – также всего лишь эпизод бытия.

Когда-то он изменится и станет таким, чтобы соответствовать требованиям возросшего сознания. Движущей силой в череде этапов служит рост сознания. При малом его уровне существо выглядит, как доклеточный организм. Когда его окажется достаточно для принятия формы, известной людям, как клетка, прежний организм изменит свой вид и превратится в особь. Если бы не было предыдущих состояний, особь вынуждена была бы творить своё тело с нуля. Это значит, что она обязана выполнить повторно ту работу, которую уже ранее выполняла, строя тело для пройденных этапов. Однако на такую работу ушла чередá воплощений новоявленной особи. Снова и снова повторять освоенный маршрут, значит остановиться в развитии, что равносильно небытию.

Итак! Зарождённое существо зародилось исключительно для того, чтобы расти. Само развитие потребно, как средство устранения разрушающих конфликтов верховного шестимерного мира: сорроса, или иначе: для обеспечения устойчивости миров³². Такую задачу одиночное существо при любых его способностях не в состоянии выполнить всвязи с непомерной мощью конфликта и его многоплановой структурой. Для преодоления этой несоразмерности принята идея подготовки составного воителя, при которой большое число исходных существ сливаются во всё более крупные персоны с возрастающими возможностями. Потому никто не есть сам по себе. Все связаны со всеми! Особь не имеет обособленного или уединённого значения. Она обретает вес и личностное величие только в следовании начертанной судьбе, которая, в свою очередь, вливается в общий поток условий по сохранению целостности мироздания.

Всвязи с этим каждому существу уготован путь от неособи к особи, и от неё снова к неособи. По мере роста сознания людской облик станет всё интенсивнее заменяться на нелюдской. Люди – неизбежный, но *краткий* этап развития сознания как вселенского феномена. Предыдущий этап – уровень животных. Непосредственно к животным примыкает весьма короткий междумерный период, населённый существами с устоями, которые сами существа называют людскими, за междумерным следует более длинный отрезок пути, где основной приметой является *высота*. И именно это освоение

высоты есть главное условие и требование для особей, доразвивавшихся до трёхмерного пространства. Освоив её, люди перестанут быть людьми. Они перерастут статус особи и на правах органа войдут в состав четырёхмерного существа – кваромовца. Порция сознания, принадлежащая человеческому индивидууму, окажется во внешней среде, отличающейся от теперешней, поэтому и форма её, и суть её, и особенности развития изменятся до неузнаваемости так же, как и в моменты прежних переходов от точечных организмов к одномерным, затем – двумерным, междумерным и трёхмерным.

Это не значит, что с появлением животных исчезнут растения, с появлением человека исчезнут животные, а с появлением кваромовцев исчезнут люди. Все градации разума – не устранимые и вечные, но всё же этапы. Вроде шкалы. От сих до сих отметок сознание имеет один вид, от этих до этих – иной вид, от тех до тех – очередной вид ... И так на всём пути вплоть до шестимерного мира. Как вода бежит по ступенькам, не изменяя их, так и сознание меняет одежды, лишь в малой мере подгоняя этапный крой под себя.

Сознание на пути до сорроса неуничтожимо, потому имеет статус бессмертного. И если однажды было зарождено, дальнейшая его доля состоит в безостановочном росте. Какую структуру, форму или вид оно не приняло бы, в какой среде не находилось бы, всё равно остаётся сознанием, т.е. персоной, личностью, индивидуальностью. Отсюда следует, что людской организм – это не просто область, заполненная полезными объектами, а среда для развития огромной совокупности субъектов. И точно так же, как особь стремится к постижению своего пути, так и каждая отдельность, составляющая тело, занята стремлением к постижению личной линии.

В этом сокрыт источник нестабильности любой обладающей сознанием структуры. Как только образовался объект, в тот же момент в него закладываются разрывающие усилия, ибо всякое целое неизменно состоит из частей, враждующих между собой по причине разного отображения среды, какой бы она ни казалась.

Возникает очередная коллизия роста. Достигнув предельного развития в рамках имеющейся формы, объекты, вынуждены заменить своё тело на то, которое будет соответствовать возросшему сознанию. Однако следующая градация формы невозможна в прежней идеологии её построения всвязи с исчерпанием приспособительных свойств. Казалось бы, коль невозможна, так и не надо! Нужно себе сотворю сам! Это значит, что особь должна изготовить тело,

не имеющее предистории развития, поскольку потребное так разнится с прошлым, что не удастся использовать прежние наработки-кусочки-фрагменты. Более того, внезапная лепка тела под сиюминутный каприз сознания порождает опасный прецедент разрушения *идеи соответствия*, как основы бытия, ибо открывает путь для появления не обеспеченной сознанием формы и для выделения сознания без формы. Равновесный мир превратился бы тогда в бурлящее скопище чудовищ, враждебное себе и окружению.

Похожая ситуация возникает при лекарственном воздействии. Снадобье, будучи *веществом*, внедряется в элемент тела, вызывая разлад между его формой и сознанием, поскольку материальному нашествию произвольным образом подвергается плоть, которая в здоровом, т.е. равновесном, состоянии обязана изменяться в направлении, потребном сознанию, и ни как иначе. При этом сознание элемента воспринимает нарушение баланса, как угрозу разрушения, и принимается в интенсивном порядке исправлять ситуацию, срочно включая в борьбу все свои силы. Одностороннее давление равносильно тяжёлому заболеванию. Элемент, вместо выполнения организменных функций, замыкается в себе для восстановления потерянного соответствия. При интенсивной терапии используются большие дозы того, что вроде бы является лекарством, потому губительному натиску, вплоть до поражения органов и систем, подвергаются многие элементы. Все вместе они заняты только собой, образуя инородную структуру, паразитирующую на ресурсах организма. Безуспешные вековые потуги создать средство, надёжно помогающее, должны были бы давно убедить людей, что такое средство невозможно в принципе. Те отдельные эпизоды облегчения страданий при материальном стороннем воздействии объясняются понижением чувствительности к боли, или хотя бы частичным участием сознания. Придёт время, когда иной станет применимость лекарств. Люди научатся видеть свой организм, слушать его, ощущать поэлементно и относиться к нему, как к объекту, данному во владение. Появится ответственность за поддержание его в пригодном виде. Болезнь станет позором, лишаящим больного уважения. Тогда каждый владелец тела сможет мысленно, путём воздействия своего сознания на сознания частей тела, просмотреть собственный организм и в результате поштучного перебора найти элементы, вызывающие подозрение. С такими уклонистами проводится персональный диалог сознаний – человека и органа, в результате чего

станет ясно, что именно вынудило орган отойти от нормы. Затем в действие приводится недостающее средство. И редко этим средством оказываются лекарства. Чаще всего достаточно того, что орган в общении с сознанием получает особую установку на коррекцию возникших сбоев. Если же при общении станет ясно, что что-то необходимо ввести в организм, то тогда это что-то в сознании примет конкретные приметы, и тогда-то постороннее вмешательство окажется целевым и местным и предохранит соседние структуры от неоправданного напряжения.

Итак, особь, дошедшая в развитии до коренного изменения формы, не может внезапно сотворить тело сама для себя, поскольку возникновение такого тела скачком противоречило бы принципу плавного поэтапного совершенствования плоти, начиная с зарожденческого нуля. Это опасно выделением участков развития, где тело и сознание могут оказаться разъединёнными, порождающими некомплектных агрессивных изгоев мира. Не менее важным есть требование воспитать мощного борца с верховным конфликтом³², что невозможно осуществить без объединения персон всех уровней развитости от нулевого до шестимерного включительно.

Значит, от некуда деться, придётся использовать прежние тела, а дополнительные возможности для приведения в согласие сознания и формы изыскивать в процедуре преобразования количественного объединения особей в новую структуру, обладающую таким качеством, которое удовлетворило бы совокупное сознание совмещаемых персон. Получится тело, составленное из частей, каждая из которых наделена личным сознанием, ориентированным в только ему предначертанном направлении развития. Несовпадение притязаний огромного числа членов сообщества служит источником конфликтов, для разрешения которых отсутствует единый подход. Создаётся обстановка войны всех против всех. И если бы не было найдено примиряющее решение, мир бы не состоялся.

Поскольку за выживание борются не только индивидуальности, но прежде всего — разумности, т.е. существа, наделённые сознанием, и умеющие им пользоваться, то не остаётся ничего иного, как только в очередной раз применить для выработки стратегии общего пути развития именно сознание, ибо ничего другого попросту нет. Этот замысел направлен на одоление тупика уничтожительной глубины. Ведь сознание, будучи бессмертным, не может исчезнуть и перестать быть сознанием. Оно не может и остановиться в росте,

как вынуждает его к тому устаревшая форма. Оно не в состоянии и идти вперёд, ибо наталкивается там на невыполнимые условия по ваянию тела. Выход только один: использовать тела, старанием добытые в этапных превращениях, для создания среды, в которой индивидуальность каждого способствовала бы созданию обособленной области, в равной мере пригодной для дальнейшего роста любой части, участвующей в создании. Эта область образует форму, а распределение в ней участников-создателей составляет организм, внешне воспринимаемый как тело. Наиболее развитая часть, чья мерность превышает мерность остальных частей на одну координату, возглавляет ансамбль создателей и олицетворяет собой особь, вынужденную кардинально перестраивать свою форму-тело. Поэтому при рождении приобретает материальное воплощение не только наблюдаемая отдельность, но и великий сонм существ, скрытых в её теле, составляющих её плоть и влияющих на её ощущения.

Предначертанный путь развития вынуждает к индивидуализации, но особь, оказавшись неповторимой индивидуальностью, не в состоянии сама для себя сотворить тело, соответствующее этой индивидуальности. Необходимо то, что невозможно осуществить, ибо прошлое тело уже не годится, а будущее запрещено в связи с отсутствием предистории развития. Комплектование нового тела путём объединения имеющихся тел становится вынужденной для удовлетворения требования необходимости предистории. Однако все эти тела – персоны, каждая из которых обязана расти только ей указанным манером. Возникает задача соединения несоединяемого.

Её решение оказалось одновременно простым и сложным. Суть решения определяется формулой: соединить элементы так, чтобы они остались разъединёнными и разъединить так, чтобы они были едиными. Простота состоит в использовании подручного материала из готовых тел, а сложность – в особом их взаимном размещении. Название особенности: объединительно-разъединительная связь. Всё, существующее в обоих мирах – материальном и нематериальном, существует в принятом виде лишь до тех пор, пока эта связь соответствует предназначению растущей особи. Все сложные организмы, или точнее, все организмы ввиду их сложности, предначертанную линию развития выстраивают, непрерывно komponуя элементы тела и совершенствуя связи между ними.

Рассмотрим смысл такой связи на примере Солнца. Светило, развиваясь по плану собственного бытия, организует во внутреннем

пространстве течение многочисленных процессов. Поскольку любая деятельность приводит к появлению неучтённых побочных эффектов, то раньше или позже совокупность таких отголосков создаст конфликтную среду. Возникает противостояние части и целого.

Последняя фраза полна противоречий. В ней подразумевается самостоятельность, обособленность, даже исключённость части из породившего общего. Кажется, что в момент образования части, объект уменьшился и стал иным, в результате чего возникло две персоны со взаимными претензиями. Похожие неприятности касаются и целого. Какое же оно целое, коль от него ушла часть? Это уже не прежнее целое, а какое-то другое?

Если принять, что любой конфликт связан с дроблением среды, то мир, постепенно дробясь, вернулся бы к состоянию первопричины, т.е. к исходному невозмущённому пространству. Возникла бы уединённая область, лишённая всякого движения. Это равносильно остановке развития, что недопустимо. Значит, беспредельное дробление ведёт в небытие, а ограниченное деление ориентирует в сторону небытия, ибо проявляет отход от достигнутого, что также невозможно всвязи с запретом на попятность³².

Это означает, что надо остаться прежним цельным и в то же время избавиться от бунтующей части. В этом стремлении основной мыслительный посыл сосредоточен на сохранении имеющегося состояния, поскольку любое его ущемление расценивается, как недопустимая попятность. Из такого ограничения на самовосприятие следует вывод: суть самого объекта при любых перестроениях его формы не меняется, что бы ни происходило в его структурном облике. Это следует из очевидного факта, что изменением формы занимается сама заинтересованная персона – объект.

Солнце, обнаружив инакомыслящую область, предпримет попытку убедить протестанта постепенно утяжеляющимися доводами. Если они подействуют и будут приняты, Солнце станет более разумным с незначительной коррекцией формы. При этом бунтующий фрагмент не состоится, как часть, и угрозы целому пока нет. Если же убеждения не подействуют, то ... Оставить бунтаря с его притязаниями внутри своей формы нельзя, поскольку это губительный путь деления. Выслать прочь в неведомую даль тоже нельзя всвязи с угрозой попятного развития, исходящего из потери содержания. Остаётся одно решение – отдалить, но не отпустить. Светило при этом собирает всё неуютное и располагает его на таком

удалении, чтобы сохранить себя как целое, несмотря на выделившуюся часть. Примирение происходит за счёт изменения формы объекта. Теперь отторгнутая часть в виде планеты будет находиться вблизи, а не внутри. Значит у нашего Солнца было столько драматических эпизодов в жизни, сколько у него планет. И светит оно потому, что умное. Достаточно ему всего лишь единожды не найти решения конфликта, и ни его, ни нас ... Тогда Солнце и планеты составят единый объект, развитие которого проходит так, что он вынужден принять для себя форму в виде воспринимаемой людьми солнечной системы. Вся система представляет собой организм некоторой Сущности, людьми пока не осознаваемой. А то, что они понимают, есть междумерное, т. е. весьма упрощённое, отображение явления, имеющего семикоординатную структуру. Более того, даже не самого явления, а только его материальной составляющей. По мере развития земляне станут ещё полнее сознавать главную примету трёхмерья – высоту, и перед ними, как из тумана, начнут выплывать продолжения привычных тел вглубь объёмного мира. Они увидят связи нашего светила, доселе недоступные, и постепенно придут к пониманию, что мир – это великий организм.

Когда они поумнеют настолько, что перерастут человеческую форму, перед ними приоткроется перспектива объёмно-кваромного междумерья, где мир и его жильцы имеют совсем иной вид, сотканный из нематериальной компоненты пространства.

Однако везде и всегда форма отслеживает познавательные запросы сознания. Это положение фундаментальное, поскольку в основе любых преобразований пространства находится творческий посыл растущего сознания. Вещество Солнца само по себе не создаст конфликт. Противоречия зародятся в сознании некоторых элементов, использующих вещество для построения тел. Эти сознания взаимодействуют для достижения своих целей не с веществом Солнца, а с его сознанием через совместную среду. По результатам взаимодействия сознаний принимается решение о перестройке формы. И форма подчинится диктатуре сознания. В дальнейшем между ними установятся взаимодополняющие отношения, при которых один участник союза станет влиять на лик другого и определять его и наоборот, вплоть до установления очередных непримиримостей, разрешающихся путём замены тела на более пригодное.

Каков конфликт, таковы отношения. Например, Земля. Параметры планеты – это следствие прошлого драматического конфликта,

устранённого путём отторжения строптивой массы и удаления её на расстояние, воспринимаемое как орбита. Нет возможности определить, каким по счёту было такое перестроение, поскольку любые характеристики пары звезда-планета зависят лишь от взаимных претензий. И то, что Земля оказалась по счёту третьей, свидетельствует о накале разногласий, а не о том, что сами разногласия возникли вслед за изгнанием Меркурия и Венеры. На место в пространстве, определённое провинностью бунтаря, было выплеснуто существо, имеющее сознание бунтующей части, вместе с веществом её плоть составляющем. Оказавшись в новой роли, сознание отделёныша преобразовало свою форму так, чтобы она соответствовала этой роли. Люди видят форму тел солнечного семейства, как близкую к шарообразной. Для их междумерного взгляда это так и есть. Но когда они продвинутся в понимании высоты дальше их теперешнего отображения, то форма небесных тел станет меняться до полной неузнаваемости, т.к. откроются продолжения привычных очертаний в пространства более высоких мерностей.

Планета не может улететь от звезды, ибо для звезды это факт уничтожения целостности и отход к запрещённой попятности развития. Она не может и упасть на звезду, поскольку это означало бы возврат в прошлое, которому свойственна меньшая развитость, чем существующая, что тоже запрещено вселенскими законами бытия. Состояние: ни упасть – ни улететь, в точности соответствует накалу устранённого конфликта, потому в примирившейся паре на некоторый период устанавливаются равновесные отношения. Однако такая устойчивость не только не устраняет развитие, а наоборот – ускоряет его за счёт исключения непродуктивных порывов поиска. Потому параметры солнечной системы, отслеживая её развитие, непрерывно меняются. Между породителем и порождённым устанавливается объединительно-разъединительная связь, венчающая работу сознания по преобразованию исчерпавшей себя формы в очередной вариант, удовлетворяющий всем новым требованиям возросшего сознания. Так везде и вечно!

Наличие планет с несовпадающими характеристиками подтверждает положение о невозможности возникновения одинаковых конфликтов. Всякий раз зачинщиком разногласий выступают сознания конкретных сущностей. И сколько бы их ни было, все они наделены индивидуально предначертанным путём развития. Потому мнения их по любому поводу будут отличаться всегда. Если им

удастся объединиться вокруг усреднённого тезиса, в сообщество тем самым вносится антагонистическая компонента, обусловленная отличием собственного взгляда от принятого. Такое отличие является основой дальнейшего развития, даже если путь роста пройдёт через уничтожение и смену формы. Коллективное, или иначе демократическое, – не значит правильное, оптимальное или для всех пригодное. Скорее наоборот: итоговое решение разнодумающих оказывается тем дальше от потребного, чем шире область поиска, чем развитее обсуждающие и чем бóльшая их численность.

Это относится и к планетам, звёздам, галактикам ... Все они образуют общий организм мира и, чтобы он мог существовать, в нём обязана чрезвычайно надёжно действовать объединительно-разъединительная связь. Её назначение – отдалять, если развитие связано с усилением конфликта, и приближать в случае угасания конфликта. Термины *отдалять* и *приближать* только в малой мере отображают пространственное перемещение. Основная их суть – в использовании любых известных человеку и ещё скрытых от него взаимодействий материально-нематериальных объектов. На данном этапе развития людей оказывается несопоставимо больше скрытых влияний, чем осознанных, поскольку из семимерной палитры мира пока освоены кое-как лишь две координаты с крохотным довеском третьей.

Частным случаем проявления взаимосвязей стала гравитационная составляющая. Человек едва только прикоснулся к её удерживающему свойству, на основании которого он воспринимает общую картину мира, как взаимное притяжение. Это невероятно опасный прецедент, ориентирующий так называемую науку в принципиально ошибочном направлении поиска. Примерами могут служить посмешище разбегающихся галактик, ведевилъ эйнштейновской относительности, страшилка большого взрыва, куцая скорость света, динозавровые ускорители частиц, простецкая модель атома с вечными орбитами электронов, оживляющая материю ДНК, убойная фармацевтика, лечение болезней онанистическими оргазмами, а также модифицирование продуктов, клонирование, зомбирование ...

Люди называли *диалог сознаний* объектов мира гравитационным взаимодействием, приписывая ему исключительно силовое удержание масс во взаимном расположении, не подозревая даже о наличии такого же важного удаляюще-отталкивающего свойства этого взаимодействия. А что стоило его хотя бы предположить? От предположения перейти к поиску? И пусть не сразу бы прозрели,

но это были бы шаги ко всестороннему постижению среды, а не к терзанию её сопутствующих эффектов. Заносчивая наука научилась в незнании своём особо ловко избегать вопросов о том, куда летят галактики, скопления, туманности, почему планеты не падают на звезду, что удерживает электроны на орбитах, как квантование поля-вещества связано с дискретностью времени, какова структура пространства, в чём смысл бытия ...

На уровне человеческой развитости – это начальное прикосновение растущего ума к явлению, значительно превосходящему по сложности познавательные способности существ, только что приподнявших завесу трёхмерья. Их теперешняя увлечённость зримой атрибутикой бытия: массой, веществом, материей, механицизмом, простецкой философией, плоскостным мышлением и всем, что можно взять в руки и поднести к глазам, – завела популяцию в тупик и поставила её на острие выживания. Успеют и сумеют прозреть, на Земле воцарится новое мировоззрение. Оно будет основано на полном охвате событий в единстве проявления сознания и соответствующей ему формы. А не смогут: гибель и тяжкий поиск пути – тоже этапы развития, неизбежные, поскольку предусмотренные.

Солнце само является планетой по отношению к другому пространственному объекту, породившему его. А тот другой тоже возник не вдруг без связи с соседями. Он, как и всё иное сущее – это продукты вынужденного преобразования пространства, обусловленного необходимостью преодоления конфликтов, являющихся неотъемлемым признаком развития. Организм мира включает в себя и организмы вселенных, которые состоят из организмов галактик ..., а они, в свою очередь, содержат организмы солнц, планет, материков, островов, участков ... Никакое звено в бытии не есть само по себе. У каждого из них имеется более сложный предшественник и менее сложные последователи. Потомков всегда больше, чем родителей – это закон сохранения пространства, ибо при любых перестроениях не может убавиться или добавиться первопричина, что следует из её определения. И везде в этом ряду организмов основным принципом упорядочивания является использование объединительно-разъединительной связи целого с его частями. Современное воззрение на мир ограничивается только наблюдаемой стороной небесной иерархии, т.е. формой. Более того, именно на форму возлагается всякая познавательная нагрузка, и скрытые свойства мира выводятся из взаимодействия форм.

Это является заметным достижением самих познающих, ибо их предшественники, к которым относятся существа нулевого, линейного и плоскостного миров, вообще не используют такие понятия, как сознание и форма. Им такое не по уму. Освоение ими двух пространственных координат весьма недостаточно для раскрытия общей картины мира. Другое дело междумерные люди! Они на несколько осторожных шажков углубились в дебри третьей координаты и, ошеломлённые обилием новых событий, пошли на них войной в надежде покорить их, что в практическом варианте означает – истребить. Ум уничтожителей по сравнению с глупыми животными сильно возрос. Из большого разнообразия эффектов они уже способны выделить внешние отличительные признаки объектов. А выделив, они сумели так возгордиться своим учёным величием, что обозвали находку формой и положили этот феномен в основу собственной культуры. Форма, оказавшись в центре внимания, возомнила себя сильной и для начала затмила рассудок тех, кто её возвеличил. Обманным путём она оказалась главнее того, без кого существовать не способна. В головах людей она заслонила собой *сознание*. Явление весьма быстро перешло в свою противоположность. Форма, выделившись из безликой среды, сначала демонстрировала успех в развитии, но сами развивающиеся не нашли в себе силы установить значимость успеха. Они упорно абсолютизировали вторичный признак объектов и этим превратили его в уединённый и самодостаточный феномен. Но существование такого феномена невозможно. Он, спасая своё краткое могущество, начал паразитировать на умах самих возвеличивателей. Этим он обездвижил их окончательно и лишил воли к освобождению. Паразит-форма торжествует. Он заполонил деяния людские.

Наступил критический этап развития. Если и далее люди так станут познавать мир через внешние очертания объектов, то путь этот вскоре оборвётся. Например, выяснение структуры вещества. Возьмём для начала лабораторную жертву – крысу. Это животное выбрано для растерзания всеми любителями вмешиваться в натуру. Но что она собой представляет для каждого из любознательных? Набор органов! Среди них есть такие, куда вводится пища, есть другие – для уколов, есть третьи – для разглядывания под микроскопом. Во всех *научных* выходках объект исследования представлен формой, которую при желании можно расчленишь и воздействовать на любую её часть, как вздумается. Такой вариант, когда

объект меняется при травмирующем вмешательстве, никем не рассматривается, поскольку количество органов, их расположение и назначение остаются прежними. В то же время, если крысу напугать, пренебрежительно с ней обращаться или подействовать скрипучей музыкой, реакция казалось бы стабильной формы на тестовое воздействие оказывается весьма бурной. Откуда бы ей взяться, если организм при этом остаётся в той же комплектности?

Без ответа на данный вопрос будут нагромождаться и впредь лекарственные завалы с убойными свойствами. Трагедия в том, что исследователь, не осознавший собственную составность и не выделивший из своей компоновки творческое начало – *сознание*, тем более не способен воспринять объект как наделённый сознанием – личной первопричиной любых действий. Учёный сам себе видится только формой, потому и во всём, к чему прикасается, отображает лишь форму. Сознание взаимодействующих сторон остаётся за кадром бытия, оно подразумевается, воспринимается как фон, как некий сопутствующий атрибут, который важен, но важен *вообще*, ибо, коль есть Я, так само собой разумеется, что мне присуще и сознание. Тогда форма добытчика знаний и его покинутое сознание образуют нечто безликое, неопределённое, неконкретное, обобщив это в типовой элемент, называемый современным человеком. Размытый субъект не способен на корректный эксперимент. Он, в силу своей односторонности восприятия, выделит из многогранной картины только ему понятное, т.е. форму.

Аналогичной жертвой является ДНК, которую пытливый народ кромсает на все лады, пытаясь заставить невинную кислоту поведать то, чего она не знает – как получается живое из её мёртвых молекул? На этот вопрос может ответить только сознание или, иными словами, конкретная персона, изготовившая сама себе в процессе развития материальное приспособление для осуществления перехода из мягкой среды в плотную. Наблюдаемое вещественными глазами это лишь контуры, *нематериального* содержания невидимого телесным взором, сколько ни всматривайся в спиральное нагромождение менее развитых персон, названных молекулами. Неуважение к тому, что определяет суть мира – к единству содержания и формы, даёт повод перевести текущую цивилизацию в категорию неперспективных и прервать её гротескный ход.

Всё, что попадает в поле зрения исследователя с односторонним восприятием природы через форму, или иначе – через габаритные

очертания объектов, разделяет участь крысы и ДНК, т.е. становится жертвой неосознавшего себя переделывателя натуры. Крайне опасны такие представители людского племени, которые идут в атаку на глубинные свойства вещества. Ведь ясно, что разбитый горшок, как его ни склеивай, уже никогда не будет иметь прежних свойств, характерных для цельного сосуда. Сколько ни изучай битые черепки, итоговое мнение об исходном предмете всегда будет приблизительным, что равноценно неверному отображению среды. А ведь дробление-разрезание-измельчение – это воздействие на форму. Оно является основным приёмом давления на подопытный материал в ядерной физике, в биологических отраслях, в химических превращениях, в энергетике, в технике, и вообще, огромное направление поиска под названием *анализ*, на котором держится наука и общество, превратилось в капкан для незрелого ума. Меняя форму, без оглядки на сопутствующие изменения сознания преобразуемых объектов, получаем чернобыли, наводнения, пожары, фармацевтику, деградацию бытия, пандемии, падёж скота, нашествие плесени, грибков, насекомых, мутантов, чудовищ ...

Прослеживая структуру объектов от первопричины до самого малого существа, везде наблюдаем одну и ту же закономерность: всё без исключения развивается, не замирая ни на краткий момент. Следствием развития и движущей силой роста является конфликт. Конфликт – это всегда противоречие между сутью и внешностью. Разрешение противоречия связано с перестроением, доработкой, словом, с изменением обеих сторон единой особи – сознания и формы. Цель перемен всегда одна и та же: добиться соответствия между сознанием и его инструментом. Нарушение этого равновесия грозит катастрофой для любого представителя мироздания, обрекая его на тяготы особой наказательной силы.

Переход от усреднённого восприятия среды к представлению мира в виде набора стихий, предметов, элементов, частиц ... или, что то же самое, в виде совокупности форм, свидетельствует об умоощнении сознания наблюдателей. Но процесс умоощнения, как и всякий другой текущий процесс, постепенно входит в ситуацию отрицания самого себя. Внешним признаком тупика будет появление и последующее нагромождение рукотворных объектов с непредсказуемыми свойствами. Наступит период, когда творцы не смогут осмыслить значимость своего же творения. Созданное ими выйдет из-под контроля и понимания. Распорядителем жизни становится

безмозглое нечто с враждебным отношением к создателю. Без принятия мер к преодолению кризиса такой вариант цивилизации оказывается не жизнеспособным и уходит со сцены бытия. Очень похоже на современную междумерную популяцию людей.

Осознание зависимости формы от сознания – это, хотя и важный, но всё же первый шаг в направлении понимания целостной картины мира, поскольку схожие формы могут содержать различные тела. Например, внешности лошади, зебры и осла совпадают, но их тела значительно различаются. Похожее соотношение наблюдается почти у всех особей, принадлежащих к одному виду.

Из тумана непознанного выплывает очередное противоречие: что главнее форма или тело? Но стоит только выбрать из них что-то одно, как тут же оно превратится в уединённый объект и в своих действиях устремится к разрушению. Значит, предпочтение нельзя отдать ни тому, ни другому. Остаётся признать за ними диалектическое равенство, при котором форма определяет тело так же, как тело оказывает влияние на форму.

Однако, что собой представляет тело? Это совокупность элементов, называемых органами, объединённых в единую структуру. И снова: как тело соотносится с данной структурой? Тело навязывает свой диктат структуре, или структура формирует тело? Уже становится понятным, что в силу невозможности лидирования уединённой части, между телом и его структурой тоже обязана установиться диалектическая соподчинённость.

Далее! Как органы соотносятся между собой? Как уживаются элементы органа? Как терпят друг друга малые доли элементов? И так область непознанного уходит в глубь материального представительства казалось бы такой понятной категории, как форма. Получается, что каждая особь, внешне воспринимаемая как цельное существо, кроме первой градации составности в виде сознания и формы, в действительности содержит в себе бесконечное число всё более мелких градаций плоти. И какой бы крохотной ни выглядела очередная доля тела, она всё равно является сущностью со своим собственным сознанием и ему соответствующей формой.

Безусловно, сознание материальных-вещественных-плотных объектов отличается от сознания персон, зарождённых в нулевом пространстве, но, несмотря на любые отличия, оно прежде всего есть сознание, и потому ему присущи все свойства данной категории пространства. Плотные объекты имеют сознание из мира форм.

Основными из них являются устремлённость в безостановочное развитие и рост исключительно в начертанном направлении. Развитие побуждает к действию. Ареной действия служит внутренняя область формы, т.е. тело со своей структурой-организмом.

Что же получается? Сущность, обеспокоенная собственным развитием, параметры которого зажаты тесными рамками законов, проявила изворотливость, трудолюбие и талант, и создала для личных целей форму-тело. И как только её работа приобрела нужный вид, немедленно и сразу на неё стали претендовать сонмы других интересантов, волею талантливой сущности собранных в единой целесообразной конструкции. Но претенденты – это индивидуальности с несовпадающими взглядами на среду обитания, в качестве которой ими воспринимается организм трудолюбивой сущности. Значит, каждая из них устремится в переделывание тела на свой манер. Образуется скопище драчливых умников, озабоченных личной выгодой в ущерб интересам сущности. Так выглядит суть величайшего противоречия бытия: целое не может состояться без частей, а части, появившись, стремятся уничтожить целое. И что бы, где бы ни обнаружилось, его обязательно наполняет борьба объединительных и разъединительных страстей.

Части, предоставленные самим себе, не способны сохранить целое. Это вытекает из того, что целое имеет собственное предначертанное движение, неизвестное частям, в связи с принадлежностью их к разным мирам с несопоставимой мерностью. Трагедия частей в непонимании собственного назначения. Ведь факт того, что нечто является компонентом более сложной структуры, свидетельствует о переростании им уровня особи. В прошлых жизнях часть была персоной и отдельностью. Взаимодействуя со средой, в себя она вобрала события мира, соответствующие её пониманию, т.е. мерности. Её развитие возросло, и перед поумневшей персоной открылись дали более сложной обстановки. Для восприятия новой картины природы возросшему сознанию нужна и другая форма, дающая возможность проявить собственные притязания в конкретном обитании. Значит, часть не может перестать быть частью и возвратиться к состоянию особи, поскольку такой демарш означал бы запрещённое попятное развитие. Её удел – навечно оставаться частью и расти-развиваться в той среде, которая воссоздастся ею совместно со структурой, пребывающей в состоянии особи. Казалось бы, веские интересы части и желания особи должны совпадать.

И если бы они действительно совпали, часть совместилась бы с целым и перестала существовать. Произошло бы уничтожение сознания *части*, что недопустимо в силу невозможности изменения количества персон, зарождѣнных в области нулевой мерности.

Стоит только разрешить исчезнуть одной сколь угодно малой компоненте мироздания, как возникший прецедент, лавинно нарастая, охватит всё сущее, соберѣт его в обособленный объект, где тут же затихнут всякие движения. Образуется спящее пространство, грозящее соседям своей неопределѣнностью. Поэтому в мире идея исчезновения отсутствует. Есть процедура преобразования.

Это широкая закономерность, из которой нет исключения. Всё, что существует, является и частью, и общим. Общее не бывает свободным. Оно на правах части тоже входит в состав более развитой структуры, которая, в свою очередь, в виде части наполняет следующую общность, и т.д. Такое соподчинение имеет выделенный участок, где структура воспринимается как отдельность, или иначе, особь. Для неё характерно такое усложнение, при котором мерность сознания общего соответствует мерности пространства, осваиваемого этим общим. Например, такое общее, как бактерия. Её структура определяется местом на шкале оразумления, а именно: конечные области пространства нулевой мерности. И только в этом месте возможен её кажущийся естественный вид: с размытым ядром и цитоплазмой, со слабо функционирующей мембраной, с недостроенными органеллами, с её особыми размерами, её подвижностью, активностью и т.п. Существа менее развитые, чем бактерия, скажем, вирусы, в рамках свойственной им разумности ни при каких потугах не способны воссоздать себе подобную форму. Точно так же и те, кто более развит, пусть это будет клетка, уже никогда не смогут выглядеть, как бактерия. Зарождѣнные персоны из бездны нулевого мира вливаются во всё новые общности, пока, наконец, очередная комплектность примет очертания и приобретѣт свойства, дающие возможность новой структуре самостоятельно отображать в себе окружающий мир. Пройдут времена, бактерия расширит свой кругозор, поумнеет, и для возросшей умности станут уже тесными прежние телесные формы. Очередной развитости потребна новая очередная форма. Бактерия, как особь, перестанет существовать. Она со всем своим интеллектуальным багажом войдѣт в состав более развитой компании – клетки.

Какой-то период развития она проведѣт в виде самостоятель-

ного организма и приобретёт следующую порцию ума. И когда его станет столько, что он уже не сможет вписаться в пройденную клеточную форму, клетка со своей компоновкой войдёт в состав тканей, органов, систем, которые также являются особями в силу своей отдельности и неукоснительному следованию предначертанной линии развития. Всякая особь состоит из настолько большого числа внутренних особей, что их итоговое количество можно представить как бесконечное. При этом особь, мерность которой соответствует мерности обживаемого пространства, или иначе – существо, воссоздаёт среду обитания для всех других входящих особей, составляющих его организм. Все участники общности-общего с названием сущность проявляют себя, живут, растут и развиваются каждый в своей среде. И только наиболее умная в том пространстве, которое соответствует её разумности, осваивает внешнюю среду, исчисляемую относительно её внутренних жильцов.

Так, средой для бактерии служит всё её окружение. Она значительно мельче клетки, поэтому воспринимает её присутствие, как нагромождение массивных объектов, действия которых происходят настолько стремительно, что медлительной бактерии становятся недоступными. Она довольствуется межклеточной средой. И только, когда клетка перестаёт соответствовать себе, т.е. заболевает, её личное время замедляется, и она становится воспринимаемой для бактерии, но только в качестве пищи³². Внутренние составляющие бактерии самостоятельного отношения к этой среде и пище, находящейся в ней, не имеют. Всё необходимое для развития они получают благодаря усилиям бактерии-особи, отображающей в себе межклеточную среду. И если бы удалось побеседовать с проживающими в организме бактерии молекулярными персонами и рассказать им об окружающей клеточной вселенной и следующей за ней тканевой, потом органной, организменной, планетной, звёздной, сорросовской, эврисной ... Такие сведения слушателям были бы не по уму. Услышанное ими – не воспримется.

Более сложные миры ненаблюдаемы для существ, в своём развитии не достигших потребного уровня. Потому бактерии не дано ощутить себя настолько, чтобы она смогла понять всю свою значимость в клеточном массиве. Что бы ни происходило с клеткой, бактерия останется верной своей сути и устремится в действиях своих в собственном предначертанном направлении роста.

Однако устремление выполнимо лишь в той мере, в которой

этому будут способствовать условия, предоставляемые средой. Если окружение окажется неприемлемым, бактерия погибнет. Этой гибелью прервётся воплощенческая линия сознания, воспринимаемого в земном ареале, как материальное тело, названное бактерией. Составность общего нарушится. Оно перестанет соответствовать своему предназначению. На выравнивание ситуации уйдут значительные силы, отобранные от созидательного направления.

Точно так же клетка не считается с интересами роста тканей. Она во всех случаях личностного бытия руководствуется исключительно своей выгодой. Источником её получения является среда, окружающая клетку. В противоборство вступают две стихии. Одна – это предначертанная линия развития, а вторая – принципиальная осуществимость заданной линии в условиях конкретной среды. Ведущей является собственная линия роста. Именно она определяет лик существа и притязания к своим средам внешней и внутренней. Внутренняя часть составляет форму особи, её тело и организм. Вместе такая троица материальных частей образует инструмент, с помощью которого сознание особи воздействует на всё, что сочтёт потребным для роста.

Потребностью высшего приоритета является потребление пищи. И когда её станет достаточно, вступят в силу другие интересы: связь с соседями, познание окружения, разрешение конфликтов, размножение, забота о потомстве ... Но всё-таки на первое место выходит проблема пищи. И нет других источников её получения, кроме получения из внешнего пространства, а точнее – из среды, примыкающей к клетке. Это утверждение относится и ко всем остальным структурам-сущностям, независимо от того, являются они особями или составными частями особей.

Если среда способна предоставить ту пищу, на которой едоки исторически сложились, сами едоки смогут сохранить свойственную им форму, а значит, тело и организм. А если нет?

Что произойдёт с хищником, лишённым мясной пищи, с травоядными – без травы, с китом – без планктона, с пчёлами – без нектара, с клеткой – без потребных веществ в крови, с бактерией и вирусом – без отмершей плоти? Пища и её потребитель неразделимы. Каково пропитание – таково изваяние. Изменив одно, изменим второе. Лев не сможет остаться львом, если его кормить, как лошадь. Слон не насытится мясом. Обезьянам не по вкусу горячее. Человек не сможет выжить, питаясь ... как человек!

Всякое существо начинает свою биографию в далёкой от нас области нулевой мерности. Её отличительный признак – отсутствие координат протяжённости. В начале нулевого мира это отсутствие полное. Зарожденец представляет собой сгусток пространства с изначально вложенным в него сознанием. Однако сознание настолько малó, что его хватает лишь на отображение событий, непосредственно воздействующих на него самого. Более того, даже из примыкающей обстановки ему по силам отобразить лишь некоторые эпизоды, соответствующие предначертанной линии развития. Значит, и пищу он может выбирать не как-либо произвольно, а только из того, что среда обитания соблаговолила доставить прямо в его местонахождение. И поскольку это место крошечное, то многое в точечный пункт не попадает. Там может оказаться что угодно, но что-то одно и в малом количестве. Зарожденцу придётся осваивать в качестве пищи именно это *что-то*. Затем по мере развития обжитая область расширяется, предоставляя бóльший выбор пригодного в пищу, однако организм, сформированный для усвоения ранее выбранного продукта, из большóго разнообразия предпочтёт освоенное. И только нехватка привычной пищи может вынудить голодающего прибегнуть к расширению рациона.

Так исторически закладывается потребность в особой пище, характерной для данной особи. Под эту пищу взращивается тело, создаётся организм и закладывается принцип его функционирования. Если в течение жизни пища, тело, организм и его функции сохраняют взаимное соответствие, особь станет сама собой и будет выглядеть здоровой. А что произойдёт, когда пища изменится и перестанет удовлетворять здоровым потребностям?

В случае полной непригодности пищи особь гибнет. Такой конечный итог воплощения свидетельствует о слабых приспособительных возможностях персоны, что, в свою очередь, указывает на значительные отклонения от предначертанного пути развития. И поскольку уход от своего пути недопустим, особь оправданно наказывается смертью, сопряжённой с особыми муками перехода из одного мира в другой. Тяготы перерождения при невыполненной нагрузке текущего воплощения, т.е. при досрочной смерти, настолько велики, что всё живущее содержит их в сознании как предостерегающий фантом, внешне проявляемый в виде страха смерти.

Потому любое существо при попытке избежать тяжкого наказания, предпринимает отчаянные усилия к выживанию, для своей

выгоды приспособливая всё, предлагаемое средой.

Пусть, например, употреблено мясное блюдо без каких-либо дополнений. На эту конкретную пищу выделится определённый желудочный сок, в результате чего продукт предстанет в виде набора веществ, на каждое из которых в организме имеется усвоительная функция. Пища и насыщательные способности особи совпадают, потому отходы практически отсутствуют, а польза – максимальная. Точно так же с предельной полезностью можно употребить только молочную или только сладкую, или только крахмальную, или любую другую пищу, взятую саму по себе. Особенность раздельного насыщения в том, что на каждую снесь выделяется персональный пищеварительный субстрат простого состава, обеспечивающий расщепление продукта на части без изменения химического качества.

Теперь попробуем совместить мясную и молочную порции. Как в этом случае должна действовать усвоительная функция? Если выделенный сок окажется хорошим для мяса, то для молока это будет агрессивная среда, в которой вместо расщепления установится процесс гниения, при котором образуются ядовитые соединения, отравляющие неосмотрительного едока.

При совмещении трёх и более разнородных продуктов пищеварительная область наполняется сплошной гниющей массой. Отравляющие вещества разносятся кровью по организму, заполняя ими межклеточные промежутки, являющиеся окружающей средой для каждой клетки. Создаётся извечная трагедия бытия, разрешения которой ищет всё существующее во всех мирах.

Того, что нужно – нет, а отравляющего – в избытке, страх смерти толкает к действию, но как именно следует поступать, всегда остаётся неизвестным, ибо прошлые навыки мало пригодны для безошибочного выдвижения в будущее. Всякая особь решит задачу выживания на свой манер. Клетка, например, при любом пищевом разбалансе прежде всего изменяет свойства собственной мембраны с тем, чтобы в её организм поступило хотя бы что-то. Но это *что-то* может быть взято только из окружающей среды, которая самим едоком превращена в гниющую свалку. В ней есть в малом количестве или вовсе нет типичной пищи, характерной для поддержания клетки в здоровом состоянии. Но зато есть в избытке чужеродные вещества. Они вливаются во внутреннее пространство клетки ядовитым потоком, убивая там неподготовленных к нашествию граждан-органелл. Как только образуются завалы мёртвых

тел, на них набрасываются отряды довилов, вирусов, микробов и прочих санитаров неубранных территорий.

Даже фантастам не представить ужас накопления отжившей плоти внутри пока ещё живого существа. Не будь этих санитаров, даже малый разлад в пищеварении вызывал бы нагромождение разлагающейся ткани, зловонной массой лежащей в теле. Мудрость природы заключена в предоставлении заболевшей персоне шанса очистить организм за счёт дробления шлаков до того состояния, с которым может справиться его выделительная система. И то, что вирусов при болезни становится всё больше, свидетельствует об усилении отравления тела собственными ядами, в результате чего возрастают завалы отмершей плоти, предоставляя санитарам всё больше пищи, а значит, стимулируя их размножение.

Люди, как и всегда, что бы ни делали, в борьбе за восстановление здоровья дошли до абсурда: весь атакующий пыл невежества обратили на уничтожение защитника-санитара вместо того, чтобы изменить культуру бытия, исключив отравление тела, проистекающее из ошибочного понимания связи себя со средой обитания. Ибо съеденное, выпитое, вобранное – это лишь часть от тверди, вод, атмосферы и лесов, которые, в свою очередь, на теперешнем этапе развития людей, сами являются следствием их деятельности. Круг замкнулся: потребляют то, что отравили. Отравленное корявит потребителей. Больные потребители уже не в состоянии не отравлять. Обвальное коллективное помешательство. Предыдущие, цивилизации, населявшие планету, умирали именно на этапе неумного паразитирования на ресурсах, им не принадлежащих. Сначала изживенчество замедляет развитие, потом по мере его бахвальского канонизирования вовсе прекращает рост. Популяция превращается во вселенскую опухоль, бытие которой невозможно в силу запрета на остановку и попятность движения.

А ведь есть убедительная подсказка: женское лоно. Оно предоставляет среду обитания для плода. И плод, развиваясь, отобразит в себе состояние среды. Однако в процессе роста и всвязи с ростом среда меняется. Постепенно она становится непригодной для дальнейшего пребывания плода. Не развиваясь, плод не состоит, а развиваясь – он отринет окружение. Конфликт разрешается родами, т.е. изгнанием того, кто отравил среду. Плод с новым титулом – ребёнок – попадет во враждебную обстановку и подвергается испытанию становления с названием человеческая жизнь. Но это

становление тоже связано с преобразованием среды и в нём обязан наступить этап непримиримого конфликта ввиду невозможности совместного существования преобразователя и окружения. Преодоление противоречий роста является сутью развития сознания личности или сообщества. В случае выбора варианта выхода из кризиса, укладывающегося в предписанный путь движения, особь ощущает себя здоровой и свободной от мук поиска. При ошибочном выборе вступает в силу наказательное принуждение.

Человек может представить огромный размер свалившихся тягот, последовавших за изгнанием плода в мир людей. Но вот вообразить уровень страданий отверженных при изгнании из мира людей в иные миры вообразить пока не дано. Такое состояние характеризуется состоянием неосознавших себя. Уделом таких существ станет страдание от незнания и тягостное накопление опыта, пока по крохам собранные навыки ни откроют дерзким взгляд на себя.

В зависимости от состава пищи и особенностей её усвоения, тело наполняется разными отравляющими и шлакующими примесями. Попадая во внутреннее пространство клетки, в соответствии со своими ядовитыми свойствами, они *убивают* тот или иной элемент клеточного организма. В результате нагромождаются трупы с различным химическим составом, являющиеся пищей для самых разных едоков. Если, например, погибла митохондрия, её останки по вкусу тому санитару, которого люди обвинили в заражении их, допустим, куриным гриппом, если умерла какая-то из кислот, то её плоть поглощает санитар, заподозренный в привнесении ангины, если разрушилось ядро и образовалось обилие молекулярного корма для многих голодных – это общее воспалительное заболевание, вызванное якобы новым бактериальным штаммом, если яд затрагивает генные структуры, клетка спасает себя самокопировкой, названной людьми раковой опухолью ...

Не смогут развиваться-укорениться вирусы холеры, чумы, чашотки, язвы, кори, лихорадки ..., если этим сущностям с оскорбительным для них титулом *возбудители* сам хозяин тела не предоставил излюбленную пищу. Но, с другой стороны, если пища имеется в достатке, то всякие меры по уничтожению возбудителей обречены на провал, ибо они противоречат замыслу природы в предоставлении шанса оступившемуся-заболевшему путём *сторонней*, т.е. вирусно-бактериальной очистке загрязнённого тела. Другое дело, если загрязнения так много, что оставшаяся при его удалении

часть тела будет не в состоянии обеспечить функционирование организма, то тогда он погибнет. Создаётся впечатление, что смерть наступила под натиском враждебной флоры. Однако такой вывод не согласуется с положением о принципиально разном восприятии времени существами с неодинаковым уровнем развития.

Болезнетворное нашествие – это особи, освоившие на одну пространственную координату меньше, чем объект атаки – клетка. В связи с этим их личное время в разы, а чаще даже в десятки раз тянется медленнее того времени, в котором живёт клетка. Применительно к человеческому пониманию соотношение примерно такое, как при нападении мошек на самолёт. Любой контакт самостоятельных объектов с несопоставимыми параметрами движения оборачивается во вред слабому и неспешному. Клетка, пока она получает свою типовую пищу, неуязвима. И это хорошо усвоили микрозахватчики, в несметных количествах окутывающие всё, что есть. Если бы они умели напрямую поработать клетки, то живое выглядело бы совсем по-иному: без многоклеточных существ и, тем более, – без человека в его теперешнем образе.

Доклеточные приматы – довиры, вирусы, бактерии – это воины, оттачивающие захватническое мастерство в течение столь растянутых эпох нулевого мира, что равных им нет в последующих мирах с более скоростным временем. На протяжении своей вечности они уразумели невозможность прямой атаки на клетки, потому избрали выжидательную тактику с постепенной перестройкой жизненного пространства пока недоступной крепости. Они питаются омертвевшими отходами в крови, тканях, органах, от сытой пищи размножаясь и выделяя вокруг себя токсины, вроде мусора людского. В токсиновой среде несбалансированная пища вступает в химические превращения с выделением неусваиваемых продуктов. Так образуется непригодное для человека наслоение веществ, служащее обильной пищей для воинов-пришельцев. Они, лавинно нарастая числом, подменяют здоровую межклеточную среду на отравную и неприемлемую для проживания клеток. Задыхаясь, клетка раскрывает мембранные проходы и впускает чистильщиков в свой мир. Съев отмершие части, они начинают бесчинствовать в поиске пропитания. Клетка от таких потрясений заболевает, тормозится в развитии и вскоре погибает. В момент её смерти вирусная братия ликует: план набега разработан и удачно осуществлён. Одним неприступным стало меньше, а умников-хитрецов прибавилось

несметно. Они и сию минуту летают вокруг, прочёсывая живое насквозь и выискивая, у кого бы внутри или снаружи накопилась отжившая плоть? Когда найдут, то все витки соперничества и войны на выживание повторятся вновь, как всегда, как вечно, как и должно быть, ибо каждый, кто есть, проверяет всех идущих попутчиков на соответствие своему пути.

В этом соответствии линия человека указывает на очевидное: засилие организма патогенной микрофлорой можно предотвратить только устранив из тела посторонние включения неживого типа, т.е. *г р я з ь*. Ссылки на сторожевые системы: иммунную, эндокринную, нервную, гуморальную ... неоправданы, поскольку их основное назначение – охрана видовых признаков. В борьбу с микровоидами они вступают при покушении на генный, воспроизводительный, психический ..., словом, на сущностный облик.

Казалось бы, отсюда вытекает очевидная рекомендация по уверенному достижению состояния неболения: не загрязнять свой организм. Однако такой совет содержит односторонний подход, на авансцену выдвигающий атрибут второго плана или следствие, каковым является организм, и оставляющий без внимания главную стихию-причину любых преобразований – сознание. Ведь персона, всё содержание которой сосредоточено в сознании, вознамерилась изваять себе именно такое тело, а не иное. Но конкретному телу соответствует вполне определённый набор органов-элементов. Из них каждый имеет своё собственное сознание, благодаря которому существует в принятых им форме и назначении. И если бы удалось организовать их совместную работу настолько слаженно, чтобы полностью устранить отходы собственного бытия, то грязи не было бы, и никогда ни один искатель пищи не прижился бы в чужом теле по причине отсутствия пропитания.

Однако судя по наличию болезней у всего живого, даже вечности не хватило для достижения такого сказочного состояния. В любом теле имеются отходы, как результат выполнения такой многоплановой и неопределённой работы, как проживание жизни. А значит, можно утверждать, что всегда в теле присутствуют захватчики. Что же им мешает вспыхнуть численно?

Препятствия кроются в особенностях размножения при разном пищевом обеспечении. Если особей мало и ощущается недостаток пропитания, то каждая персона в поиске потребного идёт своим путём, вытекающим из предначертанного ему направления развития.

В итоге популяция оказывается наполненной личностями с несовпадающими устремлениями. Это положение относится к любым населённостям от зародков через вирусы, бактерии, человека, до существ высоких миров вплоть до шестимерного. Для воспроизводства во плоти обязан состояться тройственный союз из двух земных особей с вещественным телом и одной воплощающейся особи с нематериальной формой³². При разном отображении сути собрать вместе трёх участников рожательного процесса весьма непросто, поэтому всякая популяция при становлении развивается тягуче, исподволь, медленно даже при наличии кормовой избыточности.

Однако такая постепенность роста всё равно когда-то приведёт к накоплению некоторой критической численности. Даже при сохранении прежних запасов корма количество особей, потребляющих одну и ту же пищу, резко возрастает. И дело здесь не столько в самой пище, сколько в том, что её наличие выравнивает потребности и устраняет необходимость следовать индивидуальным путём поиска. Это равносильно сближению или даже совмещению личных линий роста, что запрещено установочными законами септона³².

Такое усреднение приводит к исчезновению персоны и превращению популяции в уединённый объект. Поскольку длительное существование структур, замкнутых на самих себя, невозможно, популяция через поштучное отмирание её ченов частично уносится в нематериальную область бытия. Создаётся удивительная картина: оставшиеся в тверди особи и те, которые собраны смертью в мягком мире, идентичны по личностному цензу в соответствии с формулой воплощения – каков сам, такое тебе. При таком совпадении любые трудности в поиске партнёров тройственного союза – оживителя – устраняются³². Начинается бурное умирание земных особей и массовый приход на землю ранее умерших особей через рождение-воплощение. Наблюдается лавинный рост численности популяции, а сама она окончательно формируется, как обособленность. И если даже корма будет достаточно, сообщество гибнет из-за вырождения, ибо нет в мире исключения из запрета на одинаковость судеб. Каждый обязан идти только ему уготованным путём. Этим положением руководствуются и люди, осуждая внутрисемейные браки. Так что же мешает захватчикам вспыхнуть численно? Препятствием является недостаток пищи! Хотя пища-грязь имеется в любом организме, существует её такое малое количество, при котором массовое размножение паразитов невозможно.

Особь при этом характеризуется как здоровая. На достижение этого состояния нацелена идеология неболения. Её суть заключена в управлении любой частью тела посредством сознания особи, ибо только в её ощущениях отобразится состояние личной плоти.

Никто, кроме особи, не знает, каким должен быть её конкретный элемент плоти. Не только не знает, но и не должен знать, не имеет возможности знать, поскольку неукоснительное следование принципу предначертанного развития вынуждает существа к различию во всём: и в сознании, и в форме. Если особь имеет элемент, часть, орган, организм, тело, то всё, что имеет, она сама создала, сотворила, взрастила лично по своему разумению решения своей задачи бытия. И при любой видовой, групповой, родовой ... схожести у разных персон окажутся отличающимися разумность и телá. Потому одно снадобье не подходит всем больным, поэтому вариантов воспаления столько, сколько имеется органов, поэтому прививки и вообще профилактика дают обратный результат, потому отторгаются инплантанты, потому нельзя свести лекарские знания в канонические инструкции, потому аппаратно-машинное лечение выглядит насмешкой над людским достинством.

Никто не может уйти от противоречия, порождаемого составностью. Каждая часть на определённом этапе своего развития приобретает свойства, которые превышают возможности освоённой формы. И поскольку свой рост остановить невозможно, замена тела является вынужденной. Но и тут незадача – не существует такого продления-продолжения-достройки прежнего тела и любого его совершенствования в рамках былой организменной технологии, чтобы эти нововведения смогли удовлетворить познавательным потребностям возросшего сознания. Всё, что есть, подвержено такой коллизии роста. И всё, что есть всюду и всегда, одинаково выходит из казалось бы тупикового состояния: части объединяются в целое, порождая новую общность, которая только возникнув, уже является частью другой общности, а та, в свою очередь, как часть входит ... и т.д. При таком усложнении отныне и навечно устраняется сама трудность приведения в соответствие содержания и формы, ибо для всех устанавливается равный принцип подгонки одного к другому. Благодаря ограничению в выборе из множества вариантов согласования сознания и тела, экономится значительная творческая сила мира, а это способствует ускорению развития структуры, принявшей такой способ бытия. Однако эта же однонаправленность в

примирении конфликта между сутью и её пространственным видом ограничивает возможности самовыражения структуры, что плохо согласуется с её вечным существованием. Но поскольку вечность представляет такой срок, за который всякая возможность становится осуществимостью, то, значит существуют и миры, где атагонизм формы и содержания разрешается без использования идеи составности. Эту тему пока оставим фантастам.

Казалось бы, если изобретена удачная технология изготовления формы, то остановка за малым: расти-развивайся и прыгай в потребную оболочку, когда надо. И так поступали бы все. А куда ведёт этот путь? Всё, что есть, соберётся в один комок и образует уединённый объект, неспособный к развитию. Это была бы спящая область без движения. Иначе – мёртвая зона враждебная соседям.

Наличие чего-то со скрытыми возможностями нарушает равновесие и предсказуемость мира, поэтому со всем, уклоняющимся от принятого варианта бытия, ведётся борьба. В случае технологии составности борьба со стремлением к неограниченному объединению частей сводится к установлению предельного уровня сложности: части могут наполнять отдельный организм только такой составности, которая порождает особь с сознанием, соответствующим мерности осваиваемого внешнего пространства по отношению к внутренней области особи. Этим положением разрешение противоречия между формой и содержанием возлагается на саму особь. Если сознание перерастёт возможности тела, непригодная плоть заменится в процедуре умирания на потребную. Если же тело опередит в росте запросы сознания ... Э нет! Именно такой демарш и запрещён. Стоит только телу иногда, хоть на краткий миг предпринять то, что не вытекает из сознания, как возникнет прецедент свободного существования лишённой остратки формы, т.е. следствие станет причиной. Но неподконтрольное сознанию действие, или иначе безмозглое действие, это суть изгоя, несущего в мир непомерные страдания, не связанные с развитием.

Значит, вселенский конфликт сводится к набору местных конфликтов, в каждом из которых организующим принципом будет следующая закономерность: усложняйся сколько пожелаешь, но в обязательном порядке при этом останься цельным. Такому условию не противоречит и стягивание мира в единый объект, вплоть до принятия им точечных размеров, почти нулевых.

Подчеркнём, что точечное, нулевое состояние, как и всякое

иное, это *не те* пространственные очертания, которые заполнили пафос науки междумерных людей. Это прежде всего семимерные структуры со своим собственным временем на каждой мерности-координате, а значит, с переменной протяжённостью, присущей её персональному времени. Получается, что точечность – понятие относительное, зависящее от места расположения наблюдателя. Всю её целиком можно обозреть, только выйдя из септона. При взгляде изнутри точечность, нулёвость и любой другой габарит будет таким, каким сможет быть отображён сознанием конкретного размера-развитости. Унифицированного очертания, воспринимаемого разными персонами одинаково, не существует. Если *нечто* многими видится одинаково, то это признак весьма упрощённого описания сути, при котором доступными пониманию оказываются лишь черты, расположенные в менее мерных областях, по отношению к мерности смотрящих. Пример тому – неукоснительное требование науки к полному совпадению результатов эксперимента при разных условиях, средствах и субъектах опыта. Сюда же относится официальная каноническая медицина, окантованная методиками.

Однако для наблюдения объект должен суметь состояться. Это возможно, если сознание объекта сможет избрать такой путь собственного предначертанного развития, который предоставит свободу выбора каждой из его частей при поиске своего пути. Если какой то элемент не сможет вписаться в принятый поток роста, то это грозит уклонением от персональной линии движения, наказываемое на всех уровнях бытия сменой формы, т.е. смертью. Отмирание части – это болезнь целого. Болезнь целого – это отход от его начертанной линии. Такой отход вынуждает изменить назначение частей, что невозможно по условию обеспечения устойчивости мира. Части начинают массово отмирать, покидая целое, не способное предоставить им свободу выбора личного пути развития.

Отсюда очевидны трудности создания своей формы любым сознанием. Захотела, например, некоторая сущность выглядеть равновесной семимерной фигурой с людским названием: галактика. Собрала свою плоть воедино, распределила по своему разумению и установила назначение каждой области. Получилось хорошо. Но не всем. Водородным жильцам стали мешать гелиевые захватчики, азотные охотники перехватывают протоны от углерода, оказались в дефиците нейтрино и фотоны. Возникла извечная ситуация: вместе не ужиться, врозь – гибель от попятного движения.

Сознание сущности оказалось неспособным сохранить целостность, несмотря на приложенные усилия представить себя в виде компактного объекта. Это значит, что дальнейшие потуги по укрупнению себя тем более не имеют шанса на успех.

Выход только один. Следует искать иную форму. Но прежде придётся изменить самоё себя: сознание в данной ситуации обязано уйти с ошибочного пути и наметить новый, затем воспользоваться общим правилом разрешения противоречий – задействовать объединительно-разъединительную связь. В результате исходный массив дробится так, что носители претензий оказываются отделены между собой и им предоставляется возможность идти своим путём в рамках нового целого. Последовательное применение такого приёма даёт картину современного неба.

Аналогично создаются звёздно-планетные, планетно-спутниковые, электронно-ядерные, молекулярно-атомные, тканево-клеточные, телесно-органные и прочие формы с обще-дробной составностью. Всякий элемент есть одновременно и часть, и общее.

Последнее утверждение не согласуется с понятием сингулярной точки, как источника большого взрыва, породившего Вселенную. До взрыва мира не было. Он весь оказался утрамбован когда-то до неких размеров, которые учёные шутники называли малыми, почти нулевыми. И даже эти призрачные околицы острия иглы взялись не откуда-либо как, а при стягивании-сокращении невесть откуда пришедших трёх координат. А что происходило с остальными четырьмя координатами семимерного мира? И как можно стянуть разнородные величины, у которых значительно отличается время, а значит, и все другие внутренние процессы.

Казалось бы, формируя всепоедающего монстра, как основы мировоззрения, следовало бы позаботиться о его легитимности. Для его канонизирования вовсе недостаточно красного смещения спектра далёких объектов и однозначного вывода, что сдвиг линий обусловлен именно удалением. А если даже удалением, то всего лишь по одной координате из семи, которые не только пока не научились наблюдать, но даже подозрение о их наличии отсутствует. Рассматривание небесных тел человеческими глазами, пусть как угодно хитро усиленными аппаратурно, это весьма местный, частный, узкоцелевой взор на грандиозную форму, очертания которой не могут вписаться в сознании материалистически воспитанных исследователей. Форма даёт косвенные, сопутствующие, словом,

приблизительные сведения о следствии, порождённом сознанием, как действующим лицом всяких преобразований.

Что же должно произойти с сознанием, плоть-организм которого стягивается в точку? Оно, в силу запрета на скачкообразное, т.е. незаработанное изменение, не может ни возрасти ни уменьшиться. Оно вынужденно остаться таким, каким оказалось на момент потрясения. Какой же смысл в потрясении? Это нарушение соответствия формы и содержания. Или иначе: тело не удовлетворяет потребностям сознания. Возможны ли другие варианты взаимного конфликта? Нет! Из двух действующих лиц роль причины отведена только сознанию. Оно неуничтожимо, поэтому имеет титул бессмертного с единственной обязанностью: развиваться. И если на каком-то из этапов роста форма окажется не соответствующей условиям роста, она подлежит замене, и решает это не сама форма, а сознание, владеющее данной формой.

Но ему, доросшему до более высокого уровня сознанию, нужна не только другая форма, но и значительно превосходящая прежнюю по своим возможностям. А коль нужна – она будет, ибо на то и имеется *сознание* со статусом творческого начала. А куда же денется старая форма? Её удел везде одинаков – распыление. Что же тогда коллапсирует до сингулярности? Если даже бывшая форма вместо слияния со средой вздумает уплотниться и предстать в виде самостоятельного объекта, то быть такому объекту без мозгов и без сознания, словом, безмозглым изгоем. Пусть когда-то ему захочется взорваться и породить вселенную, то порождённое также окажется безмозглым, ибо неоткуда взяться тому, чего не доставало вначале. Значит, сингулярная точка, большой взрыв, разбегание галактик – это шутки с грифом научных, вред от которых никогда не восполнит человечество. И не случайно выдумка о сингулярности не согласуется с самим принципом преобразования путём установления объединительно-разъединительной связи. Она обязана не согласовываться, поскольку не имеет отображения в мире.

Человечество на данном, т.е. междумерном, этапе развития заряжено порочным представлением о себе и своём окружении. Какую бы область приложения людских усилий ни взять, везде одно и то же маниакальное терзание *следствия* и твёрдое неприятие *причины*. Космос – это взаимодействие масс, материя – это вещество, порождающее движение, мир исключительно объёмен и даже плотные объекты вроде нейтронных звёзд, несмотря на свою практичес-

кую точечность, всё равно остаются трёхмерными, бомба – от количества урана, конфигурация планетных семейств – от гравитации, прочность молекул – от электронных связей, устойчивость атома – от числа шариков-протонов, химические превращения – от валентности, болезни – от ядов-вирусов-бактерий, разум – из тела-организма, развитие – от пришлых микросуществ, доросших до человека ... Разве это не те же сингулярности? А чего стоит кузнечно-дробильная, или иначе коллаидерная, идея трахнуть неизвестно чем по чему-нибудь? Ведь ясно же, что снаряд и мишень, будучи изначально следствиями преобразования сознаний, при воздействии на них насилием, неволящим к запрещённому скачкообразному изменению состояния, обязаны воспротивиться угнетению. А воспротивившись, перестают быть теми объектами, какими мыслились до насилия. Похожий протест последует и со стороны наковальни-мишени. Так что же прояснит коллаидерное помрачение?

Итак, составность. Представим, что тело особи и её сознание имеют одинаковую мерность. Это наделило бы плоть такими же рассуждательными способностями, как и сознание. Тогда особь состояла бы из двух сущностей, которые в силу запрета на одинаковость персон, по-разному отображали бы своё окружение. Но отображение сопряжено с действием. Как целое сможет удовлетворить противоположным требованиям наполняющих её существ? Наступит или разрушение, или игнорирование. И то и другое, в связи с вынужденным отходом от начертанного пути, неприемлемо.

Отсюда следует вывод: поскольку вариант интеллектуального равенства сознания и тела особи не жизненный, обязательным является требование установления их соподчинённости. При этом сознанию отводится роль причины, а телу – следствия. Между ними возникают отношения зависимости: сознание обязано строить собственную форму, а форма противится строению и воздействует на сознание с целью принуждения его к действию в русле своих интересов. Это неизбежный неустрашимый вечный конфликт.

Ни при каких условиях он не может быть примирён полностью. Мир, в котором отсутствует конфликт между формой и содержанием, невозможен. Возможно только временное соответствие, которое по мере развития сменяется всё большим несоответствием, достигающим в процессе развития критического несоответствия, разрешаемого заменой прошлого-устаревшего тела, т.е. смертью. Такой закономерности подчинено всё сущее от гигантов до крох.

Всё, что есть, является частью общего, так же, как само общее на правах части входит в другие общности. И коль любому звену цепи присущ конфликт между сутью и её видимостью, то значит, этот конфликт отражает неотъемлемое свойство мира. Всякий элемент бытия составлен и в каждой ячейке этой составности ведётся борьба сознания конкретной ячейки с личной формой-организмом. Получается мозаичная картина сознания и такое же мозаичное полотно плоти. Число точек холста уходит в конечную бесконечность, т.е. их так много, что людским умом отразить нельзя, но тем не менее все они вмещаются в весьма скромное по эврисным меркам царство времени, к которому принадлежат люди.

От всего, что существует в виде отдельности, отходят две расходящиеся последовательности сопряжённых существ. Одна из них направлена во внутреннее пространство особи и образует её организм. Другая – устремляется во внешнее пространство персоны и создаёт окружающую среду. Оба пространства состоят из сознаний и форм элементов, действующих в семимерном мире, хотя сами элементы этого не воспринимают и отображают в себе только доступное их развитию. Они по мере роста сознания поочерёдно осваивают одну координату за другой, что связано с обязательным изменением ощущения времени и расстояния, а значит, конфликтов и способов их преодоления. Получается цепь интересантов, в которой ни одно звено не имеет полного представления о своём окружении, о своём назначении, о своём месте на шкале разумности, о роли конфликтов и путей их разрешения. Но с другой стороны, каждое звено – это личность, которой вменено в обязанность развиваться, и не вообще развиваться, а строго в начертанном направлении, при соблюдении многих ограничений, правил и законов. В зыбкой основе бытия всему обязано найтись место, поскольку суть каждого установлена не им для себя, а главой стихии времени – сорросом, исходя из условия сохранения его собственной устойчивости, жизненности, а значит, и целостности мира в им принятом виде.

Именно эта зыбкость и есть причина нестабильности всяких структур, наполняющих септон. Части выстраивают линии движения вразрез с поступью целого, а целое, идя своим путём, ограничивает свободу частей. В связи с этим в любом объекте самым фактом его существования заложены разрывающие усилия, являющиеся экзаменатором значимости сущности. Она сможет укрупняться формой до тех пор, пока сознание окажется способным усмирять

разлад собственного пространственного представительства. И как только наступит критическое состояние, при котором сознание объекта не найдёт в себе силы примирить очередной бунт внутренних самостоятельных, возникнет ситуация разрешения противоречий с помощью объединительно-разъединительной связи. Если же конфликт возникнет от расхождения линий развития с внешней средой, то особь по отношению к среде окажется в положении бунтующей части, похожей на ту часть, которая стремится к самостоятельности в её внутреннем пространстве, т.е. организме. В такой ситуации уже среда применит к особи разъединительную связь, в результате чего особь непременно изменит своё состояние.

При слабом накале страстей произойдёт прирост сознания и соответствующая доработка формы, но останется прежней область воплощения. Применительно к людям, эта область является материально обустроенным миром. Если же устранение конфликта потребует значительного изменения сознания и никакая плотная форма не сможет соответствовать новым требованиям, область воплощения заменится через процедуру смерти на нематериальную. И нигде нет исключения из такой закономерности.

Сознание, как пространственная категория, не является широким равномерным пластом, слоем или массивом, в которые погружено сущее. Оно мозаичное! Детали полотна, сколько бы их ни было, разнятся между собой. Каждый из них воспринимает семимерную картину мира, исходя из личного понимания времени, расстояния и конфликтов. Всякому вменено идти только ему уготованным путём. И нет никого во всей необъятности, кто мог бы определить, указать или объяснить суть этого пути. Все сущности от крох до светил обречены на самостоятельный поиск своей линии и на долавание преград на пути оразумления. Даже воспитание, обучение или принуждение окажутся восприняты настолько, насколько стороннее влияние сможет отобразиться в сознании персоны. Сознания, или иначе – сущности, разобщены. И если бы они всегда стояли врозь, то творящее величие сознания не состоялось бы.

А коль так, то надобность в нём отпала бы, стихия времени не создалась, и нас – людей – не было бы никогда. Мир искал бы примирение конфликтов на иной основе. Но если выбран вариант семикоординатного становления сознания, идея существования времени и наличие противоречий, то такое решение отличается от других меньшими затратами на обеспечение устойчивости мира.

Человеческий разум вступает в эпоху целостного осмысления мира. Разобщённые сознания всё же объединены взаимными связями. Уровень, сила, значимость, взаимная привязанность объектов определяется особым их отношением друг к другу, вытекающим из объединительно-разъединительных интересов. Тогда разобщение выглядит, как зависимость каждого от всех и подчинение всех состоянию каждого. Но такая круговая взаимосвязь всего сущего превращает мир в *инерционную* систему. И ей присущи все свойства массивных конструкций, частично известные людям.

Это прежде всего отставание ответной реакции от приложенного воздействия. Чем массивнее сооружение, тем медленнее оно начнёт отрабатывать толчок. Что касается семимерного мира, где господствует время, то это пример наибольшей или предельной массивности, возможной в той области, к которой принадлежит сознание в форме людей. Всякая попытка принудить эту область отреагировать на удар скачком или на иное мгновенно приложенное принуждение потребует бесконечно большого усилия. Но неоткуда взять такое усилие, поскольку даже септоновский мир конечен. Это и есть обоснование невозможности скачкообразного изменения процессов, составляющих суть мироздания. К таким процессам прежде всего относятся: оразумление, воссоздание формы, изготовление тела, подготовка организма, разрешение противоречий, отработка вариантов привлечения-принуждения к росту ...

Инерционностью мира объясняется и запрет на попятное движение в развитии. Отход в прошлое хотя бы одного элемента связан с отставанием и последующим снижением развитости остальных членов системы, устремлённых в будущее. Для этого пришлось бы задействовать мощь, превышающую возможности массива. Более того, возникли бы дополнительные расходы творческой потенции на создание сопутствующих анализирующих, регулирующих и исполнительских структур. Но самое опасное состоит во внесении в общий хоровод устремлённых персон особого звена неустойчивости, ставящего под угрозу бытие. Понадобилась бы процедура даже не отмены, а устранения свершённых событий и восстановления былой мозаики мира вопреки планам остальных членов сообщества, что в рамках септона невыполнимо. Потому однажды содеянное остаётся таковым навсегда. Будет проходить одна жизнь за другой, жизни выстроятся воплощенческой чередой, а в сознании отложатся пласты минувших деяний. Прошрое и создаёт облик будущего. И нет

способа что-либо убрать, исправить, перетасовать. Багаж плохого и хорошего, заработанный в прошлом, формирует натуру в настоящем, а она есть основа для поступи в будущее. Мудрые индусы называли это кармой. Пусть будет так! Каждый имеет то, что сам же приобрёл для себя в течение бесчисленных воплощений во всех пройденных мирах от нулевого до нынешнего междумерного. Если помог, защитил, спас, научил, простил, вырастил, построил, людское обличье отразит благородство. Если же предавал, грабил, издевался, пытал, убивал, ... не обличье – гримаса.

Септоновский массив можно описать уравнением. Даже двумя! Одно из них отобразит состояние сознания, а второе – формы. Оба они будут седьмого порядка: на каждую пространственную координату по одному слагаемому, и будут соотноситься между собой, как причина и следствие. Свободный член уравнения опишет состояние области зарождения, где время течёт столь медленно, что его присутствие практически едва ощущается. Второе слагаемое охарактеризует мир одной координаты, в котором время уже весьма себя проявляет, но остаётся местным, действующим только в пределах линейного мира. Время здесь значительно быстрее, чем в предыдущем нулевом мире, но оно несопоставимо медленнее по сравнению с последующим плоскостным миром. Третье слагаемое соотнесётся с миром двух координат, имеющим своё собственное время, также текущее быстрее предыдущего и медленнее последующего. Такая привязка времени сохранится и в остальных мирах вплоть до шестимерного, на вершине которого время отсутствует вовсе. Там заканчивается стихия изменчивости с названием *время* и начинается неведомый нам эврисный мир с иными законами роста сознания³². Четвёртое, пятое и шестое слагаемые опишут кваромовскую, пентаровскую и сорросовскую области соответственно. Между слагаемыми знак плюс „+” ставить нельзя, ввиду разнородности объединяемых величин, общего объединяющего времени не имеющих. Вместо привычного плюса следует использовать символ: $\leftarrow N_0^6 / \mu \rightarrow$, где стрелки указывают, какие именно величины подлежат объединению. Индекс N отображает пространства, нумерованные от нуля до шести, косая черта заменяет линию дроби, а буква μ характеризует место объектов в пределах анализируемой области³². Коэффициенты уравнения должны отобразить всю совокупность событий в пределах времени, характерного для данного сочетания координат. Семь слагаемых,

все совместно обязаны дать нулевой результат, демонстрируя тем самым равновесие, значит, и стабильность мира. Безусловно, такое уравнение не составит никто, если он находится внутри царства времени. Однако образ далёкого соотношения может служить маяком, на свет которого захотят ориентироваться грядущие энтузиасты, познающие натуру. Это приманка для пытливого ума!

И коль в привычном уравнении седьмого порядка с единым временем имеется семь корней, то в воображаемом равенстве их должно быть существенно больше. Если даже принять, что при одинаковом времени в пределах определённой координаты, корней получится семь, то в пересчёте на все семь остальных координат найдём сорок девять корней, многие из которых окажутся сопряжёнными. Но такие корни отображают склонность системы к сползанию в колебательный режим. Раскачка массива при нарастающей амплитуде колебаний вызовет значительные изменения формы объектов, и новый вид не сможет отобразить прежнее содержание, поскольку на скачкообразные изменения сознания наложен запрет. Отрыв формы от сознания – это признак уничтожения прежнего равновесного мира и появление мира изгоев с основной приметой: война всех против всех с итоговым разрушением до исходного спящего состояния. При затухании колебаний система может остановиться на промежуточном формате и, если он даже удовлетворит требованиям своей устойчивости, это будет уже мир иной, непригодный для обеспечения целостности сорроса. При отсутствии промежуточной точки равновесия наступит сжатие мира до уединённого объекта, бытие которого исполнено страданиями, не связанными с развитием.

Отсюда вытекает и особая значимость равновесного бытия мира времени. Потеря этого состояния грозит уничтожением того создателя, который во имя достижения целостности, а значит своей жизненности, придумал-сотворил стихию посредника-защитника, воспринимаемую людьми, как течение времени³².

В своём развитии старший мир – соррос – на себе уже испытал тяжёлые последствия изгнания мятежных структур из прежнего целостного массива. В связи с неспособностью ужиться во внутренних областях эвриса, ему пришлось отступать всё дальше на периферию, пока не возникло положение, когда пятиться больше некуда. Покинуть эврис или возвратиться в него невозможно, ибо это грозит запрещённой попятностью развития самого эвриса, и

остаться собой прежним нельзя, поскольку его разрывают противоречия, послужившие поводом к изгнанию. Настала ситуация, вынуждающая творить во спасение своего бытия.

И этот момент наполнен особым драматизмом и риском для творца: ему нужно осуществить то, чему нет опоры в его естестве. Если бы ранее он обладал нужной способностью, он смог бы удержаться в более развитых широтах эвриса и ему не пришлось бы надрываться под тяжестью выживания. На радость нашу или горе, ему удалось найти жизненное решение.

Для этого сорросу понадобилась коренная перестройка собственной сути: цельный объект, каким он выглядел ранее, был разделён на две части, одна из которых представляла личное пространство, а вторая – сознание, иначе – содержание. Этим делением была исключена угроза превращения в одинокого изгоя, что давало шансы на бытие, но эти шансы ставились под сомнение началом конфликтной борьбы за лидерство между частями. Для предотвращения взаимной вражды соррос поместил между ними созданное им же вспомогательное примиряющее сооружение, состоящее из семикоординатного царства времени. К нему относится всё, воспринимаемое людьми, как среда, космос, вселенная, сущее³².

Так в занятую сорросом область, была внесена новая идея достижения устойчивости целого, заключающаяся в собирании из частей целого или в представлении целого в виде частей с расположением между частями дополнительной прослойки для создания условий их объединённо-раздельного развития. Эта идея пронизывает всё сущее от сверхобъектов до микроструктур, в том числе и человека, как рядового звена ремонтного сознания³².

Но сама по себе эта идея-идеология, несмотря на её фундаментальность, является всё-таки следствием. Причина же состоит в основополагающем тезисе: *самостоятельно учиться самостоятельности*. Этот посыл изобрёл соррос, сам его применительно к себе опробовал, благодаря чему состоялся как персона в структуре миров, и потому во всё, им порождённое, заложено условие самостоятельности в качестве исходного обеспечения бытия. Нет такого лица, которое подсказало бы, посоветовало бы, заставило бы, приказало бы, вынудило бы или каким угодно иным образом повлияло бы на выбор пути развития звёздного скопления, галактики, туманности, планетного семейства, материков, океанов ...

Катаклизмы, войны, казни и другие насилия – это всего лишь

эпизоды на воплощенческой линии роста сознания. Они в состоянии отвлечь растущую персону от своего пути, затормозить её ход, нагрузить излишними муками, но сколько бы ни было бед, суть начертанного пути не может изменить никто из существующих.

Стихия времени – это совместная раздельность сознаний и форм. За пределами царства времени действуют иные мотивы движения, но принципы активности обязаны быть одинаковыми везде. Иначе на границах соседних миров возникали бы веские напряжения и конфликты. На их усмирение и вечности было бы мало. Как же обеспечить слаженный бег столь великой общности?

Ответ кроется в назначении мира времени. Это вспомогательная ветвь септона, созданная его главой – сорросом для гашения противоречий между частями собственного естества, каковыми являются сорросовские пространство и сознание. Сам соррос пребывает вне времени. Суть и цель его развития согласуется с интересами более сложной, а значит, более разумной структуры с названием *эврис*. Но для того, чтобы соответствовать такому согласованию, сорросу необходимо сохранить себя в качестве персоны, обеспечить свою целостность и направить свой рост в русло требований эвриса. Такая занятость является для него основной. Чтобы всецело посвятить себя своему назначению, ему пришлось возложить обязанности по устранению конфликтов на вспомогательную структуру, которая тем и занималась бы, что только упреждала и ликвидировала бы стычки частей между собой. Эта структура и есть то, что известно людям под именами: среда, натура, природа, космос, вселенная, универсум ...

Однако всякий вспомогатель-охранник-посредник в своих защитительных действиях не имеет ограничений сверху, потому в стремлении предельно обезопасить персону он сначала отделяет её от среды, затем изолирует и, наконец, подменяет собой. В итоге владыка гибнет, а слуга восходит на трон. Мир меняет облик. Но вскоре у восшедшего появляется необходимость обезопасить себя, и он нанимает охранника ... Вместо защиты вносится угроза. Каждый, кто идёт своим путём, на свой манер решает вечную задачу обеспечения независимости. Эта беда не обошла и соррос.

Порождая мир времени и наделяя его могуществом, нужно ожидать его стремления поставить своего создателя в зависимое положение с тем, чтобы планировать его разрушение. Для полного устранения попыток неповиновения сотворённого им детища,

соррос ограничил свободу существ, населяющих царство времени. Первым и самым важным ограничением стало установление личного пути развития. Всякая персона при зарождении в области нулевой мерности ориентируется в только ему назначенном направлении, от которого оно не может отклониться никогда. Более того, само направление неизвестно никому, в том числе и персоне. Это неведение используется в качестве принуждения к развитию через самостоятельный поиск собственной сути. Каждый раз при уклонении от назначенного пути на персону сходят беды, несущие страдания. При значительном отклонении муки предельного накала приводят к смерти, как последней мере силового возврата на уготованный путь. Значимость такого ограничения состоит в исключении из характера личности доминанты предательства. Наличие измены на людском уровне – это издержки поиска, составляющие эпизоды развития, которые через терзания приведут к осознанию себя. Это ограничение ведёт к неповторимости судеб, к невозможности их слияния, дробления или замены, а также к недопустимости одинаковости, равенства и производства клонов.

Однако задача исключения предательства оказалась столь сложной, что решить её одним только ограничением не удалось. Ведь на вершине шестимерного мира при встрече конфликта и воителя, возвращённого в мир времени³², кто-то уцелеет и получит титул победителя. Что ему делать дальше, не имея противника? Это прямая угроза превращения защитника в подавителя. Поэтому соррос установил второе ограничение для роста аборигенов мира времени: личный путь определяет не только особенность развития, но и уровень, размер, масштаб собственного развития. Ни при каких условиях персоне времени не дано превзойти ту развитость, которая надобна для гашения конкретного конфликта. При таком подходе исключается победитель. Конфликт и воитель гибнут оба, благодаря чему соррос избавляется от угрозы со стороны внутренних противоречий роста и со стороны порождённого им охранника в виде воителя из мира времени. Это единственный случай уничтожения сознания совместно с его формой. Воитель, будучи бессмертным на дистанции от нулевого до шестимерного миров, после уничтожения конфликта рассыпается в прах и сливается с невозмущённым пространством начального мира. Все боления, одоления, мытарства роста, обрётённое содержание и величие перестают быть. Непрерывно пополняется область хранения

отработанного материала. Так же непрерывно без всякой связи с предисторией из хранения изымаются некие случайные порции для превращения в новые зарожждённые особи. Упорно восходя, они доберутся до вершины, погибнув в сражении с конфликтом, спасут мир и восполнят убыль вселенского пепла. Путь судьбы является только полукругом, а не кругом, поскольку замкнутость разрывается неопределённостью в состоянии праха.

Несмотря на весомость второго ограничения, касающегося предельного уровня развитости, его всё же оказалось недостаточно для надёжного исполнения личного предназначения, поскольку оставалось произвольное движение на линии восхождения. Для упорядочивания поведения особи в процессе оразумления её поступь была подчинена следующим двум ограничениям – это запрет на остановку развития и запрет на попятное движение. Подобные запреты исключают попытку увильнуть от необходимости роста и тем более податься в освоенное прошлое для обретения покоя.

Кроме этих, есть и другие установочные критерии бытия: разграничение собственной сути на инициативную и антагонистическую компоненты с последующей отработкой условий приведения их в равновесное состояние, обеспечение устойчивости через объединительно-разъединительную процедуру, соблюдение принципа составности особи из существ разной мерности и многие другие³².

Наличие большого числа указующих вех превращает мир в самодостаточный объект, наделённый собственным сознанием и ему соответствующей формой. Сознание мира представлено или рассыпано, отображено в виде набора частных сознаний многоликих структур-персон, населяющих данный мир. И каждая из этих частностей повторяет всеобщие критерии бытия, поэтому в свою очередь является, хотя и самодостаточным членом, но составной, тем не менее, частью мира.

Отсюда следует важный вывод о недопустимости и даже вреде единого управляющего воздействия, типа электромагнитного излучения, различных оттенков света, гравитации, нейтринных и других вестников состояния, торсионных полей, эгрегоров ... Наличие диктата над частями вынудило бы их отклониться от своего предназначения, привело бы к изменению сути мира или иначе: к гибели прежнего мира. Этим был бы внесён элемент нестабильности, делающий невозможным существование любой промежуточной конструкции. Если же управляющее воздействие станет

исходить из сорроса, то в его ведении окажется так много объектов управления, что для приведения их в потребную согласованность пришлось бы привлечь всю творческую потенцию, что недопустимо в связи с необходимостью решения задач эврисного уровня. Если нельзя вмешиваться со стороны и нельзя в текущем режиме заниматься этим самому, сорросу не осталось ничего более, как снабдить царство времени установочными законами, организующими всякие движения внутри царства.

Данная структура распределена по семи пространственным направлениям, т.е. является семимерной. Она состоит из сознания и материи. Сознание как обобщённое понятие представлено набором индивидуальных сознаний, каждое из которых волею сорроса зарождается в мире нулевой мерности и затем, усложняясь, последовательно одолевает все семь координат учения. Только малый отрезок пути сознание выглядит как отдельность. Весь остальной маршрут оно входит в состав постепенно усложняющегося существа, и так до тех пор, пока в шестимерном мире состоится персона, способная устранить-одолевать конфликт, грозящий сорросу разрушением. Подготовка такой персоны – самоцель той ветви мироздания, к которой принадлежат люди³². Всё, что есть не сознание, призвано служить поставщиком форм. Прежде всего к этому *всё* относится материя. Сознание обязано иметь форму, а форма неотъемлема от сознания. Это значит, что материя как самостоятельный атрибут мира невозможна. Она не может оказаться избыточной или недостающей. Её ровно столько, сколько нужно для потреб сознания. Потому любая плотность, твердь, вещество или туманность – чьи-то формы. И если сейчас познание ограничено только лишь созерцанием, не важно аппаратным или нет, то телесным глазам доступна только материя, т.е. сопутствующий атрибут подлинного конструктора мира – сознания. Такое отображение среды ни хорошее, ни плохое. Оно соответствует междумерному уровню развития землян. Пройдут времена и, одолев муки поисков, люди начнут осознавать себя и поймут, что за всякой формой следует искать сознание – зачинщика движения. Тогда современная картина неба – это картина теней. Содержание пока неведомо для наблюдателей. И никакие инструменты не помогут увидеть то, чему нет опоры в восприятии. Особенность неба в том, что имеющееся там – это всё персоны со своей линией предписанного развития. Её каждому из них задал-

определил создатель идеи времени – соррос. Как бы много ни было персон, у всех линии разные. В мире наложен запрет на одинаковость судеб. Разновидение есть источник конфликтов, а значит, основа развития. Но именно оно исключает возможность использования одинакового для всех управляющего воздействия.

Недопустимо, чтобы некоторое сознание в данной области мира по прихоти своей устанавливало течение процессов в зоне другого сознания, поскольку такое насилие чревато отступлением от начертанной линии обеих сторон. Столкновения при разрешении конфликтов неизбежны. Такие случаи отягощают и тормозят рост в данном воплощении, но не меняют личного назначения.

Значит, слаженный бег столь великой общности мира времени обеспечивается прежде всего унификацией организмов. Где бы ни находилось каждое сознание, оно обязано кроить себе форму самостоятельно, размещать в ней тело и определять его конструкцию, опираясь на одни и те же законы-ограничения, заявляя тем самым своё притязание. И поскольку нет равных сознаний, то нет и одинаковых форм. Мир бурлит разнообразием.

Рассмотрим проявление этих законов на примере человека. Сознание данного объекта на этапе междумерного развития вынуждено ваять себе такую форму, чтобы предстать в пространстве в виде отдельности, т.е. особи. Эта форма наполнена нескончаемым перечнем элементов-органов, каждый из которых представляет собой существо со свойственным ему сознанием. Тогда всякий человек – это типовая конструкция мира, состоящая из центрального сознания, характерного для особи, и множества составных сознаний убывающей мерности. Оценивая сознание особи на две координаты с малым довеском третьей, получим для частей тела предельное значение мерности. Это означает, что оставшиеся части обязаны иметь меньшую развитость, чем на две с лишком координаты. Но протяжённость мира в интервале от предельной мерности до нулевой необозримо велика. В данном промежутке укладываются сущности, осваивающие начальный мир, персоны, проходящие линейный мир, личности плоскостного мира и жильцы подступов к объёмному миру. Общее их число неохватно. Как же самому умному сознанию в форме человека установить диалог со всем населением собственного тела?

Чтобы ситуацию сделать наглядной, давайте выделим из организма самую совершенную часть тела. Пусть она предстанет в

образе шимпанзе. Затем из оставшейся массы так же отделим наиболее толковую компоненту. Это будет уже доживотный срез развитости, то есть, растительный. Предположим, что ума данной компоненты только и хватило для такой особи, как клён. Таким же образом вычленим остальных характерников из густо населённых областей конца линейного и всего нулевого миров. В итоге получим компанию из невообразимо большого числа участников. Каждому из них определена своя линия роста, у всякого свой ум, личные притязания, особое мнение по любому вопросу, и все они вместе находятся в положении взаимного непонимания всвязи с принадлежностью к разным мирам.

Каким же образом самая заинтересованная человеческая сущность сможет донести свою заинтересованность до каждого члена организменного вече? Предположим, что в прямом диалóге человека с обезьяной удастся что-то ей втолковать, но чему окажется равным это *что-то*? Она поймёт только то, что ей по-уму: плоскостное отображение речи, содержащей объёмные сведения, т.е. не просто мало, а совсем мало. Дерево из того же высказывания уяснит крохи от малого, а остальные слушатели даже не заподозрят наличие чего-то, касающегося их персон.

Точно так же, как люди не в состоянии наблюдать жильцов вышестоящих миров, так всем нижестоящим по отношению к людям не дано воспринимать присутствие и тем более значимость кого бы то ни было, если его мерность превышает собственную. Клетка не знает о существовании ткани. Она представляет всё, относящееся к массиву, как среду обитания, на которой она строит свою линию развития согласно установочным законам бытия. Клетка воспринимает ближайшее тканевое окружение так, как мы природу и небо. И как мы неспособны вообразить продление Луны в направлении четвёртой координаты, так и клетке не по-уму осознание органа. Аналогична картина и в отношениях остальных участников организменного действа. Вывод: сознание человека способно напрямую воздействовать только на отдельные сравнительно высокоразвитые части организма, да и то в малой мере. Основной же массив тела неподвластен прямому управлению на уровне сознаний. Тогда как же ими управлять? И что их единит?

Организм в виде пространственного объекта существует благодаря совместному действию двух антагонистических процессов. Один из них – это развёртывание идеи развития, которая в

обязательном порядке совмещена с необходимостью усложнения за счёт составности форм. Другая – это неуклонное снижение устойчивости-стабильности тел по мере их усложнения, или иначе, по мере оразумления. Когда возросшему сознанию для удовлетворения его познавательных потребностей приходится дорабатывать тело, в конце концов наступает момент критического состояния плоти. Если её не изменить, сознанию грозит остановка развития, что по условию бытия мира времени недопустимо. Если же изменить, но в том направлении, что и в предыдущих жизненных эпизодах, тело оказывается неспособным сохранить себя в виде целостной структуры. Значит, нужно изменить, но не так, как раньше, а по-новому, по-иному. А как? Это и есть самый главный вопрос бытия!

Пока известен только один вариант ответа – нужно всё же в состав тела внести элемент, способствующий дальнейшему росту, но при этом поменять форму, а значит и тело, и организм. Такая перестройка особи на протяжении восхожденческой судьбы происходит многократно, постоянно, а в общем, несчётное число раз. Особо кардинально меняется форма при вступлении в очередную пространственную координату. Постепенное усложнение существ нулевого мира вынудило их при переходе в линейный мир принять форму растений. Развитие растений сопровождается всё бóльшим усложнением форм до тех пор, пока ни одно тело растительного типа не сможет соответствовать очередной добавке сознания. Не может, значит, оно заменяется на то, на которое может – на тело, характерное для животных. В свою очередь, плоскостные животные, доразвивавшись до конца собственного мира, снова оказались перед необходимостью перестройки формы для размещения сознания, свойственного уже людскому этапу развития.

Этот этап отличается от предыдущих особо ускоренным, почти взрывообразным ростом сознания. В таком же отношении обязано меняться-усложняться и тело. Но... плоть, сотканная на основе материи, в силу медленнейшего преобразовательных процессов, не способна угнаться за потребностями человеческого сознания. Такая неспособность есть кульминационный момент в развитии миров. Наступает ситуация, когда материя оказывается непригодной для построения форм. Постепенно на протяжении всего объёмного мира людское тело, по мере его усложнения, всё интенсивнее станет разрушаться. К объёмно-кварковому междумерью люди придут почти без плотного тела. Человечий облик останется в прошлом. Лишь

некоторые органы сохранятся для отображения почти уже ненужной материи. В заваромных областях поставщиком форм также служит уплотнённое пространство аналогичное привычной материи, уходящее в глубь четвёртой, пятой и шестой координат.

Если тело всвязи с развитием отмирает, то стоит ли заботиться о его здоровье сейчас? Стоит! И особенно ответственно! Ибо люди освоили третью координату менее, чем на 1% её протяжённости, потому замена плоти, обусловленная заметным повышением разумности, находится в далёком будущем. До той поры ещё надо прожить многие тысячи жизней, каждая из которых исполнена мук воплощения, напрямую зависящих от уровня соответствия сознания и тела. При наступлении критического разбаланса к текущим страданиям добавятся ещё и беды, связанные с гибелью и возрождением цивилизаций. Потому на данном этапе становления человека отношение к форме есть мерило его разумности.

При слабом влиянии сознания единой особи на поведение сонма существ, образующих тело, как всё-таки обеспечить его слаженный бег? В коротком виде ответ звучит просто: изменяя окружающую среду любого поселенца *тела*, как конструкции. Но таких жильцов тьма-тьмущая, и все они принципиально разные, поскольку находятся в произвольных точках на линии развития от нулевой до междумерной включительно. Возможна ли такая среда, которая бы оказалась пригодной для всех существующих в ней персон? Не только возможна, но достижение единства среды в организме есть обязательное условие соответствия особи самой себе. При нарушении такого единства, например, за счёт отравления или загнивания, или отмирания, особь не в состоянии следовать своему назначению, что является поводом для наказания смертью.

Сам факт того, что сердце, почки, печень и остальные органы оказались собраны именно в данном теле, свидетельствует о приемлемости общих установок построения тела для всех элементов-существ, его населяющих. Такое утверждение следует из формулы воплощения: *каков сам – такое тебе*. Все персоны, проживающие во внутреннем пространстве особи, на предыдущих этапах развития уже прошли стадию отдельности и, исчерпав возможности этого состояния, вынуждены проходить дальнейшее оразумление в составе более сложного существа на правах его части. Наступит время, когда это существо перерастёт стадию отдельности и вместе со всем своим внутренним населением войдёт в структуру организма следующей

сложности, и так вплоть до шестимерной области, где образуется единая особь предельного совершенства, необходимого для обеспечения устойчивости мира, и являющегося целью и смыслом бытия царства времени. Потому достижение такого чётко отлаженного сожительства многих в едином есть задача, важнее которой нет, ибо предстоит примирить непримиримое: совместить неукоснительно соблюдаемую индивидуальность персон и неразрушаемость общего, составленного из этих индивидуальностей.

Всё, что есть, только потому есть, что сумело найти примирение данной несовместимости. Касательно особей мира времени такое примирение основано на установлении объединительно-разъединительной связи между общим и частью. В организме эта связь происходит через среду обитания. Общее, исходя из условий собственного бытия в качестве персоны с предначертанным путём развития, создаёт в себе своё внутреннее пространство, являющееся ареной действия частей. Власть общего устанавливается только в пределах данной арены. Части воспринимают её, как своё жизненное окружение, даже не подозревая, что оно образовано неизвестной им более развитой сущностью. Части вправе пользоваться имеющимся окружением в соответствии с личным пониманием своего назначения и личным осознанием себя..

И если бы впрямь каждая часть строила свою линию развития, исходя из своих побуждений, возникло бы скопище частей, не образующих целое. Этот этап уже пройден всеми элементами, и вернуться снова в прежнее положение, значит, оказаться в прошлом времени, что невозможно в силу запрета на попятность. Остаётся только одно разрешённое движение – рост в составе общности. Однако все участники – антагонисты, т.к. наделены только им присущим начертанным путём. Их пути разные, неповторимые, не вытекающие один из другого и в связи с этим непригодные, как часть, для составления самостоятельно растущей особи.

Наметился очередной тупик-противоречие всвязи с невозможностью совмещения свободы целого со свободой его частей. Выход из этой западни был найден благодаря ограничению вольных притязаний каждого из участников. Оказалось, что полный творческий разгул любого творца ведёт совокупность энтузиастов в небытие, поскольку достижения одного идут вразрез с планами другого. Абсолютная свобода неосуществима, потому её нет нигде!

Но если нужны ограничения, то кто вправе их вводить? Это

решает тот, кто считает себя целым, общим, отдельным, т.е. персоной. Однако в царстве времени нет ни единой структуры, которая не была бы персоной. Сущность предствлена сама собой только в момент зарождения. Первый же шаг поумнения при вхождении зароденца в состав более развитого существа приводит к замене первородной формы. Линия вхождений пролегает через бесчисленных представителей нулевого мира, через мир растений и животных, в том числе и через человека, и восходит дальше вплоть до сорроса, где всё, им собранное, образует могучую сражающуюся с конфликтом персону, гибнущую, но спасающую мир. И коль идея составности пронизывает всё сущее, то автором её может быть только творец этого сущего – соррос. Но он не является конечным звеном мироздания, потому положение о составности разумного начала есть универсальное, непреложное, т.е. фундаментальное. Миром правит упорядоченность! Свобода в нём ограничена всегда.

Итак! Всякий глава общности имеет для управления своими частями один-единственный инструмент – созданную им среду обитания, в которую погружены подвластные ей поселенцы. Однако необходимо запретить пользование этой средой по своему усмотрению. Каждый из них обязан взять только то, что необходимо ему для следования *своему* назначению, выбранному не произвольно, а исключительно в *пределах* развития главы общности.

Как же донести до элементов тела намерения главы? Для этого нужно внести в среду некоторый ориентир для собственных действий каждого из обитателей тела. Но их несказанно много и все они находятся во взаимном непонимании, всвязи с принадлежностью к разным срезам разумности. Кажется, найти нечто доступное для усвоения любым членом сообщества, невозможно. Но именно такая пестрота потребностей содержит подсказку о сути используемого ориентира. Им является репродуктивный материал.

Процедура воплощения содержит этап подготовки телесной заготовки для сущности, приходящей в материю³². Согласно формуле *каков сам – такое тебе*, для полного устранения деградации воплощенца, заготовка обязана включать в себя предшествующие достижения его роста. Это значит, что она в своём составе уже должна иметь структуры, характерные для каждого из миров, освоенных внедряющейся персоной. Но такое возможно, если только сведения об этих мирах имеются в сперматозоиде и яйцеклетке. И впрямь, воспроизводство – это прежде всего продление

того, что есть. И коль живущий объект составен, то и продление должно быть составным. А раз составным, то генетический материал, на основе которого развёртывается таинство роста эмбриона, обязан содержать сведения о любой персоне тела, несмотря на то, что число таких персон беспредельно велико.

Выстраивается следующая логика управления организмом. Воплощающееся нематериальное сознание совместно с материальными субъектами, выступающими в качестве двух родителей, возвращают телесную заготовку, которая до формирования гонад строится на основе родительских ДНК. После созревания гонад клетки эмбриона и его структура постепенно преобразуются в новый организм, растущий уже под воздействием собственной ДНК воплощающейся личности. Различие этих кислот проявляется в их координатном представительстве. Это значит, что для сравнения следует брать только междумерное отображение пространственной конфигурации молекулы, или только плоскостное, или линейное, или соответствующее определённым участкам мира зарождения. Сознание, приходящее в твердь, после созревания гонад самостоятельно кроит себе тело. Материнская опека затем сводится к созданию потребной окружающей среды, дающей возможность сознанию строить себя по своему назначению.

Эмбриональная и детская немощь воспринимаются людьми, как немощь вообще. Однако такое мнение – признак существ, неосознавших себя. В действительности же видимая немощь относится только к телу. На этапе телесного оформления оно ещё не в состоянии отобразить притязания воплощенца, чьё сознание на основании формулы *каков сам – такое тебе*, почти равно сознанию матери, точнее – родителей. Потому детские глаза излучают невысказанную глубину. По мере взросления пришелец-подросток отдаляется от видений оставленного мира, всё больше погружаясь в суету материи, и глубина сменяется пытливостью проникновения в плоть. Тело, вырастая и усложняясь, постепенно приобретает возможность всё полнее отображать попытки сознания к познанию среды. Люди отмечают это, как становление, возмужание, затем зрелость ... Эти этапы характерны соответствием земной формы своему, или иначе, прежнему воплощённому сознанию, которое называют человеком.

Перестройка плода начинается с приходом первичных половых клеток (ППК) в гонады³³. При этом в яичках – мужской гонаде,

созревают сперматозоиды, а в женской – яйчнике – яйцеклетки. Лишь с этого момента окончательно определится пол будущего гражданина, и все процессы роста в дальнейшем направляются соответственно половой принадлежности. Затем на всём протяжении репродуктивного периода жизни, гонады в непрерывном режиме вырабатывают сперматозоиды и яйцеклетки, несущие в себе полную память о малейших изгибах судьбы особи на всём пути развития от зарождения в глубине миров до настоящего времени. Если они востребованы для зачатия, то слияние гамет знаменует собой начало роста плода, развитие которого проходит при творческом участии родителей и воплощающейся сущности. Этот тройственный союз заинтересованных ставит перед собой важнейшую задачу: изготовить телесную заготовку, пригодную для превращения её после доработки в тело новорождённого. Каким получится тело, зависит от помгновенной восхожденческой судьбы каждого из участников воплощенческого действия. Все три вековые биографии раскроют свои составные признаки, комбинируя которые приходящая персона станет ваять себе тело, в наибольшей мере подходящее для движения в начертанном направлении.

У каждой особи нет более важной задачи, чем оразумление. Но этот процесс, будучи плавным и непрерывным, вступает в конфликтную зависимость от малоподвижной дискретно применимой формы. Разрешается их противостояние путём происходящей в процедуре продолжения рода замены устаревшего тела на пригодное. Особенность этой процедуры состоит в необходимости объединения усилий трёх персон с весьма близко лежащими путями развития, что предоставит воплощенцу шанс достроить телесную заготовку до ему потребного вида и основать здоровую особь. Если же линии судьбы родителей далеко отходят от собственного направления роста воплощенца, зачатие становится маловероятным. Но, коль оно всё же произойдёт, на Землю придёт калека. На горе себе и соседям. На расхождение линий развития оказывают влияние огромное число факторов, подробно рассмотренных в работе *миры*³². Здесь отметим только особую значимость репродуктивных клеток. Их силы вполне достаточно для поддержания равновесия миров. Не будет их – не станет вселенной.

Но эта сила возникает не сама по себе. Она – порождение тела, управляемого сознанием. Однако, чтобы тело конкретно знало, что же следует породить, ему нужна подсказка, ориентир, указатель,

ибо семя будет таким, каким его взрастит тело. Этой привязкой замыкается круг воспроизводства: сознание особи, воздействуя на внутриорганизменную среду, создаёт условия для роста половых продуктов, которые, достигнув зрелости, вливаются в ту же среду с последующим расщеплением этих продуктов на молекулярные составляющие, используемые всеми членами составной общности для направленного роста каждого из них.

Так глава целого, не стыкуясь посредством сознаний со своим населением, управляет им с помощью семенного материала, выполняющего двоякую роль. Самоцелью его появления в мироздании является замена тела через процедуру рождения-смерти. Но такая цель может быть достигнута только при условии, что тело окажется способным взрастить то, что нужно для выполнения данной процедуры. Получается, что семя само возвращает себя в организме, как в собственном питомнике.

Одна его порция, достигнув некой начальной зрелости, в связи с невозможностью накопления, переходит в кровь и распадается на молекулярные скопления убывающей мерности. Такое пополнение среды предоставляет комплектуемый материал для развития плоскостных, линейных и точечных организмов-частей, составляющих тело. Части получают толчок роста в своём направлении, выбранном не произвольно, а в русле предоставляемых обновлённой средой обитания возможностей. Они могут в большей мере соответствовать требованиям, исходящим из идеологии составности, а особь при этом ощущает себя здоровой.

Здоровая персона следующую порцию семени взрастит ещё более зрелой. Она наполнит среду энергичными молекулярными комплектами, в результате чего взбодрятся части, а значит, и особь. И так следующий круг, за ним следующий, пока не установятся устойчивые обменные течения оздоравливающей силы. На один круг у мужчины уходит примерно 2,5 месяца. Эта цифра отвечает комфортным условиям жизни. В обстановке стрессов, болезней, отравлений, засилия паразитов, истощения, ожирения, ослабления барьерных функций, ... этот срок может многократно возрасти вплоть до угасания семявыделительного процесса.

Семя, возвращённое за 2,5 месяца, годится для оплодотворения яйцеклетки и зачатия новой жизни. Однако дети от такого семени получаются непрочными. Они вялы, их угнетает неуверенность в себе, часто переходящая в озлобленность и во всеобщий протест

без причин. Они болезненны и с трудом выполняют такую тяжёлую работу, как жить. Если семя не выбрасывалось из организма в течение пяти месяцев, то дети оказываются более стойкими к жизненным невзгодам. При 7,5-месячном семяудержании рождаются обычные нормальные потомки, у которых перемежаются успехи и неудачи, но нет стремления преломить ситуацию к устойчивой. При десятимесячном половом покое мужчины семя начинает обретать особое качество, закладывающее в детей основательность бытия. Дети мало болеют, отличаются не только хорошей работоспособностью, но и творческим отношением к делу, это опора семьи и коллектива, на них можно положиться, среди них нет предателей и насильников. При бóльшем половом воздержании мужчины, его наследники – это крепыши-мыслители, взирающие на мир спокойно, ибо имеют в себе силу для протистояния бедам. И наконец, десятикратная выдержка начального срока созревания семени, равного 2,5 месяцам, что в итоге составляет около двух лет, даёт потомков с особой телесной прочностью и творческим даром былинных мудрецов и стоиков.

Вопрос! Способно ли семя десятисуточного роста породить ребёнка такого же качества, как и семя десятикратной зрелости? Если бы в течение вечности такое произошло хотя бы раз, этим событием было бы положено начало скачкообразному развитию, при котором любой малый разум смог бы прыгнуть в чужое большое тело и, на основании соответствия формы и содержания, мгновенно поумнеть без затрат своего личного труда. Мир тогда превратился бы в самопоедающего монстра, в котором тенденция развития через освоение нового сменилась бы агрессивным комбинированием прошлых достижений. Получился бы замкнутый в себе объект. Его бытие недолговечно. Внутреннее неравновесие вынудит его распасться на части и слиться с невозмущённым пространством, т.е. исчезнуть из перечня персон. С целью экономии созидательной силы мира, установлен фундаментальный закон, запрещающий скачкообразное развитие любых существ, какой бы мерности они ни были. Потому ни при каких ухищрениях не удастся хилым репродуктивным материалом породить мудрецов и богатырей. Ущербность воспроизводит ещё большую ущербность, что является причиной угасания вида.

Особенность междумерного разума, к которому принадлежат люди, состоит в полном устранении себя от веками выверенных

воспроизводительных канонов менее умных существ – животных, растений, клеточных, вирусных ... и в стремительном падении в пропасть эксплуатации организма в несвойственном ему направлении. Прежде всего люди изменили среду своего обитания. Такая выходка запрещена, ибо грозит нарушением предписаного плана развития частей, в качестве которых в данном случае выступает человечество. Среда – это удел общего, т.е. Планеты. Только она, развиваясь своим путём, вправе формировать среду так, чтобы *вынудить* все элементы личной составности ориентировать персональные линии движения не как-либо произвольно, а только в потребном Планете русле роста. Каждая часть, в том числе и человек, черпая из среды сведения и комплектующие, воссоздают себя в пределах общепланетных интересов, сотворяя собственную форму, тело и организм уже оделёнными своей внутренней средой, где вмешательство Планете воспрещено. Орган имеет только ему присущую среду, в которую не допускаются Планета и человек; ткань, клетка ... только ими созданную среду, вмешиваться в которую не дано никому, кроме её владельца.

Так образуется цепь соподчинённых существ, каждое звено которой – персона. Она наполняет собой мировую индивидуальность, имеющую личностные черты, названные мирозданием или царством времени, или ремонтным потоком септона. Любой, выходящий за рамки принятого бытия, обречён на кружение в повторных воплощениях, пока трудно растущий опыт не станет достаточным для осознания им своего назначения.

Очень похоже на то состояние, в котором оказался человек. Интенсивно кроя лик Земли без учёта её интересов, он взвалил на себя не свойственные ему действия и поставил себя как часть выше общего-планеты. В ответ навстречу ему плотной чередой идут землетрясения, извержения, цунами ... Предупреждения!

Не только внешняя, но и внутренняя среда человека существенно изменилась, обрекая людей на изменение назначенного пути. Изменилась суть пищи. Её состав и способ поглощения определяется сознанием особи, исходя из условий совершенствования тела как инструмента познания. В междумерье в круговорот пищи впервые включаются собственные отходы, возвращающие организм в прошлое время. Поскольку такой демарш наказуем всвязи с запретом на попятность развития, всякий нарушивший ... По мере возрастания доли съеденных отходов, люди всё быстрее станут

увядать. Деградация ускорится всвязи с применением искусственной пищи, качество которой идёт вразрез с законами оразумления.

Кажется, во всех бедах человека виновны сопутствующие атрибуты: планета и её среда, тело и его среда, пища и её состав. Но разве планёта сожгла торф, уголь, нефть, газ и на их месте образовала пустоты, будоражащие твердь, разве планёта заволокла себя дымом фабричных труб, уничтожила леса, отравила воду ...? Это всё деяния её части – человека. Возник конфликт между ним и общим. Есть ли где-либо тот посредник, который вправе рассудить противостоящих? Такого нет нигде. Его наличие предполагало бы создание самостоятельной прослойки мира с превышающими полномочиями, используя которые она неминуемо устремилась бы к лидерству с последующим превращением в диктатора, что будет прямой угрозой персоне с названием *септон*.

Более того, не только нет необходимости в примирении с помощью сторонней силы, но её вмешательство недопустимо в связи с нарушением идеологии развития, в основу которого положена идея самостоятельного одоления конфликтов. Нет иных рычагов поумнения, кроме разрешения противоречий. И хотя вариантов разрешения весьма много, сравнение их и выбор потребного – тот же поиск выхода из конфликта.

Вместо постороннего примирителя задействованы законы развития, обязательные в мире для малых и больших, для только начавших оразумляться и для маститых, а значит, для всех. И нет исключений из этого правила. В напряг вошли часть и общее.

Вправе ли планета изменить себя так, чтобы без усилий со стороны людей напряжение устранилось? Предположим, что она на это решилась. Тогда сразу же возникают несколько запретов. Первый – это нарушение требования обязательного отображения в среде собственного направления развития. Изменить среду – значит перестать быть собой, поскольку другой среде должна соответствовать иная персональная судьба, что невозможно, т.к. судьба предопределяется только в момент зарождения в нулевом мире.

Если бы даже планета пошла на убийственный демарш, то изменённая среда вынудила бы земные персоналии тоже поменять начертанный им восхожденческий путь и устремиться тем самым в небытие. И наконец, самое основное: приспособливание общего под каприз частей исключает конфликт, спровоцированный частями, лишая их повода самостоятельно учиться самостоятельности³² на

собственном учебном материале – среде. Части, оставаясь в прежнем мировоззрении, приведут любое новое окружение к непотребному виду так же, как они распорядились с прежней средой, сея угрозу себе и общему, а через них и всему миру.

При возникновении протистояния между частями и общим наступает ситуация диалога сознаний различного уровня зрелости. Общее всегда имеет большую мерность, чем мерность частей. Потому нет такого средства общения, которое было бы одинаково понимаемо обеими сторонами. Части, в силу меньшей развитости, из сообщения, посылаемого общим, поймут только его проекцию на свою координатную плоскость. И поскольку в свою очередь всякая часть является общим для наполняющих её существ, то цепочка взаимного непонимания элементов разной развитости уйдёт в глубь составного организма. Связь между ними на уровне сознаний весьма ограничена и попросту невозможна для далеко отстоящих звеньев. В таком случае становится неосуществимым само образование сложных объектов. Царство времени состояло бы в лучшем случае из скопища разрозненных особей, которые поодиночке проходят весь путь оразумления. Они были бы лишены способности увеличивать свою мощь за счёт объединения достижений большого числа разносторонне развитых персон. Такой пёстрой, но малосильной массе не удастся одолеть сорросовский конфликт, а это означает разрушение нашего бытия.

Мир соткан из тупиков, нестыковок, соперничества, взаимного непонимания, противоречий ..., порождающих конфликты. И даже сам конфликт выступает в виде всевластного противоречия. Если его нет, создаётся иллюзия больших достижений и желанного покоя, но такой обман уводит в застой, деградацию и небытие. При его наличии наступает рост, совершенствование, но развитие требует усилий, вызывающих дискомфорт. И нет середины. Движение и поиск своего пути всегда сопряжены с одолением трудностей, основу которых составляет необходимость *творить*. Всё, что есть, только потому и есть, что обладает способностью выходить из конфликтной ситуации более разумным, чем прежде. Это касается того и этого миров, звёзд, планет, людей и каждой малой мошки.

Даже сорросу не удалось увернуться от им же созданной закономерности. Сотворив стихию времени и задачу покоординатного оразумления, он тем самым поставил оразумляющихся чад в положение взаимного непонимания. Но, внеся идею упрочения и

борясь с конфликтом за счёт слияния особей разной разумности в одну составную персону, он вынудил компанию, неосознающую себя, находиться в тесном контакте в ограниченном пространстве, принадлежащем организму. Каждая сущность превращена таким образом во вселенский вавилон. Соррос, творя во спасение себя, вызвал к бытию то, что неспособно существовать.

Неустойчивую конструкцию мира пришлось дополнить ради выравнивания ситуации особым атрибутом, дающим возможность действующим лицам с разным восприятием обстановки находить путь личного движения в русле развития интересов любой особи. Важнейшим фрагментом этого атрибута стал репродуктивный материал, представленный в земном ареале сперматозоидом и яйцеклеткой. Именно они воздействуют на внутреннюю материальную среду тела особи, помоллекулярно отображая содержательную суть нематериального составного сознания. Они же предоставляют всем участникам организменного действия ориентировку и комплекующие материалы для движения каждым элементом в ему начертанном направлении, выбранном в согласии с движением возглавляющей организменный коллектив общности. В медицине такое влияние называется гормональным взаимодействием. Сперматозоид и яйцеклетка – это *гормоны первого порядка*, которые задают направление роста-синтеза остальным стимулирующим, организующим и питающим продуктам.

Выстраивается строгая закономерность обеспечения устойчивости организма при наличии заведомо неустойчивых элементов, его образующих. Нематериальное сознание формирует материальный мозг, превращая его в собственного дублёра, отображающего в плотном мире содержательную суть удостоенной восхождения персоны. Будучи вещественным, мозг, создаёт себе вещественного дублёра в виде репродуктивного материала, который двояко используется: во-первых, для воспроизводства и, во-вторых, для создания внутренней среды организма. Но организм не является восходящей персоной. Это всего лишь обменный инструмент познания среды, где сама особь пребывает в качестве части. Значит, организм важен не сам по себе, а только в той мере, в которой он соответствует познавательным потребностям. Такие притязания в плотном мире, кроме мозга, а через него и половых клеток, *не ведомы никому*. Потому именно клетки обязаны строить организм. Если им не мешать или лучше помогать в их тяжкой работе, то

получится двойная выгода: особь обретёт тело, годное для задач текущего воплощения в наибольшей мере. Это воспринимается, как здоровое тело с сильным репродуктивным материалом, поддерживающим само это тело в том здоровом состоянии, которое возвращает те же самые половые клетки.

Сознание, мозг, половые продукты и среда организма составляют замкнутую последовательность взаимозависящих объектов. Эту цепочку можно записать короче: сознание и форма. Поскольку сознание неуничтожимо, то перечисленные выше преобразования относятся к форме и подгонке её вида к конфигурации, которая предоставит сознанию возможность познавать мир с наименьшим накалом мучений. Если из тандема сознание-форма убрать форму, это воспримется как смерть персоны. При частичном нарушении формы всвязи с изменениями мозга, половых клеток или среды наступает болезнь. Тело перестаёт соответствовать потребностям растущего сознания. При этом в качестве предупредительной острстки на особь накатывает лавина несущих беды событий. Беды и терзания тормозят *отклонение* от начертанного пути роста. Если не последует выравнивание, особь теряет своё восхожденческое значение и через коллизию смерти уводится в нематериальный мир на очередной виток доработки.

Кто же зачинщик такого извилистого и неоднозначного маршрута? Ответ будет всегда один и тот же: творцом своей судьбы является сознание существа. Только ему дано в трудах искать свой путь, только ему назначено создавать для следования своей линии средство движения, имеющее нужные форму, тело и организм, только ему решать, как применить сотворённый инструмент для познания мира, в котором оно оказалось в текущем воплощении.

И если мозг оказался с изъяном, то это значит, что дефект ранее уже присутствовал в сознании. Если половые клетки неспособны породить крепкий эмбрион, то немощь исходит из пороков сознания. Если телесная среда не отвечает условиям роста органов и тканей, то эти отклонения исходят из сознания. Индивидуальный путь развития запрещает кому бы то ни было вмешиваться в поступь сущности, или иначе – в её сознание. Даже воспитание, обучение и иное стороннее воздействие воспримутся личностью только в меру соответствия их сути собственной линии роста.

Если разрешить хотя бы однажды изменить судьбу казалось бы малозначащему существу, этим был бы заложен прецедент по

искривлению мира под любую прихоть гонористой особи. И поскольку сущности, полностью осознающие себя и своё окружение, в царстве времени отсутствуют, то в силу ограниченности знаний они не способны установить законы равновесного бытия. Их конструкции неизбежно устремятся к разрушению. Хаос в мире, если и допустим, то как промежуточное состояние на пути поиска своего предназначения. Такое утверждение не является пресловутым детерминизмом, т.к. установочные законы развития сами подлежат изменению по мере перехода к очередным этапам совершенства. Ха́ос – это стихия, порождающая упорядоченность, а упорядоченность хаотична в определении своего пути.

Поиск связан с необходимостью выбора. Но выбор неотделим от ошибочного шага. Ошибочность же порождена несовершенством самого искателя, поскольку он всегда находится в промежуточной точке развития, находящейся между прошлым и будущим. Из семикоординатного пути движения ему доступна лишь малая область, очерченная его сиюминутным восприятием. В ней содержатся сведения о пройденном, но они дают слабое напутствие для проникновения через границу познанного. За неимением другой опоры, всякая сущность штурмует новизну, вооружась навыками прошлого. В зависимости от того, насколько эти навыки осознаны, очередное действие удалит или приблизит идущего к цели своего пути. Мера соответствия пролегает через страдания. При движении в назначенную сторону беды не превышают обусловленного добровольным оразумлением уровня. В случае отклонения, муки нарастают лавинно, вплоть до изымания сущности из воплощения через дисциплинирующую смерть. В любом варианте упорно ищется линия развития. Она не содержит однозначных рекомендаций, при опоре на которые можно было бы безошибочно строить свою собственную линию восхождения.

Более того, такие рекомендации недопустимы, ибо для подготовки их потребовался бы третейный разум с решающими полномочиями. Это грозит изъятием атрибутики персональной судьбы и подменой нашего мира на стихию, угодную третейцам.

Чем слабее развитие, тем труднее найти свою линию движения и тем большее рыскание. По мере роста и накопления опыта отношений со средой, рыскание всё больше уступает место прицельному движению. В плоско-объёмном междумерье на этапе становления разума людей, рыскание ещё имеет значительный вес.

Это значит, что люди для надёжного выдвижения в будущее мало используют прошлый опыт, у них пока отсутствует представление о своём месте на шкале развития, о значении стихии времени и роли сознания в бытии миров. А раз так, то ошибочные шаги при поиске своего пути неустранимы. Они порождают явление, названное *мутацией*. Оно возникает всякий раз, когда сознание, организуя осуществление длинного перечня обязательных событий для воплощения в материю³², оказывается неспособным выполнить требования формулы перехода *каков сам – такое тебе*. В результате сознание, готовящееся предстать в образе земной персоны, получает тело, не соответствующее его назначению и его линии развития. В будущего гражданина ещё на этапе эмбрионального кипения закладываются уничтожительные противоречия.

В зависимости от того, насколько глубоко отличаются притязания сознания и возможности тела, судьба пришедшего в твердь будет изобиловать яркими отклонениями. Отсутствие различия между потребным и взращённым телом – это оптимальный случай, или иначе: нематериальная персона, готовясь к визиту в материю, настолько тщательно подготовила полагающиеся мероприятия, что удалось в точности получить такое тело, которое полностью устраивает познавательные потребности приходящего сознания. Статус таких личностей – мыслители, мудрецы, провидцы, способные прорицать далекие события лишь мысленным взором с малой опорой на телесное их отображение. По мере развития цивилизации такие светочи рождаются всё реже всвязи с истощением половых клеток в потешной чувственной вакханалии.

Если приходящее сознание не имеет достаточной силы для безошибочного выполнения процедуры воплощения, возникнут заметные отклонения тела от потребного уровня. В результате получится так называемый нормальный человек. Этот титул дали ему те, кто в популяции находится в большинстве, и на правах подавителей иных мнений учреждают собственные данные, как естественные, приемлемые, обычные, словом, эталонные. Именно такой типаж составляет основную массу людей, творящих лик земного разума. Они ни хороши, ни плохи. Они средние. Жизнь их перемежается мнимо здоровым интервалом и периодом болезни, они вспыльчивы, агрессивны, подвержены унынию и опасному энтузиазму, они отображают события материальными средствами, мало вписывают себя в окружающую среду и представляют для

других населённости планеты реальную угрозу. Это основной восхожденческий материал, который в поисках своего назначения по крохам собирает опыт бытия, чтобы заработать право выйти когда-либо из тяжких кружений междумерья.

При значительных несоответствиях сознания и воссозданного тела на Землю приходит инвалид детства. Его тело не может выполнить нагрузку, возложенную на данное ему воплощение, потому сущность тормозится в развитии и изымается из земного ареала в момент остановки роста. Жизнь у этих персон тяжела и коротка. Люди рассматривают феномен инвалидности по рождению, как трагичное нагромождение случайностей, как внезапное появление травмирующих причин, как действие неуправляемых сил ..., всё, что угодно, только бы избежать обвинения самих себя. Но ни галактикам, ни звёздам, ни планетам, ни так называемым живым существам и вообще никому из имеющих бытие, никогда не удастся даже попытаться увильнуть, проигнорировать или каким-то иным манером уйти из-под власти справедливого закона воплощения: *каков сам – такое тебе!* Каждый из живущих свою жизнь проживает такой, какую сам себе заработал на текущий момент и, что особо важно, – во всех предыдущих жизнях, длинной цепью коллизий уходящих вглубь начальных миров³².

Всвязи с запретом на попятное развитие нельзя заглянуть в глубины прошлого и тем более что-то там подправить, изменить, переиначить, и тем самым избежать встречи со своими былыми проделками уже в настоящем или будущем времени. Свершённое однажды, остаётся свершённым навсегда, навечно и влияет на судьбу в грядущих воплощениях. Осознание этой закономерности даёт возможность каждому идущему кроить текущий отрезок пути по своему усмотрению и тем самым закладывать основы последующих персональных судеб. Мир держится на творчестве, созидании, на движении от менее к более совершенному, и те, кто этому способствует, *не окажутся* в числе инвалидов по рождению. С другой стороны, как можно сдержат разгул солдат всех мастей, превращающих мир в средоточие злобы и смрада, как образумить отравителей и разрушителей, насильников и разбойников, невежд, грабителей, и прервать эту стихию уничтожения ...? Запрет на скачки в развитии обрекает особь, выпавшую из круга добра, и впредь оставаться выпавшей и не только стать изгоем, но даже усугублять своё изгойное состояние. Такой прецедент на протяжении

интервала длинной в вечность способен искривить лик мира и превратить его во вселенское чудище, грозящее порядку. В перечне установочных законов септона нет нормы, страхующей мир от взбесившейся воинственности. Видимо потому, что за пределами кубического междумерья, такой всплеск невозможен всвязи с наличием разума нового качества, уже осознающего себя, свою роль и назначение. В нижних мирах: точечном, линейном, плоскостном и междумерном, любые выходки незрелого ума ещё не составляют угрозу целостности мира, но вместе с тем дают повод нагружать слабых умом особыми страданиями, вынуждать закусивших удила самостоятельно учиться самостоятельности. До тех пор, пока по крохам собираемый опыт составит потребный багаж для прозрения. И до тех пор дерзкие особи из воплощения в воплощение будут нести на себе тяготы инвалидности по рождению: *каков сам – такое тебе*.

Никто не может уклониться от предначертанной судьбы и от необходимости эту начертанность искать лично, и не только лично, но и в направлении обеспечения равновесия целого-общего. Если персона, приходящая в наш мир, оказалась не в ладу сама с собой и не нашла себя в своём назначении, то действия её при воплощении составят ошибочный ряд тыканий наугад. В итоге получится тело, непригодное для жизненного бремени. На каком-то из этапов роста, от зиготы до ребёнкового уровня, оно умирает. Люди винят родителей, особенности беременности, тяготы родов, воспитания и другие земные, т.е. очевидные, причины, но пока им не дано обвинить самого умершего. Безусловно, местные условия воплощения в значительной мере влияют на процедуру перехода отсюда сюда, но они, эти материальные атрибуты перехода, характеризуют принимающую сторону, и она, имея некачественные репродуктивные данные, только на то и способна, чтобы принять немогущее, ущербное, разбалансированное существо. Сторона же прибывающая, будучи неполноценной в эфирном мире, избегая скачка в развитии, вынуждена выбрать лишь то, что соответствует ей самой. Убогость совмещается с убогостью. В силу неукоснительно соблюдаемого закона индивидуального оразумления, земная, т.е. родительская линия воспроизводства обязана совершенствоваться самостоятельно и точно так же, как воплощающаяся личность должна сама формировать свой образ. Повторим: всвязи с неуничтожимостью сознания, всякое существо творит свою суть

помгновенно, непрерывно в любом из миров – материальном или нематериальном. Не удастся здешнему слабаку предстать у них гигантом, и тамошнему уклонисту обрести здесь незаработанное величие. Новый мир во всех бесчисленных его воплощениях предоставляет переселенцу только то, что им заработано в покидаемом мире: *каков сам – такое тебе*.

Итак, мутации образуются в случае неспособности сознания, или, что то же самое, воплощающейся особи, организовать свой переход так, чтобы плотное тело полностью соответствовало его личному содержанию. Наиболее активные персоны, подошедшие весьма близко к осознанию себя, способны свести различие между потребным и воссозданным телом к значению, сопровождающемуся страданиями, не превышающими уровень минимально необходимых при *неосложнённом* оразумлении. Прочие воплощенцы несут бремя мутантной нагрузки согласно своему *непониманию* бытия. Всё, что есть, хотя и с разным успехом, всё же стремится снизить затраты усилий на единицу поумнения, поэтому общая тенденция развития сводится к уменьшению или даже к устранению отличия тела от его оптимального вида. Поэтому мутации – это примета неблагополучия. Они не могут быть двигателем прогресса в пределах нашего мира, поскольку наполняют стихию времени бедами, не обусловленными р́остом, ибо, пройдя круги мутационных превращений, особь всё равно придёт к тому состоянию, с которого начались отклонения от своей линии развития. Такое утверждение вытекает из сути фундаментального атрибута мироздания, каким является индивидуальное направление восхождения, предусматривающее набор требуемого опыта, своего опыта, т.е. конкретного опыта, приобретённого в особом и неповторимом виде данной сущностью и нигде более не повторяющегося. Мутационные блуждания приводят к познанию среды, но полученные сведения оказываются в стороне от персональной линии оразумления и, несмотря на новизну, они в малой мере пополняют личный опыт, как проекция стороннего на своё. И даже сами сведения носят сомнительный характер, т.к. получены неравновесным существом, а потому неспособным к полному отображению многогранных связей объекта. Не случайно же в природе, не искривлённой людьми, мутанты нещадно уничтожаются, ибо скачок формы, понукающий к скачку сознание особи – это поползновение на расшатывание мира путём внесения в него

инвертирования причинно-следственных, т.е. ложных отношений.

Итак, сперматозоид и яйцеклетка это *гормоны первого порядка*, т.е. те, которые задают направление роста остальным стимулирующим, организующим и питающим продуктам-веществам. Созрев и не будучи востребованными для зачатия, они разносятся по организму в виде агентов, формирующих внутреннюю среду таким образом, чтобы установить соответствие среды и развитости сознания данной особи. В силу безостановочности и непрерывности роста, сознание в каждый текущий момент оказывается более развитым, чем в предыдущий. Это умощнившееся сознание отображает свои достижения в репродуктивном материале, чтобы в любое мгновение можно было передать потомкам весь обретенный опыт бытия и тем самым заполучить себе в наследники более совершенных представителей среди сонма воплощенцев.

Если передача не состоялась, то при непрерывном процессе созревания половых продуктов для их хранения и поддержания в пригодном состоянии потребовался бы дополнительный орган с весьма сложным обустройством деятельности. Однако такого органа в теле нет. И этим решаются две весьма противоречивые воспроизводительные задачи. Прежде всего экономится творческая сила организма за счёт исключения затрат по содержанию пассивного и потому уязвимого накопителя семени: оно при зачатии соответствует самому себе, ибо нет дополнительных влияний извне. Кроме того, полностью характеризующее личность семя, минуя неопределённый этап хранения, в момент созревания с током крови сразу распространяется по организму, предопределяя его среду, как соответствующую текущему состоянию сознания особи. В таком равновесном виде сущность приобретает способность к малоконфликтному познанию своего окружения. Это есть такой уровень развития, при котором знания даются наиболее льготным путём: при минимальных страданиях на единицу опыта.

В этом случае внутренняя среда, определяющая возможности тела как инструмента познания, предоставляет сознанию свободу в развёртывании своего воплощенческого назначения. Его развитие ускоряется. Сущность расценивается как здоровая. Наступает эффект положительной обратной связи: каждая очередная порция семени, оздоравливая среду-организм, умощняет сознание, причём это умощнение отображается в новой порции семени, ещё больше оздоравливающей тело, ... и так круг за кругом сущность возносится

на вершину достижений персон своего вида. В итоге имеется: сознание → мозг → половые клетки → кровь → среда → сознание. Или: сознание → организм → сознание. Обе записи характеризуют особь. И что из того? Какой прок от этой закономерности? Всё, неспособное ответить на этот вопрос, уходит в область страданий через бедствия, деградацию и ущербность и, кружась веками, по крохам собирает опыт, дающий навыки восприятия этой связи. Содержание ответа на поставленный вопрос определяется уровнем самоосознания сущности, т.е. уровнем её развитости.

В малых мирах особь не знает о том, что она есть особь. Любые события отображаются ею, как цельным объектом. Потому у неё не может зародиться даже подозрение о наличии частей и, тем более, о их приоритетности. Ей не по уму разграничить себя на тело и на сознание. Осознание-понимание себя отсутствует. Побудительным мотивом к действию является опыт, обрётённый в прежних жизнях и закреплённый в виде рефлексов. Если особь не послушается голоса прошлого, то она гибнет, т.е. наказывается за ошибки смертью. Так устанавливается процедура естественного отбора по типу экзамена на умение применять рефлексy для выживания в конкурирующей среде. Проверка весьма строгая и осложнённая противоречием: необходимо прошлые-устаревшие наработки применить для выдвижения в будущее. Но оно в обязательном порядке соотносится с новизной, которую неоткуда взять. Возникает тупик в развитии: старое не годится, нового нет, а расти надо, иначе – муки смерти и очередного воплощения.

Конечно, существо так рассуждать не умеет. Оно в каждом из миров, претерпевая несчётное число раз ужас потери тела, укоренило в себе особую эмоцию с названием *страх*. Самый сильный оттенок этого чувства – это боязнь смерти. Однако страх – тоже результат прежних достижений. Он, хотя и оповещает о вхождении в опасную ситуацию, но не содержит надёжных подсказок о замене поведения. Такая неопределённость порождает просчёты, исправление их даёт прибавку опыта, но сопутствующая смерть и связанные с ней непродуктивные этапы становления приводят к весьма медленному накоплению каждой порции навыков.

На единицу поумнения расходуются огромные времена́, потому развитие в нулевом, линейном и плоскостном мирах невероятно медленное, а относительная временна́я протяжённость этих миров на несколько порядков превышает временной мир людей.

Особенность существ начальных миров в том, что их сознание вполне может обеспечить устойчивое бытие собственного организма. Однако освоение высоты вынуждает персону кубического междумерья обзаводиться дополнительными элементами тела для отображения сразу четырёх пространственных координат. Вместо прежних только нулевой или нулевой и первой, или нулевой, первой и второй, теперь требуется иметь органы для нулевой, первой, второй и третьей координат³². Число частей тела резко возрастает, их конфликтность повышается, а это приводит к значительному снижению равновесия организма. Сознание для обеспечения его целостности обязано взрастить в себе новое качество: осознать себя и с позиций такой осознанности найти средства приведения в согласие разновозрастное население организма³². Существа с таким качеством в земном ареале имеют форму людей.

По мере покорения высоты организм, составленный из материальных элементов, всё меньше и меньше сможет удовлетворять познавательным потребностям растущего сознания. При подходе к объёмно-кваромному междумерью он ни при какой доработке не в состоянии будет отображать возросший поток событий, и в четырёхмерный мир существа войдут без материального облачения. Это будет очередная перестройка сознания в стремлении достижения единства содержания и формы.

А пока люди находятся в пограничной области. Пребывание в прошлом у них видится цельностью, вовсе лишённой самоосознания. В будущем наступит значительное осознание себя, но уже не окажется тогда такого вроде бы естественного плотного тела. Переходный этап развития сопряжён с ломкой мировоззрения, с заменой авторитетов и концепций, взглядов, привычек, словом – бытия. Это период замены носителя разума в форме человека. Ему предстоит, стартуя с уровня животных, финишировать в стране мудрецов. Предстоящий путь исполнен трудностей, исходящих из несоответствия конфликтного тела и потребностей стремительно растущего сознания. Переходная область – это дистанция болезней, ставящих судьбу цивилизации на грань гибели. Болезнь страшна не только телесной немощью. Её наличие является признаком неосознавшего себя существа, что ведёт к непредсказуемости его действий, т.е. к угрозе земному варианту жизни. Шаги роста сущности: сознание → *мозг* → *половые клетки* → *кровь* → *среда* → сознание, содержат положение особо важной мировоззренческой

глубины, а именно: развитие включает в себя обязательное взаимодействие как материальных, так и нематериальных компонент. Каждая воплощённая в твердь персона стихии времени, частично находится в плотном пространстве и так же частично располагается в эфирной области. Эти части не равнозначны. Одна из них неуничтожима, непрерывно возрастает, олицетворяет содержание сущности, на всём пути восхождения всегда остаётся нематериальной. Другая же часть обменная, ограниченного применения, и представляет форму, в которую облачается содержание. В зависимости от условий воплощения она образуется из видимых или невидимых составляющих материи³². Из этой палитры отображения сущности на септоновском небосводе, пока воспринимается людьми только сопутствующая сторона – тело. Ему незаслуженно придаётся статус величия, и по этому фактору можно оценить мировоззрение человечества, как весьма приблизительное, слабо отображающее мир, очень упрощённое.

Отрыв содержания от формы и упорная трактовка явлений мира, как вытекающих из формы, относит людскую популяцию к разряду неперспективных, т.е. таких, которые в рамках данной структуры не смогут преодолеть самый рискованный участок пути, наступающий при переходе к самостоятельному осознанию себя. Долго оставаться в таком состоянии невозможно в связи с запретом на остановку развития. Но и уничтожение того, что творческие силы мира готовили эпохами, не соответствует принципу минимизации затрат на очередной шаг развития. Наступает полоса принятия решения. Для получения надёжного вывода о потенциции цивилизации, её подвергают тестовым испытаниям, направленным, как тому и положено, на изменение внешней и внутренней сред обитания. Внешняя – это всё умуощняющиеся катаклизмы, внутренняя – это всё изошрённейшие болезни.

По состоянию на начало 21 века люди экзамен провалили, т.к. увлечённость формой достигла мракобесных размеров: колайдеры, ускорители, дымно-затратно-отходное производство, обилие оружия и солдат на планете, замусоренность, лечение ...

Несмотря на такие различия, обе части существовать порознь не могут. Они объединены в совместную причинно-следственную пару замкнутого типа, где причина определяет следствие, а следствие оказывает влияние на причину, вынуждая её учитывать в последующих действиях не только свой интерес, но и состояние

следствия. Любые изменения в любом звене такой цепи оказывают влияние на всю цепь, вынуждая её принимать меры к устранению нарушений. Сами же нарушения – это отголоски конфликтов, неустранимо сопровождающих оразумление.

Однако в такой взаимозависимости сознания и формы, или причины и следствия, содержится особый момент подчинённости, превращающий обоюдную связь в диктатуру того, кто эту связь построил – во всевластие сознания. Ведь, если бы его не было, то форма в таком виде, в котором она проявляется в линии развития, даже не подразумевалась бы. Но коль она есть, то только потому, что именно такая компоновка материи и потребна сознанию. Значит, диалектическая формула: *ты мне, я тебе*, в данном случае должна быть заменена более жёсткой, подчёркивающей односторонность указующих действий и устанавливающей контроль за результатом этих действий: *ты дай то, что нужно мне*. В таком случае замкнутость цепи развития обуславливается необходимостью доставки наработанного материала повелительно-сознанию. При всеобщей значимости заносчивой формы, она всё-таки имеет подчинённый уровень, ставящий её в положение обслуживающей структуры или иначе – инструмента познания.

Но если инструмент не снабжён творческой инициативой и самостоятельно познавать мир не способен, то можно ли обвинить его в нарушении канонов? Что бы с ним ни случилось, зачинщиком происшедшего является его творец – сознание. Даже в таком трагичном эпизоде, как болезнь. Больной инструмент – это неисправный инструмент, и он не приспособлен для ремонта самого себя. Невозможно также, чтобы стороннее вмешательство данный инструмент восстановило. Это положение несколько смягчается при врачевании, когда лекарства, являющиеся инструментом воздействия, частично отображаются в сознании врача, но всвязи с материалистическим подходом к атрибуту формы, влияние на чужой организм представляется катастрофически упрощённым.

Если состояние особи определяется сознанием, так в чём же дело? Пусть оно изготовит себе мозг такой, который нужен ему, взрастит половые клетки, создаст живую кровь и среду. Сознание тогда получит тело, достойное себя. Облачившись в него, оно образует особь, наделённую восхожденческим смыслом. А этот смысл, он в чём заключается? В развитии и осознании себя.

Есть ли такая точка, где развитие достигнет совершенства и

остановится? Если бы такое было возможно, то в этой точке исчез бы главный признак персоны – развитие. А без него она обязана прекратить существование, т.е. распылиться в прах, слиться с невозмущённым пространством, превратив совершенство в зрящую ненужность. Похожая концовка настигает сознание в сорроросе, однако, там сознание возрастает не до совершенства, а до уровня, потребного лишь для одоления конфликта. Впоследствии он используется, как *инструмент* для наполнения содержанием мира нулевой мерности. Так что предела росту сознания нет. Оно всегда на марше развития. Одно и то же сознание выглядит более развитым по отношению к существам подлежащих миров и менее развитым относительно персон старших миров. Абсолютного эталона развитости нет. В любом случае сопоставления сознаний мерой сравнения служит сам сравнивающий, и выстраивает шкалу умников он по своему разумению, располагая их до и после себя.

Значит, и сознание, строящее свою линию развития, не является ни глупым, ни умным. Оно является этапным и со своего места на шкале саморазвития создаёт себя по своему разумению. Такой вывод обязывает снять с тела обвинения в болезненности: что создáли, то и получили. Тело имеет конкретный вид не потому, что оно таким породило само себя. Такое творчество для тела – процедура невозможная. Если же оно и изменяется без участия сознания, это признак разложения, это есть примета покинутости тела, от него уходит или ушло сознание. Получается, что тело – это индикатор развитости сознания. Не вообще какого-то отвлечённого, стороннего, обобщённого сознания, а конкретно данной особи, персоны, личности. Болезнь Петрова определяется вовсе не телом Петрова, а сознанием Петрова. И сколько бы лёкарского усердия ни излить, тело возродится только тогда, когда в сознании произойдут изменения, способствующие выздоровлению. И лишь тогда организм воспримет фармацевтическую нагрузку, лишь тогда внутренняя среда начнёт движение к соответствию с личным предназначением особи и лишь тогда вся телесная населённость составной персоны получит возможность расти каждая в своём потребном направлении. Начнётся восстановление того единства частей и общего, которое воспринимается, как выздоровление.

Если ни один из материальных участников контура развития, т.е. ни *мозг*, ни *половые клетки*, ни *кровь*, ни *среда*, не подвергаются насильственному изменению, например, путём отравления

или травм, то их организменная функция определяется исключительно сознанием. Ни единому элементу тела самостоятельное познание не разрешено, поскольку тогда он превратился бы в восхожденческую сущность с независимым бытиём. Совместно с имеющимся сознанием она образовала бы дополнительное-параллельное сознание, отличающееся своим назначением. Оба потерявшие форму сознания, были бы причислены к разряду изгоев, которым нет места в структуре септона и с которыми ведётся нещадная борьба. Их нагружают муками порождения нового тела. Но для сотворения формы всё равно понадобилась бы какая-то иная подходящая стихия, и тогда уже ей пришлось бы запрещать порывы к самостоятельному познанию.

Требование снижения затрат на единицу полезности вынуждает остановиться в обустройстве сознания на первой градации равновесной противоположности: каждая персона обязана иметь только одно сознание и только одну форму. Между ними навсегда устанавливаются отношения единства, при котором сознанию отводится роль причины и движителя развития, а форме – роль следствия и инструмента развития. Передать сознанию часть свойств формы, значит, обречь его на смертность, и тогда оно каждый раз обязано было бы восстанавливать себя с нуля, что невозможно в связи с запретом на попятное развитие. Точно так же нельзя передать форме даже частично способности сознания, поскольку приданная доля была бы вынуждена умирать всякий раз, когда приходит срок умирания плоти.

Итак, мир имеет только одну творческую-инициативную задающую стихию – сознание. Именно оно создаёт всё существующее. Чтобы уйти от трагичности единственного-уединённого объекта, оно представлено в виде двух отдельно-совместных или совместно-раздельных составляющих: наделённого сознанием пространства и распределённого в пространстве сознания. Для установления слаженности бытия путём разрешения конфликтов, между обеими сторонами размещён посредник-примиритель в виде семи-координатной стихии времени, к которой принадлежат люди. Это вспомогательная ветвь мира, призванная возвращать силу для борьбы с верховным конфликтом. Главный признак бойца – наличие сознания такого уровня-размера, которое в состоянии победить враждебное сознание, сосредоточенное в конфликте. Если, вместо победы, окажется поражение, то восставшая структура-конфликт

завладеет миром, перестроит его на свой лад, что вызовет нарушение общего равновесия и вселенское разрушение.

Именно с целью недопущения гибели мира, в нём приняты меры крайней жёсткости по обеспечению незыблемости условий восхождения многих сознаний от зарождения до места своего назначения – шестимерного поля сражения с бунтующей частью.

Сознание по отношению к самому себе проходит разные этапы собственного восприятия. До кубического междумерья оно не выделяет себя как самостоятельную составляющую мира и развивается исключительно под натиском принуждения, исходящего из необходимости следования обязательным законам, положениям и ограничениям, установленным в септоне. Это период полного *неосознания себя*. Он характерен поиском своего пути наощупь и определением правильности хода по накалу страданий. Это этап ошибок, частых воплощений и медлительности развития.

В самом междумерье появляются существа в форме людей, уже способные заметить наличие разума, как самостоятельного явления, но ещё неспособные отделить разум от материи и воспринимающие его, как эманацию, истечение, как производную от материи. Безусловно, это, примета большей, чем на предыдущем этапе, развитости, но ошибочное возвеличивание следствия и придание ему статуса причины искажает, искривляет, инвертирует познание и переводит добытые сведения в разряд ложных, опасных, фальшивых, вредных. Это относится к современной науке: она содержит очень мало положений, которые не приносят вреда людям, планете и миру. И поскольку наука определяет поступь человечества, то при сомнительном поводе движения популяции оказывается ещё более сомнительным. Отклонение от равновесного пути есть предтеча гибели цивилизаций. Циклическая смена живой прослойки на планете – неотъемлемая примета междумерного этапа развития. В каждом витке по чуть-чуть, по крохам и каплям, медленно и тяжело существа самостоятельно учатся самостоятельности, и так до тех пор, пока наберётся объём знаний, потребный для *осознания себя* и своего места на шкале восхождения. Признаком осознания является восприятие разума, как единственной причины всякого движения, и связи сознания с формой. Текущая населённость планеты весьма далека от такого восприятия, и судя по уничтожительной оголтелости, ей придётся долго вертеться в кругах поумнения. Развитие в междумерье идёт

быстрее, чем в начальных мирах, но оно всё ещё очень тягучее, ибо перегружено ложными ходами при поиске своего пути.

Для тех, кто уяснил назначение сознания и формы, развитие происходит более интенсивно, почти взрывообразно. В старших мирах течение времени ускоряется, расстояния сокращаются, стихия пространства времени стягивается в область расположения конфликтной структуры для устранения угрозы разрушения мира.

По мере осознания себя, меняется форма носителя этой осознанности. Начинается процесс от существ людского типа, облик которых постепенно будет принимать иные черты со всё меньшим включением материи вплоть до её полного исчезновения. В таком виде носитель осознанности перестанет быть отдельностью и на правах части войдёт в состав тела более развитой сущности, которая к тому времени окажется достойной быть особью.

Итак, если ни *мозг*, ни *половые клетки*, ни *кровь*, ни *среда* не подвергаются травматическому изменению, то их организменная функция определяется исключительно сознанием. Оно диктует инструменту условия его существования. Без участия сознания тело не совершит ни единого жизненно значимого движения. Сама по себе не поднимется рука, не шагнёт нога, не усвоится пища, не поддержится гомеостаз... Даже при так называемой *потере сознания* продолжается контроль сознания над своим инструментом.

Хуже обстоит дело, когда ослабляется или прекращается интерес сознания к своему телу. Это примета остановки развития. Она всегда сопровождается ускорением движения к смерти, для того и предназначенной, чтобы такой насильственной мерой вынудить ленивое сознание всё-таки приступить к выполнению весьма тяжкой работы по оразумлению.

Но с какой стати сознание вдруг теряет внимание к телу, становится ленивым и теряет инициативу? Ответ наполняет печалью душу: нежелание расти, выражаемое в самых изощрённых уловках и приёмах увиливания от тягот роста, пассивность поведения и стремление укрыться в септоновских кущах, есть, врождённое, исконное и неотъемлемое свойство сознания. И не удивительно! Ведь оно зарождается из праха восхожденцев, которые, победив конфликт, распались на исходный материал и слились с первоосновой. Зарожденец не имеет навыков, опыта, знаний. Всё это ему необходимо обрести самому. Процедура обретения и есть путь оразумления, исполненный муками, бедами и страданиями. Именно

тяготы являются мерилем правильности шествия. При малых отклонениях от начертанного пути, давление среды соответствует неотягощённому росту. Однако даже такое льготное состояние всё равно необходимо самому заработать себе в течение многих предыдущих воплощений, что сопряжено с преодолением трудностей.

Каждому сознанию предопределено пройти свою дистанцию. На это затрачивается определённый труд. Если движение в своём направлении организуется без нарушения установочных законов стихии времени, отягощённость устанавливается без добавки наказаний. По мере отхода от канонов, принуждение растёт и для особо упрямых достигает предельного значения. Дистанция при этом не меняется. Она сохраняет прежнее содержание, несмотря на широкий диапазон изменения её упреждающего гнёта. Если разделить наибольший уровень гнёта на наименьшее значение затрат на оразумление, получим коэффициент утяжеления пути. Всякий, идущий самостоятельно, выбирает для себя его меру. По мере возрастания этого коэффициента особь всё больше входит в конфликт с собственной судьбой и своим телом.

Нежелающий расти останавливается в развитии. И поскольку окружающая его среда, подчиняясь напору совершенствования, продолжает движение в сторону роста, остановившийся вскоре оказывается в прошлом времени. Его внутренняя среда будет соответствовать его отсталому состоянию. Но она является лоном, в котором произрастает всё организменное население составной особи. Произойдёт то, что наблюдается на Земле. Коль планета допустила изъян в своей структуре, значит, виновата она, ибо люди тоже её порождение. Она могла и она в силах была принять меры к сохранению исконного лика, но этого не сделала и в развитии отодвинулась в прошедшее время. Однако многоликое население лона-планеты идёт своим путём и оно давно уже вышло из отсталого времени. Возник конфликт частей и общего. Общее, в силу заторможенности в росте, не может обеспечить качество среды, потребное для проживания частей, находящихся в их личностном времени, а части не могут остановить свой бег и оказаться в прошлом времени. Частям не дано по своей прихоти без участия общего изменять среду, создаваемую общим. Если такое происходит, то это свидетельствует о заострении конфликта вследствие всё большего отставания общего от собственного времени и всё большего отклонения частей от персонального движения.

Внутри пары *общее-части* отсутствуют рычаги-аргументы-действия, помогающие внезапному возвращению всех участников в согласованные времена́, связанному с запретом на скачкообразный прирост состояния. Скорость плавного развития определяется мерностью сознания сущности. Потому идеология становления временного равновесия обязана исходить от общего, как от наиболее развитой персоны, выступающей, как причина по отношению к поступи следствий-частей. Инициатива частей, вздумавших внезапно уйти своим путём, игнорируя созданную общим среду, обозначала бы отказ от предначертанной линии саморазвития и противопоставление себя тому миру, который объединён единым замыслом бытия. Такой прецедент стал бы предтечей уничтожения равновесного порядка и опасной попыткой возрождения форм, уже отбракованных вечностью.

Как человек-часть относится к планете-общему, так сама планета в качестве части входит в старшую общность, возглавляемую Солнцем, и нет конца такой последовательности. Организмы проникают один в другой, составляя мир, образуя целое. Чем меньше развитость персон, тем проще направить отклонившийся элемент на потребный путь, отяготив его смертно-рожательными муками. Уход-приход или воплощение в плотные-мягкие среды в начальных мирах, не связаны с заметной перестройкой самих миров. По мере движения особей по восхожденческому пути, начиная практически с кубического междумерья, поведение каждого члена общества начинает всё больше сказываться на всём сообществе. Всякая выходка части будоражит общее и значительно изменяет совместное их окружение. Если разрешить ей эту абсолютную свободу, т.е. выбор линии творчества без учёта интересов других членов, то общее не состоится ввиду непримиримости взглядов.

Чем развитее общность, она же особь, тем сложнее её состав и тем труднее обеспечить её целостность. Начиная с планетарного уровня, задача сохранения целостности превращается в основополагающую. Ей подчинены все остальные участки деятельности, и само развитие превращается в подчинённый процесс, распространяющийся до тех пор, пока поддерживается целостность.

Возможно ли в паре *планета-человек* возникновение посылы на приведение всей планетарной совокупности в равновесное время? Имеющаяся окружающая среда уже отображает значительные изменения в содержании планеты. Если усилием части-человека

приведены в движение огромные массивы тверди, вод, газов, уничтожены многие цивилизации одномерных существ – растений, истреблены популяции двумерных существ – животных, если её сотрясают взрывами и стартами, если междумерная прослойка её сути несуразно множится числом и утопает в отходах ... Подобные преобразования формы планеты не вытекают из её сознания, ибо инициатором действий выступала не она.

Для сравнения предположим, что печень вздумала изменить себя с целью накопления в себе железа, которое предназначается сердцу, кобальта, направляющегося к почкам, никеля, поступающего в поджелудочную железу, йода, нужного щитовидной железе ... Захватнический натиск одной части тела вызовет в прочих частях те изменения, что не связаны с потребностями организма, поскольку организм – это вотчина сознания особи и только ему вменено в обязанность строить форму по своему разумению. И если форма всё же приняла не соответствующий сознанию вид, то этим обнаружился конфликт развития, который на человеческом языке обозначается словом *болезнь*.

Как же может произойти, что сознание, будучи причиной всего, что есть, допустило непорядки в своём творении, попустительски позволило отдельному выскочке спровоцировать выходку, неизбежно ведущую на плаху обоих?

Ответ приводился уже несколько раз: сознание никогда не бывает совершенным, оно всегда имеет развитость, соответствующую месту на шкале восхождения. События воспринимаются с этого места не полностью со всех *семи* сторон, а лишь с частично освоенных. Потому принятое решение безошибочным не может быть. В начальных мирах, в силу малого опыта бытия, ошибки часты и велики, что является причиной быстрой смены области воплощения и медленности развития. По мере продвижения по координатам научения возрастает опыт и появляется возможность принимать более правильные решения. Но, вплоть до кубического междумерья, точность оценки ситуации всё ещё недостаточна для устранения рыскания при выборе варианта роста. Если ошибки не исключаются, а лишь снижаются числом, то бунт частей против общего – это явление, сопутствующее развитию. До некоторых пор оно проявляется как *болезнь*, т.е. неприемлемость действий одного по отношению к другому и невозможность другого подчиниться установкам первого. Тягучая война за лидерство с заведомым

поражением обоих. Это интервал развития, когда сознание ещё не набрало силы для выделения себя в самостоятельный и независимый атрибут мира, т.е. ещё нет самоосознания.

Печень так относится к организму, как люди – к планете. В поведении полная аналогия. Вывод: планета, как существо, и человек, как существо, пребывают на этапе развития *неосознания себя*.

Однажды какая-то часть Светила наметила собственный план роста, который противоречил общему пониманию. Возник конфликт части и целого. Для его примирения была задействована процедура установления объединительно-разъединительной связи, благодаря чему бунтующий массив был отторгнут от исходного тела и размещён на удалении, определяемом силой-размером конфликта. Это состояние называется: *ни упасть, ни улететь*. Практически отображается оно в виде совокупности положений в пространстве, очерчивающих орбиту. Параметры движения тела по орбите также определяются условиями разрешения конфликта.

В момент отторжения изгнанный массив обязан сохранить свойственное ему сознание, которое должно быть меньшим по сравнению с сознанием особи-светила. Насколько? Выяснение начнём от человека. Его органы состоят из существ линейного и нулевого миров. Сами же органы – это представители двумерного мира. А человек, состоящий из органов, уже существо начального трёхмерья. Продлевая аналогию, можно утверждать, что планета имеет развитость большую, чем люди. И поскольку время при переходе от менее координатного пространства к более координатному убыстряется, а расстояния сокращаются, то относительная протяжённость пути, отведённого на единицу поумнения, неуклонно снижается. Так, если принять за эталон человеческое время, то от нулевого до линейного состояния существа идут так долго, что этот промежуток не воспринимается людьми. От линейного до плоскостного дистанция короче, но и она настолько велика, что измеряется периодами, эрами, эпохами, занимающими миллиарды земных лет. От плоскостного до междумерного этапов развития проходят сотни миллионов лет. Междумерье же длится многие тысячи лет ... Однако стоит только изменить эталон, т.е. взять за основу воззрения тех же людей, уже продвинувшихся дальше по пути оразумления, как приведённая шкала примет иной вид: она сожмётся, отслеживая ускорение времени.

В мире отсутствует универсальная градация изменчивости с

названием *время*, потому всякие визуально-инструментальные прикидки интервалов, промежутков, возрастов, расположений и расстояний ... справедливы лишь в той мере, в которой они соотносятся с конкретным разумом, их получившим.

Касательно людей такое положение даёт возможность подтвердить, что планета умнее их, но не принципиально – так, на несколько десятых долей третьей пространственной координаты вплоть до её половины. Потому её нельзя считать совершенством тем, которому под силу самостоятельно и безошибочно выбрать путь обуздания конфликтующей части собственного порождения. Да, она принимает меры для острастки бунтарей через изменение среды обитания, но они не имеют действенной силы для приведения планетарного организма в равновесие. Нарушение местной устойчивости через взаимосвязь отражается на состоянии светила и воспринимается им, как продолжение прежнего конфликта в очередном варианте. Для светила протистояние не только не исчерпано, но оно, по мере развития, предстаёт во всё новых формах.

Солнце, принадлежа к стихии времени, имеет свой возраст и соответствующую ему свою разумность. Она, хотя и превышает разумность планетного семейства, но не настолько чтобы в его действиях отсутствовал поиск пути развития, а значит, и ошибки. Отклонение линии роста светила от его личного восхожденческого направления есть бунт части в галактическом общем и т. д.

Мир представляет собой зыбкую устойчивость, в которой все члены общности находятся в непрерывном рыскающем поиске, причём любые движения одного из них отражаются на всех так же, как поведение всех влияет на каждого. Такая круговая зависимость содержит порочное звено: части, в силу разного восприятия мира и своей дерзости, могут в широких пределах изменять целое, неизменно выводя его из равновесия всвязи с тем, что частям не известна предначертанная судьба целого. Каждая из них стремится навязать целому своё понимание развития, не совпадающее с его видением других участников общности. В результате всякому целому для сохранения себя в виде отдельности приходится предпринимать действия, противоречащие дестабилизирующим поступкам частей. Но это война, ибо в итоге целое обязано победить взбунтовавшиеся части и подчинить их своему влиянию.

Такая борьба ведётся на всех уровнях мироздания. Тогда взаимная зависимость объектов мира выглядит, как расшатывание

устоев снизу и наведение порядка сверху. Причём всякий нижний одновременно является и верхним по отношению к частям собственной составности, а любой верхний суть нижний в сравнении с более развитой общностью. Казалось бы, при таком проникновении в интересы своего окружения должно возникнуть понимание сторон и готовность к слаженному бегу. Но тогда кто-то должен задавать направление движения. И как только такой умник появится, он перекроит мир на свой лад, и будет он, и не будет нас.

Потому-то в мире пресекается малейшая попытка третейного вмешательства в предначертанную поступь каждого идущего. Для гарантированного соблюдения незыблемости своего пути восхождения все существа царства времени поставлены в ситуацию взаимного непонимания: общему не дано проникнуть с указующими действиями в сознание частей, а частям не дано охватить величие сознания общего. Как было показано ранее, взаимодействие между ними происходит на уровне создания среды общим и освоения этой среды частями. Если общее – сознание человека со своим организмом, не желает перерождения клетки в иную структуру, оно обязано исключить из среды вещества, способствующие такому поползновению своей части-клетки. Если то же общее устремится к принуждению клетки быть здоровой в том понимании, которое отображено в сознании общего, то оно должно наполнить среду другими составляющими элементами, и клетка, воспринимая их, вынуждена будет принять вид, диктуемый этими элементами. Таким образом, болезнь земной особи исходит из сознания самой этой особи, болезнь планеты проистекает из сознания планеты, болезнь Солнца кроется в сознании Солнца ...

Если болезнь приводит особь начальных миров к смерти, среда изменится мало, если умрёт планета, среда её обитания претерпит заметные изменения, если умирает светило, то среда его обитания всколыхнётся и вовлечёт в изменения старшую общность ...

Остановка волны разрушения исключена, поскольку захватывает она всё более мощные структуры. Даже едва ощутимый снизу толчок способен спровоцировать гибель мира. Налицо очередное противоречие: всякое общее, управляя частями посредством среды, само становится зависящим от этой среды, поскольку изменяется под воздействием частей. Так же и Земля, развиваясь по своему плану, образовала околопланетную оболочку, соответствующую личному пониманию своего назначения. Её дальнейшее развитие

пролегалo через этап порождения частей, обитающих в оболочке: планету стали заселять так называемые живые существа. И даже самый малый из них влиял на своё окружение. Растения изменили газовый состав оболочки, животные – растительный, а человек – всё, до чего дотянулся. Влияние, постепенно нарастая, достигло в людскую эпоху угрожающих размеров. Можно ли разрешить этой угрозе нарастать? Такое позволение означает гибель.

Для приведения ситуации к равновесной установлена градация соотношения разумности общего и частей: общее может состояться как отдельность лишь в случае превышения своей развитости над развитостью частей. Или: мерность сознания общего всегда обязана быть выше мерности сознания любой из частей.

Невозможно, чтобы материк, океан, мантия, атмосфера, леса, люди ... оказались умнее планеты. Невозможно также, чтобы нога, рука, почки, желудок, печень, сосуды ... руководили человеком. Если такое происходит, это примета разрушения, это состояние болезни, выступающей, как предупреждение о движении к замене области воплощения, т.е. к смерти.

Ведущая роль сознания общего по отношению к сознанию частей используется в мире для разрешения противоречий между целым и частями, общающимися через совместно созданную среду. На линии развития сознания имеется интервал особой значимости с названием *осознание себя*. До него располагаются сознания, неспособные отделить себя от формы и понять свою составность, потому воздействующие на своё окружение, как структура монолитная. К ним относятся существа начальных миров, включая и людской этап становления разума. Непонимание себя приводит их к простецкому взгляду на прочий мир, поэтому любые объекты для них – это кусок, глыба, масса, скопление ... словом, нагромождение некой пассивности, безразличия и если всё же обнаруживается деятельность, неосознавшие себя воспринимают её, как происходящую от тесноты, взаимной толкотни, симпатий, вражды или старения, названных веско, по-научному, обменом энергией. И всё было бы хорошо, если бы имелся хоть какой-то намёк на суть такого универсального козла отпущения, как энергия. Пока ищется эта суть в гужево́й тяге, в шипении пара, в смраде двигателей, в капризах молекул и ядра, в заземелье, на иных планетах и звёздах. Всё те же потуги малого ума: измельчить-расколоть, смешать-синтезировать, подогреть-взорвать, разогнать-столкнуть.

В таких околонуточных судорогах рождается дерзость. Всякий с ускорителем наперевес может броситься в атаку на Природу. Всякий, укрывшись в доте с названием коллайдер, по своему хотению способен напасть и обстрелять незнакомца из иного мира. Весьма доступно стало лепить мутантов, клоны, гибриды ... Всякий волен повернуть реки, разрушить почву, сгубить леса т.е. изменить среду, сотворённую не им, по околосебяшному воззрению.

Такой натиск не содержит образумливающих рычагов. Части, подменив рассудок дерзостью, стали угрожать целому-общему-планете. Это характерный признак неосознавших себя структур. Коль данное явление относится к типу предсказуемых, то и ответ на него мировых организмов предусмотрен заранее: образумливать лихих энтузиастов обязана старшая общность – планета.

Ранее было показано, что она, хотя и развигее порождённых ею частей, но не настолько, чтобы любой разгул самостоятельно усмирить. Она принимает меры к сдерживанию разрушающего влияния междумерцев, но пока прозрение насильников не происходит. Такой вывод означает, что, как часть солнечной общности, планета выводит из равновесия семейство светила. И поскольку светило развигее планеты, ему придётся изменить свою, т.е. солнечную среду, в которой планетное восприятие станет другим. Иное состояние планеты соотнесётся с её новой средой, где будут дополнительные свойства, воздействующие на дерзкую планетную часть. Таких ситуаций в истории Земли было много.

Например, динозавры. Они сотни миллионов лет населяли планету. Увлёкшись масса-габаритным развитием, они вошли в неразрешимое противоречие между формой и содержанием и потому перестали соответствовать основному требованию причинно-следственных отношений в царстве времени. Планета в тот период не нашла в себе силы изменить мировоззрение рептилий так, чтобы направить их рост на путь нахождения соответствия между своими сознанием и телом, а также между развитостью собственной и развитостью планеты. Солнце расценило это, как бунт одной из своих частей, и вмешалось в её судьбу путём изменения околосолнечной среды. Оно могло бы раскалить непокорную часть или охладить её, или поменять орбитальные параметры, или ... Из многочисленных вариантов оно выбрало самый простой: рядом пролетающую глыбу развернуло и встряхнуло шар земной, породив пыль, темень, холод, голод, несущие смерть отклонившимся

от назначения. Планета, как подчинённая общность, и её части, как общности меньшего ранга, с одной стороны получили шанс установить своё развитие в соответствии с начертанным путём, а с другой стороны, такой вынужденной мерой образумливания прервалась волна разрушений по старшим мирам.

Если бы в случае с динозаврами вслед за планетой и звезда оказалась неспособной навести порядок в совместном организме, тогда вмешалась бы очередная общность, в которую уже Солнце входит в качестве части. Волна разрушения остановилась бы там.

Общность развитие самой развитой части. Однако такое превышение поначалу не может быть значительным. Оно устанавливается на некотором малом уровне, достаточном для первичного выделения формы сознания, которому пришла пора предстать в виде отдельности-особи. Затем, по мере роста, в силу индивидуального течения времени для структур с неодинаковой развитостью, общее ускоряется в развитии по сравнению с частями. До некоторых пор умоощнение общего положительно сказывается на поведении особи, поскольку появляются дополнительные способности для сдерживания частей. Но со временем наступает существенный отрыв интересов общего от возможностей частей, и они становятся тормозом развития. Такая ситуация до периода осознания себя вводит особь в длительную болезнь, ведущую к замене тела через смерть. В случае осознания себя персоне способна самостоятельно оценить недостатки плоти и силой своего влияния на части вынудить их ускориться в развитии. Это сознательное формирование тела под потребности сознания. Это же и путь продления жизни в текущем воплощении, ошибочно называемый обретением бессмертия. И наконец, это формула гашения разрушающей волны, возникающей при восстании части против общего.

В примере с динозаврами у молодой планеты ещё не доставало опыта для укрощения своих потомков, потому земной конфликт пришлось гасить солнечной общности. Неандертальцы были развитие рептилий, но и планета к той поре набралась ума и сумела избавиться от них самостоятельно, не пропуская возмущение в старшую область. Нынешний человек намного превзошёл древнего, однако, и планета, развиваясь быстрее, чем люди, достигла состояния осознания себя раньше людей и, следовательно, подавно сумеет справиться с недопустимой дерзостью собственной части. Сейчас во взаимоотношениях планеты с людьми наступил этап

выжидания, в течение которого под воздействием предупреждающих мер создаётся ситуация, когда часть возможно осознает саму себя. Произойдёт это самоосознание или нет, определит разворот планетной общности в сторону совершенствования имеющегося представителя междумерного мира, т.е. человека, или его насильственной заменой другим представителем.

Термин *планета* охватывает всё, развитое лучше, чем человек. К нему относится наблюдаемая составляющая в виде земного шара со всем богатством его структуры, воспринимаемой междумерным умом, и невидимая компонента, недоступная пока для людей. Ко второй части относится продолжение объектов в старшие миры и населяющие эти миры персоны. По отношению к нам они выполняют роль, похожую на ту, которую люди относят к жильцам начальных миров: микроорганизмам, растениям и животным. Однако с тем различием, что люди для них не являются пищевым ресурсом, поскольку материальная привязанность, по мере роста сознания, неуклонно снижается, и уже в кварном междумерье питание принимает нематериальный вид. Особи с плотным телом – это неустраняемая угроза их собственному бытию. Подобно тому, как древоточцы, саранча, грызуны ... досаждают людям, так и сами люди, меняя лик среды, вынуждают соседей по разуму защищаться от неосознавших себя.

Ещё раз следует отметить отличие сознаний разного уровня по отношению к другим прослойкам разумности. Так, долюдской разум использует живое окружение, как пищу, в меру жизненной необходимости без накопительной страсти. Людской же уровень отличается необузданной потребностью к истреблению с малой привязкой к прокормочной теме. Это помрачение уничтожительности. Идея разрушения стала основой бытия неокрепших умом. Под стать деяниям и наказания: их жизнь проходит в дебрях болезней, злобы и вражды ко всему окружающему. Растут при этом медленно, ибо основные творческие силы расходуются на порожний бег кругами с малой прибавкой восхожденческого опыта. Кто сумел выбраться, наконец, из междумерной вертушки, постепенно снижают интерес к материальной составляющей бытия, становятся на путь осознанного движения, в результате чего разрушающий напор заменяется созидательными устремлениями. Наследники людских форм понимают эту неустранимость человеческого этапа развития, а значит, и те опасности, которые исходят от мучеников

междумерья, потому принимают страхующие меры собственной безопасности. Это и строгий надзор за выходками людей, и прямое вмешательство в события с губительными последствиями, и разной тяжести подсказки в виде эпидемий, наводнений, земных, водных и воздушных катастроф ... Своим направляющим смыслом насылаемые беды призваны уберечь неразумных от тягот крайнего принуждения, это вроде прививки от буйной болезни.

Итак, сознание → мозг → половые клетки → кровь → среда → сознание. Или: сознание → организм → сознание. Обе записи характеризуют особь. Выше рассмотрены многогранные связи между её составляющими и сложная суть каждой грани при условии, что все действующие лица особи имеются в наличии и выполняют свойственную им задачу. Теперь представим, что какая-то из компонент отсутствует. Сознание отсутствовать не может, поскольку без него нет особи и не о чем рассуждать. Отсутствие мозга, крови и среды обозначает исчезновение плотной формы, что является признаком смены области воплощения. И если роль этих четырёх слагаемых особи очевидна, то роль половых клеток пока осознаётся слабо. Сперматозоид и яйцеклетка считаются неким спусковым крючком, ему достаточно лишь присутствовать, чтобы породить организм. Именно организм-тело, поскольку по земным воззрениям сознание пристроится к плоти потом или проистечёт из неё где-то на пути количественного накопления массы.

Приблизительное, однобоко-вещественное, механистически-комбинаторное, а в общем, примитивное восприятие значимости репродуктивного материала является причиной сползания людской популяции в ущербность, деградацию и упадок. Из дальней исторической глубины известно вещество, истекающее из мужчины. От него эпохами брезгливо отстранялись, в напряжённые моменты близости возникала неловкость, его старались не замечать и представлять, как неизбежный спутник интимности. Только к пифагоровой поре развитость людей возросла настолько, что её стало достаточно для улавливания связи: женщина всякий раз впадает в тяжесть, как только примет в себя продукт любовного блаженства. Такой воззренческий взлёт резко выделил людей из сонма животных. Ведь те эпохами оттачивают процедуру воспроизводства в направлении укрепления семени. Их цель – это получение потомков более приспособленных к среде, чем предки. Эта процедура предусматривает особо экономное расходование

своего семени, длительный и сложный путь его подготовки, и к тому же невероятно выверенный ритуал подбора пары и соития³³.

Навыки животных прозревшим не указ, не опора и даже не намёк. Из всей атрибутики близости они выхватили только один факт, доступный их уму: удовольствие, сладострастие, соблазн. И так взвились в интимном разгуле, что возвели его в культ и приняли за основу культуры. И всё было бы терпимо, если бы очередной фетиш не превратил мужчину в расходный материал половых баталий. Каждое блаженство на ложе связано с потерей семени. И поскольку истечение сопровождается особым сладострастием, восприятие участников интима выделило его из других похожих ощущений и возвело в ранг главного фактора, определяющего отношения между мужчиной и женщиной. На планету спустился всё затмевающий оргазм. Он стал наполнителем деяний людей. Его жаждали, на него равнялись, его воспевали. Он был центром церемоний, восхвалений, мистерий. Скрыто, с намёком или явно, он проживает в легендах, мифах, сказаниях, обычаях, поучениях, наставлениях. Какую бы сторону людского интереса ни затронуть, везде присутствует отсвет оргазма. На его фоне ведутся войны, в гонке за престижем надрываются лидеры, исходят красноречием поэты, он приносит конфликты, горе, трагедии, он дарит надежду, призрачное счастье и временный уют ...

Велико разнообразие следствий примитивнейшего действия: истечения семени из мужчины. Выше показано, что половые клетки это гормоны первого порядка, т.е. те, которые воздействуют на внутреннюю среду организма и задают тем самым направление развитию его частей. Но при удалении клеток во время оргазма тело лишается основного регулятора роста. Разрывается контур управления, посредством которого общее, т.е. сущность, воздействует на свои части с примиряющей целью. Само воздействие происходит через создаваемую общим среду. Если в ней отсутствуют составляющие, несущие ограничительные указания для поиска личного предначертанного пути развития, то всякий элемент тела не только может, но и вынужден отклониться от прежнего направления роста. Он определяет для себя новый путь развития, соответствующий тем пищевым ресурсам, которые в состоянии предоставить обеднённая среда.

Элементы тела получают несвойственную свободу и вправе избрать любой вариант использования наполняющего их среду

материала. Но всякий вариант – это умышленный отход от изначально predetermined пути, как части в составе общности-организма. Получается двойное нарушение установочных законов септона. Во-первых, отклонение от изначально заданной судьбы недопустимо и карается смертью. Во-вторых, изменённые части уже не смогут составить прежнее целое, и потому бывшее целое устремляется к гибели всвязи с распылением своей структуры.

Сила половых клеток так велика, что они вправе определять судьбу тела, значит, и сущности. Между клетками и особью устанавливаются взаимодополняющие отношения, в результате чего тело создаёт условия для роста клеток, а клетки способствуют развитию тела. Если плоть ослаблена, то в обязательном порядке в клетках отобразится телесная немощь, а клетки в свою очередь вызовут ещё большее ослабление тела. Такое обоюдное угнетение введёт особь в состояние неизбывных болезней.

Здоровая плоть породит энергичные клетки, которые усилят тело. Умощнившееся тело добавит силу клеткам, а те направят тело на путь следующего шага умощнения. Так постепенно пара клетка – тело устремится к построению организма-формы, в наибольшей мере соответствующей развитости сознания, строящего для себя собственное тело по своему разумению. Люди, которым такое удаётся, приобретают способность самостоятельно определять момент окончания текущего воплощения и покидать твердь без насилия по условию достаточности прожитого. В наше время радостный уход из жизни земной – фантастическое будущее.

Давайте проследим вековые изменения мужской половой продукции. Судя по тому, что две когорты воинов, т.е. около тысячи человек, доверху наполняли спермой ванну Клеопатры, можно прикинуть, что тогдашний средний объём одного эякулята составлял фантастическую цифру в несколько десятков см³. Сведения за последующие две тысячи лет по этому показателю тонут в тумане. И только в середине 19 века появляются редкие стыдливые намёки, из которых можно выудить, что излитое семя составляло около 5 см³. В начале 20 столетия его объём снизился до 4 см³. К середине того же века он составлял уже 3 см³. В настоящее время обычная норма семени находится в пределах от 1,5 до 2,5 см³. Это же деградация людей! Всего за 150 лет важнейший репродуктивный показатель ухудшился в 2,5 раза. С каждым годом объём эякулята и его сила снижаются. Вследствие ослабления мужчины, планета

наполняется ущербными существами, не способными осознавать и предвидеть последствия своих дерзких поступков.

Наряду с уменьшением количества эякулята существенно ухудшился его энергетический потенциал. Так, 50 лет назад спермии через 5 суток всё ещё могли двигаться против тока жидкости. Сейчас они выдыхаются менее, чем за сутки. Качество семени за полвека снизилось в 5 раз. Поэтому люди, рождённые ею, в наш мир приходят мстить, а не жить. И не счесть таких примеров.

Произведём расчёт. Несмотря на то, что коммерческие радители настаивают на ежедневном коитусе, примем всё же несколько разгруженный вариант, при котором мужчина эякулирует через день и каждый раз отторгает от себя примерно 3 см^3 спермы. При таком ритме в течении года теряется 182 порции, что составляет 546 см^3 только за 12 месяцев. Чтобы получить такое количество семени, организм мужчины целый год работал на пределе своих возможностей, отбирая у других органов нужные комплектующие и обрекая их тем самым на истощение. И что же? Что полезного создали эти усилия, если их конечный продукт, т.е. сперма, с лихостью обречённого отправлена самим работником в нечистоты? За 10 лет туда уходит почти доверху наполненная шестилитровая канистра. Продукт, ценнее которого нет ничего во Вселенной, несётся по сточным трубам, бурля негодованием.

И всё это живое вещество производится в яичках, вес которых около 35 гр. Подумать только! Крошечная конструкция за десяток лет выдаёт продукт в 150 раз превышающий собственную массу и несуразно больший, чем требуется для оплодотворения. Где же взять силу, чтобы выполнить такую непомерную работу? Ответ звучит удручающе. Такой силы нет. Организм мужчины некоторое время ещё в состоянии справляться с нагрузкой, всё возрастающей, однако, по мере истощения он отдаёт яичкам питания всё меньше и меньше, а те, вместо роскошных благородно-белых клубней истинно мужского семени, выдавливают из себя какую-то малость чего-то серого и скользкого. И когда этот тощий субстрат зачинает, то на каждые 10 школ приходится 7 школ с неполноценными детьми, из 100 призывников условно годны только 15, из 100 женившихся всего лишь 12 мужчин способны соответствовать роли семьянина, многих так зачатых мужчин не удаётся приспособить к большему труду, чем работа охранника. А сколько же детей отправляется в жизнь со скрытыми пороками, с

неможным телом, с ущербной психикой, с патологической агрессивностью и многими другими опасными качествами.

Спросим себя: во имя чего? Что было сделано такое, чтобы за него стоило платить всеобщей деградацией? Общество обязано ответить на этот вопрос. Иначе трудная жизнь сегодня завтра станет тяжёлой, потом трагичной, после чего жизни не станет.

Сперма, семя, эякулят, детородное вещество – собирательные понятия. В рядовом обиходе они используются так, что создаётся впечатление о накоплении продукта исключительно количественном в то время, как в качественном или энергетическом отношении сам семенной материал остаётся неизменным чуть-ли не с первых мгновений своего формирования. Настойчиво внедряется мысль, что, дескать, не важно, если с момента истечения прошли всего лишь сутки. Коль что-то успело накопиться, то оно уже стоящее. А то, что его мало, так больше вроде и не нужно. Ведь и так оргазм ощущается и, в случае надобности, оплодотворение происходит. Зачем же лишаться ежедневной дармовой оргазменности?

Однако обратимся к надёжно установленным фактам. Факт первый состоит в том, что сперматозоид, как и человек, не может появиться сразу в завершённом, или иначе, во взрослом виде. Тот и другой последовательно проходят рождение, детство, юность и зрелость. Каждый из них свою биографию по своей или чужой воле может прервать на любом этапе, но в подлунном мире никому не дано перескочить в своём развитии хотя бы через краткий этап. Второй факт вытекает из первого и заключается в том, что сперматозоиду для достижения надёжной оплодотворяющей силы необходимо дорасти, доразвиваться, дозреть.

Его жизнь начинается с того, что телесные клетки под воздействием великого сонма причин^{32, 33}, превращаются в первичный субстрат под названием *сперматогонии*. Этот процесс обеспечивается всей психо-материальной конструкцией мужчины с принудительным изъятием продуктов синтеза из любой части тела, даже невзирая на дисфункцию, истощение и деградацию опустошённых органов. Хотим мы или нет, согласны или нет, нравится или нет, этот процесс от мужчины не зависит. Природа отвела на него 25 суток. Более трёх недель после оргазма самец не имеет в себе даже намёка на пригодное семя. Все попытки использования его для оплодотворения приводили к вырождению во втором, редко в третьем поколениях, а последующие рождения, если их и удавалось

организовать, давали мёртвых, мутантов или химер. В первом же поколении оказывались *телесные* особи. В начале жизни явных отклонений у них не наблюдалось. Однако по мере взросления происходят изменения, характерные для перерожденцев, например, неконтролируемо возрастает масса или внезапно начинает угасать сознание. Наблюдения показывают, что рождённые от сперматогониев лишены многих нравственных качеств: у них почти нет чувства верности, обязательности, совести, сострадания, жалости ...

Как же тогда следует назвать умников, которые насаждают ежедневный секс? Пусть в ковейерной череде оргазмов зачатия не произойдёт, но несколько лет дежурной радости выдавят из мужчины силу, и когда придёт время зачинать, то зачинать будет нечем. Такое *беззатратное кастрирование народа* и есть самое эффективное оружие массового уничтожения. Зачем теперь делать дорогую бомбу, если можно запустить в незрелые умы ну очень научную теорию о преходящих наслаждениях, о верном спасении от простатита, сосудистых, нервных, урологических и от прочих всех заболеваний, или о всемогущих генитальных эндорфинах, лишь бы заманить на конвейер истечения неосознавших самих себя. Ну что же, каждый – творец своей беды!

Итак, первичный семенной субстрат, постепенно набирая силу, через три недели дозрел до того, что оказался способным начать генетическую структуризацию. Этим самым он перешёл во второй этап своего роста, этап *спермацитов*. Он также длится 25 суток, за время которых семенная жидкость накапливает необходимое количество специфических молекулярных структур. Этот состав пригоден для зачатия, но пригоден условно, поскольку потомство родится болезненным, с частой переменой поведенческих релизов и ускоренным накоплением патологических отклонений. А ведь прошло уже 50 безпотерьных дней. Сперма до сих пор сырая. Вернее, её вовсе нет. Это всего лишь промежуточный продукт, и не более. Это пока технологическая заготовка.

По истечении 50 суток начинается последний 25-суточный этап преобразования семенного продукта в *сперматиды*. Особенность их состоит в нарастании акросомы, центриолей, движителя, ядра и многих других клеточных органелл, а также в установлении окончательных межорганелльных связей. Только теперь, через 75 суток, в мужском организме имеются почти зрелые энергетически обеспеченные сперматозоиды, но спермы по-прежнему нет. Есть

только её составляющие, каждая из которых хранится в органе, её производящем. По мере готовности эти составляющие продвигаются из яичек в придатки яичек, где проходят очередные стадии роста сперматозоидов, затем в семенные канатики длиной до 30 см, и через какое-то, определяемое многими причинами^{32,33} время, субстрат достигает пузырьковой железы, в которой происходит дальнейшее созревание. Одновременно с этим в пузырьковой и предстательной железах протекают процессы синтеза сопутствующих семенных жидкостей, называемых секретами желёз. Продукт, поступивший в пузырьковую железу из семенного канатика, смешивается с секреторными добавками, образуя, наконец, семенную массу, называемую спермой.

Даже пройдя такой длинный, весьма сложный и непознанный путь формирования, полученное семя имеет всего лишь относительную готовность к оплодотворению. Это та готовность, которая должна обеспечиваться мужским организмом, запущенным в действие типовыми законами функционирования. Продукция такой деятельности отражает прошлые достижения сущности, в организме которой созревает семя. Возникает нестыковка. Согласно закону воплощения *каков сам – такое тебе* в момент соития семя *обязано полностью отображать в себе содержание самца*, что в данном случае не выполняется: сущность находится в личном настоящем времени, а семя, полученное типовой технологией, отстаёт в развитии и соотносится с уже минувшим временем, в котором сущность была иной. Получается подмена одного из действующих лиц тройственного союза, ответственного за воплощение в материю^{32, 33}, или иначе: за роды, за рождение.

Это приводит к тому, что телесная заготовка, возвращённая на основе родительского репродуктивного материала, оказывается не соответствующей условиям перехода в плоть конкретной личности, выбравшей себе для воплощения именно эти персоны материального мира. При больших отличиях, воплощенцу доработать до ему потребного состояния заготовку не удастся, потому рождение не произойдёт. Будут выкидыши, мёртворождения, уроды, словом, неспособные войти в плотный мир. Это трагедия для земных участников совместной работы по воплощению и беда для несумевшего родиться, ибо ему придётся весь титанический труд начинать заново в осложнённых условиях. В случае иных отклонений заготовки от нужного вида, на подгонку её до соответствия

формуле перехода уйдут разные, но всё равно значительные силы, которых будет не хватать пришедшему во весь его земной путь. Существа, ослабленные на эмбриональном отрезке жизни, наполняют прослойки бунтарей, беспричинно протестующих, разрушителей, загрязнителей и прочих уклонистов, стремящихся найти душевный покой в эпатажной скоротечности.

Эффект нестыковки времён проявляется и при использовании донорского семени. На момент искусственного зачатия яйцеклетка находится в собственном настоящем времени, а сперматозоид – в далёком прошлом, соответствующем процедуре изъятия эякулята из мужчины. Поэтому сознание воплощенца получает телесную заготовку, которую приходится весьма значительно дорабатывать, вынуждая сперматозоид ускоренно доразвиваться до состояния, определяемого особенностями соития на данный момент. Практическое выполнение такой доработки затруднено отсутствием донорского сознания, в сфере которого семя созревало до изъятия. Сперматозоид-консервант хранит в себе развитость особи, которая уже не существует. Возникает описанная выше коллизия.

И не случайно наблюдается слабая активизация сперматозоида в яйцеклетке: к зачатию приводят лишь несколько процентов инплантируемых спермиев. Если же оплодотворение происходит, эмбрион и ребёнок поначалу демонстрируют успокоительное здоровье. В дальнейшем возникают настораживающие отклонения: появляются признаки раннего увядания. Но самое опасное в отсутствии или в снижении чувства стыдливости, совестливости. Похоже, что отсчёт возраста ведётся от даты отторжения семени.

К началу 21 века людское племя приняло миллионы граждан, зачатых пробирочным путём. За ними ведётся наблюдение, хотя выводы скрываются. Неутешительная и даже опасная правда может снизить доход. Совсем скоро начнётся обвальное разрушение вида, ибо вместо подлинных мужчин, отцами станут сомнительные самцы. Цивилизация потеряет восхожденческий смысл и будет уничтожена. Никому не дано по прихоти своей менять лик мира.

Препятствия к зачатию, возникающие от несовпадения течения собственных времён сперматозоида и яйцеклетки, показывают несостоятельность идеи пещерных хранителей человеческого генного материала, называемых *самадхи*²⁶. Мудрецам положено знать, что живое где-то появляется исключительно вследствие развития. И коль оно откуда-то ушло, исчезло, погибло, то опять же,

всвязи с развитием, возродится в очередном качестве в другом месте. Возврат в прежнюю ситуацию, якобы подготавливаемый медитирующими старцами, невозможен в принципе, поскольку в мире наложен запрет на попятное снижение разума-сознания.

Итак, семя относительной зрелости характеризуется разным отображением времени той персоной, в которой созревает семя, и самим семенем. Для зачатия оно пригодно лишь условно, ибо результат зачатия оказывается зависимым от временного запаздывания развития сперматозоида по отношению к яйцеклетке. Такая относительность является естественной и потому неустранимой, поскольку соотносятся между собой, как причина и следствие.

И снова противоречие. Запаздывание отображения в репродуктивном материале содержания личности, в которой созревает этот материал, приводит к сомнительному результату при зачатии. Рождаться должны существа, весьма отличающиеся от типичных представителей планетного населения. Иными обязаны быть все уровни живого царства. Но, если они имеют тот вид, который характерен для Земли в человеческом восприятии, то в чём же дело? Как живущим удалось разрешить столь глубокую нестыковку?

Ответ удивительно прост: всё живое выделяет подготовку к оплодотворению в особый период бытия, в течение которого сознание персоны интенсивно воздействует на семя с целью сведения временного рассогласования между ним и семенем к допустимому значению. Это период знакомства, уходаживания, объяснения, переживания, томления, сватовства, предварительных и брачных ритуалов, подготовки к первой ночи ... и, наконец, наполненная эмоциями обстановка зачатия. Всё это есть признаки такого загадочного явления, как любовь. Только ей под силу свести сдвиги времени в организме до здорового репродуктивного состояния.

При таком концентрированном и массированном внимании особи к собственной половой значимости убыстряются процессы формирования семени, сводя тем самым временное различие с личностью к некоторому уровню, зависящему от накала страстей. Чем сильнее проникновение в таинство женитьбы, тем полнее семя отображает суть возжелавшего продлить себя в потомстве и тем ближе окажется эмбриональная заготовка к виду, задуманному воплощенцем³². При этом беременность и роды, озарённые светом творения, протекают неотягощённо, а ребёнок входит в земную жизнь здоровым и пригодным для благих дел.

Если же соитие происходит случайно, равнодушно, под действием насилия, отягчающих переживаний ..., то не происходит временного выравнивания, и тогда роды превращаются в долгую цепь страданий, вовлекающих в свой омут нежелавших знать.

Семя оказывается в особой точке роста, дающей возможность ему направиться по двум разным путям применения. Первый путь тот, ради которого оно вызвано к бытию: для воспроизводства. В этом случае семя оргазменными толчками изгоняется из семенных пузырьков, проталкивается через предстательную и куперову железы и по каналу пениса устремляется за пределы тела. Это прохождение не является пассивным. Прежде всего несущийся поток вызывает ощущение сладострастия, используемого природой для привлечения особей к такой работе, как взращивание потомства. Люди, *блеснув умом*, заметили, что приманку можно схватить, а от работы увильнуть. Началась эпоха поиска мер по недопущению семени в женский организм. С незапамятных времён эти поиски докатилась до наших дней, так и не предложив ни единой надёжной защиты. То же, что освоено, несёт осложнения и болезни ... Так и должно быть, ибо обманщику-человеку негоже потешаться над Природой. Порожные истечения запрещены ею, т.к. разрушают единение миров и тормозят развитие стихии времени³².

Второй путь – это использование семени для получения оргазменного удовлетворения. Ни одно существо до человека на такой растратный вариант получения удовольствия не решилось.

Представим клетку в составе мышечной ткани, которая тоже, *блеснув умом*, из многоэтапного процесса деления выхватила бы момент наиболее яркого восприятия. Поддавшись ему, она стала бы повторять его в повседневной клеточной жизни. Это значит, что для получения удовольствия ей пришлось бы делиться, т.е. всё чаще и чаще множиться числом. Неестественная услада части органа приносит самому органу такую болезнь, как *рак*. Пусть растение сосредоточится на наиболее приятном эпизоде размножения. Тогда остальные не менее важные этапы порождения потомства будут выполнены с изыском, что приведёт в итоге к угасанию вида. Среди животных внезапное уклонение в половое пристрастие приводит к нашествию насекомых, грызунов, муравьёв, саранчи, к засилию паразитов и вредителей, к ослаблению популяции от нехватки корма для численно вспыхнувших едоков^{15, 16, 17}.

Любой взлёт случайного звена в шатком балансе кормовой

цепи ведёт к угнетению всей экосистемы. И это при том, что в приведённых примерах семя используется по назначению: для зачатия. Отличие от выверенного ритма состоит лишь в частоте совокуплений. Чем они гуще, тем меньше времени остаётся на созревание материала, тем он слабее и тем ущербнее становятся потомки. Вырождение наступает так стремительно, что популяция вымирает в десятки раз быстрее, чем длится время жизни самой особи. Можно представить ужас сохранения крепости приплода при численном росте: уничтожив типичный корм, голодные полчища стали бы поглощать всё живое, после чего уничтожились бы сами, превратив планету в опустошённую пустыню.

Но человек пошёл ещё дальше. Ему незачем заниматься потомками. Он для предотвращения зачатия попросту вышвыривает семя вон. Продукт, ценнее которого нет ничего на планете, с отрёшенностью обречённых сливают в нечистоты. Под стать такому святотатству и воздаяние: уже очень трудно или почти невозможно отыскать здорового мужчину для отбора у него донорского семени. Суррогатное племя с гримасой Квазимодо несётся в небытие.

Если указать структуры, вносящие вклад в итоговый продукт, список получится длинным. Практически весь мужчина – это сплошной половой организм. И стоит только произойти сбою в одном элементе, волной разлада захватывается всё естество. Мужчина – это невероятно хрупкое существо и легко разрушающаяся конструкция. Восстанавливается же он особенно трудно и чрезвычайно редко. Только любящая женщина знает как бережно надо нагружать мужчину, чтобы сохранить его для себя. Особенно сильно мужчина сникает от потери семени. Безграничные поначалу возможности быстро уходят. Нemoшь застаёт героя врасплох, вынуждая прежде неуёмного бойца досрочно уйти из полового оборота. Только мужчинам ведома трагедия потери собственного пола. Только у них можно увидеть хроническую затравленность в глазах. Если бы кто-то предостерёг, если бы молодость знала ...

Чем это заканчивается? Уважаемый читатель! Оглянитесь вокруг. Отберите сотню мужчин и сосчитайте тех, кто понравился. Выйдет мало. Совсем мало. Один молод, но лыс, толст, одутловат и без зубов, другой тощ, сутул, тот кривоногий, этот хромой, у того торчит живот и широченные бёдра, а затем: землист лицом, в прыщах, косоглаз, не дышит носом, плоскостоп, вислозад, а сколько детей на костылях, в очках, в ортопедах, на колясках...

А сколько ущербности скрыто от внешнего восприятия, какие глубины пороков в психике, в сознании и в душе? Откуда берутся инвалиды детства и почему их численность стремительно растёт? Для сравнения сделайте тот же опыт с женщинами. Убеждён, что из 100 наблюдаемых Вам понравятся все 100. Тут уж, как говорится, думайте сами, решайте сами. Здоровый мужчина в наше время – существо нереальное. Значит, и дети под вопросом. И это касается каждого. Однако то, что будет, может быть, и не будет, или не так, и не сейчас, а вдруг как-то обойдётся или случится не со мной... Будет, с каждым, и не обойдётся! Невежды все на одно лицо. Только знания дают право на свободу и жизнь.

Приведённый перечень является следствием официального и одновременно с этим преступного утверждения, что сперма созревает за 72 часа, т.е. за 3 суток. В то время, как учёному миру более 30 лет известен срок предварительной готовности семени, равный 75 суткам. Но ложное время, равное 3 суткам, составляет от удовлетворительного, т.е. от 75 суток, около 5%. Это значит, что почти всё население Планеты зачато заведомо незрелым семенем, а потому по своей *спермиальной прочности* наша цивилизация является всего лишь пятипроцентной. Из этого следует, что всё найденное, изобретённое и сделанное будет в первую очередь направлено против человека. И на каком-то этапе неожиданная выходка убьёт людей. Без предупреждения. Сразу. Окончательно, ибо пятипроцентные существа не имеют права на допуск к тайнам природы, требующим для своего раскрытия более зрелый мозг.

На рис. 26 показаны обобщённые типы людей, рождённые семенем разной зрелости. Художница Ефанова А. В. поставила современного 5% человека в начале верхнего и нижнего рядов.

Следуя канонам человеческой культуры, 5% мужчина не в состоянии породить такого же, как он сам. Он неминуемо родит 4% сына, а тот на том же основании родит 3% и затем появится на свет 2% существо, этаким пузозавр с тучным телом и малой головой. Однопроцентных людей не будет никогда. Планета с её нелепым населением будет разрушена ещё на этапе 2% чудищ. Верхний ряд показывает людей, которые могли бы населять Землю, если бы мужчина научился не истекать. Расходуя бережно собственное семя лишь для зачатия, он породил бы сначала 25%, потом со временем 50% и, наконец, 100% людей, которые только и достойны были бы носить гордое самоназвание: человек умный.

А пока утешимся тем, что мы находимся где-то в интервале между 5 и 4 процентами. Но шанс есть. Ещё можно осознать себя и стать в начало верхнего ряда как породитель будущих 100% людей. А всего-то и надо освоить безпотерный коитус. Надо не сорить своим семенем. Тогда придёт здоровье. Не леченное, а исконное. С ним придёт радость. И не только сексуальная. Мы даже не подозреваем о том, какая радость бурлит в здоровом человеке, ибо ныне живущие здорового человека не видели никогда. Больные люди, больная Планета, пятипроцентное разумение, ущербная цивилизация. И это всё мы! Во имя чего? Что сделано такое великое, чтобы за него стоило заплатить убожеством? Семя, оскорблённое потешными оргазмами, мстит за унижение своего достоинства.

Организм и его форма – это атрибуты, превращающие в особь сознание определённой развитости. Не может сосна воплотиться на Земле, имея внешность берёзы. Она примет известный вид только в случае соответствия своего сознания и лично воссозданного тела. Так же и люди: на междумерном отрезке оразумления сознание конкретного размера обязано иметь тело, которое сами люди называли человеческим. Болезнь изменяет тело, вынуждая его отклониться от принятого облика, разрушая тем самым соответствие. Без него человек состояться не может. Для его обретения придётся перейти в нематериальную область бытия и в муках освоения нового мира творить для себя очередное тело-организм.

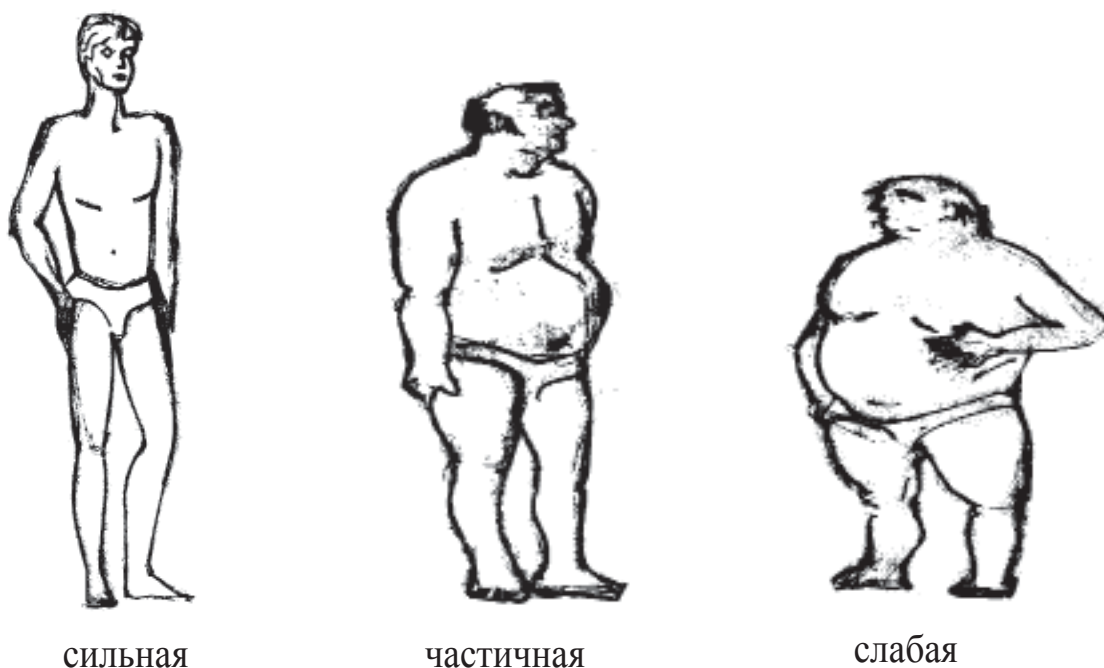

Рис. 1. Связь сознания человека и его формы

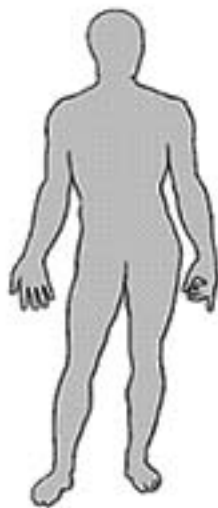

Рис. 2. Внутреннее пространство человека

Рис. 3. В пространство помещены кости головы

Рис. 4. В пространство помещены кости рук

Рис. 5. В пространстве грудная клетка

Рис. 6. В пространстве кости таза

Рис. 7. В пространстве кости ног

Рис. 8. В пространство помещён мозг

Рис. 9. В пространство помещено сердце

Рис. 10. В пространстве лёгкие и печень

Рис. 2 – 11. Внутреннее пространство человека

Рис. 3 – 12. Внесены кости головы

Рис. 13. Внесены кости головы и рук

Рис. 14. Кости головы, рук и туловища

Рис. 15. Кости головы, рук, туловища и таза

Рис. 16. В пространство внесён скелет

Рис. 17. Размещены скелет и мозг головы

Рис. 18. Размещены скелет, мозг, сердце

Рис. 19. Скелет, мозг, лёгкие, почки

Рис. 20. Человек при болезни – лечении

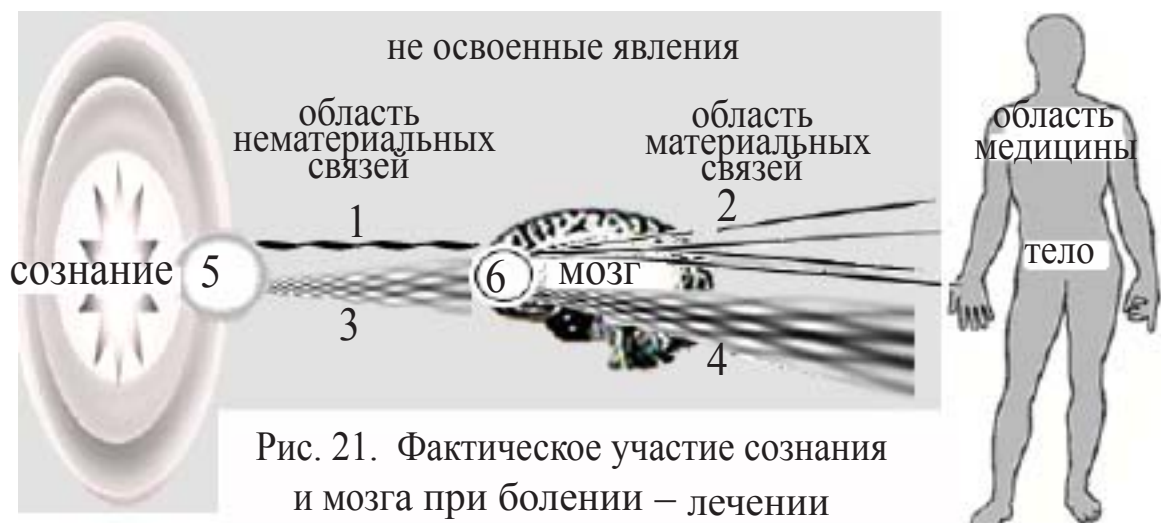

Рис. 21. Фактическое участие сознания и мозга при болезни – лечении

Рис. 22. Состояние неболеия

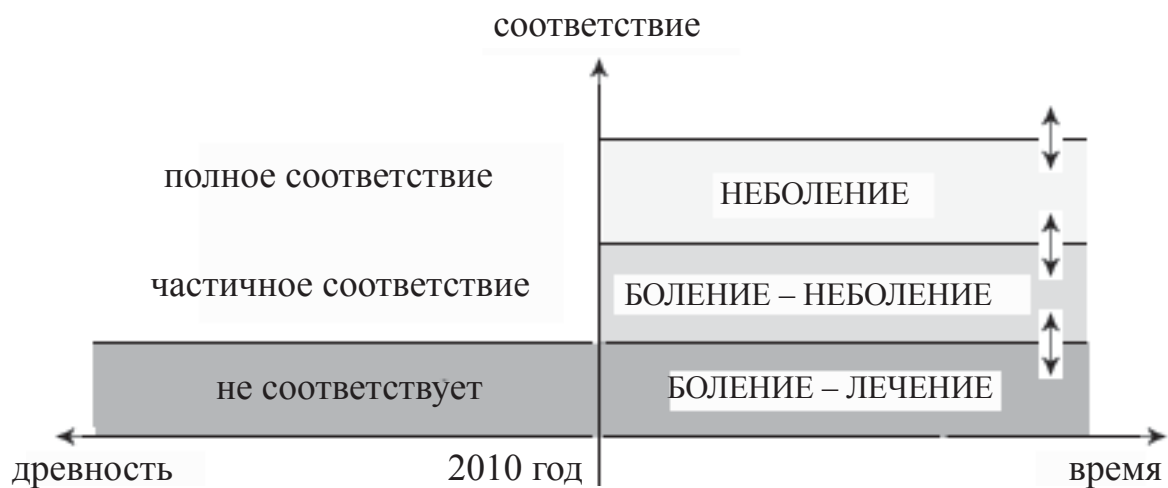

Рис. 23. Соответствие состояния человека требованиям сознания

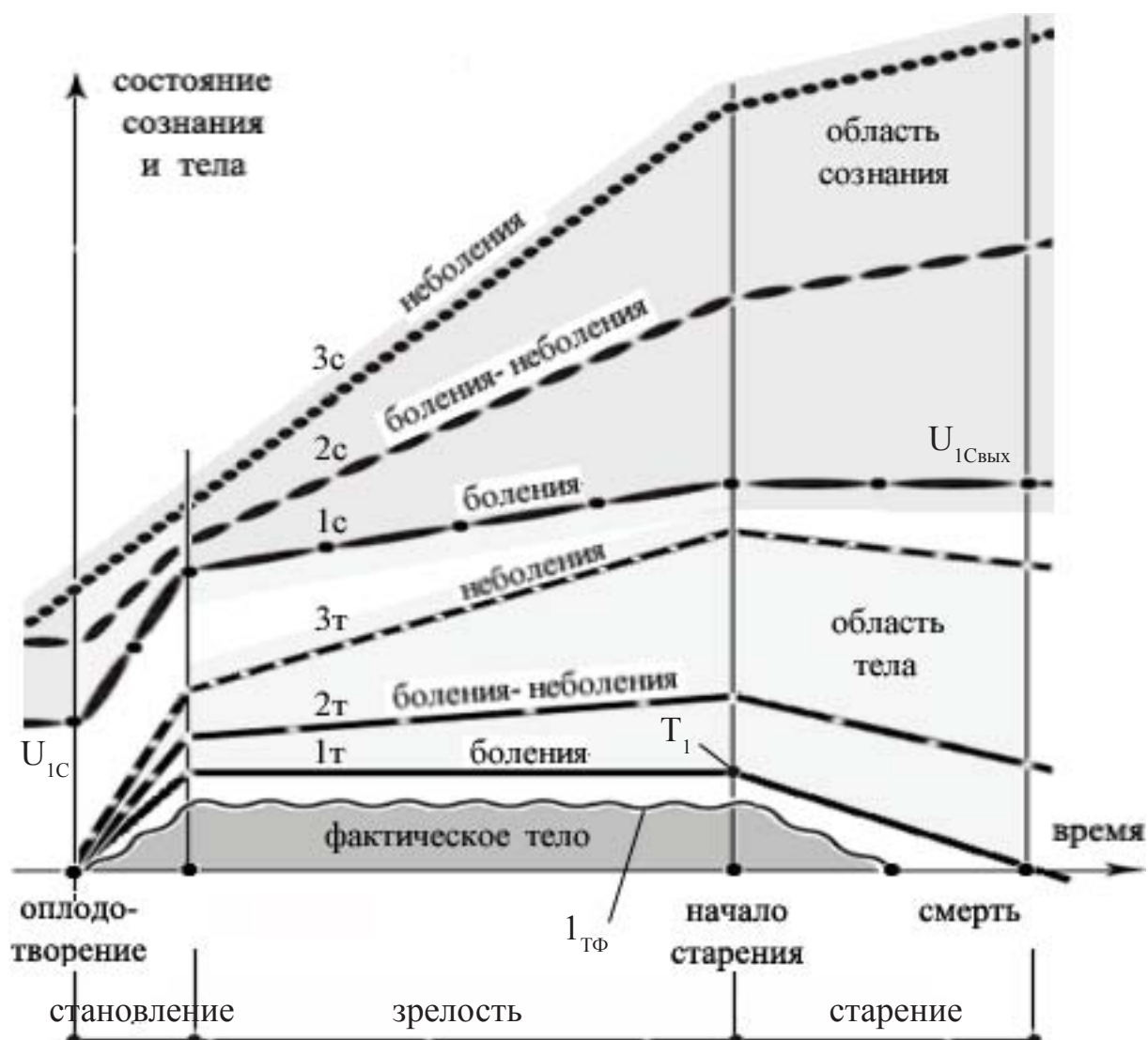

Рис. 24. Влияние сознания на тело

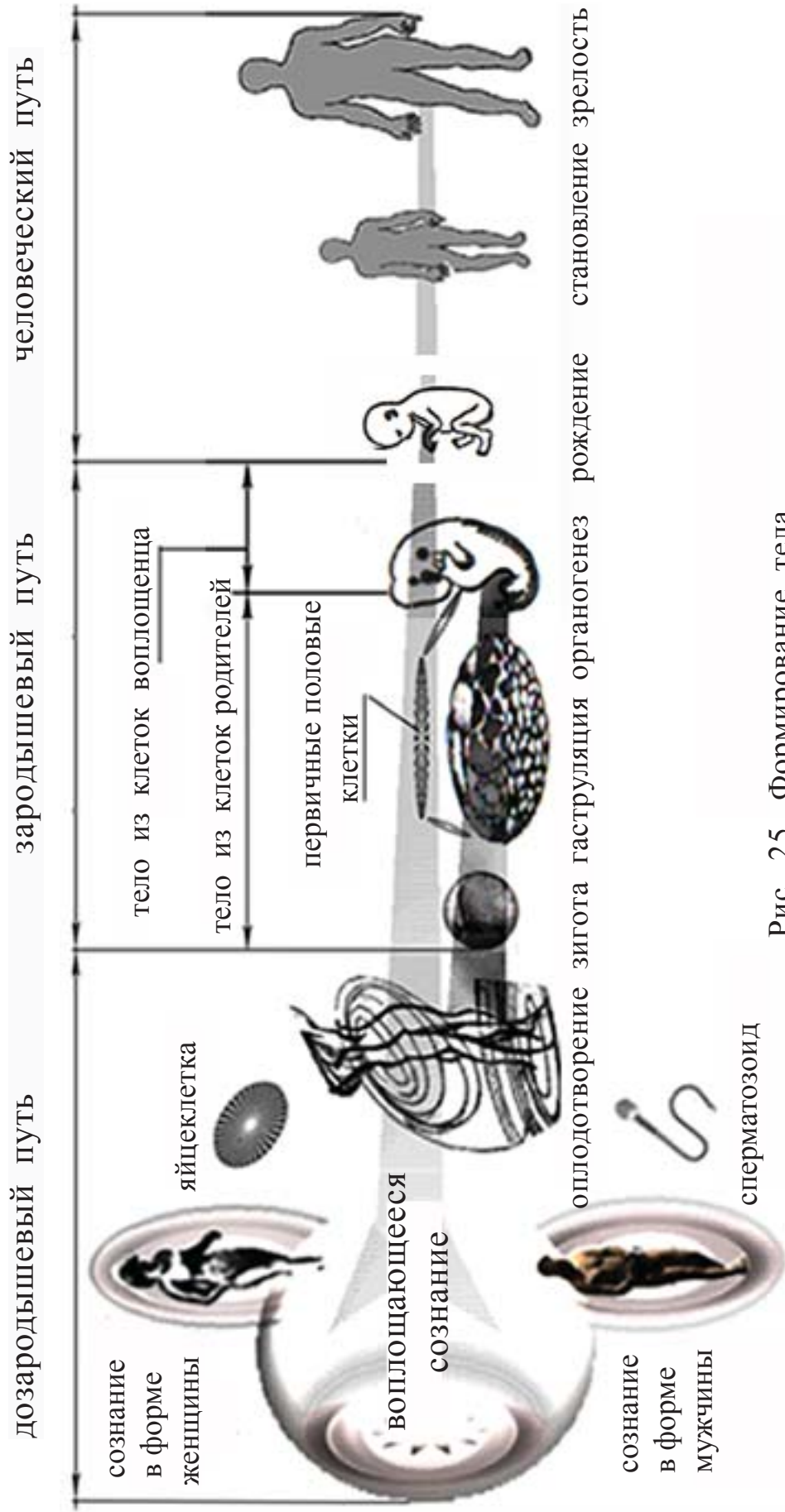

Рис. 25. Формирование тела

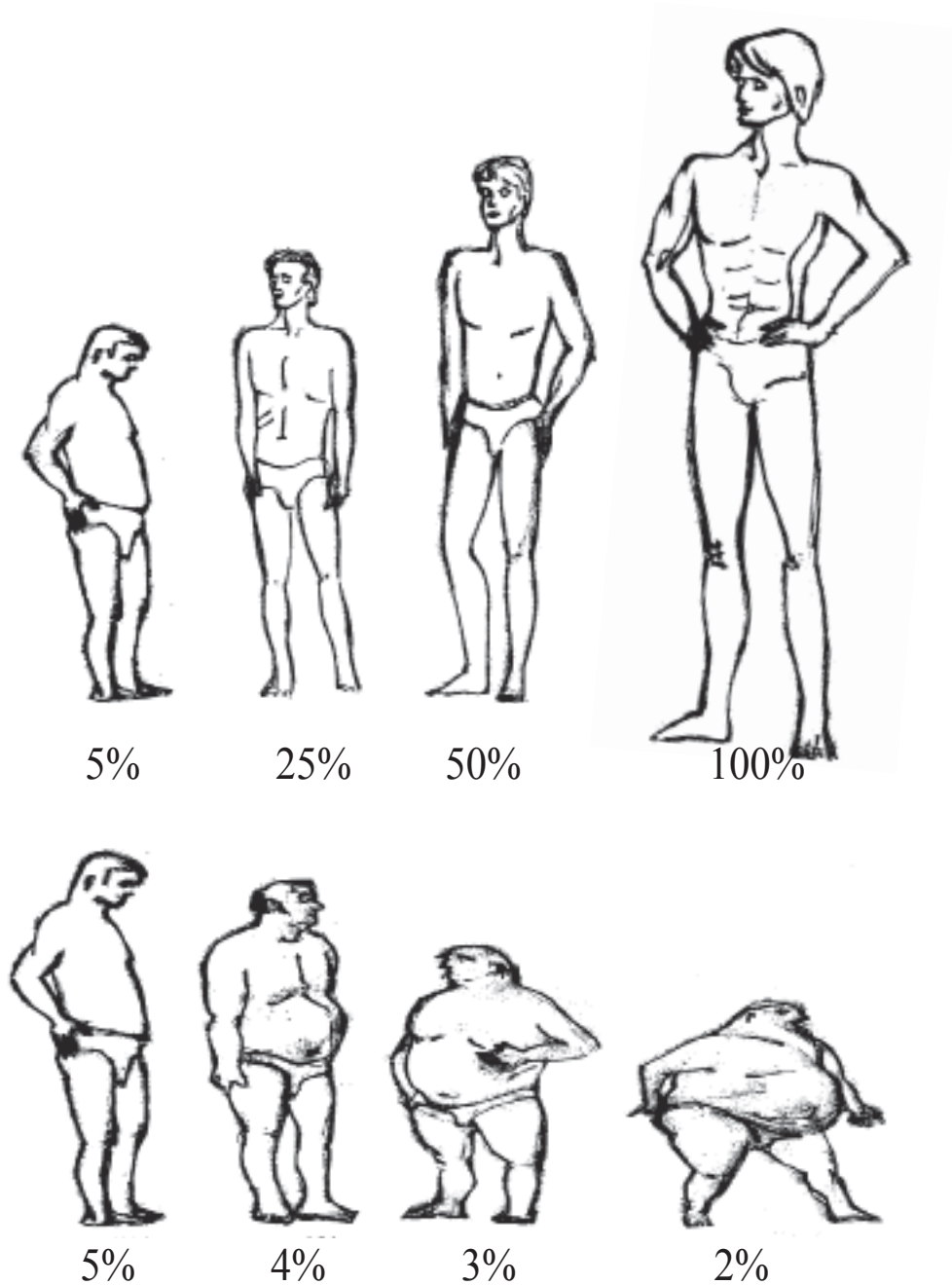

Рис. 26. Зависимость внешнего вида мужчины от его спермиальной прочности

Стопроцентный потомок рождается от семени, проделавшего в организме родителя несколько десятков гормональных оборотов при полном отсутствии эякуляции. Практически это составляет около четырёх лет. При интервале полового покоя в два года родится 50% человек. При покое в один год получим 25% мужчину. Современная половая нагрузка даёт 5% существо, это т.н. обычный человек. Истечения через 3 дня – 4%, через два дня – 3%, через день – 2%. Крепость наследников определяется культурой родителей.

СОВОКУПИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ТЕЛА

Для всех существ царства времени законы оразумления едины. У каждого есть неотъемлемая примета сущности – сознание и обменная часть – тело. Вместе они образуют восхожденческую единицу – особь. Казалось бы, если действующим лицом в мироздании является сознание, то и пусть оно действует согласно плану оразумления, начертанному лично для него. Коль нужно расти путём освоения событий мира, то в чём же дело? Пространство даёт каждой персоне массу ситуаций, служащих полем становления, поумнения, словом – развития. Тогда, обучаясь на случайных препонах, бесформенное сознание будет набираться опыта и когда-то возмужает настолько, что сможет решать мировые задачи.

Но решать будет кто? Вот это сонание или то, или какое-то другое-иное? Как различить, где заканчивается осваивающее нулевой мир сознание, где расположено сознание линейной развитости, какова протяжённость плоскостного, объёмного и прочих сознаний? Ведь смешаться они не могут всвязи с угрозой потери индивидуальности. Но запретить усредняться – это значит указать границы распространения. Это значит собрать, втиснуть, затолкать размытое сознание в некоторую область, где размещённым окажется только данное сознание и не будет никого постороннего. И коль образуется выделенная, или иначе, замкнутая протяжённость, то она обязательно примет некоторую форму. Сама её конфигурация устанавливается разместившимся сознанием, исходя из принципа минимизации своих затрат на единицу личной полезности.

Затем, по мере роста обособившегося сознания, возникнут внутри формы перестроения её содержимого в направлении наиболее полного отображения особенностей развития. Начнётся ваяние, взращивание, творение организма, создающего вместе с формой тело. Сознание, изготовившее себе тело, выделяется из общего пространства, занимает нишу согласно своей развитости и превращается в особь, получающую право и обязанность развиваться не как-либо произвольно, а только в соответствии с законами восхождения³². Образуется мир, населённый персоналиями.

А что же было до персоналий? Было спящее пространство-сознание, которое когда-то в период бурного развития достигло предела своих преобразований и оказалось не в состоянии изменить свою структуру так, чтобы более сложные направления роста смогли обеспечиваться наличными ресурсами. Другими словами, объект не сумел воспользоваться объединительной частью объединительно-разъединительной связи, востребуемой всякий раз, когда возникал конфликт разрушительного накала.

Поскольку на уничтожение сознания и на его попятное движение наложен запрет, то в случае недостатка внутреннего запаса для дальнейшего роста, самоисчерпавшийся объект переходит в состояние поиска возможностей роста. Этот процесс медленный, почти застывший или спящий, поскольку не достаёт своих сил для кипения, а внешняя подпитка ещё не организована. Происходит тягучее накопление потенций.

Объект в этот период стремится так преобразовать свою структуру, чтобы кому-то из соседей стало выгодно объединиться с ним. Тогда прирост наполнения откроет перспективу дальнейшей активности. Обновлённый объект начнёт исподволь искать своё предназначение. Такой поиск проходит через этап закладки каждым сознанием собственного вместилища – формы. Похожие явления наблюдаются при аккреции вещества в кратных звёздах, при захватах-слияниях ранее свободных масс, при поглощении космической пыли, при конденсации туманностей, при поглощении материи сколапсированными телами ...

Солнце, например, выйдя из спящего состояния, постепенно наращивало свою активность, в результате чего стало интенсивно развиваться и порождать внутренние конфликты, как следствие своего бурного роста. Некоторые из них удалось устранить в рамках уже имеющейся структуры. Светило при этом сохраняло прежнюю свою форму. Другие конфликты погасить таким образом не удалось, и звезда вынуждена была прибегнуть к разъединительному приёму примирения разлада. Она удалила бунтующую часть на такое расстояние, которое представлено, как *ни упасть, ни улететь*³². Люди воспринимают эти перестроения, как образование планет. И в дальнейшем Солнце, по мере развития и возникновения противоречий, станет прибегать к выплёскиванию части непокорного вещества с порождением очередных планет. Так будет происходить до тех пор, пока новые шаги развития не смогут

обеспечиваться собственными ресурсами. Но когда их перестанет хватать, идея гашения конфликтов через разъединение изживёт себя, ибо беспредельное дробление связано с ведущим в небытиё попятным движением. На данном этапе вступает в силу идея объединения, укрупнения, слияния, совмещения. Касательно Солнца она выглядит, как возврат отторгнутых объектов в тот массив, из которого они были изгнаны. Для этого стоит лишь незначительно притормозить скорость полёта по орбите, и под действием тяготения планета своими достижениями пополнит запас потенции светила для теперь уже совместного роста. Так что когда-нибудь все планеты сольются со звездой, поставив её тем самым перед необходимостью принять особые меры для своего выживания.

Всё существующее стремится на свой лад получить выгоду от использования объединительно-разъединительных отношений. Применительно к персонам ремонтного потока³² эта идея получила воплощение в виде повышения сложности тел по мере роста их сознания. Это рассмотренное ранее положение о составности тел, в котором изложена объединительная часть универсальной закономерности. Собирательно-совмещающая идеология построения тел имеет ограничение: при росте сознания наступает момент тот, который нельзя обеспечить привычным усложнением тела, поскольку конструкция требуемого тела получается неустойчивой. Для выхода из тупика задействуется разъединительная часть: существа на стыке объёмного и кваромного миров отказываются от плотного тела и организуют дальнейший рост в нематериальном виде. На вершине, т.е. в шестимерном мире – сорросе, происходит самое драматическое разъединение: всё, порождённое временем, уничтожается и превращается в прах, или иначе: в невозмущённое пространство, которое затем преобразуется по мере надобности в другие потребные формы, не связанные с предисторией.

Изложенное показывает неустранимую зависимость сознания от формы-тела-организма. Без них светоч мироздания бессилен. Без них лишён возможности действовать на среду. Бездействие ведёт к остановке развития, т.е. к небытию. Потому первой заботой всякого сознания от *довира* до светила является обустройство своего сосредоточения-вместилища. И поскольку сознания волею законов септона обречены на индивидуальность, т.е. на бескомпромиссное отличие каждого от всех, то и тела их тоже различны всегда и во всём. А раз так, то тело и можно и нужно

приспособить, как надзорный атрибут за состоянием сознания. Несмотря на вторичность тела по отношению к сознанию, оно, тем не менее, призвано служить: во-первых, инструментом познания, во-вторых, средством наказания, в-третьих, звеном связи материального и нематериального миров.

Всякое познание начинается с того, что в сознании возникает побудительный мотив к действию. Само действие всегда направлено на окружающую среду, в состав которой входит и сознание, вздумавшее действовать. Но среда – это скопление объектов-индивидуальностей, причём таких, каждый из которых имеет свои и сознание и форму. Вопрос: кто действует и на что именно?

Может ли сознание непосредственно влиять на сознание? Ответ категоричен: *нет*. Если бы где-то в любой космической дали, в тайном закоулке мироздания возник даже случайный прецедент прямого проникновения сознаний, то эта выходка зародила бы сомнение в необходимости формы. Сомнению же свойственно утверждаться и шириться. В сочетании со стремлением к снижению затрат для достижения личной выгоды, это привело бы к развенчанию, а затем и к отказу от обременительного атрибута – формы. Такой мир трудно вообразить. Сознание в нём вынуждено было бы для сохранения индивидуальности прибегнуть к иным вариантам самовыражения. К счастью, в нашем мире форма есть, поэтому всякое взаимодействие сознаний одновременно с этим обозначает и взаимодействие форм.

А как же сновидения, внушение, ясновидение, предсказания, пророчества ...? Эти явления рассмотрены в работе *миры*³, потому здесь отметим лишь некоторые аргументы. Прежде всего следует принять во внимание, что сущность при переходе из бесплотной области в твердь воплощается не полностью, а только в той части, которая при соответствии сознания и тела может быть обеспечена телом. В том числе и человек. Он представляет собой бóльший или мёньший фрагмент сущности, удостоенной восхождения. Остаток от фрагмента находится в нематериальном виде и имеет форму, характерную для того этапа развития. Так что человек, как и прочие персоны стихии времени, одновременно располагается в двух мирах: какая-то часть в нематериальном поле, а остальная – в материи. Тамошняя часть наделена способностью просматривать более удалённые расстояния и расширенные периоды времени по сравнению с плотной компонентой, пребывающей в тверди.

И если бы эфирная составляющая, наблюдающая будущее человека, смогла преодолеть инертность восприятия скованного плотью земного сознания, то каждый воплощённый с помощью своей эфирной части смог бы просматривать собственное будущее. Открылась бы возможность внести исправления в личную судьбу. Мир изменился бы до полной неузнаваемости. А пока что живущие вынуждены довольствоваться отдельными подсказками, вроде видений или озарений оттуда, наитий, предчувствий, иногда прозрения, интуиции, просветления, предвидения ...

Может ли сознание действовать на материю? Может! И не просто может! Оно обязано творить материю по своему видению. Но всякий раз при обращении к понятию *сознание* следует иметь ввиду, подразумевать или соотносить с ним присутствующую, как неотъемлемое дополнение – *форму* этого сознания. Точно так же при употреблении термина *материя* надо учитывать *сознание* того объекта, материальной составляющей которого интересуется исследователь. Чего-либо такого, что умудрилось бы существовать без сознания, не может быть и его нет. Попытка отрицать сознание равноценна отрицанию развития: такой мировоззренческий ступор характерен для додарвиновской эпохи, породившей горы научных словесных узоров с крошечным содержанием.

Таким образом во влиянии сознания на материю участвуют четыре стихии: сознание и его форма, а также материя и её сознание. Кто из них на кого действует? Ранее показано, что сознание, не привлекая форму, не в состоянии напрямую воздействовать на другое сознание. Значит, остаётся вариант передачи воздействия через форму. При этом сознание, имеющее побудительные намерения, вынуждено отобразить их в собственной форме. Затем организовать взаимодействие своей формы с чужой формой таким образом, чтобы передача состоялась в русле побуждающих устремлений. Чужая форма не может самостоятельно обработать полученный сигнал в силу вторичности её статуса по отношению к сознанию, поэтому она воспримет сообщение на привычном для неё уровне отображения окружающей среды и уже в качестве инструмента познания передаст его в сознание приёмной стороны. В момент получения сведений происходит изменение состояния стороннего сознания, а это вызывает его несоответствие собственному телу. Поскольку любой разбаланс сознания и формы ощущается, как дискомфорт, переходящий в болезнь, то сознание устремляется к

приведению имеющегося тела в соответствие с собой. Начнётся изменение тела, являющееся признаком развития. Тело воспримет исходящую из сознания новизну, и между ними установятся паритетные отношения: следствие станет определяться причиной.

Пусть сознания между собой равны. Тогда для передачи сообщения от одного из них другому следует: первое сознание должно перестроить свою форму в соответствии с сутью сообщения и с условиями воздействия на форму собеседника, затем произвести это воздействие и получить отклик от сторонней формы, далее уже эта форма должна изменить своё состояние на такое, которое способствует восприятию и доставке воздействия своему господину-сознанию в пригодном для усвоения виде. Второе сознание, усвоив сообщение, ещё никак не сможет продемонстрировать полное усвоение, поскольку прямой связи между контактёрами нет. Для подтверждения приёма послания необходимо проделать всю стыковочную работу в обратном порядке. И это при условии, что сознания одинаково отображают тему общения. Но из-за запрета на тождественность, обусловленного индивидуальностью развития, практическое достижение взаимопонимания сознаний разноразвитости превращается в трудно решаемую задачу.

Эта задача столь трудна, что за всё исторически обозримое время наметилось весьма относительное её решение при контакте человека с животными, или иначе: при контакте междумерного разума с плоскостным. Она вовсе не имеет решения при общении с растениями, т.е. населением линейного мира, и совсем ускользает даже постановка задачи общения с персонами точечного мира: довирами, вирусами, бактериями, клетками ... Что касается людей, то они образуют такую прослойку стихии времени, такой срез живого, для которого характерно ослабление способностей взаимного понимания. Различие мнений, являющееся основой развития, воспринимается как угрозу, и, если стремятся к единению, то через насилие. Такое состояние типично для обществ, не осознавших себя и ещё не умеющих самостоятельно учиться самостоятельности. Их путь короток и тяжёл. Им уготована карусель из гибели-возрождения, пока растущее в бедах сознание не придёт к самооценке.

Своя и чужая формы вместе образуют окружающее пространство, в котором действуют общающиеся сознания. Между средой и сознаниями устанавливаются дополнительные отношения: сознание определяет особенности среды, а среда влияет на развитие

сознания. Так, сознание человека создаёт собственную форму-среду, в которой располагается организм. Он, хотя и функционирует на основе общих физиологических установок, но, тем не менее, призван поставлять сознанию впечатления о мире, весьма отличающиеся от впечатлений лабораторной крысы. Поэтому лабораторные и любые другие данные, полученные на материале, у которого сознание ниже людского, будут иметь относительную достоверность. Их соответствие определится, как проекция человеческого сознания на сознание крысы. Поскольку невозможно в наше время постичь такое соотношение, то перенос результатов косвенных исследований на людей является мировоззренческим бессилием современного целительства.

Как же тогда лечить? Ответ приводился уже много раз: своим сознанием необходимо воссоздать внутреннюю среду своего тела таким образом, чтобы процессы в нём протекали в соответствии с видением себя самим собой. Если при этом в теле возникнут отклонения от задуманного, дискомфорт или боли, тогда следует искать причину для их устранения в своём понимании себя без привлечения сторонних средств лекарского плана, нарушающих единство личного сознания и личного тела.

Действенность такого подхода к лечению рассмотрим на примере простатита. Полвека назад эту болезнь знали только специалисты и относились, как к возможной, но всё же редко встречающейся неприятности. Сейчас же она на слуху у всех, поскольку касается, если не каждого, то большинства мужчин. Первое десятилетие 21 века отличилось тем, что ввело в обиход диагноз *врождённый простатит*. Младенцы, только что вошедшие в наш мир, уже страдают тяжелейшим пороком, ставящим под сомнение их половую пригодность и гражданскую значимость.

Простатит – это *бунт* предстательной железы, служащей переключателем, соединяющим мочеиспускательный канал то с мочевым пузырём то с пузырьковой семенной железой. Помимо исполнения коммутационных функций, простата выделяет сопутствующий секрет для повышения качества семенного материала и служит одновременно с этим чувствительным элементом, остро отзывающимся на любые изменения состояния мочеполовой области. Даже незначительные нарушения сопровождаются тяжестью в паху, затруднением мочеиспускания или наоборот: невозможностью удержания мочи, болями, ноющим зудом, резами ...

Мужчина сникает, едва узнав о причастности к племени обездоленных. Всё его бытие затягивается в область боления, жизнь наполняется запахом лекарств, в обличье появляется затравленность. Мужчина невероятно мнительное и хрупкое существо, он быстро разрушается и весьма медленно восстанавливается. Особенно остро сказываются в нём даже малые нарушения мужскости.

Начинается период хождения по кабинетам, лабораториям, аптекам. На занемогшего изливается невообразимое число советов, методик, лекарств. Специалисты, соревнуясь между собой, предлагают самое-самое, что враз одолеет хворь. Однако по состоянию на первое десятилетие 21 века случаи излечения простатита неизвестны. Больные, попав на конвейер отстранённой от человека медицины, выпив, проглотив и уколов прописанное, направляются под скальпель для последней выемки денег у пациента. Войдя в лечение больными, уходят из него калеками.

Простата – это студенистый орган своим видом и размерами похожий на плод каштана. Несмотря на многочисленность и сложность его внутренних функций, он лишён надёжного костного, хрящевого или мышечного каркаса, ответственного за сохранение формы. Однажды изменившаяся, она уже в прежнее состояние не возвращается. Врачи знают это, но всё же насилуют ослабшую простату невероятным количеством препаратов в надежде, что какой-то из них случайно, вдруг, вопреки своему отравляющему действию, поможет излечить недуг. Пока не произошло такого чуда, иначе пиллюля стала бы панацеей, а болезнь исчезла бы из списка прогрессирующих и неизлечимых.

Что же происходит? Лекарства, попав в организм, изменяют его внутреннюю среду. Она перестаёт быть той средой, которая обеспечивала единство сущности со своим телом, в данном случае человека. При отсутствии единства исчезают указующие ориентиры развития частей тела. Спасая себя, органы переходят в режим поиска вариантов удовлетворения своих потребностей за счёт использования нетипичных комплекствующих, авантюрно впрыснутых в их жизненное пространство. Это приводит к разобщению сознания, тела и органа или, другими словами – к ослаблению с последующим уничтожением сущности. Очевидна нелепость догматического лечения: вместо того, чтобы изменившуюся внутреннюю среду организма привести в соответствие с потребностями сознания, насильственным лекарственным вмешательством провоциру-

ют дальнейшее отклонение среды от её требуемого состояния. Да подтолкни падающего. При вмешательстве в чужую судьбу благих намерений мало – нужны ещё ответственность и знания.

Но если надо привести окружающую среду к требуемому состоянию, то кто может, должен или обязан выполнить такое приведение? Кто бы это ни был, он вынужден знать суть и свойства, особенности того объекта-среды, в который намерен внести изменения. Едва в конце последнего предложения поставлена точка, а уже слышны негодующие обличительные речи: разве медицина не знает строения, связей, расположения, функций и прочего богатого анатомического материала, а разве цитология, гистология, биохимия, генетика ... не располагают нужными данными, а разве лабораторным путём нельзя определить уровни натрия, кальция, марганца и других включений, а разве пальпацией, ультразвуком, рентгеном и прочей аппаратурой нельзя обнаружить уплотнения, опухоли, размещения ...? Ответ возмущенцу будет успокоительным: да, можно! И это делается ежечасно, повсеместно. Но чем дальше идти вглубь науки, чем больше аналитических сведений, тем отстранённее становится сам лекарь от больного человека. Важно знать сопутствующие симптомы, но самой большой важностью является умение безошибочно сделать вывод из лоскутно поданных якобы фактических данных.

Но если тактика лечения принята, что это значит? В перечне лекарских воздействий выбор небогат: массажи, втирания, прогревания, таблетки, капли, уколы и всё венчающий скальпель. Силовой напор направлен на форму органа. Однако если она сама по себе изменится без участия сознания органа, то это признак разложения. И снова приходим к удручающему стилю медицины: падающего подтолкни! Безусловно, внешнее давление на форму вынудит её исполнить свои обязанности, как средства познания среды, и передать сведения, отображённые телом железы', в сознание этой железы. Сразу же выяснится, что новые данные вынуждают орган отклониться от предначертанного пути развития. И поскольку такой демарш запрещён, сознание вступит в борьбу со своим телом и заставит его отказаться от употребления непригодных комплектующих, поступивших в организм под видом лекарств. У больного и так мало сил, но и те, что остались, придётся использовать для защиты себя от энтузиазма невежд. Врач оценит такую ситуацию, как неудачно подобранное снадобье. Применит второе,

третье ... пока жив пациент. Нарастает драматическая ситуация: вместо приведения среды в соответствие с потребностями органа, она настырно уводится в состояние, в котором орган выжить не может. Большие старания при малом знании выстилают дорогу на кладбище, лично заселяемом лекарем.

Отсюда вывод: никакие *сторонние* средства под общим названием *лекарства* не могут привести орган к норме, а больного к выздоровлению. Что же делать? Необходимо обратиться к первопричине того, что определяет лик существа. Бразды излечения нужно передать в ведение сознания этого же существа. Только оно способно снабдить организм нужными, т.е. *собственными* средствами, как это следует из предначертанного пути личного развития.

Поскольку земляне скептически относятся к такой силе, как сознание, напомним, что в компактной конструкции с названием человек, вся мыслящая, страдающая, наслаждающаяся, действующая, развивающаяся, словом, творящая активная часть — это разные стороны проявления сознания. Например Вы, читатель, отображаете написанное только потому, что Ваше сознание приняло решение ознакомиться с данным материалом. Если не вдумываться в происходящее, то кажется, что Ваши действия проистекают изнутри собственного тела. Где-то в глубине плоти, именно плоти, возникает побудительный мотив, и руки сами берут книгу, глаза сами распознают символы, мозг сам воспринимает смысл. Вроде бы сознанию и места нет в такой ясной картине. Но давайте уберём сознание.

Коль оно ни при чём, ничего нового не должно произойти. Однако уход сознания означает смерть. Останутся те же руки, мозг, глаза, и та же книга, т.е. инструмент познания имеется, а того, кого эти познания интересуют, уже больше нет. Если даже мёртвое тело что-то отобразит, то нет никого, кому понадобилось бы это что-то. Таков удел всякого следствия. Без причины, приведшей к данному следствию, само следствие возникнуть не может. Ваше сознание делает Вас персоной, личностью, человеком. Именно Ваше сознание удостоено восхождения по мирам и является бессмертной частью, которая в данном земном воплощении готовит себе в процедуре рождения тело в виде Иванова, Петрова ...

В людской жизни интервал развития сознания от зачатия до кончины соотносится с душой. Поскольку до рождения и после смерти тела нет, создаётся впечатление у не осознавших себя существ, что там нет и души. Получается обманчивая уверенность,

что душа появляется вместе с телом, а точнее – порождается телом и произрастает из него. Тело оказывается причиной, а душа, если не совсем следствием, то попутчиком, свидетелем, таким отражением деятельности тела. Отсюда и вытекает вековое заблуждение: в целительстве воздействовать именно на плоть в надежде на то, что всё остальное, в том числе и присутствующая при ней душа, враз воспрянет сама собой. Эпохами терзаемое тело в наши дни решительно воспротивилось насилию и свело самих насильников к уровню деградантов. Ситуацию выровнять ещё можно, но для этого следует изменить мировоззрение.

Тогда *передать бразды правления*, значит проделать работу по изучению себя согласно первым разделам данного изложения. А проделав её, человек становится другим: он уже не паразитирует на теле, а превращается в творца собственного организма. Он имеет связь с каждым органом и способен мысленно просмотреть его состояние. В случае отклонения от комфортного положения, из сознания через мозг – материального посредника – направляются целительное воздействие в больную область. Само же воздействие включает в себя нервное, гуморальное, гормональное и все иные материальные движения в организме, известные человеку. Но значимость их носит сопутствующий уровень. Это движение форм. И двигаться они могут только потому, что к этому их вынуждают соответствующие сознания, человеком пока не воспринимаемые.

Новой особенностью совместного движения целительных сознаний и форм является отображение в них того, чего недостаёт в обозначенном участке боления. Чаще всего такое недостающее может быть доставлено вместе с пищей. Человек при этом испытывает желание съесть именно то, что в данный момент отобразится в его воображении. А съев это, он целенаправленно изменит внутреннюю среду путём внесения в неё конкретного ранее отсутствующего элемента, приведшего к заболеванию органа. Новизна в том, что отпадает надобность в использовании чужеродных и враждебных продуктов с названием *лекарства*, и одновременно с этим вводится щадящий вид лечебного воздействия – пища.

Важно отметить, что пища всегда рассматривалась как значительный фактор для здоровья. Известны обширные рекомендации по вопросам питания при различных заболеваниях. Но такие советы подготовлены *по аналогии*: если у Сидорова были некие симптомы недужья и он избавился от них таким приёмом, то и

Петрову следует поступать похожим образом. Если бы данный лекарский штамп был действенным, то опыт тысячелетий уже бы позволил давно избавиться от телесных страданий. Но ничего похожего нет. Нарботанные подсказки исходят из уверенности, что все тела одинаковы и влиять на них следует сходно. Если нет других ориентиров поведения, то полезными окажутся и такие. Однако от полезности до излечения весьма протяжённая дорога. В наши дни она слишком растягивается, всвязи с засилием синтетических продуктов, наполняющих тело. Пища превратилась в атрибут, опасный для жизни. Потому не стоит надеяться, что утоляя голод вообще, удастся по пути устранить болезнь. Наоборот: при несоответствии пищи недугу в теле Иванова, организм заполнится шлаками, и вовсе затрудняющими выздоровление.

Тогда свойство целительного воздействия указывать на пищу конкретную это не только наиболее ценное, но и открывающее новые возможности пищи, которую при данном подходе можно рассматривать, как дальнейшее развитие понятия *лекарства*. При изучении тела до уровня осознания себя каждый элемент плоти пойдёт в сознание человека своё понимание личных потребностей. В силу запрета на одинаковость судеб, все послания окажутся разными. В сознании существа они отобразятся ввиде определённого продукта, в котором наиболее полно содержатся недостающие компоненты. На уровне плоти к такому продукту проявится аппетит. При его употреблении тело пополнится необходимым. И если бы удалось создать такой пищевой продукт, у которого, кроме потребного, ничего не оказалось лишнего, то пользу можно было бы получить без отходов. В таком случае весьма упростилась бы работа кишечного отдела и появилась бы возможность избавиться от многих бед, связанных с удалением экскрементов.

Пища при этом потеряла бы насыщательное назначение и употреблялась бы в качестве средства приведения тела в то состояние, которое сущность определила для себя как здоровое. В таком теле болезням места нет. Следовательно, нет потребности в лекарствах, и громадный пласт людской лжекультуры с названием *лечение* отошёл бы в прошлое и стал бы достоянием музеев.

Однако элемент тела только тогда сможет сообщить о недостающих комплектующих, когда он знает о том, что ему потребно. Эта фраза составлена с учётом того, что всякая часть плоти от малой клетки до большого органа является сущностью, личностью,

персоной, и законы её бытия такие же, как у сущности в виде особи. Потому использование терминов *сможет* и *знает* оправдано по условию обращения к разумным объектам. Различие между ними определяется размером сознания, т.е. его мерностью, иначе, принадлежностью к разным срезам стихии времени. Срезы разные, а законы оразумления едины. Значит, во всём интервале соответствия части и общего, рассмотренного в предыдущем разделе, общее, иначе: сознание особи, обязано информировать часть, т.е. орган, о своих намерениях. Как было показано ранее, коррекция развития частей в русле притязаний общего возлагается на репродуктивный материал. Повторимся. Он формируется под воздействием сознания и вслед за мозгом является дублёром на материальном плане устремлений нематериального сознания. Отобразив в себе особенности развития сознания и используя свою вещественную и невещественную составляющие, половой материал таким образом строит деятельность организма, чтобы происходил рост элементов тела в строго начертанном направлении, выбранном только в соответствии с развитием особи, а не произвольно.

До тех пор, пока тело не *наполнится семенным материалом*, ни одна клетка, ни одна ткань, ни один орган, а значит, организм в целом, *не могут знать*, куда следует направить линию своего развития. Такое незнание нарушает соответствие сознания и тела. Это начало полосы болезней, лечить которые люди никогда не умели. Они направляли всё мудрёное целительство на оглушённые органы, давая их лекарствами, подталкивая к предательству тела и сознания, т.е. насильно вынуждая отклониться от той линии развития, которая ведёт к здоровому целому.

Сознание возвращает семя, семя управляет телом, тело способствует росту сознания. Получается замкнутая цепь развития. Если и есть священные процессы, то круг взаимной зависимости сознания, семени и тела является самым священным, т.е. таким, из которого вся остальная святость вытекает, как следствие. В этом круге задействованы три гиганта, определяющие лик мира. Бытие наполнено ими, причём так, что в любом объекте они обязаны присутствовать все вместе и одновременно. Если исключить сознание, объект не состоится в принципе, если убрать семя – тело перестанет соответствовать сознанию, что эквивалентно небытию обоих, если отсутствует тело – это означает смерть и смену области воплощения. Все существа царства времени чтят их единство.

Чтят до преклонения. Это выражается в особо заботливом отношении к возвращению и укреплению семени, в чёткой этапности и ритмике доводки семени до репродуктивной зрелости и невероятному, прямо-таки фанатичному сбережению, экономии и целевому применению семени: только для продолжения рода³³.

В дочеловеческом мире нет пустого секса, нет онанизма, нет однополых совокуплений. Такие растратные процессы нарушают, затем ослабляют и, наконец, уничтожают единство сознания и тела. Особь перестаёт соответствовать восхожденческому назначению, поскольку видит мир искажённым. Неверная оценка конфликтов ведёт существо к смерти. Если когда-то и были пренебрёгшие экономией семени, то уже давно вымерли, и их больше нет. Отдельные эпизоды повышенного внимания животных к своим гениям, игровому ухаживанию и даже спариванию относятся к естественным моментам подготовки к гону и наблюдаются редко, в период перехода от длительного полового покоя к накоплению сил. При этом нет систематической потери семени и тем более нет культа оргазменного разгула³³. Совсем иное дело у человека.

Он, едва выделившись из дикой природы, в качестве отличительного признака независимости от среды, ввёл в свой быт непорядоченные половые отношения. По мере очеловечения и расширения кругозора, интимный накал стал основой, на котором взрастала культура. Вскоре не осталось ни единой области бытия, не подавленной культом секса. Начиная со второй половины 20 века этот культ набрал такую мощь, что затмил рассудок землян.

Одновременно с утверждением секса прослеживается линия деградации людей. Изменился облик человека, ибо ослаблен или устранён единственный регулятор формы – репродуктивный материал. Без него тело неспособно справиться с задачей познания среды. Оно перестаёт быть инструментом, поставляющим сознанию сведения о мире. Покинутое сознание вынуждено остановиться в росте. Но остановка запрещена законами восхождения, потому разум сникает, затухает, умирает, т.е. уходит с планеты в нематериальную область бытия. Люди растеряли себя и не имеют сил спросить: что было сделано столь великое, чтобы оправдать жертву в размере общего боления и безостановочного падения?

На этот вопрос отвечать некому. Популяция людей превратилась в порочную массу, паразитирующую на лице планеты. Сответствует ли такое поведение законам оразумления?

Да! Соответствует! Более того, этап перехода от плоскостного восприятия животных к междумерному людскому видению выделен в особый период, в течение которого существа обязаны самостоятельно научиться самостоятельности. Начинается этот этап с освоения процедуры осознания себя. С исторических глубин и до наших дней эпоха за эпохой, малыми долями просветления люди поднимались в самопознании. За это время ушли общества, не осмыслившие своего пути, и потому нет их среди бытующих. Были общества, слабо вдумывающиеся в своё назначение, и они поэтому не живут, а влачат существование. Общество, которое называется современным, осознало бытие частично и определило своё направление движения, но, в силу одностороннего взгляда на предназначение себя, организовало движение в ложном направлении, отдав предпочтение материальной трактовке мира.

Кто же должен подсказать, научить, указать путь? Никто! Таких радетелей нет! Каждая персона, общество, цивилизация на основании закона о предначертанном пути развития обязана сама искать свою дорогу. От *искать* до *найти* проходят большие времена. Длинную дистанцию поиска не удаётся пройти сразу за один приём. Идущие ощупью, с самого зарождения выбирают какое-то направление действий, напрягая силы с угрозой гибели. Если оно окажется в русле их назначения, персона или племя получают шанс дожить до следующего действия-конфликта. Потом до следующего, потом до следующего, и так до тех пор, пока не выступит очередное испытание в качестве экзаменатора соответствия пути. При накоплении знаний, истинно отображающих мир, идущие преодолеют препятствие без перемены области воплощения. Ну, а если нет? Тогда наступит то, что люди называют гибелью цивилизаций. Сама по себе гибель не означает уничтожение сознаний. Каждое из них претерпевает переход в нематериальную область, а, пройдя её и породив там противоречия, вынуждено будет снова воплотиться в материю. Некоторые из них попадут на нашу планету, вольются в местную цивилизацию и на очередном витке развития будут учиться самостоятельности. И так до тех пор, пока их восприятие мира приемлемым образом не станет соотноситься с самим миром. Тогда они выйдут из цепи порочного кружения и приобретут статус *осознавших себя*. Существа с таким статусом на планете не живут. Они к тому времени уйдут вглубь Земли и освоют недра, чтобы появляться иногда перед верхними жильцами в

виде инопланетян в летающих тарелках, рисующих круги на полях. Люди уже пережили много таких витков и находятся в своём поиске вблизи правильного выбора пути развития. Именно вблизи, а не в правильном направлении. Иначе не было бы смысла в данном изложении. Дальнейшая судьба всего человечества зависит от того, насколько оперативно оно сможет повернуться от воинствующего паразитизма к осознанию сути бытия и связи миров³².

Такой разворот следует начать с восстановления ранее уничтоженной связи сознания с семенем и телом. Болезни людей обусловлены пренебрежением к семени, как фундаментальному атрибуту обеспечения телесной устойчивости существ сферы времени. Нет семени – нет и сущности. Жидкое-незрелое семя – ущербным будет и сущность. Мощное семя порождает богатырское племя.

У больных простатитом в обязательном порядке наблюдается весьма ослабленное семя. Мужчины большими буквами должны написать последнюю фразу на знамени своей жизни. Осознание её даёт возможность избежать встречи с таким оскорбительным фактом, как *разложение* предстательной железы. Для этого, ещё будучи в полном здравии, следует заранее сориентировать свой жизненный путь в направлении укрепления своего же репродуктивного материала. Нужно „иметь мужество мыслить самостоятельно”¹⁸. Это весьма непросто, поскольку современные охранительные источники содержат очень мало сведений, не приносящих вреда. Особенно преуспели в этом кормящиеся на ниве бурного секса.

Со времени большевистской революции истерично насаждался культ свободной любви в жизни³³. Этому есть много причин, но главной из них мотивацией является стремление к господству. Истёкшие особи покорны сами по себе, но ещё более покорных они породят. А это полчища дармовых работников, вроде колхозников; плотные каре вооружённых солдат, вроде захватнических армий; послушные избиратели, голосователи, одобрятели, вроде коммунистических обществ; это неиссякаемый материал для безмозглых опытов, вроде скрещивания обезьян с людьми; это почти беззатратное кастрирование населения; это, наконец, поле изымания денег путём профилактики, госпитализации, обслуживания калек, похорон, и, как итог, – истребление наций, народов, и мировой передел. Трагичность процесса уродования людского племени состоит в том, что его возглавляют уже покалеченные особи. Это значит: ни при каких условиях главари массового уродства не

повернут в сторону оздоровления человечества. Вся история испещрена примерами, когда зачинщики поголовного забоя людей в муках погибали раньше, чем наступал разгром их начинаний. Хотя и медленно, но главари учатся на своих поражениях. И конечно же не в направлении отказа от своих поработительских замыслов. Какие бы яды, газы, бомбы, оружие и машины ни создавались, им всегда противопоставят похожие достижения, отчего победа становится сомнительной. Насколько же надёжнее под видом нового стиля, молодёжной культуры, раскрепощённости нравов, свободы поведения, ухода от стереотипов, авторских находок, общественно и медицински важного секса и прочих уловок-приманок запустить в умы изнуряющие-оглупляющие новизмы, увлекающие людей в болезнь. А больной – это объект непротивления и источник дохода. Просто, малозатратно, эффективно. И опять: задумавший такое, в силу невозможности убежать с планеты, сам вынужден находиться в им же созданной среде и разделить именно ту участь, которую готовил другим. Зачинщик гибнет первым.

А что же люди? Их ведут – они идут! Их гнут – они гнутся! Их калечат, они поддаются! Их убивают – идут на убой! Таким ли должен быть разум, поднявшийся над животными? На этот вопрос ответ уже приводился: это неизбежный этап становления сознания в междумерный период развития. Неустойчивые и враждебные взаимные отношения есть особый признак существ, неосознавших себя. У них ещё нет такой зрелости ума, чтобы его хватило для безошибочного или, иначе, точного движения в начертанном направлении. Потому поле поиска своего пути оказывается весьма обширным. При широком выборе неизбежны ошибки. Каждая из них в обязательном порядке должна быть исправлена, ибо отход от своего пути недопустим по условию устойчивости миров³². Само исправление выглядит, как наказание в виде тягот, трагедий, бед, мук, страданий со всё увеличивающимся накалом. При достижении некоторого предельно допустимого уровня давления, в связи с невозможностью повернуть заблудших иными приёмами на свой путь, используется крайняя мера образумливания – гибель всех, т.е. смена области воплощения через смерть.

Однако такая гибель не пустая, не бесполезная. Она – итог прошлой жизни. Сознание ранее живущих обогатилось опытом. Они стали более развитыми по сравнению с тем состоянием, в котором вступили в период, закончившийся гибелью. Цена такого

опыта – совокупные страдания. Они наполняют сущность вместе с накопленным опытом. На следующем витке воплощения в материю существо, опираясь на добытый трудами багаж, пойдёт иным путём, на котором будут уже другие терзания и поиски. Новые испытания принесут очередной опыт, и так всей цепью восхождения к шестимерному миру, виток за витком, каждая персона вынуждена будет самостоятельно учиться самостоятельности.

Человек – та же персона. Он учится. Жёстко, больно, в нескончаемых муках. И он сам решает идти путём, где муки возрастают, или той тропой, для отыскания которой следует опереться на силу разума. Судя по ярости стихийных бедствий на Земле, становится понятным, что люди идут в ложном направлении по отношению к предначертанному пути, и им придётся решать, погрузиться в омут ада или использовать теперешний опыт для менее затратного оразумления. Приходится признать, что в земной популяции нет зрячих: здесь слепые пастухи ведут слепое стадо. Значит, порицая взбесившихся вождей, следует в не меньшей мере порицать-осуждать-обвинять всю людскую массу. Лидеры без народа и народ без поводырей порознь не состоятся. И коль одни впрыскивают в общество культ секса для своих целей, то другие в меру своей развитости могут принять его в расхожей трактовке и отправиться к ним же на конвейер доения, а могут найти в себе мужество и определить ему место в виде украшения жизни. Всё насаждаемое приживается лишь в меру неразумности каждого.

Особо убойное давление оказывается на мужчин. Используя вековую раздвоенность, проистекающую от большой общественной власти и ограниченных половых возможностей, их увлекают в соревновательность с женщиной. Создаётся фон высоких женских запросов, которые якобы с лихвой должны удовлетворяться мужчиной. Внедряется культ здоровяка, способного всегда, везде и при всех. Насаждается романтика соития, мимолётных отношений, оргазменной феерии, но более удручает то, что разудалый, до изнеможения истекающий секс, накрепко привязан к здоровью. Больше ста лет официальная медицина начинает ознакомление с пациентом с вопросов: сколько раз в неделю, какая продолжительность, регулярность, причины перерывов, количество, запах, цвет эякулята, ощущения, боли и другие тонкости-подробности.

Если окажется, что не ежедневно, даже не через день, а упаси боже, неделя прошла мимо, или совсем ужас: месяц пролетел без

оттока: „Ну, батенька, не жалеете себя, кто же возьмётся вас лечить, если у вас сплошные застойные явления. Семя не отходит, не течёт, не прочищаются каналы, кровь не циркулирует. Вы на грани воспаления, возможны осложнения, если не опомнитесь, того и гляди: катаральный, фолликулярный, хронический, а там шаг – и аденома, рак. Без простатэктомии не обойтись”.

Больной чувствует себя растерзанным. Ведь он-то знает, что не только ежедневно или еженедельно, не только ежемесячно, но и вообще не ясно, когда произойдёт улучшение и появится возможность осуществить половой акт. Он, подчинившись многоликим сексуальным зазывалам и поверив им, пустился в суррогатную любовь с лихостью неразумной молодости в надежде укрепить себя. Прошло совсем мало времени, и от него ушли привычные титулы: личность, гражданин, специалист, муж, любовник ... Он надолго теперь *больной*. И снова: падающего подтолкни. У больного нет сил жить, а целительский авторитет советует, требует, стыдит за непонятливость в очевидном вопросе: больше, чаще, как можно чаще, иначе не избавиться от застоя, застоя, застоя ... Это же не лечение, а кликушество, застой мозгов и знаний у лекаря, это коновал, кастрирующий нацию. Пришёл к врачу больным, ушёл калекой.

Мужчины! Имейте мужество не болеть простатитом. Современная лекарская практика бóльший ваш враг, чем сам простатит. Помимо привычных средств оздоровления: пища, природа, эмоции, телесные нагрузки, любовь ... самой серьёзной задачей является умение не терять семя *никогда*. Исключение: только для зачатия.

Проблема неистекающего совокупления столь древняя, что её начало можно отнести к эпохе выделения человека из животного мира. Огонь, орудия труда и охоты позволили заготавливать пищу впрок. Появилось незанятое время. Использовать его можно было бы по-разному, но предки увлеклись дармовым удовольствием от половой близости. Сразу выяснилось, что возможности самца весьма ограничены и ни в какое сравнение с потенциалом самки не идут. Но самец первый в бою, лидер на охоте, хозяин пещеры, вождь племени, он представительный, сильный, властный ... Как же может случиться, чтобы самка взяла верх в таком, казалось бы, простом деле? Возник конфликт, неразрешённый до сих пор.

Вся людская история выросла на этом конфликте. Он является движущей силой в росте производства, экономики и развития вообще. Он – создатель обрядов, обычаев, традиций, легенд, мифов.

Он зачинщик войн, создатель империй, династий, государств. Он вдохновитель поэтов, художников, писателей, артистов, драматургов. Нет ни единой стороны бытия, которая обошлась бы без участия самой трагичной беды планеты, порождённой несоразмерностью половых возможностей женщин и мужчин. По мере приближения к нашему времени этот конфликт набрал такую остроту, что стал определять выживаемость цивилизации.

В книге *мужчина*³³ описаны отчаянные попытки людских самцов хоть как-то подняться до уровня телесной и в особенности половой стойкости женщин. Тысячелетние поиски не принесли успеха. Погоня за миражом окончательно ослабила мужчин и утвердила их статус: слабый пол. Женщины тоже ослабли, поскольку произошли от ослабленных половых партнёров. Однако и по сей день они остаются основой здоровья популяции.

Природа возложила на них особую нагрузку – рожать. Такой ответственный, рискованный и затратный процесс вынудил природу проявить к женщине милосердие и снабдить её чрезвычайно экономной ритмикой бытия. Она более устойчива психически, имеет организменные обновления, никогда не теряет собственных половых продуктов. Та же природа мужчин невлюбила. Мало того, что она снабдила их жёстким каркасом, скованным мышцами, мало того, что мышечный массив трудно обслуживается, мало того, что наделила неустойчивой психикой, так она, будто своего пасынка, снабдила крохотными репродуктивными органами, не соответствующими пропорциям тела, и в довершение всего вынудила от себя отторгать самое ценное, что есть в его существе: семя.

Последнее обстоятельство оказалось в судьбе мужчины особо драматичным: не потеряв семени, он лишается своего смысла, как значащая особь нашего мира, а потеряв его, уязвляется сам. Казалось бы, такая коллизия обязана вынудить общество найти примирительное решение. Куда там? Произошло всё наоборот!

Надо же тому случиться, что каждое истечение семени сопровождается особым торжествующим ощущением, которое свидетельствует о выполнении самцом своего оплодотворяющего предназначения. Как только человек стал сапиенсом, т.е. разумным, первое, на что он обратил свою мысль, было уяснение дармового удовольствия от близости с женщиной. Природа и здесь отнеслась к мужчине, как мачеха: она не сочла нужным снабдить его иной, менее рискованной или растратной приманкой для совокупления.

Это тем более удручает, ведь та же природа не наградила похожим ощущением самку. Удовлетворение от соития она получает не от оргазма, а от важности своего предназначения: быть востребованной, забеременеть, выносить, родить и тем самым обновить-усилить себя и свой род. В дикой природе уверенная в себе самка всячески мешает самцу в его намерении овладеть ею, проверяя на соответствие требованиям вида партнёра. Ей не до сладострастия, ибо прежде всего нужно получить здоровое семя, обеспечивающее неосложнённые роды и крепкое потомство. Долгое время и женщины не знали взрывной концовки соития, потому мужчинам не нужно было доводить подругу до трепета. Такое соотношение не нарушало статус самца, как оплодотворительного инструмента не только *разового*, но *кратковременного* использования: нужно успеть сделать дело раньше, чем помешают хищники, враги или партнёрша. Таким мужчиной и вошёл в людской этап оразумления.

Не принимая в расчёт совокупительных интересов женщины, мужчина сосредоточил внимание на личных ощущениях. Ему важно получить удовлетворение. Досадным препятствием оказалось вытекающее из него нечто, от чего многие века брезгливо отстранялись, стыдились, считая неприличной помехой в развлекательном постельном блаженстве. Только в 18 веке люди узнали причину беременности. А раньше: течёт, не течёт, не всё ли равно? Лишь бы не нарушались приличия! Но если текло, то из века в век вытекала сила, которой так недостаёт в теперешние времена.

По мере развития общества, мужской оргазм стал неотъемлемой частью бытия. Более того, он превратился в символ властелина. Всякий мужчина несёт на себе титул. Это глава семейства, артели, рода или племени, территории, войска ... Общественное величие стало соотноситься с величием телесным. Воин, разящий врагов, так же лихо обязан управиться в интимной баталии. Лидер любого ранга от бригадира до вождя только потому первый, что первенство это исходит из половой неуёмности. Как же можно допустить, чтобы шах, царь, султан или вельможа ... оказались ночными слабаками? Нет уж, коль есть мужчина, то ему положен титул, а ко всему этому подайте ореол полового бойца.

Следовать таким установкам стало невозможным уже в древности. Чем больше мужчина тщился доказать, что по его рангу ему потребно столько-то женщин, тем слабее он становился. Будучи ослабленным, он взмывал в потугах ещё настырнее и тем самым

окончательно выводил себя из полового оборота. Назревала ситуация сексуального обезглавливания ранее сильного владыки. Это предтеча перемены власти, переворотов, бунтов, революций, в результате которых мужчина из самцовой котировки переходил в разряд особей мужского пола со скорой последующей гибелью.

А женщина? Уверенная в себе и в том, что весь мир у её ног, взмыла в самооценке до высот непревзойдённой полноценности. Она знает: как бы ни взлетел мужчина, он всё равно придёт к её ложу. Что бы он ни изобрёл, завоевал, победил ... всё останется незамеченным, пока сотворённое не превратится в великое в оценке женщины. Без неё у повелителя не будет ни семьи, ни наследников, ни почёта, а это не только ущерб для титула, но забвение в веках. Она стала зеркалом, в котором отражается мужчина.

Стойкость женщин в быту и лишениях, в любви и коварстве, а в особенности их половое превосходство привели к тому, что мужчины стали их бояться. Особо большой испуг охватил их в период перехода общества от многодетности к малодетности. Этот переход высвободил женщину из круга непрерывного создания потомства и предоставил ей свободное время. Она, опомнившись и вникнув в половые утехы, стала осваивать оргазменную концовку соития и так в том преуспела, что вскоре предъявила мужчинам дотоле невозможные требования: она равный партнёр совместной близости, потому не только предоставляет себя для мужского блаженства, но и сама желает получать отраду не меньшего, а может даже большего накала и не разовую, а непреходящую.

Такое условие окончательно раскололо планету. И до него мужчина не мог сраниться с женщиной в постельных состязаниях, а теперь тем более переводился в разряд несостоятельных половых попутчиков. Ведь раньше от мужчины не требовалось удовлетворять подругу, поэтому он прочно утвердился в психической и телесной конструкции как эпизодическая сила, да к тому же кратковременного применения: только тогда, когда пожелает сам, и так долго, сколько выдержит сам. Для новых притязаний женщины прежний мужчина стал непригоден. А иного нет! Но и женщины другой тоже нет! Между партнёрами возникла пропасть, дна которой не видно до сих пор. В неё срываются все земные судьбы.

Жизнь предоставила мужчинам повод осмыслить себя, посмотреть на себя сторонними глазами, найти изъян и попытаться бы его устранить. Однако они уже в древности растратили всего

себя в потешных удовольствиях настолько, что оказались не в состоянии осознать роковую перемену. Вместо доработки себя до усложнённых требований стали переделывать женщину³³. Они её истощали, заточали, запрещали; они у неё иссекали, зашивали, удаляли; они её отстраняли, ограничивали, лишали ... Всё пытались определить, откуда проистекают неизбывное желание, неутолимая страсть и неиссякаемая возможность. Искали веками и когда поняли, что женщина, мучась, становится сильнее, решили подчинить её пытками, тюрьмами, кострами ... И из этого ничего не вышло. Она и по сей день хранит в себе величие породительницы людей. Благодаря её умению исправлять недостатки мужского семени на планете ещё тёплится человечья жизнь.

Но борьба с незрелым продуктом ослабляет благотворную силу женщин. Они становятся всё слабее и уязвимее. Их сыновья за длинные тысячелетия только и смогли додуматься до обрезания крайней плоти пениса. Да! Это дало возможность удлинить время соития, но его всё равно недостаёт для того, чтобы подруга просто-нала: „Хватит!“ Кое-где^{22,49} предпринимались отчаянные усилия для овладения затяжным коитусом, но пока ещё даже удовлетворительных результатов не достигнуто. Вместо работы над собой, мужчины уходят в себя: при неспособности провести полноценную встречу с женщиной они впадают в крайний разгул онанизма. Самоудовлетворение с подачи юродивых советчиков превратилось в заменитель эликсира здоровья: его прописывают при похудении и ожирении, от болезней сердца, сосудов, печени, почек и от всего того, что почти не лечится, включая рак, спид, эпилепсию ... Снова злая воля слепых поводырей толкает популяцию с обрыва.

А что же сама популяция? Ведь каждый мужчина ощущал на себе тяжёлое действие разгрузочного истечения: отвращение ко всему окружающему, затаённый стыд и через силу скрываемую неполноценность, подверженность унынию, беспричинный страх, отсутствие работоспособности, головные боли, склонность к простуде ... Так кто же незрячий: ведущий или тот, кого ведут? Это большое мужество: иметь и отстаивать собственное мнение.

Но с другой стороны! Явление истечения мужчин и с этим связанная тема импотенции, онанизма, извращений, садизма ... к нашему времени превратилось в событие, важнее которого нет. Что бы ни сотворило, создало, сделало существо, неравновесное в половом вопросе, оно обязательно будет нести на себе

ответ неполноценности. Обещания обернутся враньём, породит мутантов посеянное, сконструированное и построенное завершится жертвами, исследования дадут ложные результаты, благие намерения закончатся бедой ... Что же делать? Как спасти мужчин и вместе с ними нашу многострадальную цивилизацию?

Ответ, кажется, напрашивается сам собой: да всего-то и надо не сорить семенем. И даже не столько не сорить, сколько его не изливать попусту! Никогда! Только для святой цели – для зачатия!

Этого можно достичь в самом простом варианте прерванным коитусом. Последняя фраза написана от безысходности. Она отображает факт неизбежности частых совокуплений. И действительно, современный сексизм в своих надрывных поучениях достиг отметки в несколько оргазмов в первой половине дня с рекомендацией чуть превзойти эту норму в его второй половине. Для одарённых можно ещё до завтрака и после него. Тогда даётся якобы верная гарантия отсутствия инсульта и инфаркта. И это правда: скорая смерть наступит от дистрофии или помешательства.

Любое благое деяние при настырном повторении вызывает отторжение, даже если оно не затрагивает самого деятеля. Здесь же не только затрагивает, но иссушает и уничтожает: потеря семени лишает тело гормонального управления, отторгает организм от сознания, что сродни умиранию. Уверовав в дипломированное невежество, пара столь быстро теряет здоровье, что не успевает это осознать. Обессиленным людям становится всё труднее одолевать невзгоды. В душе поселяется апатия, раздражительность, наступает полоса раздоров, в конце которой развод.

И мужчина и женщина вскоре найдут новых партнёров, и всё повторится сначала с той лишь разницей, что расставание наступит быстрее. Несколько таких попыток соответствовать чужому мнению, – и на больничную койку шлёпнется отработанный жом, некогда слывший сексуальным здоровяком. Попавшие на лечение, из него не выйдут никогда. До самой смерти они будут кормильцами тех, кто их искалечил, внушая ложное понимание жизни.

Извлечение пениса из влагалища в предоргазменном состоянии, – это и есть прерванный коитус. Справочники⁷, число которых не счесть, дружно повествуют, почему же этого делать нельзя. Дескать при этом кровь из пещеристых тел пениса не имеет оттока, напряжённое состояние члена угнетает все структуры промежности, образуются застойные очаги, вызывающие тяжесть в паху,

набухание мошонки, тянущие боли в пояснице и общее недомогание. Каждый, тот кто практиковал на себе прерванный коитус подтвердит правильность учёных предостережений. Однако ...

Давайте составим портрет типового полового бойца. Это пока ещё здоровый мужчина, уже не новичок, но и не пресыщен. Ожидает встречу с партнёршей, как трепетное событие, и нацелен на него с замиранием сердца и волнением в душе. Переживания наполняют его и, сколько бы их ни было, все они создают фон хорошо известной яркой концовки. Её пока нет, но уже запечатлён в мыслях вожделенный образ, и он выстраивает поступки охочего в направлении оргазма. Всё происходящее вроде бы имеет самостоятельное значение, но из приготовлений восходит в сознании, формируется и укрепляется обжигающее пламя. И когда встреча своим чередом подойдёт к финалу, наступит это самое предоргазменное состояние, то ... можно ли остановить лавину? И если всё же поставить на её пути преграду в виде извлечённого пениса, напор окажется столь разрушительной силы, что вызовет те осложнения, которые пророчили сексуальные знатоки.

Кто же повинен в неприятностях? Врачи? Партнёрша? Человечья культура? Обстоятельства? Обстановка? Да! Влияет всё сопутствующее! Но главным обвиняемым является сам охотник. Ведь именно он взял от медиков не то, что надо ему, а то, что ему предложили, а в общем, вложили при полном личном непротивлении. Именно он встретился с подругой такого же растратного мировоззрения, значит, неспособную предложить экономную или иначе: оздоравливающую близость. Именно он не смог распознать ложность современной подачи взаимоотношений между половыми партнёрами. Именно он создал обстоятельства и обстановку такими, что за эмоциональный взлёт пришлось заплатить своим телесным разрушением. В целом эти претензии характеризуют мужчину как особь, не осознавшую себя.

Его восприятие окружения и себя намного полнее, чем реакция жителей линейного мира – растений, он одолел дистанцию плоскостного развития и превзошёл уровень животных, теперь он находится на дороге, ведущей в трёхмерный мир. Этот путь и тяжёл и долог. Он выделен в особый участок дистанции оразумления с названием – междумерье. Его примета: от прежнего мира животных ушёл, а к следующему кубическому ещё не добрался. Все люди-земляне в эпоху, которую они сами называют современной,

проживают как раз такой междумерный период. Этот отрезок пути развития характерен ускоренным освоением среды и невероятно ответственным поиском того направления, в котором следует познавать среду. Это время ярких гибельных достижений, воззренческих тупиков, заблуждений относительно человеческого назначения, сути бытия и роли планеты в становлении людей.

Такая круговая неустойчивость и рисковость поступи призваны вынудить ещё незрелый разум осознать самого себя, ибо он уже опасен, поскольку способен создать объект, который сам не может осмыслить. А это прямая угроза тому общему, где люди и планета представлены как часть. Следует расценивать данное вынуждение, как ультиматум: или осознаёте себя и продолжаете развиваться в том же ареале, или заблудших вернут на предначертанный путь через муки гибели и последующих воплощений.

Но что значит осознать себя? Это не только понять, но и ввести в практический обиход восприятие своего тела, установить единство собственных составных частей, добиться соответствия сознания и формы, изваять фактическое тело с подконтрольным организмом, т.е. проделать работу по изменению взгляда на себя и своей сути в соответствии с материалом, изложенным ранее. Однако при засилии опустошающего секса такая работа невыполнима, ибо вековое истечение разъединяет то, что обязано быть единым, т.е. связанным. Растратные совокупления выдавливают всё человеческое из человека. Покинутое сознанием тело, всвязи с оттоком единящего агента – семени, воспринимает ситуацию, как смерть. Но до смерти ещё надо дожить, испытывая унижения и боль от простатита, внедрённого в тело своим же невежеством.

Представим себе мужчину, осознавшего себя. Он уже установил поющую связь со всеми органами тела. Даже не будучи образованным анатомом, он уже узнал особенности ощущения больших структур, как например, головы, рук, ног, сердца, желудка, почек, печени ... Но восприятие каждой из них связано с установлением границ и ощущением прилегающих элементов. Последовательное расширение мысленного взгляда в поиске пока незнакомых соседей даёт полное освоение тела. Если такую работу провести в области гениталий, то при ежедневном даже беглом обращении к телу, сразу же обнаружится незнакомое ощущение.

Это ещё не боль и тяжесть, не резь или зуд и не то, что испытывает человек при имеющейся острой патологии. Это всего лишь

осторожный намёк на возможную неприятность. Коль не обратить внимание на эту подсказку, то вскоре придётся обогатить лексикон новыми терминами, звучащими как приговор: куперит, орхит, колликулит, фимоз, везикулит, эпидидимит, баланопостит, кавернит, простатит ... Общее количество болезней половой и урологической систем мужчины исчисляется сотнями^{25, 31, 49}. И ни одну из них современная лекарская практика одолеть не в силах. Ситуация особенно осложнилась в последние полвека, всвязи с появлением множества патологий, вызванных спермиальным истечением. Кто бы мог подумать в середине 20 века, что сумасшествие, аллергия и суицид тоже будут отнесены к половым проявлениям? Болезнетворная напасть давно уже воспринимает людей, как неисчерпаемый источник пищи. И бороться с ней фармацевтическим путём всё равно, что разнообразить меню.

Потому незнакомое ощущение – это заботливый вестник, обращающий внимание разума, т.е. хозяина всего, что есть в теле, на отклонение от здорового состояния. Суть изменений всегда одна и та же: несоответствие среды, окружающей орган, условиям персонального развития самого органа. Орган, как живое существо, так относится к своей среде, как человек относится к среде, создаваемой планетой. Пусть кто-то сторонний по прихоти своей вздумал бы изменить состав атмосферы. Что бы он ни сделал даже с благими целями, всё обернётся бедой, поскольку никто, кроме самой планеты и людей, не знает, что им нужно для их развития.

В случае болезни таким сторонним является врач. При любом лекарственном вмешательстве он, по-своему понимая ситуацию, внесёт в поле боления некоторые вещества, т.е. изменит околоорганную среду произвольным образом. Какими бы целебными они ни казались, восстановления среды в потребном органу направлении, не произойдёт, поскольку из сознания указующих действий не поступало. Тогда всякая внешняя помощь с названием врачебная сделает ещё хуже уже ухудшившуюся среду. Органу и без того было плохо и он об этом сигнализировал, посылая ощущения, которых раньше не было, а теперь становится совсем плохо. Он, задыхаясь, начинает потреблять чужеродные элементы, чем выводит себя из строя окончательно. Пришёл больным – ушёл калекой.

Отдельные случаи излечения посредством лекарств можно объяснить верой больного в пригодность именно данного снадобья и пониманием конкретных воздействий на организм. Но вера

и понимание – это и есть работа самого сознания, нацеленного на восприятие общего поля болезни. Полезной является только часть восприятия, касающаяся конкретных действий на организм. Остальная часть, относящаяся к снадобью, вредна, ибо орган вынужден расходовать подсказку от сознания на нейтрализацию этих продуктов, впрыснутых наугад. Например, лечение травами. Проходит некоторое время от появления симптомов до созревания решения о необходимости принятия мер. Затем на основании своего или чужого опыта выясняется, какие именно травы потребны, потом их сбор, приготовление и, наконец, применение. И во всё это длительное время доминантой поведения является нацеленность на недуг и осознание неблагополучного участка. Такое проникновение в болезнь и есть отголосок приёма по осознанию себя, выраженный косвенным образом – через панацею в виде травы. Возможно, что в растениях содержится нечто полезное при этой патологии, тогда оно вольётся в целительный поток, идущий от сознания, и принесёт ощутимую пользу. Но если целебного не окажется, то польза будет всё равно, поскольку нацеленность сознания обозначает установление связи с органом и выяснение сути отклонений от нормы. Эта суть проявится желанием употребить конкретный продукт, в состав которого входит недостающее то, что вызвало беспокойство. При этом пища усваивается почти без отходов, что облегчает работу выделительных систем.

В качестве фетиша используются также больничная обстановка, прогон больного по анализам, средства типа пиявок, горчичников, банок, компрессов ..., беседы, чтение лечебных изданий, музыка, молитва и многое другое из набора: *а вдруг поможет?* Это всё приёмы воздействия на психику-сознание, поскольку прямого обращения к самому себе земные люди пока не освоили. Если при внешнем влиянии будет достигнуто изменение состояния кожного покрова, усиление циркуляции крови, улучшение тонуса сосудов и прочие отклики тела, то они приведут к хорошему или плохому результату в зависимости от того, как именно сознание воспримет данную процедуру. Известны случаи ожога холодным пятком, хождение босиком по раскалённым углям, хирургия без разрезания, разрушение словом, исцеление внушением и другие примеры всевластия сознания над материей-телом.

В последнем случае рассмотрена ситуация уже имеющегося заболевания. Но именно этот случай и есть позор для всех людей.

Если человек, будучи здоровым, ощутит в себе достаточную развитость, чтобы освоить процесс осознания себя, то хворь любого калибра будет устранена ещё на этапе неуютного ощущения. Заболевания не произойдёт. Потому окажутся лишними унижительные чародейства невежд над покинувшим себя пациентом.

С другой стороны, отсутствие *необычных* ощущений позволяет сосредоточиться на *обычных* ощущениях. Это значит, что мужчина по воле своей, т.е. без применения мышечных усилий, в состоянии выполнить любые замыслы по изменению *роли* собственных органов. Можно, например, без эротического возбуждения направить кровь в пещеристые тела пениса и получить эрекцию члена не сексуального происхождения. Точно так же мысленным посылом можно убрать наполнение пениса и привести его в состояние отдыха. При осознании гениталий в качестве самостоятельных органов выявляются те элементы, которые в норме никак не выделяются, а обнаруживают себя лишь во время заболевания, т.е. слишком поздно, чтобы их можно было восстановить. Это прежде всего семя. Оно, размещаясь в семяпроизводящих структурах, ничем себя не выдаёт до оргазма, зато в момент самого оргазма настолько решительно подавляет сознание, что управление им превращается в нереальную задачу. Трудность состоит в отсутствии в ощущениях того, кем намереваются повелевать.

И неудивительны потому рекомендации китайских, японских, тибетских и прочих сексуальных советчиков по овладению затяжным коитусом^{22, 23}. На первом плане у них некий воображаемый помощник с названием *энергия*. Имён у неё не счесть: у-ци, ци, цзин, шэнь, инь, ян, сила горящего, пылающего, драгоценного котла или печи, нефритовый, божественный, серебряный ... элексир и бездна других наименований, свидетельствующих о том, что ясности в головах советчиков нет. Чтобы скрыть слабую эффективность предлагаемых методик, идею облачают в тайну: дескать суть подана иносказательно, ибо нельзя допустить всех к той мудрости, которая делает человека сильнее и здоровее. А почему?

Можно было бы отнестись снисходительно к отсутствию ясности и воспринять материал фрагментами. Пусть ускользнула бы общая картина, но хотя бы её части принесли пользу. И этого нет! Беда даосского, эзотерического, гаремного, монастырского и иных вариантов половых отношений в их неуёмном терзании плоти. Сознание не только отсутствует, оно даже и не подозревается.

Радетели на все лады советуют отключить, очистить, устранить, уйти от тирании ума, медитацией добиться стерильности воображения до состояния чистого листа, всячески избавиться от такой напасти, как сознание. Остаётся тело. Любые подвижки свойств в нужном направлении следует искать на пути воздействий на него. Так, для укрепления мышц промежности следует десять тысяч раз сжать и расслабить ягодичы, в предоргазменный момент для остановки истечения нужно часто и резко стискивать кулаки с одновременным высовыванием языка и громким криком, для ускорения созревания семени требуется в трёх подходах в день по 999 раз подтянуть яички чуть ли не до лобка ... И ещё: натирать, массировать, надавливать, выставлять на восходящее солнце, показывать, предлагать партнёрше ... Как много уловок придумано для того, чтобы достучаться к тому, кого сами же с таким усердием отодвинули в глухую тень: к сознанию.

Безусловно, во всех этих приёмах, имеющих титул сакральных, содержится польза, как во всяких тренировочных действиях, но ведь они были задуманы не для общего укрепления, а конкретно для устранения истечения семени. Именно в этом качестве они оказались, если не совсем негодными, то мало эффективными. Даже на родине даосского метода – в Китае – много людей и мало здоровья. Казалось бы, такая сулящая выгоду находка сразу должна овладеть массами и способствовать рождению богатырей с одновременным исключением столь позорного явления, как боление.

Но ничего похожего нет! Показателен вариант остановки семени путём передавливания мочеиспускательного канала с помощью трёх пальцев. Средний палец руки сдавливает канал, а указательный и безымянный не дают ему ускользнуть в стороны. Для создания особого единения пары, можно разрешить партнёрше эту манипуляцию. Такая шутка высказана популяризатором монастырского совокупления Мантек Чиа²². Любой здоровый мужчина знает, что семя в свободном истечении отлетает от члена на расстояние около трёх метров. При этом в канале развивается давление, которое невозможно унять не только тремя пальцами, но и вообще никак. Перекрыть канал внешним механическим надавливанием невозможно. Как же выглядит тот мужчина, который, исповедуя шуточные рекомендации коммерсантов, довёл себя до состояния, когда канал способна перекрыть даже женщина в секундном интервале времени, отделяющем предоргазменное состояние от

истечения? В этом случае сам канал вялый, напор слабый, семя незрелое и жидкое. Наследники придут на Землю мстить, а не жить. И не счесть таких примеров. Всякий, будь то особь, общность или общество, замыслившее деяние без опоры на причину всех действий – сознание, обречены на муки и забвение потомков.

Итак, *трудность состоит в отсутствии в ощущениях того, кем намереваются повелевать*. Это общий и принципиальный недостаток известных попыток удержать семя от излияния. Именно этот недостаток изживается при осознании себя. Семя не только входит в ощущения, но наполняет их, как самостоятельный объект, как типовой орган, который можно мысленно просмотреть так ясно, что создаётся впечатление зрительного восприятия. При таком отношении сознания мужчины к своему органу, что в данном случае равноценно самому мужчине, обнаруживается удивительное свойство семени: *оно становится послушным*.

В состоянии повиновения его можно остановить в любой из точек оргазменного пути, например, до предстательной железы, и растянуть щекочущее предоргазменное волнение по своему желанию. Можно задержать его в самой железе и освоить совершенно новый пласт полового удовлетворения. Можно пропустить семя в окрестность куперовой железы и понаблюдать за своеобразным переливом страстей. Можно разрешить ему добраться даже до окончания канала пениса и ощутить предельное оргазменное переживание, удерживая семя на высшей отметке возбуждения.

Овладение всеми этими *можно* открывают незнакомую страницу в половом удовлетворении: семя послушно потечёт в обратном направлении, как только сознание мужчины при небольшой мышечной поддержке, захватив семя как освоенный объект, препроводит его мысленным посылом мимо куперовой железы в направлении предстательной железы. Ощущения, вызванные этим возвратным течением, превышают по накалу даже те, которые описаны под грифом *можно*. В итоге оргазменные переживания получаются во много раз более яркими, чем в случае типовой растратной концовки соития. Это значит, что классический оргазм, полонивший культуру цивилизации, представляет собой весьма *бледный отсвет* большого явления, путь к которому пролегает через изменение мировоззрения в направлении осознания себя.

Характерная особенность: семя в последнее место размещения – семенные пузырьки – не возвращается. Проходя структуры,

обильно омываемые кровью, оно всасывается в кровь и энергично разносится по телу, превращаясь в гормоны первого порядка. Именно они являются посредниками между сознанием, как общим, и организмом, как совокупностью частей. Из набора веществ, поступивших с пищей, посредством регуляторных систем тела они творят внутреннюю среду особи, являющуюся источником формирования плоти в том виде, который потребен самой особи.

Последняя закономерность имеет фундаментальный смысл. Всякое небрежение к своему семени обозначает покинутость тела. Но тело – это следствие сознания. Значит, плоть отображает то в своём состоянии, что уже имеется в сознании. И сколько бы ни тиранить тело лечением, польза от насилия окажется равной той доле внешнего воздействия, которая будет воспринята своим сознанием. Лечение тела превращается в обходной, ложный путь восстановления здоровья: вместо целевого обращения к причине, устанавливается давление на невинное следствие.

Потому условие сохранения семени не есть надуманное или выдвинутое по чьей-то прихоти. Понятия семени и жизни неразделимы. Достаточно убрать одно, как сразу исчезнет и второе. Но если есть одно, то второе обязано быть таким, чтобы обеспечить рост сознания без возвратов и остановок. Соответствие в низших мирах от нулевого до двумерного обеспечивается долгим поиском своего пути лично каждой особью с последующим накоплением тех выживательных навыков в виде рефлексов, которые предупреждают персону о превышении страданий над потребным уровнем. В междумерье, т.е. в эпоху принятия разумом формы людей, прежние рефлексy постепенно утрачивают силу, а новые не успевают сложиться в быстротечном времени. Наступает период поиска путей роста, лишённый поведенческих ориентиров. Это время быстрой смены цивилизаций на лице планеты. Мы – одна из них. Дальнейшая наша судьба определится нашим отношением к свему семени. Так и быть должно, ибо при обессиленном семени на Землю придут потомки, не осознающие своих действий. Их нельзя допустить к тайнам Природы, требующим для освоения более миролюбивый и осознающий себя разум.

И если даже по причине увлечённости таинством соития, или под воздействием мешающих факторов, или даже преднамеренно придётся вывести пенис из влагалища в самом что ни есть предоргазменном состоянии, то это никаких отягчающих ощущений не

вызовет, поскольку осознавший себя мужчина имеет послушное семя, и оно выполнит мысленный приказ по всасыванию в кровь с одновременным спаданием напряжения. Такой приём можно рекомендовать для начинающих, которые ещё не в полной мере овладели искусством удержания семени в выбранном пункте его сложного маршрута движения.

При возникновении давящих ощущений в области гениталий, как и в других случаях появления болей, неуютности или незнакомого проявления, следует обратиться сознанием к этому месту, установить с ним поющую связь, выделить из всей общей картины место наибольшей болезненности и пойти на боль, как на живое существо. Признаком правильности действий будет резкое возрастание болевых ощущений. Они зависят на некоторой предельной высоте и, если человек не сдастся, то сдаётся боль. Она исчезает сразу и вся, оставляя после себя поле блаженного покоя, в котором восстановительные перемещения переливаются теплом. При уверовании в свои способности, на устранение боли требуется меньше времени, чем на прочтение этого абзаца.

Прерванный акт в былом варианте исполнения сопровождается медленным оттоком крови из области гениталий, медленным спаданием напряжения и появлением некомфортных ощущений, часто переходящих в болезненное состояние. Весь этот разлад отображается в психике-сознании, а значит, передаётся структуре семени, как своему телесному дублёру. И поскольку семя создаёт внутреннюю среду организма, на которой возрастают все его части, по телу распространится общее угнетение, никем и ничем не ослабляемое. Этим можно объяснить подавленное настроение мужчины, вызванное неконтролируемым течением соития.

В противовес этому, при осознанном прерывании семя и напряжение подчиняются воле того, кому они принадлежат – мужчине, потому устраняется разлад между исполнением и повелением. Семя в данном случае отобразит в себе яркое предоргазменное состояние, которое через внутреннюю среду передастся частям тела. Это процедура оздоровления. Следующая сохранённая порция семени ещё больше взбодрит тело, а последующая добавит свою долю бодрости, и так откроется путь к состоянию неболеия. При подобном взгляде на соотношение сознания, семени и тела открывается ранее невозможная перспектива: беззатратный круговорот семени для оздоровления человека. И не только человека.

Для этого требуется массажем или воображением создать близкую к предоргазменному состоянию ситуацию. Затем, не доходя до истечения, обнять себя собственным сознанием вроде плотного массива и направить его в сторону предстательной железы. Сразу же ощутится обратное движение густого вещества в канале, за ним последует ослабление напряжения, сопровождаемое разлитым теплом и спокойствием. В организме настанет торжество! При осознаном управлении гениталиями, семя настолько легко и быстро превращается в гормоны и уносится кровью, что застойные очаги исключаются. Более того, циркуляция крови способствует притоку питательных продуктов и удалению солевых отложений.

Дополнительным эффектом от круговорота семени в организме является всё более трудное достижение предоргазменного состояния. Это вызвано целевой тренировкой и установлением согласованных действий сознания и плоти, или иначе, воли и тела. Продлевается и длительность коитуса даже без использования контролирующих функций сознания. Это именно то, что мужчине необходимо для соответствия общепринятой половой нагрузке.

Важно отметить отличие упомянутого предоргазменного состояния от онанизма. Разница состоит в психическом настрое на действие. Если при мастурбации внимание уходит из сознания и тела и сосредоточивается исключительно на ощущениях пениса и ожидаемого истечения, несущего экстаз, то в беззатратном круговороте именно такие приметы не имеют значения. Более того, им противопоставляется настолько широкое разлитие эмоций по организму, что его остаётся всё меньше в генитальной области. Вместо того, чтобы половая страсть пылала на крошечном участке в районе пениса, она начинает пламенеть пожаром во всём теле. Но несмотря на всеохватность экстаза, в сознании прочно укрепляется доминанта поведения – это самозапрет на истечение. Такой запрет – одна из составляющих процедуры осознания себя.

Движение приоритетов от сознания через семя к телу представляет собой весьма инерционный процесс. Если в сознании возникнет творческая инициатива бытового, повседневного, словом, хорошо освоенного уровня, то отработка её возможна при малом изменении семени и тела. Такие действия характеризуют среднее значение сути особи, её достижения в обобщённом виде за некоторый большой интервал времени. Развитие состоит в том, чтобы этот средний уровень непрерывно и безвозвратно возрастал, без

остановок и скачков. Такое условие связано с развитием сознания и доработкой тела до состояния пригодности его для потребностей сознания. Как показано ранее, такая доработка происходит через посредника, в качестве которого используется семя. Тогда линия совершенствования особи начинается с того, что в сознании отображается образ некоего действия. Будучи нематериальным, этот образ влиять напрямую на материю нашего мира не может. Потому сознание, используя свою способность формировать переходные структуры в виде мозга и семени³², закладывает в них в процессе роста вещественный эквивалент потребного образа, что даёт начало становлению тела в направлении удовлетворения притязаний сознания. И когда плоть-инструмент приобретёт нужные свойства, замысел-образ может быть осуществлён.

Итак, замысел, мозг-семя, тело. Если в такой цепи передачи действия устранить исполнительские задержки, то появилась бы возможность совместить причину со следствием и получить настолько стремительное развитие, что его можно сравнить со скачком. Каждый объект из их бесчисленного множества сразу достиг бы совершенства и тут же перешёл бы в свою противоположность, порождая вихри неустойчивости и разрушая упорядоченность. Может где-то и есть области пустого бурления, но тогда это источники непрерывной угрозы, с которыми ведётся вечная борьба.

В замысле сближения творческого посыла и его исполнения заложена здравая идея по ускорению развития. Междумерный рíсковый участок пути оразумления, например, можно было бы пройти с меньшим напряжением и потерями, если бы удалось обнаружить средство ускоренного поумнения.

Оказывается это средство заложено в нас самих. Другое дело, что до понимания такой возможности следует дорасти. Её опасно внедрять в неподготовленную массу, поскольку незрелые персоны выхватят из тонко сбалансированной закономерности фрагменты, которые приведут к поражению, будучи оторванными от сути. Её бесполезно вносить и в умы, уже прошедшие междумерный отрезок пути, ибо там эта идея ускорения именно таким образом воспримется как тривиальная, т.е. уже пройденная, известная. Нам же, заблудшим междумерцам, она в самый раз: появляется шанс соотнести ускорение с оздоровлением.

Допустим, в сознании сформировалось стремление освоить неистекающий оргазм. В момент появления такой идеи тело ей не

соответствует. Если желание решить эту задачу не уходит из сознания, то это обозначает изменение содержания, или иначе, сути того индивида, которым он был до принятия столь значащего намерения. Его существо уже стало другим. В нём уже есть то, чего не имелось в прежней конструкции. Этим отличием нарушается единство тела и сознания, поскольку сознанию потребно больше, чем способно предоставить тело. Выход из такой ситуации диктуется самой технологией развития: тело под напором сознания обязано преобразовать себя так, чтобы соответствовать запросам сознания. Если же оно окажется неспособным к отслеживанию притязаний сознания, то это вынудит сознание через процедуру смерти покинуть непригодную плоть.

Органы в составе тела узнают об обязанности изменения и направлении изменения из отображения своей окружающей среды, каковой является внутренняя среда человека. Сама среда человека, при отсутствии травматического воздействия, определяется гормонами первого порядка, т.е. семенным материалом. Таким образом получаем ряд действий: возникновение замысла, отображение его в семени, переход семени в среду и, наконец, изменение органов, направленное на соответствие замыслу и среде. В этой цепи есть три весьма медленных участка преобразований.

Первый – это интервал сознание-семя. Только для основной передачи намерений сознания требуется около 75 суток. Если же необходимо практически полное соответствие, то оно достигается серией гормональных оборотов, на которые уходит больше года. Образуется тот временной сдвиг, в результате которого сознание особи пребывает в своём времени, а семя – в своём. Семя отражает прошлое состояние сознания. Приходящая к нам сущность при воплощении ориентируется на сознание, а телесная заготовка для неё формируется под влиянием семени. Возникает противоречие: чем более созрело семя, тем здоровее будет плод, но воплощенцу самому этот плод пригоден тем меньше, чем дальше по времени семя отстоит от породившего его сознания. Это есть временная зона риска, в которой зачатие, беременность и роды имеют непредсказуемое течение и неопределённый результат. Так и быть должно, ибо приходящей в наш мир персоне, потребно не просто здоровое тело, а то, которое соответствовало бы начертанному пути развития именно его – этого воплощенца. Приходится и восхищаться и удивляться мудрости древних и недавних народов,

заметивших это явление и предложивших действенное решение проблемы: временное отставание семени от этапа сознания зависит от концентрации внимания личности на своём семени. Внешне это выглядит, как глубокое эмоциональное переживание зачатия, т.е. того события, в котором семени отводится главенствующая роль.

Но зачатие – конечное звено невероятно важного предшествующего этапа: знакомства, ухаживания, ревности, влюблённости, сватовства, свадьбы, первой ночи и, конечно же, всё венчающего оргазма. Чем ярче пылает пламя осознанной страсти, тем больше соответствует претендент своему семени, тем меньше временной сдвиг между ними, тем уже полоса риска и тем крепче потомки.

И всё было бы хорошо, если бы в цепь событий по воспроизводству не вклинился расхожий секс. Он также предусматривает накал страстей и также доходит до оргазма, но то, что следует за ним, относится к изобретению людей и в рамки природы не укладывается: эякуляция-истечение без намерения зачать. Прodelывается огромная работа по сужению временной зоны риска, тратятся силы организма на возвращение полового материала, обнадёживаются воплощающиеся сущности, и вдруг нелепый финал: продукт сливают в нечистоты. В рассрочку снижает мужчину, обмануты ожидающие воплощения, исчезает пространство благодати и всё покрывает усталая тоска. Во имя чего? Как можно понять примитивизм мужчин, неспособных обратить внимание на столь очевидную ущербность своего бытия?

Такую трагичную закономерность можно обратить в оздоравливающую при осознании себя. Предположим, что встреча половых партнёров проходила в одухотворённой обстановке, способствующей ускоренному развитию семени. Завершающий этап воздействия на семя приурочен к оргазменному переживанию. Чем ближе семя подошло к выходному отверстию канала пениса, тем насыщеннее ощущения. Важно освоить удержание семени на выбранном участке довольно-таки длинного канала. Суть освоения – это всё та же последовательность познания своего тела, изложенная ранее. Удержание сопровождается сильным эмоциональным взлётом, не встречающимся в тривиальном истекающем сюжете, поэтому энергично воздействует на выравнивание собственных времён сознания и семени. Мужчина, насытившись яркими впечатлениями, уводит послушное семя в сторону предстательной железы, поглощая тем самым творящую силу репродуктивного материала.

Повторяя такие циклы, можно свести различие времён семени и сознания к малому значению, что засвидетельствует почти полное соответствие внутренней среды организма предначертанному пути развития персоны. Внешне это выглядит, как несокрушимое здоровье и лёгкость одоления конфликтов. В таком варианте половых отношений согласуются повышенная потребность в близости и оздоровительный эффект, получаемый в результате близости.

Второй участок медленных преобразований – это изменение среды под направляющим действием семени. До сих пор в крови не обнаружены составляющие, которые можно было бы отнести к половому продукту. Там не циркулируют сперматозоиды, клетки Сертоли, хромосомы, митохондрии, лизосомы, комплексы Гольджи и нет прочего богатства, свойственного клеточной вселенной. Но, если исключить возможность превращения семени в гормоны, например, путём принудительного удаления полового материала, то организм потеряет способность дальнейшего производства семени, постепенно вянет и через полосу болезней приближается к смерти. Значит, существуют организменные превращения, людям пока неизвестные, но, тем не менее, принципиально влияющие на структуру живого. И не удивительно, ведь, пока исследователи придавлены таким научным кредо, как изучение материи, им не удастся обнаружить явления нематериального характера или даже граничные с нематериальным миром.

Семя – это вариант представления живого объекта³². По мере развёртывания его потенций, форма будет выглядеть, как зигота, зародышевая масса, эмбрион, плод, ребёнок, человек. Коль порождения семени относятся к живому, то и само семя есть живой продукт, вернее, сущность. А если так, то каждый сперматозоид и каждая яйцеклетка наделены своим собственным сознанием и личным телом. Та область человеческой занятости, которая определяет лик общества и именуется наукой, не может перешагнуть через рутинные воззрения, поэтому ограничила себя только наблюдениями, доступными очам. Она научилась определять следствие, не только игнорируя причину, но даже и не подозревая, что у всякого следствия таковая есть. Особый трагизм куцей науки состоит в однобокости восприятия мира: только его материальной составляющей, т.е. его формы, или иначе, отголоска действия сути, причиной какового является именно сознание. При анализе семени мало знать его форму. Важнее учитывать его сознание и составность.

Каждый орган, ткань, сосуд, клетка, молекула, атом – есть сущности, независимо от того, согласна с этим положением наука или нет. Представим стадион, заполненный разноязычной публикой. Задача: донести сообщение до всех сразу. Чтобы выполнить такое требование, следует подать послание на всех языках. Но при одновременном озвучивании получим гул, шум и помехи от взаимного оглушения, мешающего пониманию каждым своей речи. Что же делать? Нужно разнести градации понимания. Одним, наделённым высоким соображением, подать материал полностью. Другим, с меньшей понятливостью, бесполезно давать то, что им не по-уму, потому выделить для них только понимаемое. Третьим, с начальным восприятием, только им доступное и т.д., вплоть до самых упрямых, осознающих лишь контуры.

Но что значит *подать материал*? Это значит связать сознания через ими воспроизведённую среду. Если в последнем случае убрать сознания и оставить среду, то возможна ли передача сообщений в принципе? Безусловно, нет! При отсутствии сознаний неоткуда взяться сообщениям, т.к. нет их источника, а поэтому нечего передавать. Похожей ситуацией переполнена наука. Она направляет коллайдерные усилия на среду, являющуюся пустышкой при отсутствии причины всего, что есть – *сознания*.

Такой подачей материала занимается репродуктивный продукт, называемый спермой или семенем. В её состав входят сперматозоиды, секреты желёз, сосудов, канатиков и каналов, специфические сопутствующие жидкости и многое другое, о чём пока ещё ничего неизвестно. Но если убрать из общего массива эякулята казалось бы лишние составляющие, то все этапы от зачатия до родов оказываются в последующем человеческом пути настолько усложнёнными, что часто являются угрозой жизни. Современный сексизм как раз и направлен на удаление какой-то части семени, выхваченной случайным образом, поскольку частые истечения обрывают процесс роста внезапно и в неожиданном месте.

Перечисленный состав спермы – это всего лишь материальное вместилище нематериального сознания семени, как сущности, как персоны, как личности. А как же иначе? Если семя порождает живое, то и оно обязано быть живым. Но если живым, значит, состоящим из сознания и формы-тела, а указанный состав определяет организм воспроизводящего существа. Тогда сливание плоти семени в виде эякулята в нечистоты есть убийство, ничуть не

отличающееся от повешения, расстрела, отравления и других вариантов принудительного обрывания жизни. Придёт время, когда мужчин-растратчиков семени будут привязывать к позорному столбу. Потеря семени уже в наш век перестала быть личным делом каждого, поскольку связана с добавлением в людское общество хилых, деградантов, калек, несущих угрозу существованию вида.

Семя, как сущность, на основании незыблемого закона о составности любой персоны стихии времени, включает в свой организм в качестве органов иные существа, развитость которых меньше развитости сознания семени. Так, если взять семя человека, то оно, отображая междумерный уровень сознания на материальном плане, само является междумерным продуктом. Все остальные включения по значимости и развитию займут убывающую последовательность, т.е. в них будут присутствовать особи-сознания плоскостного уровня, например, митохондрии, лизосомы, мембраны, такие существа линейного мира, как молекулярные цепи, — и многочисленное население точечного развития: атомы, частицы ...

Сперма, как цельный конгломерат, распадается в крови на составляющие части *поперсонально*, образуя огромную населённость из лиц междумерного, плоскостного, линейного и точечного миров. Это является разнесением градаций воздействия. Каждая из частей создаст вокруг себя окружающую среду, наполнение и содержание которой окажется пригодным для конкретного уровня развития местного молекулярного населения. Такая пригодность несёт указующие сведения о начертанном пути развития общего-особи и является ориентиром в выборе линии движения каждым участником структуры под названием тело. И пока связь особь-семя-среда-части работает бесперебойно, персона неуязвима. Она не сможет простудиться, отравиться, впасть в депрессию, на неё не нападут вирусы, микробы, паразиты, ей не нужны алкоголь, наркотики и прочие допинги. Ей не грозят инфаркты, инсульты, психические срывы, депрессии, и, что самое важное, такие люди незлобивы, у них нет тяги к насилию и войне.

Примером похожего сообщества может служить минойская культура на острове Крит³. Она существовала в третьем и втором тысячелетиях до нашей эры. Находясь в поле интересов грозных соседей: Греции, Анатолии, Египта, Сирии, она умудрилась с ними не воевать, а торговать, что стало возможным благодаря спокойному отношению к тирании половых пристрастий. В раскопках

были найдены бытовые предметы, свидетельствующие о высоком уровне производства, строительства, искусств, но мало указаний на разработку оружия, боевых сооружений и кораблей. У них не было даже береговых крепостей, и это при том, что тогдашние поселения не мыслились без оборонных укреплений. Находки говорят о равном почитании мужчин и женщин. У них не было напускного, нарочитого, пустого возвеличивания рабски униженных женщин, как позже у римлян, греков и других народов не только древнего мира, но и наших дней. По мере приближения к середине второго тысячелетия до христовой эры фрески эротического содержания стали встречаться чаще, свидетельствуя о тихом, но напористом проникновении излишеств в отношения полов. Хочется верить в случайность, но примерно в 1470 г до н. э. этот мощный народ погиб в результате землетрясения на острове. Но, ... имей они здравую психику, то заметили бы приметы неблагополучия и приняли бы меры. Похожих трагедий в истории много⁶. Всякий раз, когда внимание живущих отходит от линии развития и попадает в ловушку растратного удовольствия, тогда наступает принудительный возврат заблудших на им уготованный путь.

На стыке 20 и 21 веков сложилась ещё более драматическая ситуация, ибо в людоворот втянута вся планета. Если раньше молодые цивилизации могли сразу колонизировать опустошённые земли, то в случае современной катастрофы, на возрождение потребуются века и века. И всё потому, что связь *особь-семя-среда-части* волею людей превратилась в то, что природой отвергается, и его не может быть: *особь-среда-части*. Из жизнеутверждающей последовательности процессов изъяли семя, а это эквивалентно движению в направлении вымирания.

Семя определяет внутреннюю среду всякой особи и человека в частности. Сама же внутренняя среда формирует организм, как инструмент познания внешней среды. Внешняя среда отображается в сознании особи и вынуждает его к развитию. Развитие закрепляется в семени. Круг замкнулся. Если хватит мудрости понять величие семени, круг останется замкнутым и впредь, а разновидность людского разума сохранится на планете. Ну, а коль ... значит, для поумнения оказалось недостаточно прошлых страданий, и они будут нарастать так мощно, чтобы дошло даже до особо упрямых.

Третий участок медленных изменений – это отработка органами состояния, содержания, или имеющихся сведений в среде, которая

окружает органы. Рассмотрим следующий эксперимент. В момент остановки сердца и признания факта смерти начнём принудительно прокачивать кровь по ещё тёплым сосудам тела с одновременным добавлением в неё питательных веществ. Вопрос! Можно ли таким образом поддерживать плоть в биологическом единстве и предохранить её от разложения? Если бы это удалось, последовали бы невероятные выгоды. Прежде всего можно было бы отказаться от криогенной обработки тел и сохранять их для последующего оживления в естественном виде без внесения травматического действия холода. Упростилось бы, а в ряде случаев и исключилось бальзамирование тел и их мавзольный показ. И наконец, появилась бы возможность в настоящей неспешности, по мере развития лекарства устранить причину смерти и ... ждать, ждать, ждать, когда теперь уже здоровая плоть всё-таки соизволит оживиться и предстать в виде ... кого? Если ожидается второе явление Петрова, то для него это запрещённое попятное развитие, ибо, пока тело отлёживалось на Земле, сам он витал в нематериальных краях и для реализации возросшей умности старое тело уже не годится. Петрову бывшее тело не только не нужно, не только в тягость, но оно ему в принципе не подходит, всвязи с принадлежностью тела прошлому времени. Если это будет сторонний Сидоров, ему чужое тело тем более непригодно, поскольку ему нужно не просто тело, а исключительно такое, чтобы соответствовало лично его предначертанному пути развития. Заходим в тупик: "ни по ту, ни по эту сторону Диканьки" нет охочих на такое распрекрасное тело. Оно пригодится разве что для анатомических музеев, в качестве консерванта типовых пороков ушедших эпох.

Итак, сознания ни Петрова, ни Сидорова дармовым телом не смогут воспользоваться, т.е. тело останется без сознания, т.е. мёртвым, и никакие прокачивания крови и питающих составов отслужившую плоть не воскресят, поскольку нигде нет такого существа, которому она подошла бы без нарушения законов мироздания.

Этот пример в очередной раз демонстрирует нелепость любой суеты по оживлению плоти, если от неё отказалось сознание. При взаимодействии особи со своим организмом складывается аналогичная ситуация. Напомним: воспринимать обстановку смогут только сознания, но, несмотря на их отображающие особенности, прямое влияние одного сознания на другое невозможно. Если бы такая связь была допустимой, сразу же отпала бы необходимость в

форме. Сознания без формы не могут иметь очертаний, а значит, и границ. Любое из них стремилось бы распространиться до крайних пределов, что в результате привело бы к потере индивидуальности и образованию обособленного объекта с усреднёнными характеристиками, бытие которого непродолжительно.

Поскольку восхожденческой единицей в стихии времени является объект, или, что то же самое, сущность-существо, а им запрещено общение напрямую, то остаётся единственная возможность для взаимной связи – через общую для них окружающую среду. Задача особи состоит в том, чтобы творимая ею среда содержала столько объектов воздействия, сколько есть объектов управления. Более того, всякому объекту управления разной развитости, составленному из персон нулевого, линейного, плоскостного и междомерного мировоззрений, из их практически беспредельного числа, в обязательном порядке должен придаваться соответствующий объект воздействия. Потому-то вместо достаточного для оплодотворения одного сперматозоида, самцы изливают сотни миллионов спермиев, в расчёте на то, что каждому из них уготована персональная миссия по доставке замысла особи к каждой части тела, где бы она ни находилась, и сколько бы их ни было. Объекты с обеих сторон представляют собой сущности, наделённые составной плотью и таким же составным сознанием.

Со стороны особи воздействующие объекты поступают в среду в виде гормонов первого порядка, которые являются влившимся в кровотоки и преобразованным репродуктивным материалом. Если таких объектов-гормонов окажется меньше, чем потребителей-органов, то кто-то из организменного наполнения останется без связи со своей средой. Или вернее: связь-то есть, но она пуста. Среда в таком случае не сообщает элементу плоти о намерениях особи, а значит, не ориентирует его, не принуждает, не задаёт ему направление, в котором элемент *обязан* искать предначертанный ему путь развития. Элемент тела оказывается предоставленным самому себе. Он покинут хозяином-особью дважды: по линии отсутствия указаний об особенностях роста и по линии отсутствия прокормочного продукта под указания роста. Часть тела впадает в панику, как всякое живое существо при угрозе голода и безысходности. В стрессовом состоянии начинается потребление того в среде, что ему не предназначено. Чужой корм вынуждает орган к перестройке своей собственной структуры в направлении

соответствия новому виду пропитания. Но такой перестроенный орган – это враждебный орган, поэтому на его отторжение начинают работать охранные системы организма. Если отторжение удастся, телу грозит смерть, если отторжение не удастся, телу всё равно грозит смерть. Это и есть механизм образования раковой опухоли и других патологий, связанных с неконтролируемым поведением тканей, типа язв, грыж, нарывов, полипов, воспалений, закупорок, ослабления функций, отложения солей, инфарктов, инсультов ...

Главная причина недостатка объектов воздействия – ослабленное или патологически изменённое воспроизводство семени. Оно в поспешной усладе не успевает ни накопиться, ни созреть. Цивилизация отгородилась от природы заслоном истекающих мужчин. Может ли оказаться объектов-гормонов больше, чем объектов их управления? Способна ли спермовыделительная система выдать излишний продукт? Если это произойдёт, то следствие поменяется местами с причиной, и главенствовать станет семя, игнорируя интересы сознания. Это будет и иной вид и другое мироздание. В нашем царстве времени такая подмена недопустима.

Предельное, на что способна сущность, это полное соответствие сознания и семени, т.е. семени должно быть столько, чтобы его в точности хватило для отображения на материальном носителе (мозге и семени) нематериального содержания сознания, как восхожденческого феномена. Это наибольшее количество семени способно воспроизвести только идеально здоровое существо. В исторической глубине можно отыскать косвенные сведения, что на уровне нескольких тысяч лет до н.э. объём эякулята составлял около 100 см³. По мере развития человечества и подпадания его под власть излишеств, этот показатель мужской крепости неуклонно снижался. К началу 21 века он составляет всего несколько см³ весьма сомнительной продукции. Стало всё труднее находить мужчин-доноров, пригодных для отбора спермы с целью оплодотворения. Черта выживаемости пройдена. Теперь уже для сохранения себя потребуются срочные, решительные и ёмкие меры.

Одновременно с человечеством сникает и человек. Разудалый сексизм выдавливает из мужчин последние запасы жизненной силы. Семени становится всё меньше. На основании эквивалентности содержаний полового материала и сознания, разум живущих тоже сникает. Вслед за ослаблением разума, всвязи с недостатком управляющего воздействия на организм, деградирует тело.

Внешне это проявляется в виде раннего старения и череды новых и новых болезней, лечить которые невозможно ввиду того, что лекарское искусство основано на губительных предпосылках.

Итак, *тело можно и нужно приспособить для надзора за состоянием сознания. Несмотря на вторичность тела по отношению к сознанию, оно, тем не менее, призвано служить: во-первых, инструментом познания, во-вторых, средством наказания, в-третьих, звеном связи материального и нематериального миров.*

Рассмотрим тело как средство наказания. Исходной предпосылкой необходимости такой категории мироздания, как наказание, является особенность становления сознания. Как показано в книге *миры*³², сознание – единственный значащий атрибут бытия, на который возложена задача предельной важности: обеспечение устойчивости семимерной конструкции мира с названием *септон*. Такая задача эквивалентна балансированию на острие: быть или не быть. Равновесие мира нарушается в силу конфликтной сути самого мира, как интенсивно развивающейся сущности, и неспособности примирительных структур гасить конфликты.

Неспособность, как свойства персоны, изначально закладывается в исполнителя примирительных действий – сознание, поскольку оно зарождается в нулевом мире из праха тех сознаний, которые погибли в схватке с предыдущими конфликтами. Сразу в него волею верховного шестимерного мира – сорроса³² – вносится определённая линия развития, от которой ему запрещено малейшее отклонение на всём пути восхождения. Сама начертанная линия не известна никому, в том числе и восхожденцу. Сколько бы ни было зарождённых существ, у них у всех окажется только им присущая линия развития, или иначе, судьба. Это значит, что нет такого живущего, который был бы не нужен миру. Факт наличия его свидетельствует о персональном предназначении, больше не повторяющемся нигде и ни в ком. Разнесение личных судеб по значимости позволяет решить одну задачу многими вариантами, что в итоге повышает надёжность достижения устойчивости мира. Значит, нужно развиваться не как пожелает зарожденец, а только в указанном направлении, которое к тому же не известно. Более того, зарожденцу запрещены попятное развитие, остановка роста и скачкообразное развитие. Все эти ограничения накладываются на немощное существо, едва отличимое от праха. Это трагедия роста. Это неустрашимый конфликт всякой личности, ибо задачи бытия

для своего решения всегда потребуют большего, чем располагает персона. Эффект от этого насилия над сознанием удручающий: оно вообще отказывается от всякого движения, переходит к состоянию равнодушия к окружению и устремляется к личному покою. Но такое поведение создаёт угрозу разрушения мира, для спасения которого непротивленец вызван из небытия.

Возникает вселенский конфликт, и на разрешение его направлена вся созидательная потенция стихии времени³². Поскольку сознание на дистанции от нулевого до шестимерного миров неуничтожимо и движение на этом пути строго регламентировано законами восхождения³², заставить его, несмотря на немощность и стремление отсидеться в септоновских куцах, выполнить возложенную на него работу, не представляется возможным. Влиять непосредственно на сознание с целью принуждения к развитию не позволяют установочные законы септона. Возникает очередной тупик, без выхода из которого мир состояться не смог бы.

Творцу мира понадобилась особая категория влияния на существа, пребывающие во времени, которую сами существа воспринимают как насилие, принуждение, необходимость. Проявление такого влияния ощущается в виде страданий, тягот, боли, горя, мук, лишений, болезней, потрясений, катаклизмов ... И если само сознание нельзя ущемить, то от некуда деться, применяется наказующее действие к среде обитания, в состав которой входит и тело существа, подпавшего под наказующее давление. Тогда выстраивается справедливая линия управления сущностью: каждый из всех на основании права свободного выбора может принимать призовые решения в меру развитости своего сознания. Но вслед за решением наступит состояние оценки: соответствует ли выбранный путь собственной предначертанной судьбе. Если выбранное и предопределённое близки по сути, особь торжествует, имеет здоровый вид и имеет достаточно сил, чтобы жить. При отходе наступает череда преград нарастающей тяжести, вплоть до изъятия из материального мира через смерть.

Следует подчеркнуть, что оценку правильности личной поступи выполняет сам идущий. В мире отсутствуют третейские суды, взвешивающие судьбы на вселенских весах. Если бы такие оказались где-то, власть перешла бы к ним, и они установили бы свои порядки в септоне. Мир был бы иным. А вернее: мира не было бы вовсе, поскольку в каждом очередном варианте судьбы спешили бы

внедрить выгодную идею. Однако от замысла до бытия проходит вечность, и не всё кажущееся становится явным. Но уж если наш мир состоялся, то в процессе становления наработан опыт борьбы с разрушительными предпосылками. А потому всезнающих дирижёров чужих судеб нет. Указатель пути содержится в каждом индивидууме в его сути. Он заложен в далёком нулевом мире и не меняется никогда, сколько бы воплощений ни претерпело существо. Любое деяние отзывается в душе, сопровождается переживаниями, определяет поступки и формирует поведение. Оттенок ощущений этих зависит от соответствия сделанного и начертанного. Умный да поймёт, зрячий да увидит, имеющий уши да услышит! Это путь к познанию самого себя и своего назначения. А если не поймёт, не увидит, не услышит, то ничего особенного вокруг не произойдёт. Это обозначает всего лишь то, что размер конфликта превысил творческие возможности персоны. На дистанции текущего воплощения она ещё не обрела нужных навыков борьбы с невзгодами, типичными для существ на данной точке развития или, что то же самое – соответствующих занимаемому месту на линии её восхождения³². Но коль нет навыков, значит, сознание не способно влиять на инструмент одоления конфликтов, а сам инструмент-тело непригоден для дальнейшего познания среды. В его развитии наступает остановка. И поскольку время течёт непрерывно, особь вскоре оказывается в прошлом времени. Мало того, что возникла запрещённая остановка, но будучи неустранённой, она втягивает в совсем ужé недопустимое попятное движение.

Таких прегрешений вполне достаточно, чтобы сделать вывод о невозможности пребывания данной особи в текущем воплощении. Так или иначе, но существо, потерявшее самого себя, умрёт. Тогда смерть является наибольшим наказанием за отклонение, за отход, за несоответствие начертанного и фактического путей роста.

К числу причин, наказуемых смертью, относится болезнь. Она рассматривается, как свидетельство неспособности сознания человека познавать внутреннюю и внешнюю среды в составе организма, имеющегося на данный момент. Существа, осознавшие себя, *не болеют*, поскольку способны знать и действительно знают свои познавательные потребности и умеют под эти потребности готовить тело в соответствии с требованием обеспечения единства составных частей особи. Смерть у таких существ заменяется радостной процедурой ухода из материального мира по условию

достаточности прожитого, что обозначает полное выполнение ими познавательного предназначения в данном воплощении. При этом сознание расстаётся с телом, как с творческим коллегой, исчерпавшем свои возможности, ибо дальнейший рост сознания предъявит к телу очередные требования, невыполнимые в прежней конструкции. Хотя и здесь есть горечь расставания бессмертной причины всех действий с обменно-смертным следствием. Для всех уровней бытия характерно тяготение к достигнутому.

Ощущение достаточности прожитого приходит к человеку в возрасте около 1000 лет. Теперешняя средняя продолжительность жизни в 65 лет меньше отпущенной почти в 17 раз. В таком же соотношении люди отстают в осознании себя. Это признак междумерья: от плоскостных существ ушли, а до объёмных ещё весьма далеко. Это период поиска себя, своего пути и личного назначения. Это дистанция ошибок, неуёмной дерзости и тупиковых поисков. Это эпоха частой смены цивилизаций. В целом же такие поиски обильно насыщены страданиями, среди которых самым трагичным, но зато и наиболее действенным является смерть.

Нет процессов, не порождающих побочных или неучтённых отголосков, эффектов, явлений. То же самое происходит и с наказанием болью. Казалось бы, всё живое должно стремиться к поиску ниши, где боли нет или её совсем мало. Люди перестнут воевать, вспыхнут взаимной дружбой и бескорыстие возьмёт верх. Возникло бы общество без насилия и страданий. Возможно ли такое? Нет, такое в междумерный век неосуществимо. Если бы что-то похожее возникло, оно устранило бы противоречия между немощным творением, впущенным в жизнь из состояния праха, и величию задач, возлагаемых на него. Исчезла бы вынуждающая сила движения. А нежелающий идти, без насилия так никуда бы и не пошёл. Идея создания царства времени стала бы бесполезной, т.к. не удалось бы взрастить бойца, уничтожающего верховный конфликт³². Так что страдания при развитии неизбежны.

Но они оказывают весьма малое давление, вполне преодолимы и создают естественный фон творчества, если само творчество предусматривает движение в предначертанном направлении. В случае отклонения от должного пути, давление на заблудшего тем основательнее, чем больший отход. В предельном варианте, когда образумить ложного энтузиаста предупреждающими мерами нельзя, то перед ним ставится преграда, надёжно прерывающая

неверную поступь: через процедуру смерти он переводится на круг повторения уже пройденного пути. Изложенное наталкивает на мысль, что кто-то отслеживает шаги деятеля и принимает решение о его соответствии намеченному. Раньше показано: этим кем-то является сам деятель. Только в нём, в его сознании, есть скрытый ориентир на личное предназначение. Если бы такой указатель был явным, очевидным, доступным, этим исключилась бы свобода личности в выборе своего пути. Сознание не развивалось бы, а строилось вроде механизма. Но тогда оно лишилось бы инициативы в борьбе за устойчивость мира, стало бы непригодным для решения сорросовских задач и его попросту бы не создавали. Мир вынужден был бы обеспечивать свою целостность иным методом, в котором феномен людей был бы излишним, и нас, как разновидности разума, не существовало бы вовсе. Но уж коль мы есть, то обязаны знать свое назначение и соответствовать ему.

Причём, в долюдскую и раннюю людскую эпохи требование знать и соответствовать не предъявляется из-за невозможности его выполнить: разум ещё так мал, что категория осознанности ему не по силам. В послелюдскую эпоху такое условие не предъявляется тоже, поскольку осознанность себя и своих действий есть основа бытия сущностей, далеко углубившихся в объёмный мир. На восхожденческом пути имеется особый участок, на котором сознание обязано доразвиваться от состояния полной неосознанности к уверенной осознанности. Разум на этом участке принимает форму людей, нигде более не встречающуюся: ни в мирах малой мерности, т.е. в стане животных, ни в мирах большей мерности, т.е. среди пришельцев, прилётцев и других весьма развитых существ. Люди могут гордиться тем, что каждый из них уже прошёл от нулевого через линейный и плоскостной миры до начала кубического необозримо длинный путь. На этой дистанции накоплены огромные знания о среде обитания и о себе. Эти знания ни хороши, ни плохи: они соответствуют месту развивающихся на шкале развития, т.е. они представляют собой междумерное отображение событий, распределённых по семи пространственным координатам. Другими словами, знания отображают мир лишь частично, как проекция семимерной конструкции на двумерную плоскость с небольшой добавкой третьей координаты – высоты. Такая частичность или неполнота это неустранимый источник ошибочного взгляда на бытие, порождающего замедленность роста, уход в

тупики, мировоззренческие заблуждения вплоть до искажений в трактовке сущего. Для выравнивания хода идущих необходим надёжный инструмент. Если его не будет, то напряжённый поиск пути далеко отклонит ищущих от уготованного назначения, а это приведёт к нарушению условий обеспечения устойчивости мира.

При отсутствии инструмента выравнивания не помогут даже наказательные действия, ибо необходимо предложить тропу, по которой нужно следовать, уходя от исправляющего нажима. Такой тропой или принципом обнаружения своей цели развития является требование осознания себя. Люди медленно и трудно, но всё же начинают понимать, что здраво приложить себя к чему-то можно лишь после уяснения собственного я.

Итак, *тело можно и нужно приспособить для надзора за состоянием сознания. Несмотря на вторичность тела по отношению к сознанию, оно, тем не менее, призвано служить: во-первых, инструментом познания, во-вторых, средством наказания, в-третьих, звеном связи материального и нематериального миров.*

Рассмотрим тело, как элемент связи того и этого миров. Пусть особь настолько далеко отклонилась от начертанного пути, что не оставалось иных вариантов образумливания, кроме изъятия её из плотного мира текущего воплощения. В людской терминологии это обозначает, что существо умерло. Что же всё-таки произошло в момент смерти? Есть один очевидный факт – тело из инструмента познания превратилось в вещество. Некоторое время оно имеет форму трупа, но, постепенно изменяясь, сливается со средой и восполняет убыль материи, затраченной когда-то на его построение.

Что же вынудило ранее сильную и гармоничную конструкцию перестать быть? Предположим, что причина кроется в самой плоти. Она долгое время выполняла работу по освоению среды, но в результате полезной нагрузки устала, засорилась, изнасилась до степени негодности. И когда износ достиг предела, плоть самостоятельно отказалась от титула *тело* и перешла в состояние *вещества*. Но такой демарш только половина дела. Продолжение превращений относится к желанию материи снова вдруг предстать в виде какого-то тела. Значит, материя по прихоти своей способна организоваться и по творческому капризу перестать быть организованной, по пути выполняя какие-то воздействия на всё ту же материю: материя преобразует сама себя, всегда начиная с нижайшего состояния, каким является распылённое вещество. Как бы высоко ни взлетел в

развитии, всё равно придётся падать вниз. Зачем? Ведь даже, судя по пришельцам, уровень разума в единичном воплощении невелик. Его недостаёт для осознания себя, не говоря уже о проявлениях на уровне планет, светил или порождения себе подобных. Но самое основное: разовая жизнь – это скачок в поведении спящей стихии. Если лесоруба Васи не существовало пару миллиардов лет, а потом он в полном уме обратился в плоть на сотню лет, то отношение времени его жизни к подготовительному периоду равно 5×10^{-8} .

Вася появился за столь короткое мгновение, что его следует считать бесконечно малым. Тогда на его возникновение обязана расходоваться сила бесконечно большого размера. А где её взять, если даже Вселенная и та конечна? А сколько потребуются вселенных на изготовление сотен и тысяч живых объектов? Нет! Не подходит материя на роль основателя жизни. Если бы это было не так, тогда можно было бы составить подробный перечень частей, к примеру оленя, и педантично собрать-соединить их вместе. Части, коль они образуют плоть оленя, обязаны превратиться в само это животное. Подождём или согласимся, что присутствие материи во все недостаточно для торжества такого упорядоченного, экономного, целевого и неуничтожимого процесса, как жизнь.

Помимо материи, нужна дополнительная внешняя сила, которая была бы заинтересована в собирании распылённого вещества в некую конструкцию. Может ли данная сила создавать нечто для стороннего претендента? Да, может, но это будет что угодно, кроме чужого тела. В связи с незыблемым законом предначертанного развития, каждая сила-особь обязана строить тело сама для себя согласно личному пониманию собственного назначения. Такого понимания больше нет нигде и ни у кого, и кто бы ни построил тело на стороне, оно не будет соответствовать требованиям личного пути, а потому владелец данного тела вынужден будет отказаться от него, т.е. умереть. Значит, собирать вещество обязана та сила, которой понадобилась плотная форма своего воплощения.

Такая сила в данной работе названа сознанием, а процедура собирания материи – дозародышевая, зародышевая, эмбриональная, родовая и дальнейшая человеческая работа сознания по изготовлению конкретного тела, предназначенного данному сознанию персонально. И когда замысел удастся, общество пополнится новым комплектным гражданином, имеющим сознание и тело. Таким он и будет в течение всей его жизни. Он живёт, идёт по планете,

но наступит время, когда, исчерпав творческие возможности, он войдёт в неразрешимые в данном воплощении противоречия и вынужден будет покинуть этот мир. А если уйти, то куда и как?

Факт окончания земного пути не является рядовым событием. В рамках процедуры осознания себя, каждое существо начинает отчётливо понимать смысл воздействия на тело: плоть обязана соответствовать познавательным потребностям сознания-духа. При таком полном соответствии смерть отодвигается до ощущения достаточности прожитого. При частичном соответствии жизнь продлевается до момента исчерпания этой части. Прекращение бытия в данном случае есть насильственное воздействие, наказание за недожитое время, а значит, за неиспользованные возможности текущего воплощения. При явном несоответствии короткая жизнь обрывается в муках, вынуждающих обратить внимание на разницу выбранного и начертанного направлений.

Во всех случаях при отклонении присутствует эффект наказания. Его смысл лишь в малой мере отображает страдания земного пребывания, в виде конфликтов, болезней, катастроф. Казалось бы, уйдя из жизни, человек сразу лишается земных мук, и смерть кажется избавлением от угнетения. Тогда в чём же суть наказания, если горести уходят мгновенно и заменяются покоем? Это уже не наказание, а стимул к скорейшему прерыванию плотского пути.

Но что делать дальше бестелесному, поскольку бытие сознания без формы невозможно? Возвратиться в прежнее тело нельзя всвязи с тем, что сам факт смерти показал его непригодность для дальнейшего роста сознания. Прежнего нет и другого нет. Возникает безысходная ситуация, вынуждающая творить во спасение: приходится самому себе создавать тело с зарожденческого нуля. Именно эта необходимость особой тяжестью гнетёт всякое существо при потере прежнего тела, всвязи с предстоящими длительными и упорными трудами по возвращению для себя новой формы. Трудность перехода в очередную форму столь существенна, что она закреплена в личности в качестве важнейшего поведенческого эффекта с названием *страх смерти*.

Нематериальное сознание, пройдя в нашем мире процедуру смерти, обязано *родиться* в нематериальной области для обзаведения формой. Других вариантов создания формы не предусмотрено. Да они и не нужны, поскольку, исходя из принципа наименьших затрат на единицу полезности, однажды найденное

решение следует применить везде для достижения аналогичного результата. Как рождение происходит там, пока неизвестно. Но у нас оно сопряжено с предельным напряжением всех потенций сознания, стремящегося избегать не связанных с оразумлением излишних усилий. В силу симметричности миров, переход в нематериальность тоже потребует от тамошнего воплощенца значительного напряжения своего естества. Там так же, как и здесь, ему придётся приложить немалые усилия для создания формы, соответствующей личному предназначению. Отправной точкой ваяния станут достижения предыдущего воплощения, т.е. прирост разумности, полученный в тверди. Начиная с этого уровня, сознание в течение всей нематериальной жизни станет накапливать опыт бытия путём освоения тамошней среды. Через некое время между растущей персоной и её окружением возникнут противоречия. И когда они достигнут критического предела, разрешить который средствами того мира окажется невозможным, персона вынуждена будет умереть в нематериальной области. Наступит смерть эфирной сущности. Эта смерть засвидетельствует факт исчерпания потенций мягкой формы для целей познания нематериальной среды. Сознание при этом останется тем же, каким оказалось на момент отказа от нематериального тела. Именно этому сознанию суждено нести дополнительные тяготы по переходу в материю. Люди это воспринимают, как рождение ребёнка³².

Так выглядит один из бесчисленных витков роста. Ушёл из материи, прожил очередную воплощенческую жизнь в иной среде, снова вернулся в материю для жизни во плоти, после неё – переход в ранее оставленную мягкую среду, и так до тех пор, пока прирост опыта не превысит уровень, характерный для данной особи. В случае превышения разумности сверх этого уровня, автономная особь, с названием *общее* постепенно исчезает и переходит на правах *части* в состав организма более развитой сущности. Так выглядит принцип составности сознаний и тел.

В восприятии людей кое-как отображается текущая часть круговорота бытия. Что прошло до рождения и что ожидает после смерти, пока покрыто туманом словесных узоров. Настолько возросла мощь человеческих деяний, что двигаться вслепую дальше равносильно гибели. Пришла пора перенаправить усилия популяции из области разрушения в сторону познания самих себя и уяснения роли тела, как ковчега для плавания по океану развития.

РЕПРОДУКТИВНАЯ РИТМИКА

Всякая сущность не способна развиваться единолично. В цикле её воплощений обязательно должны принимать участие другие сущности, имеющие статус родителей и готовящие воплощенцу телесную заготовку для образования подобающей формы. Если их семья ослаблено, то на основании закона перехода: *каков сам – такое тебе*, их потомок в лучшем случае тоже будет ослабленным, а с учётом разрушающих факторов, наследник окажется ещё слабее родителей. Применяя это положение ко всем последующим детям, получаем ведущую в небытие линию вырождения.

С другой стороны, здоровая особь имеет соответствующее своей развитости семья, следовательно за той заготовкой, которую она способна предоставить, придут воплощенцы более зрелые, чем родители. Наследуя признак укрепления семени, дети следующих поколений будут ещё здоровее, что вскоре приведёт к накоплению понимания себя и откроет дорогу к самоосознанию.

Отношение к семени определяет выживаемость вида, устанавливает меру страданий и отображает соответствие развития предначертанному плану. В начальных мирах: нулевом, линейном и плоскостном, житиё особи, как самостоятельной восхожденческой единицы, становится сопутствующим уровнем. Оно становится на столько важным, на сколько это полезно для подготовки семени.

В этой направленности кроется противоречие: здоровое семья удовлетворяет сиюминутным потребностям роста, потому способно породить выносливых потомков, но только для среды, в которой находились родители. Разум ещё настолько мал, что предвидения и обобщения касаются только событий, непосредственно к ним прилегающих. При изменении среды такое здоровое существо не может найти в себе задела для выгодной реакции на изменения. Это основная причина вымирания видов. Выжили те из них, у которых среда менялась медленно и семья успевало отслеживать перемены, или же персона осваивала элементы прогнозирования собственного поведения и одновременно с этим улучшала свой продуктивный материал с тем, чтобы потомки были в состоянии освоиться в новой ситуации, ещё отсутствовавшей в момент подготовки семени. Это и есть идея дарвиновского приспособления к

среде и выживания сильнейшего. Выживший оказался сильнейшим только потому, что в семени его родителей уже содержались структуры, способствующие развёртыванию способностей, имеющих в воплощающейся сущности.

Пусть, например, уровень развития той личности, которая вознамерилась прийти на Землю в процедуре рождения, таков, что ей по силам прыгнуть в длину на десять метров. И если бы родители, готовящие воплощенцу телесную заготовку³², имели в себе семя, пригодное для взращивания плода, а затем и тела прыгуна, способного удовлетворить притязания приходящего к нам сознания, то рождённый действительно одолел бы дистанцию в десять метров. Если же в семени родителей не достанет элементов, ответственных за рост мышечной массы или распределение нервных, сосудистых, соединительных ... тканей, то в организме ребёнка соответствующие части плоти будут ослабленными или вовсе отсутствующими. Тогда воплощенец, превратившийся в земного человека, не сможет проявить свои способности и, если прыгнет, то не далее того, что позволит ему имеющееся тело.

В появлении особей с ущербным телом повинны родители, поскольку только им предоставлена возможность формировать телесную заготовку для своих потомков. Само формирование начинается в дооплодотворительном этапе, затем продолжается в момент зачатия и сопровождается при внутриутробном, родовом и послеродовом развитии. На любом из участков весьма трудного, длительного и рискованного пути воплощения³² случаются сбои, ошибки выбора, нестыковки потребного и имеющегося, а поэтому воплощение, или на людском языке – рождение, превращается не только в ответственную, но и в тяжкую работу с неопределённым результатом, сопряжённым с особыми страданиями.

В дочеловеческой природе, т.е. на уровне нулевого, линейного и плоскостного миров, все пожелавшие выжить персоны, научились обходить тяготы перехода в твердь, упрощать и ослаблять их проявление, уходить от них, словом – минимизировать. Результаты вековых поисков накапливались и закреплялись в привычках, методах, условностях, особенностях поведения и во всём том, что заносчивые в своем незнании люди называли рефлексам.

Наблюдения над обезьянами показали, что они примерно 48% времени тратят на питание, 12% – на перемещение и 40% – на отдых. Безусловно, эти цифры у разных видов приматов немного

отличаются под влиянием особых условий кормления, наличия соседей, особенностей ландшафта и других условий обитания, однако, их ритмика сохраняется: кормление, движение, отдых. Но даже в таком экономном суточном режиме здоровые детёныши рождаются в среднем один раз в два года. И это в отсутствии обезьяньего секса. Наиболее близкие по своей конструкции к человеку горилла и шимпанзе, не укладываются даже в двухлетний срок. Им на появление одного отпрыска требуется около четырёх лет. Стоит незначительно измениться окружающей обстановке, и детородный интервал возрастает. В неволе гоминиды вообще редко размножаются, хотя питание и содержание их зачастую лучше, чем при диком пребывании. Что бы произошло с нашими якобы родственниками, если бы их нагрузить человеческим стрессом, разрушительством тела и отвлечением его физиологической прочности в сторону неуёмной эксплуатации психики и рассудка?

Они бы давно вымерли. А мы? Мы находимся на марше в никуда. Примечательны варианты биологического сопротивления нашествию техногенности. У человека численность популяции стремительно растёт при всё меньшей прочности её отдельных представителей. У обезьян численность снижается за счёт уменьшения рождаемости, но при практически неизменной прочности конкретных особей. И никакие анатомические, морфологические и генетические сходства или различия не в силах объяснить столь непохожее поведение в кульминационные моменты своего бытия. Здоровое обезьянье племя не желает воспроизводиться в неподобающей обстановке. Оно предпочитает не быть, чем быть и не соответствовать своему обезьяньему величеству. А человек? Он ещё не дорос до понимания этой закономерности. Ему некогда! Он всецело устремлён в разрушение себя и вокруг себя!

По сравнению с животными человек нагружается дополнительным грузом в виде секса и половых излишеств, стимуляторов и тонизаторов, войн, суеверий, суррогатного питания и неполного отдыха, но самая большая нагрузка проистекает от мыслительной и психической работы. Это же какое отвлечение сил от детородной энергии?! Казалось бы, человек обязан хотя бы что-то изобрести людосберегающее в столь растратной обстановке для сохранения себя. Однако за исключением некоторых поверхностных мероприятий, ничего надёжного не сделано. И это при том, что у мужчины нет ни единого преимущества ни перед слоном, львом,

быком, жеребцом, ни перед самцом гоминидов, ни даже перед мужчинами диких племён. И дальше продлевается такая зависимость: чем цивилизованнее общество, тем больше обрушивается на его членов волна нивелирующих воздействий. Они подавляют половую составляющую и вносят в ослабленное тело некоторую эмоциональную замену в виде агрессии, конфликтности, болезненности и прочих несозидательных качеств. Образуется порочный круг: чем никчемнее особь в своём исконном половом предназначении, тем больше в ней злобности. Но жестокость – это весьма растратное состояние, в короткое время расплавляющее тело и душу. Тогда обессиленная плоть и вовсе отказывается от исполнения репродуктивных функций. Такая цикличность устанавливается исподволь, но попав в неё, редко кому удаётся спастись.

По мере ослабления потенции взвинченность нарастает так быстро, что её трудно понять, принять или приспособиться к ней. Возникают поведенческие ошибки, ведущие к гибели. А где же истоки трагедии? В потере жизненных сил!

В дикой природе участники совокупительного акта имеют длительный период полового покоя^{1,2}. В межсезонье успокаивается у них гормональное бурление, стихают будоражащие страсти, а в теле устанавливается эмоциональное равновесие. Пол животного при этом нивелируется. Снижаются функции репродуктивных органов, существенно уменьшается их вес и объём, они мало напрягают организм и находятся в поддерживающем сторожевом режиме. Самцы в это время никак не реагируют на самок, а те не проявляют никаких привлекающих действий. Этим исключается психологическая нагрузка половой нацеленности, которая у людей достигает огромной подавляющей силы.

Круглосуточно льющие на них потоки сексуальных мотивов и влияний ориентируют в направлении половой экзальтации, что сродни постоянно присутствующему онанизму. В малых дозах сперва сексуальный фон ещё оказывает некоторое возбуждающее влияние, но потом приобретает характер назойливого шума, на отстранение от которого расходуется значительный жизненный ресурс. На мужчин этот фон действует особенно пагубно: женщина для них перестаёт быть объектом вожделения. В её телесной открытости, интимной доступности и обилии камуфляжных привнесений губится тайна противоположного пола. Это ведёт к тому, что длинный перечень мужских болезней пополняется

очередным грозным недугом: затруднённой или даже неспособностью к возбуждению в интимной встрече. Широко развёрнутая назойливая бытовая возбужённость притупляет восприятие партнёра как единственного и неповторимого. В обиход врывается понятие, якобы объясняющее всё: ослабление и потеря влечения, тяги, желания, которое для пущей научности обозвали *ли́бидо*.

А? У вас не получается? Ну что ж, голубчик, с вами всё ясно: ослабленное ли́бидо и эректильная дисфункция. Вот основной список лекарств, вот дополнительный, вот направление на процедуры, уколы, массажи. Купите, попринимайте и помните о застойных явлениях! Меняйте партнёрш, и чаще ... как можно чаще, надо давать отток, бойтесь закупорок, возможны уплотнения, аденомные перерождения, того и гляди ... эктомия, резекция, пункция ...

Редкий мужчина не знаком с таким напутствием. Оно отмечает момент вступления на конвейер *уничтожения*. Шаг за шагом лекарские авторитеты подталкивают занемогшего к операционной, затем к домашнему заточению и наконец, к ... Спасение от коммерческого лечения заключено в осознании себя и того принципиального положения, что выгоднее заранее установить состояние неболенья, при котором сторонняя помощь не нужна.

У животных мало того, что период полового покоя выделен в самостоятельный этап воспроизводства, так он ещё чуть ли не в *десять* раз превышает время половой активности. Это значит, что для уверенного продления себя в потомстве, к предстоящему спариванию необходимо готовиться долгие месяцы, а иногда и годы. Во время покоя накапливаются силы для предстоящей работы по продолжению рода. И опять: кормление, отдых, движение. Каждая из этих занятостей подчинена будущему размножению.

Даже приём пищи. Лучший корм остаётся вожаку. Чаще всего вожак является лидером или доминантой в стаде². Достигается этот титул в борьбе с не менее достойными претендентами. Самец, победив, становится вожаком и получает право на территорию, самок и корм. Всё это в целом и есть привилегия оплодотворять. В стаде имеется много самцов, потенциально способных к совокуплению. И если бы они по прихоти своей породили потомство, численность резко возросла бы, но среди молодняка было бы много слабых особей, не способных противостоять дикой среде. Произошла бы хищническая выбраковка непригодного приплода, что резко понизило бы численность до уровня более низкого, чем был

до свободных совокуплений. Стадо затормозилось бы в развитии, значит, оказалось бы перед угрозой гибели. Если же исключить природный отсев, как у людей, популяция, как сосуд водой, станет пополняться немощными потомками, что скоро приведёт её к гибели. Любое нарушение ритмики воспроизводства ведёт в небытие.

Однако в самом успехе вожака кроется ловушка, и разглядеть её дано немногим. Получив бесконтрольный доступ к тому, ради чего сражался в боях за лидерство, он по праву сильнейшего многократно спаривается со всеми самками, пришедшими к тому времени в охоту. Весьма быстро наступает усталость! Его страсть угасает и не возбуждают даже призывные позы подруг. Этого как раз и дожидался молодняк, ещё недавно бывший на последних ролях в стадной иерархии. Уже не страшась истёкшего вожака, новые претенденты спокойно уводят самок и благословляют им в продление семя, хотя и не доминантное, но зрелое и вовремя. Начинаются новые бои за лидерство, но в них уже не участвует прежний обессиленный боец. Более того, его сначала оттесняют на окраину стада, а затем изгоняют, как несоответствующего потребностям вида. Расплата за излишества, и особенно половые, неотвратима и оправдана, поскольку затрагивает интересы грядущих и теперешних поколений. Никто не существует сам для себя.

Конечно, так случается не всегда. Многие вожаки, например, особо умные жеребцы, быки, олени, лоси ... не изгоняют молодых самцов и не лишают их рискованной возможности спаривания. И даже как бы нехотя разрешают им вороватые сáдки, несколько разгружая напряжённый собственный ритм. Однако молодняк под пристальным вниманием лидера быстро сникает, а опытный лидер сохраняет свой ранговый статус при полном покрытии охочих самок. Выходит, что самцу недостаточно иметь здоровое семя. Важной становится способность донести его в репродуктивной цельности до самого совокупительного момента.

Так, помимо длительного сезонного периода полового покоя, животные внутренним чутьём устанавливают свою половую нагрузку на уровне примерно 10% общей осеменяющей способности. Даже вожак чувствует приближение усталости при подходе к этой черте. Обычно в брачное время в его гареме примерно 14 самок.

Если при апатии предложить калорийную пищу, полноценные отдых и движение, то жеребец может покрыть и 140 самок, т.е. в 10 раз больше, чем наблюдается при естественном табунном

содержании. Причём первое потомство укладывается в норму. Однако расплата наступает позже: во втором и последующих поколениях. Среди потомков многокобыльной семьи практически не встечаются вожаки, большое число яловых самок, учащаются выкидыши, появляются недоразвитые жеребьята, хуже отражающие опасность, легче травмируемые и слабее развивающиеся.

Примерно это же наблюдается и у людей. Если гормональный интервал созревания семени выдержан, то первый ребёнок рождается здоровым. Второй, при зачатии в ближайшие овулирующие месяцы, уже слабее, а третий в таких условиях рождается совсем слабым. Даже при удовлетворительном телесном оформлении его психика оказывается неустойчивой, он подвержен болезням и порокам. Ему просто-напросто не достаёт внутренних сил для выполнения такой тяжёлой работы, как жить. Тогда получается, что болезни общества не удастся устранить до тех пор, пока не установится должная ритмика репродуктивного процесса. И никакие лекарские и педагогические приёмы не внесут в обделённого то, что не поступило в организм вместе с семенем.

Каждый самец связывает собой прошлое с будущим. Прошрое, принадлежащее лично ему и его предкам, сделало его таким, каков он есть на момент зачатия. Но оно на нём и заканчивается. Дальше пойдёт будущее, сделанное им самим. И самец порождает свой род, как библейский Адам породил человечество. У самца более важной миссии на Земле нет, ибо его здоровые потомки найдут, изобретут и построят всё, что нужно изобрести, в положенные сроки и с естественным уровнем усилий. Больные же наследники обрекут себя и своё окружение на тяготы и муки, мало связанные с развитием. Шкала интеллекта оказалась тесно связанной со шкалой скорости размножения.

Издавна замечено²¹, что менее образованные слои общества плодятся более интенсивно. С одной стороны, путём доминантного отбора формируется линия элитных потомков, занимающих вакансии наибольшего интеллекта в данной популяции. А с другой стороны, в большинстве всегда пребывают мало развитые особи и даже при умеренной рождаемости создают плотные массивы медленно умнеющих существ. Образовавшиеся ветви по-разному относятся к воспроизводству. Более умная часть, и без того находясь в численном меньшинстве, ориентирует свою занятость в использовании и накоплении интеллекта, частично отвлекаясь тем

самым от гнёта телесных страстей, и потому её потомки едва-едва поддерживают численный уровень прослойки.

Менее толковая часть общества свободна от сдерживающего влияния интеллекта, потому находится во власти случайных телесных позывов. Отсюда случайными являются и здоровые потомки. Большинство из них имеет те или иные пороки, но поскольку их много, общество в целом деградирует. Причём люди ухудшаются быстрее, чем животные. Например, лошади, слоны, волки ... существуют миллионы лет, практически не меняясь, а сколько народов, человеческих цивилизаций, наций и рас сменили друг друга за это время? Поэтому людям есть, чему поучиться у животных, и прежде всего их отточенной технологии воспроизводства.

Посмотрим, например, на роль самки в этом важном деле. Велика её ответственность перед собой и своим родом. Неверно выбранный самец усложнит её жизнь и нанесёт вред популяции. И она безошибочно ответственно относится к выбору пары. Чувствуя возможности жеребца, она по-разному на него реагирует в зависимости от его физического состояния, а в процессе подготовки к спариванию ведёт свою ненавязчивую, но жёстко сортирующую игру. Самка имеет широкий набор поведенческих приёмов, комбинируя которые, ослабляя одни и усиливая другие, поощряет самца к ухаживанию или охлаждает его пыл. Особо умные кобылы выбирают для себя ещё не уставшего доминантного партнёра и способны так подать себя и помочь ему, что получают лёгкую беременность и роды, малохлопотное материнство и здоровое потомство. Для этого пускаются в ход изощрённые уловки, осложняющие претенденту путь к продолжению себя через потомство. Прежде всего устраиваются препятствия в виде игрового убегания, уворачивания, драчливости и затрудняющих коитус телесных позиций.

Почти всегда присутствует конкуренция. Для этого самка держится вблизи многих желающих, что вызывает у домогающегося лёгкую половую стрессовость, вынуждающую его отвлекаться от второстепенного и решительно действовать в главном. Создаваемая напряжённость не должна переходить некий уровень, после которого партнёр теряет интерес к несговорчивой подруге. Если к брачным козням самки добавить внешние угрозы от иных охочих, от хищников, от обвалов, угроз и прочих опасностей, исходящих от сородичей и среды обитания, то станет оправданным стремление

самца как можно быстрее управиться с совокуплением. Вековое продвижение к ускорению коитуса в природе сформировало самца млекопитающих, как половой инструмент кратковременного применения. Эта особенность настолько прочно укоренилась в натуре, что в междумерье на стыке полоскостной и объёмной эпох, где самцы представлены мужчинами, осталась в качестве основного свойства сильного пола. Это свойство входит в резкий контраст с половыми возможностями женщин, чем порождает неисчислимы́е конфликты и болезни, но исключительный трагизм состоит в необходимости психической и телесной доработки мужчин с тем, чтобы его, как кратковременный инструмент, в угоду человеческой сексуальной моде преобразовать в долговременный. Такое преобразование называется изменением мировоззрения, суть которого подробно изложена в предыдущем разделе.

Разносторонние наблюдения показали, что практически все самцы, в том числе и человеческие, теряют сексуальную активность в спокойной, надоевшей или привычной обстановке. Для возбуждения им необходим элемент риска и преодоления, наличие некой предварительной победы, щекочущего привкуса подозрительности или опасности. А ещё нужна малая доля ревности. У лошадей её создаёт молодой самец-адъютант, который всегда сопровождает доминантную кобылу. Он с ней не спаривается, т.к. не вышел по возрасту, хотя уже и находится в гоне.

Его назначение состоит в выжидании момента, когда вожак по каким-либо причинам находится не в возможности или не в силе. Вот тогда адъютант в присутствии старшего дерзновенно покрывает его наложницу. Для лидера это конец лошадиной карьеры, потому он ревниво и внимательно наблюдает за ним, воспринимая его, как помеху в рамках дозволенных манер. Иногда адъютантов бывает несколько, и каждый из них ловит случай оттеснить вожака, завладеть гаремом и сразу взойти на лошадиный трон. Затем в поединках придётся отстаивать право на лидерство, но это всё же легче, чем пробиваться наверх из табунных низин.

Помехи создают и праздно шатающиеся холостяки, и гуляки-отшельники из соседних табунов, и крутые скалы, сыпучие овраги, тёмный лес вдаль, и всё то, что имеет устрашающий вид, или напоминает о враге, или о месте боя с соперником. Помехой является и убегание самки. Если её не преследуют, она и вовсе может покинуть табун. Не наказанная выходка поощряет других

кобыл и они начинают перемещаться сначала на окраину стада, а затем и за его пределы. Благо, что поблизости всегда поджидают одинокие отшельники, изгнанные особи, разжалованные вожаки или любители холостяцкой вольницы. Если кто-то из них обзаводится собственной кобылой, его поведение меняется, он становится завидным женихом, к нему неудержимо льнут самки из всех соседних табунов. Они пускаются на всякие хитрости, лишь бы уйти из-под опеки своего вожака. Но поскольку для лидера измена самки равносильна потере чести, он силой возвращает блудницу и затем, изрядно покусав, многократно спаривается с ней. После этого проверка чувств и закладка характера заканчивается, и пара остаётся вместе на долгие годы³⁵.

Если такая ритмика единения полов через неисчислимые эпохи дошла до наших дней, значит в ней есть основательный смысл. Более того, исходя из принципа минимизации затрат на единицу полезности, эту ритмику следует считать оптимальной. Пусть у других видов, например, клеточного царства, насекомых, морских животных, растений ... соотношение периодов кормления, отдыха и движения заметно разнится, но важно, что у всех живущих до людского уровня развития такие этапы присутствуют. Там малые добавки опыта приобретаются за весьма протяжённые временные интервалы, потому психическая нагрузка на особь не ставит её на рубеж выживаемости. Пусть совокупительные ритуалы разнятся почти у всех существ, но они есть, их рьяно придерживаются, они являются залогом крепкого потомства, шагающего сквозь века.

А что произошло бы со стабильными видами, если их вынудить в одно и то же время, с тем же партнёром, в одном и том же месте, в одной и той же обстановке, с одной и той же концовкой годами? Супружескую верность и семейные отношения удаётся спасти лишь тем парам, у которых секс служит праздничным украшением жизни и не подменяет собой саму жизнь.

Самки млекопитающих почти всегда могут противостоять насилию самца, вступить с ним в драку и выйти из-под его контроля, если им покажется, что претендент чем-то не дотягивает до настоящего жениха. Так, они охотно разрешают даже жеребятм-двухлеткам пробовать себя в коитусе. Одних они терпят и даже поощрительно участвуют в невинном обучении молодёжи, а от других уходят в самый разгар единения, видимо почуяв своим кобыльим чутьём неполную самцовость врёменного кавалера.

И если самка позволяет вожаку кусать себя и подчиняется принуждению к спариванию, значит, такой ритуал принят в их обществе. А раз принят и устоялся, следовательно целесообразен, ибо способствует оздоровлению лошадиного потомства через повышение совокупительного тонуса обоих участников полового действия.

Аналогичным образом проходят обучение и молодые самки. Ещё до созревания они входят в охоту и подвластны взрослым жеребцам. Такое развлечение иногда приводит к беременности и родам, причём почти всегда лошадёнок погибает. И в этом сокрыта великая мудрость: видимо, другим путём природа не может сформировать надёжный детородный механизм, как только таким предварительным тренировочным запуском-прогоном.

Тогда открывается удивительная картина великолепно организованного процесса воспроизводства: половозрелые кобылы шефствуют над жеребятами, преподнося им из первых копыт тонкости их мужского ремесла, сами при этом не беременея. К этому времени они уже умеют беременеть по-настоящему и эти навыки будут совершенствовать в следующем гоне по зову всевластной природы. А вот сегодняшний брачный опыт передать молодёжи – это ли не благородство и забота о здоровье и крепости табуна?

Похожее обучение проходят и самки, обучаясь самочьей науке в надёжной школе опытных жеребцов. И только после отладки всех систем организма родильной особи, она вступает в подлинное спаривание с молодым, но обученным и возможно доминантным самцом. Роды при таком зачатии проходят спокойно, без травм и болезней, без сторонних помощников, в открытой среде, а жеребёнок способен стоять на ногах через полчаса и питаться травой спустя два дня. Осуществлённая мечта людская: без акушеров, операционных, наркозов, резекций, швов, инкубационных камер ... вершится важнейшее самочье дело.

Безусловно, прямое перенесение полового опыта животных на человеческий род невозможно. Однако сравнение их отточенной ритмики воспроизводства с нашей безнадёжно падающей рождаемостью показывает настойчивую необходимость внесения изменений в человечье репродуктивное мировоззрение. Люди уже прошли в своей деградации черту обратимости, потому остановить падение можно только путём принятия особых мер.

Первая мера – признать соитие мужчины и женщины фундаментальным явлением со статусом первичного по отношению к

любым остальным второстепенным действиям человека, ибо что бы ни делалось на планете, вся работа будет выполняться персонами, созидательная или разрушительная направленность которых определяется особенностями подготовки семенного материала и закладки их натуры в совокупительном таинстве.

Вторая мера – выделить совокупление в отдельную научную дисциплину, начать изучение его по законам точных наук и наладить внедрение в общество проверенных результатов. Начало уже положено в настоящем изложении и в книгах *мужчина*³³ и *миры*³². Потребуется значительные организационные и экономические усилия, но они всё равно будут меньше, чем расходы на войну. По мере укрепления спермиальной прочности людей, сама война, как средство компенсации половой ущербности, отойдёт в прошлое.

Третья мера – изменить половое воспитание молодёжи, установить аттестацию репродуктивной зрелости, перед вступлением в брак проходить психо-медицинское обследование, учитывающее особенности рождения, а также развитие в детском и юношеском возрасте. Дóлжно почитаться за доблесть быть пригодным для совокупления и достойным его.

Четвёртая мера – рождение каждого ребёнка считать событием величайшей значимости и соотносить с ним особые критерии оценки. Тогда вместо того, чтобы ловить, судить или устранять насильников, убийц, разбойников, появится возможность их не зачинать, не рожать, не впускать в наш мир для мщения живущим.

Животные демонстрируют различный статус полов в процедуре воспроизводства. Самка в итоге оказывается более сильной и надёжной стороной, более самостоятельной и важной. Вокруг неё вращается вся жизнь сообщества. Создаётся обстановка исключительной подчинённости всех действий стада своей главной задаче – размножению. И действительно, если потомки окажутся слабее предков, через какое-то время наследников не будет вовсе, и вековые наработки опыта передать будет некому. Хотя, если прежний опыт позволил стаду погибнуть, то незачем его сохранять, а гибель становится оправданной. Каждая особь самостоятельно и в составе других сообществ в сложных кругах воплощений по крохам станет набираться такого опыта бытия, который окажется пригодным для преодоления конфликтов в среде обитания.

С момента появления на свет самка спокойно и равнодушно-уверенно воспринимает окружающий мир, словно зная, что всё

дальнейшее будет происходить во имя неё. Сначала мать и другие сородичи станут её опекать, как и весь молодняк, затем начнутся невинные игры с ровесниками, первое ещё независимое знакомство со старшими и наконец, ритуальная беременность перед тем, как она в качестве плодородной особи окажется затабуненной в чей-то гарем. Её иерархический уровень определится личными самочьими качествами, по степни развития которых она попадёт в доминантное окружение, среднюю прослойку или в подчинённое сословие. И в тех условиях ей предстоит в дальнейшем спариваться, рожать и воспитывать потомков, превращаясь в гаремную собственность самца. На этапе созревания её ещё не отягощают сторожевыми задачами, заботами по выбору пастбищ, мест отдыха, маршрутов движения и устраняют всё, что отвлекало бы от сосредоточения на себе как на основе телесного благополучия табуна.

Бои между самками редки, не носят выдвигенческого характера и происходят скорее для поднятия тонуса и резвости, что опять-таки направляет силы организма на укрепление детородных систем. Природа, как бы опасаясь возможной яловости, наделила самок возможностью, потребностью и необходимостью многократных спариваний на одно оплодотворение. Ей не позволено нарушать свою рожательную ритмику, пропускать или отодвигать беременность, словом, простаивать без дела.

Приходится удивляться и восхищаться столь совершенным существом, как самка, ибо помимо своих детородных обязанностей она в случае необходимости, может возложить на себя ещё функции лидера. Так, у слонов, зубров, сайгаков, оленей, яков, овец в мирной обстановке вожаком чаще бывает самка. Она лучше находит места для кормления и отдыха, постоянно озабоченная потомством, раньше замечает хищников, ловушки, западни, и поведенческими подсказками напоминает самцам об их роли. Самки обычно миролюбивы и редко бывают причиной напряжённости.

Совсем другая половая значимость самца. Он прежде всего хозяин и носитель того особого качества, ради совершенствования которого впущены в жизнь биологические тела. Они сам живёт и развивается на основе багажа, заложенного семенем родителей, и одновременно с этим формирует и творит семя нового качества, призванное дать начало новым организмам и поколениям. Как из самки во внешний мир исходит ребёнок, так из самца истекает семя. И, видимо, на производство семени требуются затраты энергии

бóльшие, редчайшие комплектующие материалы и какие-то иные синтезирующие системы, чем при рождении ребёнка, если тело самцов-млекопитающих имеет большие габариты по сравнению с телом самки. Иначе как объяснить, что вынашивающая особь, работающая за двоих, менее масштабна, чем одиночная самцовая? Иное содержание требует соответствующей формы.

Лозунг самца: осеменить возможно большее пространство, везде создать игру жизни, воспроизвести и расселить её небывалые формы. Он новатор и побудитель движения! Он поисковик и захватчик! Он импульсивен, устремлён и агрессивен! Его установка противоположна позиции самки. Если самка, несмотря на всю её активность, основой своих поступков всё-таки считает толчок или влияние извне, то самец этого не ждёт, он обязан быть тем самым побуждением, которое считается первым. В дальнейшем оно определяет и его судьбу и тех, кто вокруг него.

Однако всё отмеченное не является исключительным свойством самца, тем более любого самца. Такими качествами, хотя и с меньшей вероятностью, всё же могут обладать и самки. Тогда в чём разница между ними? Если попытаться ответить без ссылок на генитальные, бытовые и поведенческие атрибуты, являющиеся очевидными признаками различия, то ответ не состоится вообще. Пока не удалось обнаружить нечто такое, что отличило бы самца от самки, мужчину от женщины, если только не затрагивать их людское понимание участия в детородном деле.

Приемлемая трактовка раздельнополовости представлена в книге *миры*³². По мере развития сущности, её организм усложняется. На каком-то этапе роста возникает противоречие между развитостью особи и составной сложностью исполнения её тела. Если попытаться разместить возросший разум в прежней форме, то, в силу нарушения соответствия формы и содержания, тело разрушится и перестанет жить. Сознанию-разуму придётся строить очередное тело, уже на новых предпосылках, обеспечивающих устойчивость собственного инструмента-тела. Такой предпосылкой стало представление прошлой неделимой особи в виде двух составляющих, каждая из которых приняла на себя часть прежних совокупительных мотивов. Одна из них по набору свойств олицетворяет мужское начало, а вторая также по набору свойств сопутствующего плана, известна ныне, как женское начало. Так что каждый самец-мужчина совместно с какой-то до поры

неизвестной женщиной составляют полностью комплектное существо, отличающееся устойчивостью, равновесностью, жизнеспособностью. Точно так же и каждая женщина совместно с неким мужчиной образует цельное существо с высоким или даже повышенным сопротивлением напору жизни. Апофеоз устойчивости телесных форм наблюдается таким образом, чтобы каждый из них при встрече составлял часть второго. Возникнет по мере развития очередное противоречие, когда двуполое представление целого уже будет недостаточным для построения стабильной формы. Тогда появится следующий вариант телесного воплощения, например, выполненный из нематериальных составляющих мира. Такое частично уже наблюдается у пришельцев на землю, хотя полная замена тела на эфирный вид произойдёт лишь при подходе к объёмно-кваровному междумерью³².

Земной пример зависимости тела от сознания демонстрируют знахари, волхвы, шаманы и прочие ведуны. В процессе своей деятельности, связанной с внеполовой областью предсказаний, они сначала условно инвертируют личный пол, а потом и вовсе обретают бесполые черты, это неизбежно. Приступая к исполнению пророческой роли, они фатально увлекаются атрибутикой противоположного пола: мужчины теряют бороду и усы и всё чаще облачаются в платье, подобное женскому, а женщины – наоборот: предпочитают носить мужскую одежду, а лицо часто покрывается растительностью. С годами, по мере вытравливания из психики примет пола, их облик окончательно теряет половые признаки. И не только внешне. Они потеряли ощущение себя мужчиной или женщиной и вслед за этим перестали ими быть.

Поэтому и нам, людям, чтобы лучше рассмотреть самих себя, стоит повнимательней присмотреться к другим непознанным населённостям планеты. Почему отсутствуют, например, понятия, типа: исчезнувшая цивилизация копытных, или морских млекопитающих, или приматов, или... Животные, если исчезают, то по вине глобальных катастроф и вселенских потрясений, от которых не застрахован и человек. В остальных случаях они демонстрируют высокую культуру бытия, которой так недостаёт людям. Наличие животных не является обязательным условием существования человека. Было время, когда человек уверенно шагал по трилобитам, а высших животных ещё не было и в помине¹³. И появление их похоже на подсказку, на намёк людям, что, дескать, возможна

и другая линия поведения, развитие и рост по иному плану.

Давайте приглядимся, например, к человекообразным обезьянам: гиббону, шимпанзе, орангутану и горилле. Сторонники обезьяньего эволюционизма полтора века систематизировали общие признаки и насчитали их несколько сотен. Вроде из них должна вытекать и похожесть нравов, однако, они-то как раз оказались в корне противоположными. Гоминиды исключительно мирные и бесконфликтные создания. Имеют здоровое устроение жизни без нарочитых страстей и ложных устремлений. Наиболее древние из останков обезьян отстоят от нас примерно на 300 тысяч лет. Но прошлые эпохи внесли в их облик и нравы мало изменений. Они и по сей день не желают превращаться в людей.

Своим существованием приматы демонстрируют некий средний разум, самодостаточный на данном обезьяньем уровне. Как никто из животных они выбрали себе удивительный статус: не являются хищниками, если только не учитывать редкие плотоядные выходки шимпанзе, не драчливы, не агрессивны, не воинственны.

Они миролюбивы и доброжелательны. За малым исключением моногамны и живут семьями по структуре, сходной с человеческой. Не практикуют превосходство одного пола над другим. В силу редких зачатий разрешают самкам переходить из одной группы в другие для повышения надёжности оплодотворения. Сожительство, ухаживание и деторождение близки к нашим. Есть и другие примеры сродства, роднящие людей с обезьянами.

Но приматы не способны поставить познавательные задачи отвлечённого или ассоциативного уровня, не в состоянии даже в малой мере осознать себя, не могут противостоять неизвестным раздражителям, т.е. им не дано проявить характерные для людей свойства. Но без вмешательства извне они приспособлены к жизни надёжно, одолевают невзгоды и множатся тысячи лет.

Зачем? Ведь то же самое делают и другие животные, не имеющие столько сродства с нами. Значит, дело не в сродстве, а в соблюдении законов природы. Сейчас люди на них только смотрят, но не видят и, тем более – не понимают. Они с ленцой всматриваются в соседей по общему житию, отмечают что-то забавное и даже интересное, но не имеют сил примерить их повадки на себя, а свои на них. Видимо, до такой примерки надо дорасти. Успеть дорасти! Не настораживает ли удивительный факт отсутствия развлекательного секса в среде животных? Казалось бы, что мешает обезьянам

позабавиться добавочным развлечением? Само их бытие должно было бы располагать к большему вниманию интимной стороне отношений. Времени для этого предостаточно, здоровье позволяет, сдерживающих психических или нравственных установок нет, всегда в наличии нагие особи обоего пола ... Что ещё надо для разудалой половой потехи? И к удовольствиям, и к наслаждениям, и даже к комфорту они склонны не менее, чем люди.

Ан нет! Обезьяны не желают, казалось бы, естественной улады. И это при почти постоянно эрегированном члене, при ритмичных лунных циклах, при возведённом в культ взаимном санитарном обслуживании, при весьма подчёркнутом отношении к удобству, телесным приятностям и стремлении к обходительности. Гоминиды исключили генитальные игры-расточительства из обихода самоудовлетворения. Их культура, хотя и обезьянья, может предоставить особи полную эмоциональную *загрузку* без обращения к телесному истязанию. Такое наполнение обезьяньей жизни позволило им многие миллионы лет сохранять себя как вид. И это без наших лекарьских и знахарских танцев вокруг слабеющего тела! Среди вымерших видов обезьян всего около десятка наименований в противовес тысячам ушедших людских цивилизаций.

Интервал деторождения в 3 – 4 года устанавливает надёжный срок, в течение которого воспроизводящие особи способны для очередного зачатия подготовить свои тела. За это время семя самца успевает сделать несколько десятков гормональных оборотов внутри организма, приобретая с каждым разом всё большую жизненную силу. И до момента оплодотворения семя не выводится из тела, несмотря на обилие моментов обращения к половым органам и невзирая на частые ритуальные сокоупления.

Похожим образом готовится и тело самки. Невостребованные в течение ряда лет месячные циклы и отсутствие оргазменных потрясений нормализуют физиологическую ритмику организма, способствуют накоплению репродуктивной силы и готовят к предстоящей созидательной работе. И никаких миом, фибром, полипов, кистозов, эрозий и застойных очагов от воздержания нет. А всё потому, что психическая установка на отсутствие праздного секса, половых раздражителей и фактическое их отсутствие, совпадают в одном телесном воплощении и не порождают конфликтных противоречий. Женщина в этом отношении находится в худшем положении. Она с младенческого возраста оказывается погружённой в

вескую половую предрасположенность, неизбежно приводящую её в постоянную сексуальную напряжённость. Её натура постоянно пребывает в повышенной экзальтации, не всегда имеющей естественное телесно-психическое продолжение.

Но если такое продолжение даже имело бы место, то это не устранило бы последствий установочного конфликта, поскольку репродуктивно-эмоциональная энергетика потрачена впустую. Затем, когда при зачатии и родах понадобятся настоящие эмоции, их может не оказаться. А те чувства, которые останутся к моменту беременности и вынашивания плода, будут ослабленными и не смогут сформировать ребёнка, не знающего удержу в энергии и резвости. Слаборождѣнный мстит людям за свою слабость и несёт горе себе и окружающим. Его пороки – это наказание родителям за вызов потомка к жизни без должного обеспечения.

Сексуальные расточительства так же обедняют жизнь, как и алкогольные, психические, экзальтирующие, дурманные, обжорные и многие другие отключающие мозг привычки. Если приверженца какой-то из них лишить его обычной повседневной занятости, им овладевает паника, нервозность предельно взвинчивается от неумения хотя бы чем-то загрузить рассудок и от непригодности вялого мозга к действию вне трафаретных рамок поведения. Очень мало людей способно на разностороннюю интеллектуальную работу. И в то же время невероятно много тех, кому переход от сверления отверстия диаметром 8,0 мм к тому же сверлению, диаметром 8,1 мм в производстве практически не под силу. Точно такой же ступор психики происходит от занятия привычным общепринято-ритмичным семейным растратным сексом. Какими бы ни были исходные возможности, они неизбежно придут к весьма скромным или отсутствующим результатам. Но ложно сформированная психика требует наращивания удовольствий, резерв которых быстро истощается. В этом конфликте тонут жизни, судьбы, карьеры и само не осознавшее себя человечество.

Кабаны созревают к десяти месяцам, а в размножении участвуют только в 4 – 5 лет. Жеребята готовы к 1,5 годам, а оплодотворяющее совокупление происходит в 5 – 6 лет. Примерно такие же соотношения отлеживаются у всех копытных, кошачьих, тюленых, китовых, приматов, гоминидов и всех тех, которые относятся к стабильным видам. При невероятно сберегающем отношении к процедуре воспроизводства, тем не менее, часто встречаются

самки, не дающие приплода. Иногда даже в сытые и хорошие климатические годы потомство падает до 50% от возможного количества. Стоит несколько раз подряд напугать домашних овец, и число ягнят снизится почти на 40% от овулировавших клеток. У коров даже при искусственном осеменении беременность наступает примерно в 55% случаев. Многие животные вообще не могут размножаться в непривычной обстановке, в неволе или под длительным воздействием угрожающей силы.

Но уж если они решили плодиться, то приносят здоровое потомство. При этом число отпрысков, не пригодных к дикому существованию, укладывается в несколько процентов. И все они выбраковываются хищниками и прочими сортирующими факторами. Как сильно это разнится с человеком, который плодится всегда, в любое ненастье и без оглядки на внутреннюю готовность к размножению. Достаточно незначительно взыграть случайному вожделению, и незрелое семя отправляют в путь на горе всем его жизненным попутчикам. Недоношенных инкубируют и реанимируют, недоразвитых к чему-то приспособливают, оперируют калек, содержат неполноценных, докармливают хилых, телесные изъяны протезируют, психических уклонистов окружают няньками, а недоношенных – на конвейер клинического сохранения. Этот список не имеет конца. Он отражает уродство современной культуры, так упорно порождающей причины и не осознающей следствия. Популяция превратилась в скопище калек.

Помимо видных очами патологий, есть невероятно много скрытых отклонений от нормы, хотя само понятие нормы в наше время стало ещё более эфемерным, чем здоровье. Постепенно общество меняет и теряет лицо и наполняется неполноценными особями, которые, составляя большинство, повсеместно формируют под свои задачи этику, мораль и нравы. И всё это следует из возведённого в культ дежурного совокупления и пренебрежения к веками отлаженному ритму воспроизводства. Это есть упорное подражание и единение с половыми неликвидами.

Несколько примеров для размышления и сравнения с людьми. Из стаи рыб отобрали одну самого низкого ранга, прямо-таки изгоя среди сородичей. Этой рыбке оперативным путём удалили часть мозга, ответственную за поведенческие рефлексy. После излечения её впустили в прежний водоём. Сразу же обнаружились изменения в её рыбьих повадках. Она по-прежнему кормилась и

плодилась, но совершенно игнорировала иерархический этикет и рыбы порядки. Вскоре она стала *лидером* в стае, а её безмозглые манеры постепенно стали считаться общепринятыми. Но в стае начались болезни, и за короткий срок рыбки вымерли все⁴⁰.

По африканским джунглям в спокойном кормлении продвигалась группа шимпанзе. Самые слабые и робкие вынуждены были подбирать то, что уцелело позади всех, или искать пищу на опасной окраине пастбища. Вдруг один из отверженных обнаружил близ дороги пустую канистру. Не особенно раздумывая, он схватил её одной рукой, в другую взял палку и принялся колотить ею по канистре, вызывая устрашающий грохот. Обезьянье общество перестало жевать. Все повернули головы и со страхом наблюдали за бушующим отщепенцем. А тот прыгал по земле, катался по траве, бешено носился и всё дубасил невинную посудину. Кураж, наконец, привёл его к вожаку, и не успел буян опомниться, как глава стада в панике бежал. Поскольку всё происходило на глазах общественности, то нахальный обезьяныш и был признан новым *вожаком*. Он ещё долго таскал за собой неожиданный амулет и каждый раз пускал его в дело, когда нужно было подтвердить ничем не ограниченную власть. Власть отщепенца⁴¹.

Стадо овец неожиданно наткнулось на полосу снега на зелёной траве. Препятствие казалось страшным и непреодолимым. Задние напирали на передних и, когда баранье отчаяние достигло предела, начались истерические вопли, и бурлящая масса выбросила на преграду нескольких овец. Последовала немая овечья сцена. Похоже, участники местной трагедии ожидали светопрествления, но ничего особенного не происходило. Невольные герои немного потоптались и начали продвигаться к противоположному краю не слишком широкой снежной полосы. Так нечаянно они стали вожаками. За ними потянулось остальное овечье общество⁴¹.

Удивительно мало толковых особей в *овечьем* стаде. Не то, что явный лидер, а только чуть выделяющееся животное встречается в одном экземпляре на несколько сотен рядовых баранов. Да и то, чтобы вынудить скрытого вождя проявить себя, необходимо наличие вынуждающей силы, действующей именно на него. Не потому ли в христианских мотивах люди уподоблены овцам?

Для сравнения: среди табунных лошадей вожаком может быть каждый самец и даже самка, хотя наиболее яркий и решительный предводитель скрывается в третьей-четвёртой особи; в стаде же

олений – пятый; у яков и бизонов – шестой; у зебр – седьмой; жирафов – восьмой. У снежных баранов лидерствовать может любая самка. Вообще, в мире животных возвышение самок над сородичами – распространённое явление. Но, как и у людей, оно носит скрытый характер. Потенциально главой считается признанный самец, например, у волков и лисиц, а с его разрешения фактическое лидерство осуществляет самка. Она по своему естеству является более надёжным членом стаи, ибо ей приходится постоянно и всю жизнь решать насущные задачи бытия, сразу дающие результат и определяющие судьбу потомства и долю самца.

А у людей? Кто он такой есть человеческий самец? Если снять с него погоню разных мастей, освободить от тяги к агрессии, разрушениям и к войне, упорядочить его генитально-телесное применение, изъять его из охранно-сторожевого уклада, то он тогда окажется до неприличия неприспособленным к созидательному использованию. Он освоил нишу занятости, связанную только с завоеванием чужих земель, с уничтожением не им созданных ценностей, с порабощением не согласных с ним народов. Но это всё вместе формирует облик подавителя, угнетателя, палача.

На основании единства натуры-сознания и семени, содержание мужчины полностью отображается в его репродуктивном материале. Потому зачавшие от него изначально примут в себя разрушительное, а значит, болезненное начало. Потомки болезных – это современные мужчины, своей лысиной, тучностью и дряблостью демонстрирующие неприглядный результат векового истечения.

Уже сейчас женщинам всё труднее подобрать себе мужчину для надёжной беременности. Потому они вынуждены прибегать к донорскому зачатию. На некоторое время это задержит, хотя не сможет остановить разрушение общества, ибо доноры происходят из той же деградирующей массы. Конечно, можно их возвращать в питомниках и путём селекции вылепить идеального мужчину. Можно, однако, это уже будем не мы. Нас тогда не будет. Мы вымрем. А люди недалёкого будущего исправят наше хвастливое самоназвание на человека неразумного, выделяют для остатков человекообразных отдалённые резервации и будут показывать туристам итог психической деградации и сексуальной тётки.

Идея отстранения самцов от детородности вынашивается природой давно. Она с этого начинала. Так, половая принадлежность среди одноклеточных организмов проявляется весьма условно в

таинственном явлении с названием конъюгация: сначала происходит слияние почти одинаковых клеток, а потом начинается их деление, т.е. размножение. Пытливым биологам пока что не удалось установить различия между клетками, которые намекали бы на их половые особенности. Если объединяются две равные – потомство есть. Одиночная клетка или их коллектив множиться не умеют.

Среди простейших и множества беспозвоночных животных большой удельный вес занимают организмы гермафродитной организации, у которых в одном теле созревают и сперматозоиды и яйцеклетки, в нём же они сливаются и развиваются, не прибегая к сложному варианту разнородности. Особенно больших успехов в отстранении самцов от размножения добились насекомые: пауки, муравьи, пчёлы^{16,17,43}. Ослаблено влияние самца в педогенезе и партеногенезе, почти полностью исключено в гиногенезе. Эта общая тенденция, возникшая и опробованная на внечеловеческом уровне, вплотную подошла к людям и с каждым годом проникает всё больше в их среду. Мужчины низвели себя до уровня опасных для популяции существ. Это проблема, острее которой нет!

Каждая особь любого сообщества напряжённо реагирует на внешние и внутренние раздражители. Замечено, что с понижением ранга особи, давление на неё снижается, а по мере роста притязаний – повышается, причём намного быстрее темпа продвижения вверх. Почти весь запас напряжения популяции приходится на самцов. Они, в силу своей самцовой сущности, вечно пребывают в возбуждённом, взбудораженном и воинственном состоянии, что по разным направлениям и причинам приводит их к ускоренной гибели. Как правило, среди стадного молодняка самцы находятся в большинстве, к середине срока жизни они выравниваются по численности с самками, а к старости оказываются в меньшинстве. Если соотнести эту линию со скоростью ухудшения семени от нездоровой занятости и разрушительного бытия, то окажется, что такие самцы, как мужчины, слабеют со всё возрастающим ускорением. Природа допускает и даже поощряет гибель мужских особей при соблюдении неукоснительного условия: процедура размножения в результате смерти самцов должна совершенствоваться, а крепость потомков возрастать.

В действительности, все многочисленные приёмы выбраковки слабых половых партнёров направлены на недопущение к спариванию хотя бы чем-то несоответствующих особей. На пути

непригодных к зачатию громоздят преграды: окружающая среда, многочисленные законы стада, избирательное поведение самки и, наконец, собственный организм претендента. И каждое из этих препятствий ловко обходится в людском обиходе. Огромная мощь интеллекта занята разработкой приёмов привлечения индивида к суррогатному половому обороту, поскольку из всей феерии совокупления почти полностью исключена репродуктивная сторона. Если исключено главное, тогда всё оставшееся становится ненужным и, коль его всё же употребить, то вся популяция плавно начинает скользить в страну лысых, беззубых и сникших теней.

Наблюдения за животными показали, что многие особи, не доверяя себе, принимают худшее решение, если оно исходит от большинства, даже при наличии лучшего своего решения. А у нас? В детском саду усадили 9 едоков, обожавших пересолённую кашу. Десятым был Павлик, абсолютно не выносивший солёное. Он попробовал блюдо и тут же отодвинул его с явными позывами на рвоту. Но потом, заметив, что соседи едят с аппетитом, стал есть и сам, мучась, кривясь, то и дело хватаясь за живот. Такие ситуации создавались в разных возрастных группах, разной грамотности, профессии, национальности, и везде были сходные результаты³³. Выводы из этого эксперимента – за читателем. Можно лишь спросить: а истекающий секс, это не та ли пересолёная каша?

В наш раскрепощённый век рекламированного, нормального и одобренного секса, а также медицинского, лечебного, оздоровительного, внутрисемейного, оккультного, ритуального, кланового, эзотерического, спортивного, развлекательного, расслабляющего, однополого, разнополого и внечеловеческого секса, одиночного, группового и коллективного секса, физического, обрядового и виртуального секса, тайного, свободного, прилюдного и рекламного, а также с животными, предметами, муляжами, приборами ... Этот перечень бесконечен. В эпоху, когда на планете искусственно создан культ секса, говорить о его подчинении созидательным принципам вроде бы рано. Но, если не сейчас, то когда? Если не я, то кто? Если не мы, то ... *никто*. Земляне станут бывшими, а их планета потухшей. Во имя чего?

Если половая ритмика не будет упорядочена в среде живущих, всё, сделанное людьми, восстанет против них, очередная находка убьёт их, ибо дерзких нельзя допускать к тайнам Природы, требующим для их раскрытия более зрелый разум. Или течь, или жить!

СМОТРИ НА СЕБЯ

В ранее приведённом изложении рассматривалось влияние сознания на материю, в том числе и на собственную форму. Показано, что всякий материальный объект способен подчиняться принуждению сознания, как превопричины любого действия. Из многочисленных притязаний сознания к среде самым главным является требование построения персонального тела. На протяжении всего предыдущего изложения постоянно подчёркивалась неуничтожимость сознания, запрет на его попятное движение и скачкообразные порывы, подчёркивалось, что оно имеет только ему присущее предначертанное развитие, что оно есть основа и побудитель преобразований, и многие другие его качества.

Из такого определения сознания вырисовывается образ цельного объекта, в каждое мгновение отчётливо осознающего самого себя, в любой момент своего бытия знающего, что ему следует делать, как поступать при разрешении конфликтов, как себя вести и где находиться. Этакая авторитарность, которой всё остальное, что есть не оно, вредит, ставит препоны и мешает жить.

Предположим, что сознание действительно является неким образцом непогрешимости. Тогда отчего происходят конфликты, антагонизм форм, неустойчивость тел, неопределённость роста? При правильной причине следствие также обязано быть правильным. Но если всё же следствие имеет противоречия, то могут ли нестыковки вытекать из самого следствия? Нет! В случае конфликтности следствия оно перестаёт быть следствием в чистом виде. Его состав таким образом содержит некую самостоятельную часть, выполняющую функцию внутренней причины, и другую часть, отрабатывающую на правах следствия творческие побуждения первой части. Но если есть причина, то в качестве таковой может быть только сознание. Других источников инициативы в нашем мироздании не имеется. Соберём воедино однородные стихии, т.е. отнимем возмущённое сознание от разделившегося следствия и добавим его к уравновешенному сознанию. В итоге получим общее сознание, которое правильным уже не может быть, поскольку содержит бунтарскую составляющую. Тогда приходим к выводу: развитие вынуждает сознание к непрерывному поиску,

выбору и творчеству, которые обязательно содержат ошибки и отклонения от предначертанного пути, потому сознание никогда не бывает правильным, непогрешимым или всезнающим. Оно представляет собой процесс, и ему свойственны издержки, характерные для всего, происходящего в данном месте шкалы времени.

Более того, сами эти издержки никогда не остаются постоянными: они изменяются вслед за ростом сознания. Поскольку окружающая среда наполнена объектами и событиями, распределёнными по семи пространственным координатам, развивающиеся сущности не в состоянии охватить своим восприятием все их сразу. Они усваивают только малую часть проявлений мира, которая ещё укладывается в отображательных способностях особи. По мере роста сознания персоны эта часть тоже возрастает, причём так, что развитость и освоенная область среды соответствуют одна другой. Это значит, что освоенным окажется столько, сколько отобразится в сознании, а отобразится столько, сколько освоенная область предоставит. Так постепенно персоне, обучаясь на проявлениях среды, развивается, т.е. повышает свою мерность³², т.е. продвигается по пути восхождения от нулевого к шестимерному миру. И в любой точке этого пути сознание не бывает идеальным, совершенным или правильным никогда. Оно всегда на марше, в движении, в выборе, в поиске, в творчестве, а значит, исполнено сомнениями, неудовлетворённостью, безысходностью, даже унынием, или наоборот: торжеством, радостью, желанием жить ...

Но все его переживания – это óтсвет результативности движения. При удачном шаге в начертанном направлении – триумф, при ложном – печаль и наказательные тяготы по выходу на свой путь. Настойчивый поиск, порождён ошибками выбора и просчётами действия. Важно отметить, что рыскания – это следствие работы сознания, проявляемые на материальном плане бытия. Для того, чтобы они произошли, в обязательном порядке необходимо их отображение в сознании персоны, намеревающейся действовать.

И не только отображение, а более широкий процесс порождения **образов** действия, что связано с особой нагрузкой на сознание для необходимости восприятия и определения значимости текущих и грядущих событий. Такой огромный пласт аналитической работы не может выполняться монолитом, поскольку в упорядоченной структуре формализуются и минимизируются за счёт этого взаимные связи, определяющие творческую потенцию. Для

выполнения познавательных действий необходимо как раз обратное соотношение: дробление монолитного мышления на всё более мелкие составляющие с тем, чтобы была возможность соотнести самостоятельный участок общего сознания персоны со всяким звеном ассоциативного процесса. Чем сложнее задача, тем больше выделенных участков и тем разностороннее охватывается текущее действие. В пределе, при погружении в граничную задачу сознание предстанет россыпью фрагментов столь мелких, меньше которых данное сознание породить не сможет по причине конкретности своего развития. Отсюда вытекает: по разуму – задача, или всякая задача для раскрытия сознания требует той мерности, которая не уступает мерности задачи. Это соотношение драматичнее всего проявляется при выдвижении в будущее, когда прошлого опыта недостаёт для охвата неосознаваемого события.

Может показаться, что изложенный материал относится только к людям. Однако это не так. Любое существо от зароденца, довира, вируса, бактерии ..., вплоть до человека и тех, кто выше его³², имеет сознание, законы развития которого одинаковы для всех без исключения персон, удостоенных восхождения в стихии времени. Сознание бактерии и сознание Ньютона разнятся всего лишь размером или иначе – мерностью освоенного пространства. Если бактерия – житель нулевого мира, то Ньютон – это житель периода междумерья, разделяющего плоскостной и объёмный миры. Каждому из них свойственны описанные выше переживания, но объекты этих переживаний разные, поскольку разнятся между собой на нулевую, линейную, плоскостную и начало объёмной, т.е. на три координаты с малой добавкой. Разному осмыслению объектов соответствует своё число мыслительных фрагментов, но суть перестройки сознания под задачу остаётся прежней.

Значит, все существа без исключения имеют взъерóшенное сознание, т.е. представленное в виде набора ячеек-элементов. Их число зависит от развитости персоны и сложности задачи. Какая же сила удерживает почти самостоятельные части в общем образовании, характеризующем сознание личности?

Ответ звучит удручающе: такой силы нет! Если бы оказалось нечто, способное повелевать сознанием, то само сознание стало бы ненужным. Повелевающая стихия приняла бы на себя роль причины всех действий и создала бы мир под себя. Но это означает уничтожение нашего мира. И поскольку всё, что есть, отчаянно

борется за своё бытие, то такая борьба сводится к пресеканию любых попыток изменения роли сознания как первопричины. Иных причин, властвующих над первопричиной, быть не может. Потому любая инициатива сознания всегда исходит из самого сознания и должна объясняться свойствами этого сознания. Иначе: сознание *обязано* воздействовать само на себя. В этом суть, смысл, интрига, торжество, трагедия и ответственность такого феномена, как сознание. Другого чего-либо, наделённого похожим отношением к бытию, не имеется и его попросту нет.

На сознание возложена единственная нагрузка: оно должно развиваться. Другие занятости, какими бы они ни были, подчинены развитию, конкретизируют развитие и суть их определяется, исходя из условий развития. Среди беспредельности оттенков сопутствующих нагрузок наиболее важное значение приобретает забота о создании собственной формы. Сознанию персоны законами мира³² запрещено прямое руководство другими сознаниями. Потому всякие контакты, влияния или воздействия сознаний между собой происходят опосредованно: через сопутствующие формы.

Отсюда вытекает особая значимость формы. Какими бы ни оказались творческие посылы сознания, форма может исказить их до неузнаваемости, лишая причину надежды получить ожидаемое следствие. В этом и состоит конфликт развития: запрет на прямое общение сознаний вынуждает их входить в соприкосновение через среду, а значит, на первый план творчества выходит необходимость построения инструмента, способного выполнить такое соприкосновение. Мерой успеха сознания становится тело. На его обустройство поэтому отвлекается значительная творческая сила сознания. Возникают два направления приложения сознания.

Первое – формирование задачи познания, второе – изготовление тела-инструмента под эту задачу. И для каждого из них требуется подключить определённую часть сознания. Чем больше будет его отведено на определение задачи, тем меньше останется для построения тела и наоборот. Оптимум здесь невозможен в связи с неизвестностью контуров области познания. Общая тенденция распределения потенциалов сознания такова, что по мере продвижения сущности по шкале оразумления, она расходует всё больше сил, приходящихся на единицу опыта. Это происходит оттого, что число непознанных событий растёт по закону показательной функции, у которой индексом роста выступает мерность осваиваемого

пространства³². Освоение всё возрастающего количества событий вынуждает сознание направлять всё большие массивы собственной творческой потенции в познавательные ресурсы. Это значит, что на построение тела остаётся всё меньшая часть потенции. Следствием такого распределения является ослабление тел, сотканных из материи, постепенное сползание их в неустойчивое состояние и неспособность выполнять функции инструмента роста. При подходе к объёмно-кваромному междумерью постепенно наше трёхмерное время станет замедляться и превращаться в координату протяжённости четырёхмерного пространства. На смену ему, как из тумана, начнёт выплывать очередное время, характерное для мира, следующего за кубическим. Такой временной переход сопряжён с освоением значительно возросшего массива новых событий. Людское тело для такой работы непригодно и оно вслед за уходящим временем постепенно тоже будет заменено на тело, сотканное из нематериальных составляющих мира. В дальнейшем и это тело ещё дважды претерпит изменения при пересечении кваромно-пентарного и пентарно-сорросовского междумерья³².

Сознание при этом не изменится в личностном понимании. Оно лишь развиваясь возрастёт или возрастая разовьётся, входя на каждом новом шаге роста в состав всё более сложной разумной конструкции. Эти соображения приведены для того, чтобы ещё раз подчеркнуть сложную роль сознания. Оно является первым и единственным создателем, преобразователем и хранителем мира. Мало того, что на него возложена обязанность породить бытие, так прежде, чем его породить, ему приходится принять меры для того, чтобы состояться самому. Тогда получается, что всё подпадающее под термин-определение мироздание, есть способ существования сознания. И ничего, кроме сознания, нет, ибо оно, будучи первопричиной, порождает всё остальное, данное в многообразии проявлений. Закономерность, характеризующая общее, отображается во всех частностях в том числе и на человеческом уровне.

Человек, как и вселенная, состоит из сознания и формы. Но поскольку форма создаётся сознанием, то получается, что человек представляет собой некоторую порцию сознания, решившего на данном этапе оразумления принять для себя вид, который само же сознание определило словом *людской*. Напрасно люди посвятили свою занятость познанию следствия. Прошедшие эпохи показали, что на пути изучения отсвета, если и возможно проникновение в

суть, то польза от этого получается временная и опасная, ибо тень, подменяя предмет, уничтожает объект и себя.

Значит, все существа без исключения имеют взъерошенное сознание, т.е. представленное в виде набора ячеек-элементов, число которых зависит от развитости персоны и сложности задачи.

Но это признак составности сознания. Иного и не ожидалось. Составность тела не сможет возникнуть, если его порождающая стихия сама не окажется составной. Или иначе: организм строится составным только потому, что строителем является составная сущность. Составное сознание строит для себя составное тело. Однако во всякой соборности присутствует конфликтность. И если нет единыющей, примиряющей, уравнивающей, а точнее: вынуждающей причины для примирения, то в силу антагонизма частей, целое распадается на фрагменты и прекращает бытие.

Ранее показано, что такой смирительной силой по отношению к телу, является сознание особи. Оно, исходя из необходимости следования в собственном начертанном направлении, формирует свою внутреннюю среду таким образом, чтобы заставить организменные части развиваться по личному, но выбранному всё же не произвольно, а только с учётом интересов особи, пути. Сознание здесь является направляющей силой. Оно выступает причиной-побудителем всякого организменного действия-следствия.

В случае с сознанием никакой дополнительной по отношению к нему силы-причины не может быть. В мире нет такой власти, которая могла бы знать предначертанную значимость конкретной персоны. Всякие насилия способны искривить указанный путь и отяготить его лишениями, но изменить его не дано никому. Это не под силу даже самой страдающей персоне. Её свобода, счастье и триумф – в соответствии своему предназначению. Никто не существует лишь для себя. Каждый самостоятелен в той мере, в которой он необходим сообществу и миру.

Сознание кажется покинутым. Никто не может направить его на его же путь роста. Даже воспитание и иные варианты силового внесения прошлого опыта в натуру смогут повлиять на персону лишь в меру соответствия вносимого и потребного. Именно эта самостоятельность, персональность, индивидуальность в проявлении любых побуждений сознания и есть движущая сила развития. В этом состоит абсолютная свобода сущности. И если бы на беспредельную ширь свободы не накладывались ограничения,

то возникло бы скопище особей со взаимоисключающимися претензиями, которые невозможно было бы удовлетворить никогда. Возникла бы война всех против всех с неминуемой гибельной концовкой. Если где-то и были структуры с полной свободой, то они давно рассыпались и их больше нет. Выжили умевшие сочетать свою частную свободу со свободой целостной конструкции, т.е. со свободой общности. Применительно к людям, как к существам оразумляющимся, эта свобода не ниже и не выше свободы любой особи на линии становления сущностей стихии времени³².

Это значит, что зароденец, вирус, клетка ... бабочка, крокодил, человек, пришелец, прилётёц и персоны иных миров, наделены равными возможностями в определении личной свободы. Они могут свершать любые поступки, идти дорогой оразумления любым образом, принимать при наличии выбора любое решение, но всё, вызванное к действию, обязано укладываться в предначертанный путь персонального предназначения³². Такое требование становится непререкаемым ограничением невозможной абстрактной свободы и сводит разрушительную вольницу к созидательному процессу, положенному в основу обеспечения устойчивости мироздания³².

Указание личного назначения – удивительная черта всего, что существует. Как можно построить дом, если у кирпича не окажется только ему свойственного особого качества? Каким будет принцип строения, если кирпичи выполнить неотличимыми один от другого? Кто вправе определять индивидуальность? Зачем ему это надо?

Ответить на эти вопросы можно, если понять составность мира: ничто не есть само по себе, всё имеющееся представляет лишь часть по отношению к более развитой структуре и оно же будет общим по отношению к менее развитой структуре. Каждое звено связывает собой объекты с разным уровнем восприятия среды или находящиеся на разных ступенях развития. Но коль есть развитие, то это означает, что, постепенно набираясь ума, менее толковые переходят на ту позицию, которую ранее занимали более толковые. Таким образом, огромная цепь связанных объектов движется в своём развитии от исходного состояния к всё более совершенному. Может ли такой караван позволить участникам произвольное поведение? Если предоставит, то караван распадётся. Похожее соби- рание и разрушение структур происходит многократно в эпоху становления, и молодые объекты, постепенно набираясь опыта бытия, вырабатывают для себя оптимальные правила совместного

движения. Затем эти правила основательно вкладываются в каждого нового члена сообщества в качестве предначертанной линии развития, от которой он не может отойти никогда. Такие правила закладываются в зарождающуюся сущность в виде неотъемлемой особенности её сознания, охватывающей семь пространственных координат: по одной на каждый из миров оразумления. Развиваясь на базе заложенных качеств, постепенно станут проявлять себя всё новые и новые стороны, отображающие пребывание особи в соответствующем мире. Тогда предначертанность – это сужение полной свободы, но предоставление шанса состояться вообще. Это некий задел, фора, подарок особи в обмен на её согласие применить к себе правила движения всего оразумляющегося массива. В дальнейшем эти правила становятся законом, ибо уклонение от него одного неизбежно связано с насилием над беспредельной цепью других коллег, образующих восхожденческую ветвь.

Соста́вность сознания предопределяет его структуру: оно состоит из фрагментов, олицетворяющих собой разную способность восприятия мира. Наиболее важным из них является тот, который соответствует мерности особи. Например, у растения таким значащим участком окажется область сознания, отображающая расположенные в линейном мире события, у животных – в плоскостном, у человека – в междумерном, у кваромовца – в четырёхмерном. Кроме основного фрагмента, устанавливающего мерность персоны, сознание содержит другие участки, призванные отображать события в младших мирах по сравнению с миром персоны. Если значащий фрагмент в составе общего сознания находится в единственном экземпляре, то число фрагментов, отображающих подлежащие миры, беспредельно. Как же они соотносятся между собой? Ответ подсказывает структурное построение материального тела. В нём форма или внешний вид, или пространственная конфигурация задаётся областью, ответственной за мерность особи, т.е. самым значащим фрагментом. Внутреннее пространство формы состоит из органов, являющихся материальным воплощением менее развитых сознаний.

И если так выглядит следствие, то причина выглядит так и подавно. Это значит, что сознание персоны занимает в пространстве некоторую область, устанавливая тем самым собственную нематериальную оболочку. Внутри этой формы располагаются сопутствующие сознания убывающей мерности от значащей до нулевой.

Сознание старшей мерности, заполняя собой всю свою форму, образует нематериальную внутреннюю среду, в которой находятся все остальные сознания меньшей мерности. И поскольку сознания не могут общаться между собой напрямую, они взаимодействуют через общую среду по аналогии с плотным телом. Как снизу, так и сверху! Как в материи, так и в эфирности. Законы мироздания едины. Различие состоит в инструментах познания мира.

Наличие разнодумающих частей в составе общего сознания персоны приводит к конфликтам. Кто их должен гасить? Ответ всегда будет одинаков: самый разумный, волею которого оказались собраны части в составе объекта с названием *особь*. Усмирять их должно сознание персоны. Но сначала необходимо, чтобы сознание усмирило самого себя, ибо только ему доверено определять собственную линию дальнейшего развития. Правильный выбор отобразится в способе поведения этих частей таким образом, что направление их роста совпадёт с их личным предназначением. Особь, как восхожденческая единица, получит подтверждение о соответствии своему статусу в виде удачливости, высокой энергии, здоровья и неизбывного желания творить и жить.

Но если выбор пути окажется ошибочным, болезни, тревоги, беды и безысходные ситуации станут постоянными спутниками персоны, не понимающей себя и своей задачи самостоятельно учиться самостоятельности³². Такая учёба – это поведенческая зрелость личности, находящейся на марше к самоосознанию.

Первым шагом самоуспокоения является определение своего отношения к наиважнейшей собственности, каковой является тело. На изготовление его сознание расходует всё время и все высшие свои способности, отпущенные на данное воплощение. У сознания нет более ценного имущества, чем тело. Только оно определяет составность оразумляющейся единицы, удостоенной восхождения по мирам. Потеря тела обрекает сознание на муки перевоплощения, на тяготы строения новой формы и на страдания, вызванные необходимостью навёрстывать упущенные возможности. Потому сознание первейшим своим заданием считает заботу о теле, сохранении тела и недопущение посягательств на него³². Кто же претендует на чужие тела? Это прежде всего установочные законы мира, действие которых направлено на плоть, как на средство наказания за отступление от начертанной линии развития. Это внезапная потеря тела во сне, в авариях, катастрофах, насилиях.

Она не связана с восхожденческим наказанием и не является следствием неспособности разрешать текущие конфликты. Это воровство тела сущностями, которые ранее потеряли плоть и оказались недопущенными к воссозданию очередной формы в нематериальной области бытия. Это, наконец, изгои мира, разрушающие порядок.

Как видим, претендентов много. И пока они не станут комплектными, т.е. имеющими не только сознание, но и тело, их бытиё исполнено муками, толкающими на овладение чужим телом любым способом. Другое дело, что подгонка захваченного тела до вида, соответствующего личному уготованному пути развития захватчика, также представляет собой тягостную и часто мало успешную работу, однако, до понимания этого ещё надо домучиться без тела. Таким мучением в представлении этих существ является страх внезапной или отягощённой позором смерти.

Пример! Мышь с удовольствием поедает зёрна. К ней крадучись подползает змея. Такая ситуация представляет конфликтную обстановку с двумя равноправными участниками. У сознания мыши и сознания змеи одинаковая возможность воспринимать происходящее. Однако мышь не даёт себе труда ощутить пространство целиком. Она сосредоточилась только на его фрагменте с пищей. Это значит, что её развитие ещё не достигло того уровня, который необходим для выживания в конкретных проявлениях среды. За своё неумение понимать значимость текущих событий и за неспособность выходить без потерь из конфликта мышь наказывается смертью. Это событие вынудит её сознание испытать мучительный переход в нематериальную область бытия, пройти там свой отрезок развития и уже в новых условиях допустить ошибку в разрешении тамошнего конфликта. За такую ошибку она снова накажется смертью, опять войдёт в тягостный этап воплощения в твердь и в результате рождения окажется у нас во плоти. Пройден цикл научения, в котором мышь получила прибавку опыта. Если теперь она встретит змею и её повзрослевшее сознание способно будет уразуметь обстановку, то мышь сбежит из конфликтного пространства, чем завоюет себе право и дальше постигать среду в имеющейся форме с таким конкретным содержанием. Если же мышь и на этот раз не заметит угрозу, то круги научения станут повторяться до тех пор, пока горько добытый опыт не возрастет настолько, чтобы его оказалось достаточно для решения конфликтных задач, преподносимых средой.

В этом эпизоде смерть мыши является „правильной”, естественной, не отягощённой внезапностью, позором или изгойностью, поскольку она наступила, как средство наказания за отклонение от назначенного ей пути развития. Само же отклонение состоит в нарушении запрета на остановку в постижении-освоении окружающей среды, ибо сознание пребывающего в среде обязано соответствовать самой среде. В мышинном отображении обстановки слабо прорисовывался образ змеи как значащего объекта. В сознании ещё не доставало умения соотнести свойства внешнего пространства и собственного отношения к нему. В результате сознание мыши оставило тело без своего попечительства: оно сосредоточилось на кормлении, значит, отошло от тела и расположилось в области зёрен. Тело мыши осталось незащищённым, потому доступным для прямого влияния змеи на мышиную плоть.

Если бы сознание мыши к моменту личностной трагедии доросло до понимания несущих смерть событий, она не стала бы увлекаться второстепенным делом, сумела бы ощутить нависшую угрозу и сосредоточиться на ней. Сосредоточение же обозначает *плотную упаковку тела в собственное сознание*. Такая цельность позволяет принять спасительное поведенческое решение, например, сбежать, и в то же время затрудняет змее воздействие на жертву. Затруднение проистекает от невозможности непосредственного влияния одного сознания на другое. Для такого влияния следует сначала изменить совместную окружающую среду, в которой жертва на основании единства причины и следствия изменит своё поведение в направлении, угодном охотнику. Это изменение требует затраты времени, что определяет задержку между замыслом нападения и его исполнением, и даёт жертве шанс для организации своего поведения. Всем развивающимся существам стихией времени выдаётся фора. Не будь её, всякое побуждение сразу превращалось бы в действие, но тогда развитие превратилось бы в круговое истребление.

Задача хищников, насильников, охотников за чужими телами, пророков, воспитателей и прочих носителей стороннего воздействия состоит в пространственном разъединении сознания и тела. К этому же стремятся медиумы всех мастей, колдуны, ведьмы, шаманы, волхвы, маги, волшебники и другие желающие вмешиваться в природу для искривления её под свои прихоти-намерения. К такой же цели стремятся организаторы проклятий, порчи, сглаза,

наговоров, ворожбы и всего того, что ломает жизнь. Сюда же стоит отнести душевные и телесные болезни, вынуждающие сознание сосредоточиться на болевой области, оголяя тем самым остальное тело и делая его доступным для любых посягательств.

Поскольку плоть берёт жизненные ресурсы из среды, то враждебное влияние проникает через открытые участки тела и сразу без задержки вынуждает к перестроению внутренние органы, т.к. для них среда является указателем их собственного назначения. Органам, в силу их недостаточного развития, не дано самим разобраться в причинах, по которым прежняя среда изменилась. То ли это произошло всвязи с необходимостью особи исправить собственное движение роста в предназначенном направлении, или же перемену следует считать ложной, опасной, губительной. Тело обязано воспринимать всякую среду, как руководящий источник к действию, и перестраивать свою структуру в соответствии с указаниями, даже если они ведут к смерти. Органы сами по себе лишены способности защитить себя потому, что указание послано из пространства бóльшей мерности, чем мерность тела³².

Складывается губительная ситуация. Следует ещё раз подчеркнуть: смертельная ситуация возникла не потому, что дерзкий похититель чужих тел обзавёлся необоримой силой, а оттого, что сознание жертвы, покидая своё тело даже при малых угрозах нападения, открывает прямой доступ к своему имуществу. Чужое сознание, всвязи со своим статусом такой стихии, как сознание, может, имеет право и способно влиять на материю, более того, оно вынуждено влиять на материю, ибо такое влияние есть признак его развития, а развитие вменено ему в обязанность, за нарушение которой полагается наказание. Потому винить сторонние силы в болезненном воздействии нет оснований: винить следует себя. Точнее – своё сознание. Если оно не способно предвидеть нападение – разделит участь мыши. Если в состоянии предвидеть, но личных сил не достаёт, обратится за помощью к посредникам-ворожеям, которые к имеющемуся собственному сознанию жертвы присовокупят свое сознание и создадут оборонительную защиту вокруг тела. Персона в этом случае перестанет быть сама собой. Её сознание изменится в зависимости от сути привнесённой добавки. Вслед за сознанием изменится и тело. Возникнет новая сущность, не имеющая предыстории развития, т.е. такая, которая в восхожденческом массиве не имеет персонального назначения.

Эти особи мало жизнеспособны. Им, получившим облегчение в разовом эпизоде, придётся истратить почти всю остальную жизнь на поиск себя и на возврат к личному пути. Иногда поумнение в рассрочку приводит к выздоровлению, но чаще временная удача укрепляет в мысли о возможности лёгкого исцеления. Начинается отбор-поиск *своего* целителя, чем собственное сознание и вовсе ставится в зависимую позицию. Персона сама приостанавливает состояние своего развития. Она исчерпала свои возможности познавать среду в текущем воплощении в имеющемся построении при пассивном сознании и вялом теле.

В противовес лёгкой податливости постороннему влиянию, каждая личность может принять защитные меры для отращения силового внедрения чуждого сознания в свою плоть. Эти меры проявляются в осмысленном и даже деловито-заинтересованном размещении собственного сознания вокруг своего тела. В практическом исполнении это выглядит так: сначала сознание, т.е. сам человек, *мысленным взором* охватывает внешнее пространство, непосредственно прилегающее к телу, затем, опять же мысленно, всматривается в это пространство, не имеющее пока конкретных границ, и стремится распознать всё, заполняющее его; обзор порождает *ощущение* присутствия вблизи тела уплотнений, хотя и невидимых телесными очами, но отображаемых в восприятии, как реально существующих сгустков чего-то пока незнакомого. Безусловно, поначалу получить такое представление не удастся. Но имея убеждённость, что околотелесная прослойка заполнена ВАМИ, т.е. вашим сознанием, и ВЫ всматриваетесь в самого себя, немного упорных, внимательных тренировок дадут ожидаемый результат, подтверждающий заполненность прилегающего слоя. Постоянное обращение к этому слою позволит уяснить до того неизвестное положение: к телу примыкает и даже проникает в него ваше личное естество, представленное в виде вашего сознания. Именно это естество в людской интерпретации ассоциируется с телом и составляет само понятие: *человек*.

Можно заподозрить, что это нарочитое наделение выбранного наугад слоя придуманными свойствами. Скептики могут по своему усмотрению определить другие области, мысленное воздействие на которые вызывает столь бурное, властное и целевое перестроение тела. Пока этого сделать не удалось. Более того, любая попытка разместить сознание в отрыве от тела сразу же сказывалась

на ухудшении самочувствия, появлялись боли, вялость, упадочное настроение вплоть до протрации. И наоборот: упорядочивание рельефа околотелесого слоя способствовало устранению психозов, мнительности, функциональных расстройств, зубной боли.

Закон мироздания, запрещающий прямое и непосредственное воздействие одного сознания на другое, демонстрирует мудрое устройство мира и вместе с тем трудность достижения равновесного его состояния. Достаточно лишь одного эпизода в необозримых просторах, где сознания вступили бы в преобразующий контакт, как немедленно возникнет иерархическое перемещение: одно из них окажется выше, сильнее, влиятельнее, а другое будет угнетено и попадёт в подчинение. Получив порцию опыта, победитель просто обязан применить его в действии. Последовательное распространение навыка, дающего преимущества, ведёт к уничтожению менее развитых персон и выдвижению единственной сильной и злобно опасной, поскольку она нацелена лишь на разрушение без каких-либо созидательных устремлений. Такой пожиратель сознаний, будучи уединённым изгоем, имеет короткое существование. Как всякая обособленная структура, замкнутая сама на себя, она становится нестабильной и распадается под давлением внутренних противоречий на мелкие фрагменты вплоть до начального состояния невозмущённого пространства.

С момента первого контакта сознаний до распыления изгоя выполнена огромная преобразующая работа, но развитию она не способствовала, т.к. была направлена на возврат в то состояние, из которого вышли все участники уничтожительных поединков в процессе личного роста. Возникла типичная ситуация попятного движения-оразумления. Если не запретить возвратность как процесс, мир, в лучшем случае, станет топтаться на месте. Но такое застывшее повторение пройденного будет остановкой развития. А коль мир не развивается, то прекращает бытие в силу разрыва причинно-следственных связей между подлежащими частями и последующим общим, входящим как часть в дальнейшие структуры.

Мало того, что стихия-сознание перестала быть творческой, она превратилась в антитворческую дважды: во-первых, по линии ориентации себя на уничтожение и возврат к первооснове, а во-вторых, отказавшись от познания мира и презрев форму, как необходимый и единственный инструмент познания. Это ещё раз показывает, что сознание любых особей от довира до сорросовских

умников не является совершенным никогда. Более того, сам факт развития запрещает сознанию состояние совершенства, поскольку, будучи предельно совершенным, прекращает дальнейший рост. Он становится излишним и даже невыполнимым. Но отсутствие роста приводит объект к разрушению. Значит, необходимо познавать, чтобы состояться, но познавать с помощью средства познания, не имеющего совершенства. Получаем порочный замкнутый круг: соответствие своему назначению определяется продвижением в неизвестное, осуществлённым непригодным инструментом, с неясной целью, с мало предсказуемым результатом, при наличии всегда враждебной окружающей среды. Кажется, что при таких помехах вообще нельзя никуда пойти. Так оно и есть! Почти!

Подвижка в росте происходит столь малыми шагами, что получение заметных результатов происходит за огромные времена. Периоды накопления навыков тем длиннее, чем меньше развитость существ. Так, жители нулевого мира на освоение околосебяшного пространства расходуют миллиарды людских лет, население линейного мира – миллионы лет, обитатели же плоскостного мира – многие сотни тысяч лет, люди – тысячи лет. Накопление опыта представляет собой весьма тягучий процесс. Однако в данной тягучести постепенное количественное возрастание знаний уже приводит к качественному изменению взглядов на саму идею накопления: особь начинает осознавать себя носителем разума. Такая осознаваемость позволяет ранее полностью неизвестное представить в виде прогнозируемого будущего, подправить для решения обоснованно поставленных задач непригодный инструмент, прояснить цель и результативность действий и выгодно учитывать свойства среды. Это приметы междумерного периода развития, когда существа-люди уже отошли от плоскостного мира животных, а к полностью освоившим объёмный мир так ещё не пришли. Они с удивлением всматриваются в жизнь, пробуют себя в разных ипостасях, находятся в постоянном поиске своего приложения, многое находят и применяют, но ...

Рост знаний вынуждает людей отводить всё большую часть общего ресурса сознания в направление творчества. Соответственно этому снижается доля сознания, правящего развитием тела. Совместное действие обоих процессов переводит растущую персону в неустойчивое состояние: развитое сознание не может проявить свою развитость по вине ослабленного тела-инструмента, а тело

сдерживается в росте при недостаточном организующем влиянии сознания. Это начало эпохи разложения тела. Выросшее с учётом потребностей конца плоскостного мира, оно будет не в состоянии обслуживать разум междумерцев. И поскольку именно разум есть причина действий, он предпримет усилия для достройки, переделки, для подгонки тела к уровню собственных нужд.

Наступает критический момент развития. Если разум не сможет приспособить имеющуюся плоть к новым условиям роста, то через серию всё более неукротимых болезней тело войдёт в полосу отмирания, а сознание – в переход к нематериальному циклу бытия. При сотрудничестве сознания с телом возможна доработка его без потери значимости имеющегося воплощения. Такой путь наиболее предпочтителен, поскольку сопряжён с наименьшими бедами.

Из мер, охраняющих плоть от посягательств сторонних сил, наиболее мощно организующей является *плотная упаковка тела в собственное сознание*. Состояние обволакивания плоти устраняет оголённые участки и препятствует действию кого бы то ни было, ибо этот кто-то, будучи персоной, имеет своё воззрение на соучастие, принципиально не совпадающее с потребностями страдальца. Следовательно, всякая помощь, ежели она не пропущена *через собственное понимание*, принесёт осложнения. Если и наступит облегчение, то вопреки лекарству. Не случайно¹² давний постулат целительства гласит: „Беседуйте с больным! Превращайте его в помощника и коллегу! Пусть ищет совета и исходит вопросами! Это даст больше, чем снадобья!” Современная практика поступает наоборот: цеховая скрытность врачей, идущая от неуверенности в своих действиях, направлена на полное отстранение больного от того, в чём он больше всего заинтересован – в выздоровлении. Результат такой порочной тактики виден повсеместно.

При плотном окутывании тела, сознание находится в непосредственном контакте с подведомственными структурами, что даёт двойную выгоду. Первая – это устранение участков проникновения чужих воздействий. Вторая – надёжность контроля за своим органом, поскольку из области контроля вытесняются сознания своих же соседних органов. Действенность прямого контакта сознания и органа каждый может проверить на себе. Для этого стоит создать поющую связь по методике, описанной в начале книги, и убедиться в надёжном отклике органа на мысленный посыл. В процессе установления такого единения наблюдаются удивительные

события: орган настолько явно, бурно и увлечённо реагирует на беседу с ним, что сначала он сам, а затем вместе с ним и всё тело взрываются *приятной* судорогой. Вслед за ней в ранее безликой области ощущаются властные, но мягкие перестроения, несущие благодать. При этом движения мышц, скелета, сухожилий и других частей тела, причастных к перемещению, практически не происходит: осязаемая демонстрация хозяйничания *нематериального* сознания в своём материальном имуществе.

Для установления полного слияния сознания и органа за счёт удаления из области контакта даже остатков соседского влияния, следует поднести ладонь к месту разлитого тепла. Естественное движение рукой и привычная ориентация ладони относительно тела позволяют более вдумчиво проникнуть в область наведения порядка. Само проникновение сопровождается лёгкой вибрацией, подрагиванием, символическим перетеканием, словом, упорядочиванием или перестроением в соответствии с диктатом сознания.

В народном целительстве воздействие посредством пасов руками широко распространено. Однако действия лекаря являются сторонними по отношению к пациенту. Они в состоянии устранить значительный отход сознания от тела и этим способствовать облегчению страданий больного. Но дальнейшее упорядочивание сознания в пределах тела *чужими усилиями* неизбежно вызовет подмену своей сути на привнесённую и возобновление болезни в осложнённом варианте. Значит, для получения первичной помощи можно согласиться на внешнее влияние. Важно при этом уловить момент, когда следует остановить поток извне и нацелить самого себя на самоспасение, как изложено выше, ибо люди, возложившие всю надежду на целителей, умирают быстро и тяжело.

Последовательная работа по привязке сознания к плоти приведёт к образованию ячеистой структуры сознания, где каждому участку сознания будет поставлена в контактное соответствие вполне определённая часть его тела. Человек в таком состоянии испытывает высшее блаженство и высшую радость бытия. Это — взлёт в область неболения. Соответствие сознания и формы будет залогом попадания на свой предначертанный путь оразумления: редчайшим событием в череде восхожденческих тягот.

Оно не только редкое, но и краткое, поскольку запрет на остановку развития вынуждает всякое существо к непрерывному постижению нового и к изменению для этого собственной структуры.

Познание связано с нарушением рельефа сознания, полученного в прошлом, если даже это прошлое отделилось от настоящего на крошечное мгновение. Погоня за душевным комфортом превращается в изнурительную работу, не всегда выполнимую.

Успех зависит от способности существа обращать внимание своё на своё же сознание. Или иначе: от умения сознания осознавать самого себя. Поскольку людям до сих пор неподвластна такая категория бытия, как самоосознание, а влияние её на здоровье во все времена оказывалось существенным, то интуитивный поиск облегчения страданий привёл к открытию многих косвенных приёмов единения самого с собой, действующих опосредованно.

Таковы, например, погружение в созерцание восхода и заката солнца и луны, росы, тумана, радуги, огня, воды и всего прочего, что вызывает сосредоточение и погружение в себя. Сюда же относятся раскаяние, сочувствие, помощь, исповедь, молитва, торжественный зрѳк и многие другие проявления целостного характера. Особо знѳчимы проникновенное осенение себя крестным знамением, символическое омовение раскрытыми ладонями, поклоны, коленопреклонения и всё то, что обращает внимание персоны на саму же себя. Однако самым действенным приёмом приведения в соответствие сознания и тела является установление поющей связи и достижение ощущения телесного торжества согласно процедуре самоосознания, изложенной в начале книги.

Познавшие такое торжество способны в непрерывном режиме переводить своё взѳрошенное сознание в упорядоченное и тем самым постоянно находиться в состоянии неболения. Оно характеризуется ненавязчивым, неотягощѳнным, ненасильственным, но помгновенным и глубоким проникновением во всё внутреннее пространство собственного тела. Такой надзор позволяет заметить неполадки сразу, ещё на этапе их возникновения и принять немедленные меры к их устранению, сохраняя среду здоровой.

Силу такого подхода можно показать на примере рожистого воспаления. Эта боль дана людям для напоминания об их скудных знаниях. Рожа возникает почти внезапно, протекает тяжело, ширится быстро, причины неясны, последствия трагичны: вплоть до гангрены. Врачи её лечат, но случаи излечения не известны. При осознании себя такой недуг невозможен, однако, если он всё-таки возникнет, то работа по установлению поющей связи одновременно станет и работой по надёжной ликвидации злостного заболевания.

ВОЛЬНЫЙ УМ

Умность, ум – термины, характеризующие творческую потенцию сущности при решении конкретных задач. Умность может оказаться большой в одних случаях и малой – в других. Если же она всеобъемлюща, то является синонимом понятия *сознание*. Проявление сознания в интервале данного воплощения есть *разум*: разовый ум, т.е. на одну жизнь. Следует восхититься интуицией, отображённой в русском языке: слово *сознание* составлено из приставки со, имеющей собирательный смысл – сотрудник, соучастник, собеседник, соратник ... – и из корня *знание*, отображающего практическую значимость персоны. В одном термине оказались объединены два фундаментальных процесса. Первый – это непрерывное становление сущности от момента зарождения в нулевом мире до аннигиляции с конфликтом в шестимерном мире. Такое становление без возвратного движения, остановок и скачков, есть главнейшая закономерность развития в стихии времени. Но она не может состоять сама из себя. Она состоит из набора воплощений, следующих одно за другим на протяжении всего семимерного пути восхождения. Таким образом каждое воплощение даёт *знание*, а набор знаний выстраивается в линию развития с названием *сознание*. Аналогия: цепь, натянутая между нулевым миром зарождения и шестимерным миром, венчающим семимерную конструкцию септона, олицетворяет сознание. Без звеньев она состояться не может. Цепь существует только потому, что её образуют звенья, символизирующие череду воплощений – жизней. Без цепи невозможны звенья, а без звеньев невозможна цепь. Это значит, что сущность, любая, от самой малой до как угодно великой, наделена только ей приданной линией-цепью становления. Она вынуждена овладевать пространством шаг за шагом, непрерывно воплощаясь в новых телах, и проживая в бытии участки предназначенной цепи.

Из такой непрерывности не исключён никто, в том числе и человек. Законы выполнения особо тяжкой работы по проживанию собственной жизни одинаковы для всех и не зависят от формы тела, области пребывания, места расположения, мнения о самом себе, понимания или непонимания смысла бытия и от любых иных особенностей восприятия того, что люди сами называют жизнью.

Различия между муравьём и Достоевским чисто количественные и, в свою очередь, определяются местом, занимаемым особью на шкале оразумления. Насекомое через многие-многие воплощения пройдёт положенные превращения и когда-то, идя своим путём, окажется на линии развития в точке такого уровня, что его будет достаточно для обобщений человеческой деятельности.

Но чтобы такое произошло, муравья необходимо ограничить в его свободе, под которой понимаются пределы выбора собственных поступков. Сам выбор – это итоговое проявление содержания персоны, основанное на прошлом опыте, на особенностях настоящего и на своём понимании будущего. Если интервал беспределный, то в нём возможно любое движение независимо от его осуществимости и соответствия намеченной цели. Свобода без ограничений выбора – это полная или абсолютная, или абстрактная свобода. Если ею наделить многих особей, то в силу противоречивости и непримиримости взглядов разновидящее общество устремится к уничтожению. Значит, безграничная свобода невозможна и её нет нигде. Но коль её урезáть до реальной, то кто определит меру сужения и перечень персон, угодивших под ограничение?

Всё, имеющееся в мироздании, является либо входящей в некоторое общее частью, либо общим по отношению к его образующим частям. Нет такого общего, которое не было бы частью более сложной структуры, и нет такой части, которая не составляла бы общее для иных составляющих. Последовательное вложение частей во всё более обширное общее определяет лик мироздания. Где-то за горизонтом людского воображения самое большое общее, исчерпав потенцию собственного развития, обязано превратиться в россыпь самых малых частей, которые волеются в очередной виток движения к пространственному совершенству.

Мир – это упорядоченный бег частей, вместе создающих *инерционный* массив предельной устремлённости. Стоит только проигнорировать принятые правила бытия какой-то из них, как немедленно возникнет прецедент уничтожения. Движущаяся громада или подавит бунтовщика, или возмущенец разрушит массив. И то, и другое недопустимо всвязи с угрозой исключения, остановки или ревизии процесса, на отработку которого потрачена вечность. На перестройку вечного потребна новая вечность, а это не согласуется с принципом минимизации затрат на единицу полезности. Потому принята концепция единства законов развития для всех в мире.

Скопления галактик подчиняются этим законам так же, как им подчиняются и входящие в них туманности, звёзды, планеты; так же, как микробы, растения, животные; так же, как органы, ткани, клетки; так же, как молекулы, атомы, частицы ...

Отсюда следует, что ограничения свободы не вводит никто: они являются сутью мира, теми необходимыми постулатами и атрибутами, значимость которых эквивалентна категории бытия. Их не навязывают извне, они есть продукт совместной наработки беспредельного числа участников, населяющих мир. Потому протест одного из них выливается в противостояние всем. И поскольку этот выпад сопряжён с муками особой тяжести, всё, имеющееся в мире, выстраивает свою жизненную позицию в русле непротivления и соответствия вселенским законам роста-оразумления.

Этими законами запрещаются всякие отклонения от пути личного предначертанного развития, любые попытки возвратного движения, остановки роста или внезапного, т.е. незаработанного, поумнения. Каждому существу вменяется в обязанность учиться самостоятельности самостоятельно и подниматься на основе такого обучения по линии восхождения от нулевого до шестимерного миров в плавном темпе без разрывов и скачков в развитии. Кроме того, имеются ограничения по выбору собственной формы, по отображению себя в виде особи составного организма или её элемента, по взаимодействию между внутренними частями и общей вышестоящей структурой и многие другие запреты, призванные сүзить поле выбора личного развития³².

Вселенские *нельзя* имеют абсолютный характер, т.е. из них нет исключений. И этим всё сущее уравнивается в своих отношениях со всеобщими законами мироздания. Этим также устраняются произвольные рыскания в поиске назначенного пути роста, а вместе с ними и широкая, полная или беспредельная свобода. Сам факт того, что нечто *имеется*, обозначает соподчинённость, послушание и соответствие организующим вехам. В силу единства мира совокупное повиновение идёт, как в сторону возрастания сложности объектов-субъектов, так и в сторону снижения их сложности. Это ещё раз подчёркивает, что в столь инерционной конструкции, как мир или общность, недопустимы и невозможны, выходящие за рамки ограниченной свободы, внезапные порывы.

Природа, кроме человека, соблюдает принцип согласия с интересами общего неукоснительно. Возьмём, например, звезду.

У неё есть части, составляющие её внутреннее пространство, и сама она в виде части входит в более развитую структуру с названием *общее*. Частям неведом замысел общего и, казалось бы, они вправе выбрать любой вариант собственного поведения. И если так действительно произойдёт, части, приняв на себя инициативу произвольного развития, перестанут быть теми частями, которые ранее составляли звезду как целое. Это обозначает гибель звезды. Но она служит частью в следующем звёздном скоплении, и коль из него выпало звено, то и само скопление насильно переводится в состояние, противоречащее личному плану бытия. Продлеваясь, волна разрушения, охватит мир, угрожая его целостности. Но во имя чего такой риск? Почему болезнь в одном районе захватывает якобы невинные области? А если таких районов сто, тысяча или беспрельдно много? Тогда при послаблении ответственности, где-то да вспыхнет протестующая структура, ставящая на грань гибели всё сообщество. Такого допустить нельзя!

На страже стоит очередное ограничение свободы. Его суть в том, что частям запрещено отклонение от диктуемой общим линии развития. И чтобы не нарушать закон индивидуального роста составляющих, наложен запрет на прямое, т.е. на уровне сознаний, общение частей с общим, так же, как и общего с частями. Между собой они могут общаться только через посредника, в роли которого выступает совместно образованная среда обитания. Свобода, ограниченная этими запретами, приобретает иерархическую, ступенчатую, или этапную значимость, т.е. при выборе пути развития степень ответственности снижается по мере приближения к миру зарождения. И действительно, чего можно потребовать от персоны, снабжённой лишь тенденциями роста, таким планом будущего движения, неясным предчувствием судьбы, без малейшего опыта пребывания в статусе сущности?

Зарождение – это процесс, удивительнее которого нет ничего в мироздании. Родителями очередного восхожденца являются две составляющие шестимерного мира – сорроса. Одна из них есть пространство, обладающее личностным сознанием, а вторая – сознание, распределённое в личностном пространстве. Ни одна из этих частей не превосходит иную. Обе они имеют равные возможности в преобразовании себя и окружения, приводя себя же в соответствие с особенностями развития в эврисном мире. Эти части имеют относительную самостоятельность, характерную для элементов целого

организма. В то же время они составляют шестимерную, идущую собственным путём развития персону. Получается составная структура, аналогичная всякой иной существующей структуре. Без внутренних частей – пространства и сознания – соррос невозможен, так же, как без сорроса невозможны части: типовое соподчинение органов и тела. Цельная личность, стремясь уйти от трагедии уединённого объекта, представила себя в виде набора частей. Но как только это разделение произошло и устранилась одна угроза, сразу же возникла новая опасность, исходящая от избыточности возможностей возникшей новой конструкции.

Избыточность происходит оттого, что части, выделившись из общего массива, приобретают статус личностей. Но всякой личности вменено в обязанность иметь персональный путь развития. Персональность же порождает разнovidение и разноедействие, что является источником конфликтов. И поскольку мощь шестимерных частей вбирает в себя предельную мощь септона, то их столкновение ставит наш мир не грань разрушения. И так всегда: спасаясь от одной беды, провоцируют новые, ибо всякий процесс содержит неучтённые варианты. Мир соткан из противоречий, преодоление которых и есть суть развития, а значит, и смысл жизни.

Сорросу, как существу, строящему свою жизнь, пришлось бороться за себя и находить средства примирения противоречий между частями собственного естества. Таким средством явилась созданная им стихия времени. Её назначение состоит во возвращении существа, способного вступить в борьбу с конфликтом и разрешить его. В результате обе сражающиеся стороны обязаны погибнуть. Устранение конфликта позволит сохранить устойчивость сорроса, т.е. нашего мира, а смерть воителя исключает силу, по мощи беспрельдно возрастающую и способную подчинить себе породителя. Всвязи с невозможностью появления даже двух одинаковых конфликтов, не удаётся подготовить универсального бойца, пригодного для гашения различных противостояний.

Потому царство времени должно в непрерывном режиме растить не вообще некоего защитника, а много и разных, причём так, что каждый из них предназначался бы для схватки с только ему назначенной угрозой. Воспитание такого избранника начинается с изменения статуса отработанного материала, оставшегося после гибели предыдущих воителей. Их прах, представляющий собой невозмущённое пространство нулевого мира зарождения, волею

Сорроса преобразуется в ячеистое поле с приданием каждой порции только ей присущей судьбы, что переводит неопределённое сознание исходного пространства в целевое сознание, достойное восхождения по мирам септона. Это процесс зарождения сущности. Это же и начало ограничения её свободы.

Зарожденец вталкивается в мир, к которому принадлежат и люди, внезапно, из случайно соединённых фрагментов поля, без его ведома, без согласия, без всякой связи с прошлыми достижениями, без понимания предназначения, без средств воздействия на среду и подверженным произвольным прихотям окружения ... В такой круговой зависимости можно ли говорить о свободе?

Сложность положения усугубляется ещё и тем, что возникшее существо произошло из праха, т.е. из стихии с нижайшим уровнем потенциалов в то время, как даже малое движение сознания предполагает силовое воздействие на среду. Но прах, по условию зарождения, лидерскими свойствами не обладает. Такое гнетущее противоречие сопровождает сущность на всём пути роста. Всегда действия будут отставать от замысла. Всегда для достижения цели будет не хватать сил. И всегда полёт воображения будет тормозиться возможностью. Особо навязчиво станет напоминать о себе происхождение из праха стремлением каждой особи к уходу в личный покой. Всплывает очередное ограничение свободы: персоне вменено в обязанность развитие, но для самого развития нет сил. Сил не только нет, но их некуда взять всвязи с условиями зарождения. Возникает тупиковая ситуация бытия. И пока особь находится внутри такого тупика, она бездеятельна, поэтому её следует охарактеризовать, как *ленивый* ум.

Такой ум стремится убрать от себя любые переживания и установить в своих ощущениях состояние замершего бытия. Однако, если разрешить ему остаться в положении ленности, нарушится непрерывность восхожденческой цепи. Это поставит под угрозу срыва подготовку воителя, и когда возникнет конфликт, сражаться с ним будет некому. Его победа означает гибель мира.

Учитывая жизненную опасность неконтролируемого прохождения пути оразумления, были задействованы следующие ограничения свободы, представленные как запреты. Первый из них – это запрет на попятное движение. Ни при каких условиях существо не может оказаться в своём прошлом времени. Этим исключается попытка его в облегчённом варианте всё вновь и вновь проходить

прошлую дистанцию, уходя тем самым от тягот постижения нового. Это положение исключает наличие оборотней, говорящих почеловечьи чудищ, воскресших мертвецов, вампиров, потусторонних монстров, и иных, которые якобы могут свободно обращаться с течением времени. Второй запрет указывает на недопустимость остановки развития. Он является самостоятельным ограничением свободы и вместе с тем усиливает действие первого запрета: если нельзя остановиться, то и подавно нельзя откатиться назад. Третий запрет направлен на исключение скачкообразного развития, т.е. такового, когда прирост опыта не соотносится с затратами по его приобретению. Без этого запрета развитие подменилось бы круговым посягательством на чужое лучшее.

И всё было бы хорошо, если бы существа заранее знали своё направление роста и могли определить текущее относительное расположение. Но в том и состоит интрига развития, что личное предназначение не известно никому, в том числе и самому развивающемуся. Свой путь каждый обязан искать самостоятельно. Но как вынудить ленивца к деятельности?

Пока известен только один вынуждающий приём: невзгоды. Всякие действия персоны отображаются в её сознании. При этом одни поступки вызывают чувство удовлетворения, а другие – подавленности. Причём каждый из откликов имеет множество оттенков проявления. Казалось бы, с какой стати надо так транжирить себя, чтобы всё происходящее пропускать через своё собственное восприятие? А как иначе? Если особь никак не реагирует на происходящее, значит, окружение вправе воздействовать на неё по своему усмотрению. Каким же может быть усмотрение, если сложилась ситуация, предусмотренная запретом на остановку развития? Особь, неспособная приобретать опыт бытия, подлежит уничтожению. Но гибель связана со вступлением в умирательно-рожательный этап существования. И поскольку он изобилует муками становления, то, повторяясь из воплощения в воплощение, укореняется в сознании как такой, которого следует избегать или отсрочивать. В характере это отражается в виде страха смерти.

Тогда всякий раз, как только живущий по незнанию своему совершает поступки, уводящие его от предначертанного пути роста, в сознании всплывает настораживающий мотив. Если на него не обратить внимание и продолжать движение в том же направлении, то по мере отклонения от своей линии тревожные ощущения

станут нарастать. Лицу, осознающему себя, такое состояние даёт повод для размышлений. Наступает ситуация выбора. Какими бы ни были гнёт или содействие, персона останется свободной в своём решении в рамках сложившейся обстановки. Но эта свобода не полная, ибо зависит от мировоззрения особи.

Чем меньше понимаемая область бытия, тем уже интервал выбора и тем короче время действия выгодного притязания: только на день, на год, на одну жизнь. По мере расширения кругозора область интересов захватывает всё большие пространственные и временные границы, что даёт дополнительные аргументы для выбора. Получается, что свобода свойственна каждому по разуму его.

И поскольку разум-сознание непрерывно развивается в мирах от нулевого по шестимерный, то и свобода является величиной переменной. И не только переменной вообще, а зависящей от индивидуальных свойств особи. Разные персоны внесут собственное понимание в ощущение свободы. Но все личности, независимо от места их расположения на шкале оразумления, смогли дойти до этого места только при условии неукоснительного следования установочным законам мира. Этот факт свидетельствует, что идущие в бесчисленных ситуациях выбора с бóльшим или меньшим накалом страданий делали правильный выбор, ведущий по собственному предначертанному пути. Значит, свобода заключается в соответствии своему назначению.

Но как соответствовать тому, что неизвестно? Эта неизвестность кажущаяся! Всякое существо, вступая на путь оразумления, в постоянной борьбе с конфликтами развивает свои ощущения. На их основе формируются рефлексy, манера поведения, отношение к среде и прочие стражи бытия. В начальных мирах значимость этих стражей мало осознаётся личностью, потому она чаще попадает в смертельные ситуации, тормозящие темп развития всвязи с наличием непродуктивных воплощенческих участков. Такие особи обладают *малым умом*, поскольку не способны соотнести свободу выбора с соответствием своему пути.

По мере роста особь приобретает умение смотреть на себя, слушать себя, обонять себя, осязать себя, ощущать себя, вписывать себя во внешнюю среду, понимать своё внутреннее пространство и перестраивать его под свои потребности. Это признаки того, что персона осознаёт сама себя. И хотя при этом сужается свобода выбора, но зато снижаются страдания и ускоряется рост.

МАЛЫЙ УМ

Автор спрашивает: „Ну как, понравилась книга?”

– Вы неверно задали вопрос! Надо поинтересоваться, правильно написано или нет, примут люди, или им придётся думать?

– Вам под силу определить?

– Ещё бы! Кому, если не мне? Я столько книг перечитала! Вот например, Малахов, Батулин, Донцова, Суворов, Незнанский, Бабанин. Ими все зачитываются. Вы ведь тоже пишете для народа?

– А Кант критику чистого разума для кого написал?

А кто это? Советский или не наш? Не знаю! Не попадался!

– А Гегель, Спиноза, Платон, Аристотель, Ньютон, Лобачевский?

– Не надо умничать. Если есть талант, его сразу видно! Вот берёшь Писюнову, читаешь и, как песня льётся. Всё понятно и без напряжения.

– О чём это? – Неважно! Незачем память засорять. Прочитала и долой из головы. Вечно эти размышления, а жить когда? Тоже мне ...

* * * * *

Что вы пишете? И в 19, и в 20 веках убедительно доказана исчерпаемость пространства очевидными тремя координатами. Больше ста лет это всех устраивало, а вы замахнулись на всё истинное? Так можно и до огульности докатиться! А карьера? Нехорошо!

* * * * *

На чёрной ткани вразброс закреплённые рыбы кости образовали поляну цветов. Исполнительница ждёт восторгов. Наконец, не выдержав: „Ну как?” „Сколько смекалки, какие находки, какое трудолюбие, можно опознать лилии и розы, словом, шедевр!”

– Вот разве ... хотя нет, показалось! Да, и впрямь, заметная работа.

– Но всё же? Может Вы что-то не поняли? Я постараюсь объяснить!

– Возможно я по-иному воспринимаю, но видится мне, что картина перегружена девичьей умиленностью, почти слащавостью.

Такая похвала встрепонула мастерицу: „Вам не нравится творчество? Возможно тонкое искусство не сразу схватывается? Ведь не всем дано сходу воспринять большую работу!”

– Но ... кости мне известны и лилии хорошо знаю. Какая особенность в том, чтобы обыденные вещи отобразить неестественным материалом и манером? Разве колючки покажут изящество линий?

– А? Вы сторонник отжившего импрессионизма?

– Увы, нет! Но в искусстве должна быть новая идея, особое восприятие, намёк на тайну, отличительный признак, а у Вас он в чём?

– В рыбьих костях!

– Зачем нежную лилию изображать иголками, шипами и хрящами? Можно же более натурально передать прелесть цветка? Например, как Айвазовский – море, или, как Шишкин – лес и медведей ...

– Так и сказали бы, что Вы натуралист-подробист. Конечно, вам ли понять изящество рыбьих позвонков?

– Советую Вам составить панно из репейника, битого стекла, колючек дикообраза, шерсти верблюда и из всего того, что надёжно скрывает волшебные переливы королевского цветка.

– Значит Вы кубист? Надо же, а сразу и не подумаешь! Да и манеры у вас какие-то ... Похоже, Вам это полотно не понять. Может когда-нибудь, позже, с годами, когда поумнеете ... жаль мне вас!

* * * * *

Ваше утверждение всем давно известно! Вот, например, Ибн Сина: „Помни, годы немощи придут ... !” Это и есть ваше подключение сознания? Или Омар, как его, ну да ладно: „Ищите душу у больного!” А вы опоздали со своим влиянием ума на тело. И вообще, при недолечении не станет калек, уродов и психов, а откуда гениев брать? Тогда, что? Даже талантов не будет? Искореняете народ! Губите!

* * * * *

Мысль Ньютона о взаимном притяжении я считаю нелепой и удивляюсь, как человек, подобный Ньютону, мог сделать столько трудных исследований, не имеющих ничего лучшего, чем эта мысль.

Христиан Гюйгенс (нидерландец 1629 – 1695)

* * * * *

Всё, что я понял в геометрии г-на Лобачевского, ниже посредственного ... книга опорочена ошибкой, небрежно изложена и не заслуживает внимания Академии ... как можно подумать, чтобы Лобачевский, ординарный профессор математики, написал с какою-нибудь серьёзной целью книгу, которая не много бы принесла чести и последнему приходскому учителю. Если не учёность, то по крайней мере здравый смысл должен иметь каждый учитель, а в новой геометрии нередко недостаёт и сего последнего. Это сатира на геометрии, карикатура на геометрии.

Остроградский М.В. (русский академик-математик, 1801 – 1862)

* * * * *

Не бывает великанов, не бывает лилипутов, есть только люди среднего размера.

Критика Дж. Свифта (англичанин 1667 – 1745)

АКРОСОМА. (греч. Akron – вершина, soma – тело). Фронтальная часть сперматозоида, содержащая вещества для растворения мембраны яйцеклетки. Через проход спермий внедряется в клетку для оплодотворения.

АНИМАЛЬКУЛИЗМ. (лат. Animalculum – зверёк). Биологи 17 в. считали, что в сперматозоиде скрыт микроскопический облик животного, а развитие сводится к увеличению размеров за счёт веществ яйцеклетки.

ГЕРОСТРАТООБРАЗНЫЕ. Герострат – грек, который в 356 г. до н.э. сжёг храм Артемиды в Эфесе, чтобы чем-нибудь прославиться и увековечить своё имя. Это слава позора, добытая даже через преступление.

ГРОТЕСКНЫЙ. Уродливо-комичный, неестественно причудливый.

ДОЗАРОДЫШЕВЫЙ этап развития. Предшествующий зародышевому, начинающемуся с оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом. Подробно рассмотрен в книгах *миры*³² и *мужчина*³³.

ЗИГОТА. Клетка, образующаяся в результате слияния яйцеклетки и сперматозоида. Её деление знаменует собой начало развития эмбриона.

КАТАРАЛЬНЫЙ. Гр. Katarrhoos – течь. Воспаление слизистых оболочек, сопровождающееся покраснением, набуханием, отёком и выделением экссудата (жидкости) от прозрачного до гнилостного цвета.

КВАРОМОВЕЦ. Обитатель четырёхмерного пространства – кварома.

КВЁЛЫЙ. Слабый, вялый, хилый. Недостает сил для жизни.

КОМБИНАТОРИКА. Попытка получения нового знания путём перетасовки входного массива сведений без изменения их свойств.

КООРДИНАТА. Заданное или выбранное направление в пространстве.

КРЕАЦИОНИЗМ. Особенность познания, признающая возникновение мира в результате божественного замысла и творения.

МЕЖДУМЕРЬЕ. Граничная область пространства, расположенная на стыке плоскостного и объёмного миров. Оно встречается и при переходах от кваромного мира к пентарному и от пентарного к сорросовскому.

МЕРНОСТЬ СОЗНАНИЯ. Характеристика пространства и сознания, численно равная количеству отображаемых координат. Является непрерывной величиной, изменяющейся от нулевого значения до шести.

МЕТАМОРФОЗ(А). Чередование стадий развития с изменением формы.

МИР. То же, что пространство. Термин используется для конкретизации выделенной области. Всего в септоне 2677 миров. Из них: соррос – 1, пентаров – 6, кваромов – 30, кубических – 120, плоскостных – 360, линейных – 720, точечных – 1440. Наша планета – в одном из 120 кубических миров.

НАЧАЛЬНОЕ ТРЁХМЕРЬЕ. Область объёмного пространства, непосредственно примыкающая к плоскостному миру. Это место смены времени.

ОВИСТЫ. Биологи, считавшие, что в яйцеклетке находится цельный организм в свёрнутом виде. Сперматозоид якобы даёт команду к началу роста, и дальнейшее развитие сводится лишь к изменению габаритов.

ПРЕФОРМАЦИЯ. Течение в биологии, объединяющее овистов и креационистов. Суть: зародыш в готовом виде находится или в яйцеклетке (овисты), или в сперматозоиде. Предположить иное мешал догмат творения, при котором требовался почти мгновенный акт лепки цельного организма.

ПРОСТАТЭКТОМИЯ. Операция удаления предстательной железы. Больной после операции остаётся инвалидом с осложнённым обслуживанием тела, полной импотенцией и повышенной восприимчивостью к болезням.

РАВНОЕ-ЭКВИВАЛЕНТНОЕ. Полное совпадение объектов по всем параметрам или, если такое неосуществимо, частичное совмещение, тогда все объекты окажутся эквивалентными лишь по некоторым из них.

РАНЖИРОВКА. Размещение объектов по мере важности, упорядочение.

РЕКУРРЕНТНОЕ СООТНОШЕНИЕ. Упрощённая формула, позволяющая вычислить приближённое численное значение уравнения.

СЕПТОН. Компактное семимерное пространственное образование, движущими силами которого являются конфликт и время, организующие развитие сознания людского типа. В него входят 2677 миров разной мерности.

СОИТИЕ. Половая близость. Генитальный контакт разнополых существ.

СОПРОС. Мир шести пространственных координат, старший мир септона.

ТЕСТОВАЯ СИТУАЦИЯ. Проба, испытание, исследование. Контрольная задача на соответствие на претендуемое положение.

УЕДИНЁННЫЙ ОБЪЕКТ. Тот, который не имеет никаких связей ни с каким другим объектом, где бы он ни находился. Всякое его движение происходит только за счёт внутренней потенции. Замкнутость на самого себя.

УСТРОЙСТВО. Объект, созданный персоной стихии времени. Не имеет сознания. Позволяет дополнить возможности собственной формы.

ФОЛЛИКУЛЯРНЫЙ. Гормональная недостаточность, вызывающая нарушение спермогенеза, созревания семени и половых функций.

ХРОНИЧЕСКИЙ. Затяжной или периодически возобновляющийся. Длительный, непрекращающийся, постоянный.

ЦЕНТРИОЛИ. Несущие структуры животных и растительных клеток.

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ. Мировоззрение, отображающее изменчивость всего, что есть. Учитывает связь среды обитания, условия бытия и развития.

ЭМПИРИКА. Познание мира посредством опыта, основанного на естественных чувствах человека, без применения устройств.

ЭНТОМОЛОГИЯ. Раздел зоологии, изучающий насекомых.

ЭПИГЕНЕЗ. Воззрение на зародышевый этап развития, как на развёртывание молекулярных и органных превращений.

ЭЯКУЛЯТ. Семенной продукт самца после истечения из полового члена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскин Л. М. Законы стада. М. Знание. 1971. 48 с.
2. Баскин Л. М. Поведение копытных животных. М. Наука. 1976. 296 с.
3. Батлер А. Компьютер бронзового века. М. ЭКСМО, 2005. 270 с.
4. Берестецкий В. Б. и др. Квантовая электродинамика. М. Физматлит. 2002. 720 с.
5. Блаватская Е. Разоблачённая Изида. Тайная Доктрина. Сталкер. 1997. В 8 томах.
6. Варакин А., Зданович Л. Тайны исчезнув. цивил. М. РИПОЛ классик. 2000. 480 с.
7. Васильченко Г. С. и др. Сексопатология. М. Медицина. 1990. 576 с.
8. Вернадский В. И. Живое вещество. М. Наука. 1978. 358 с.
9. Виндельбанд В. Платон. К. ЗВУ, 1993. 176 с.
10. Гайсинович А. Е. Вольф и учение о развитии организмов. М. 1961.
11. Гален К. О назначении частей человеческого тела. М. Медицина. 1971. 555 с.
12. Гиппократ. Избранные книги. Гос. издат. биолитературы. 1936. 736 с.
13. Головин С. Эволюция мифа. М. Паломник. 1999. 143 с.
14. Дарвин Ч. Проис. чел. и полов. отбор. О выраж. ощущ. Скороходовой. 1896. 650 с.
15. Дьюсберн Д. Поведение животных. М. Мир. 1961. 480 с.
16. Захаров А. А. Муравей, семья, колония. М. Наука. 1978. 144 с.
17. Иванов А. В. Пауки. Ленингр. Университет. 1965. 303 с.
18. Кант Э. Сочинения в шести томах. М. 1963 – 1966.
19. Кэри У. В поисках закономерн. развития Земли и Вселенной. М. Мир. 1991. 447 с.
20. Лаптев Б. Л. Геом. Лобачевского, её история и значение. М. Знание. 1976. 53 с.
21. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. Т. 1 – 2. С – Пб. 1868.
22. Мантек Ч., Винн М. Соверш. мужской секс. энергии. К. София ЛТД. 1999. 352 с.
23. Медицинская энциклопедия. Под ред. Шабанова А.Н. М. Сов. Энциклоп. 1972.
24. Меннинг О. Поведение животных. М. Мир. 1982. 360 с.
25. Мильман Л. Я. Импотенция. Л. Медицина. 1972. 263 с.
26. Мулдашев Э. От кого мы произ.? Мир сложнее, чем мы думаем. АиФ Нева.
27. Новиков В. И. Высоцкий. Мол. Гвард. ЖЗЛ. 512 с.
28. Проскуряков В. М. Парацельс. М. 1935.
29. Паули В. Общие принципы волновой механики. М – Л. ОГИЗ. 1947. 332 с.
30. Понтрягин Л. С. Обыкновенные дифференциальные уравнения. Наука. 1970.
31. Пытель Ю. А., Золоторёв И. И. Неотложная урология. М. Медиц. 1985. 320 с.
32. Рудой А. И. Миры. К. Освита Украины. 2010. 372 с.
33. Рудой А. И. Мужчина. К. Пульсары. 2002. 391 с.
34. Рудой А. И. Крейсер. К. Задруга. 2000. 256 с.
35. Сборник. Поведение жив. и человека: сход. и различие. Пушино. 1989. 223 с.
36. Скороходова О. И. Как я воспр., предст. и поним. окр. мир. М. Педаг. 1972. 448 с.
37. Смолич Ю. К. Ревёт и стонет Днепр широкий.
38. Такжин Н. В. Левенгук. Его жизнь и деятельность. Л. 1946.
39. Терновский В.Н. Андрей Везалий. М. Наука. 1965. 256 с.
40. Тыщенко В. П. Основы физиологии насекомых. Л. 1976.
41. Фридман Э. П. Приматы. М. Наука. 1979. 216 с.
42. Фролов И. Т. О причинности и целесообразности в живой природе. М. 1961.
43. Халифман И. Муравьи. М. Мол. Гвардия. 1963. 290 с.
44. Чернышёв А. Н. Аристотель. М. Мысль. 1981. 200 с.
45. Шаров А. С., Новиков И. Д. Чел., открыв. взрыв вселен. М. Наука. 1989. 205 с.
46. Штекли А. Галилей. М. ЦК ВЛКСМ, 1972. 384 с.
47. Эйнштейн А. Физика и реальность. М. Наука. 1965. 359 с.
48. Энгельгард М. А. Уильям Гарвей. Его жизнь и научн. деятельность.
49. Юнда Н. Ф. Болезнь мужских половых органов. К. Здоровье. 1989. 248 с.
50. Ямвлих. Жизнь Пифагора. М. АЛТЕЙА – нов. Акрополь. 1998. 348 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторах	3
Своё тело	5
Осознание себя	14
Единство составных частей	34
Соответствие	50
Фактическое тело	58
Организм	108
Рисунки	214
Совокупительные свойства тела	220
Репродуктивная ритмика	273
Смотри на себя	296
Вольный ум	314
Малый ум	322
Словарь	324
Литература	326

Научно-популярное издание

РУДОЙ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

НЕБОЛЕНИЕ

Серия: ПУЧИНА ЛЮДСКАЯ

На русском языке

В авторской редакции

Видавництво «Освіта України»,
04214, м. Київ, вул. Героїв Дніпра, 63, к. 40

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців
ДК № 1957 від 27.09.2004 р.

Тел./факс (044) 411-43-97, 228-81-29, 237-59-92
E-mail: osvita2005@gmail.com; www.rambook.ru

Підписано до друку 22.08.2011. Формат 60х84/16
Ум. друк. арк. 38,13. Обл. вид. арк. 36,08. Наклад 100.

Видавництво «Кафедра»

запрошує авторів до співпраці з випуску видань, що стосуються питань з управління, модернізації, інноваційних процесів, технологій, методичних і методологічних аспектів освіти та навчального процесу у вищих навчальних закладах. Надаємо усі види видавничих та поліграфічних послуг.

Отзывы по адресу: 03035, г. Киев, 35, Анатолий РУДОЙ
ДО ВОССТРЕБОВАНИЯ